

ISSN 2712-8407

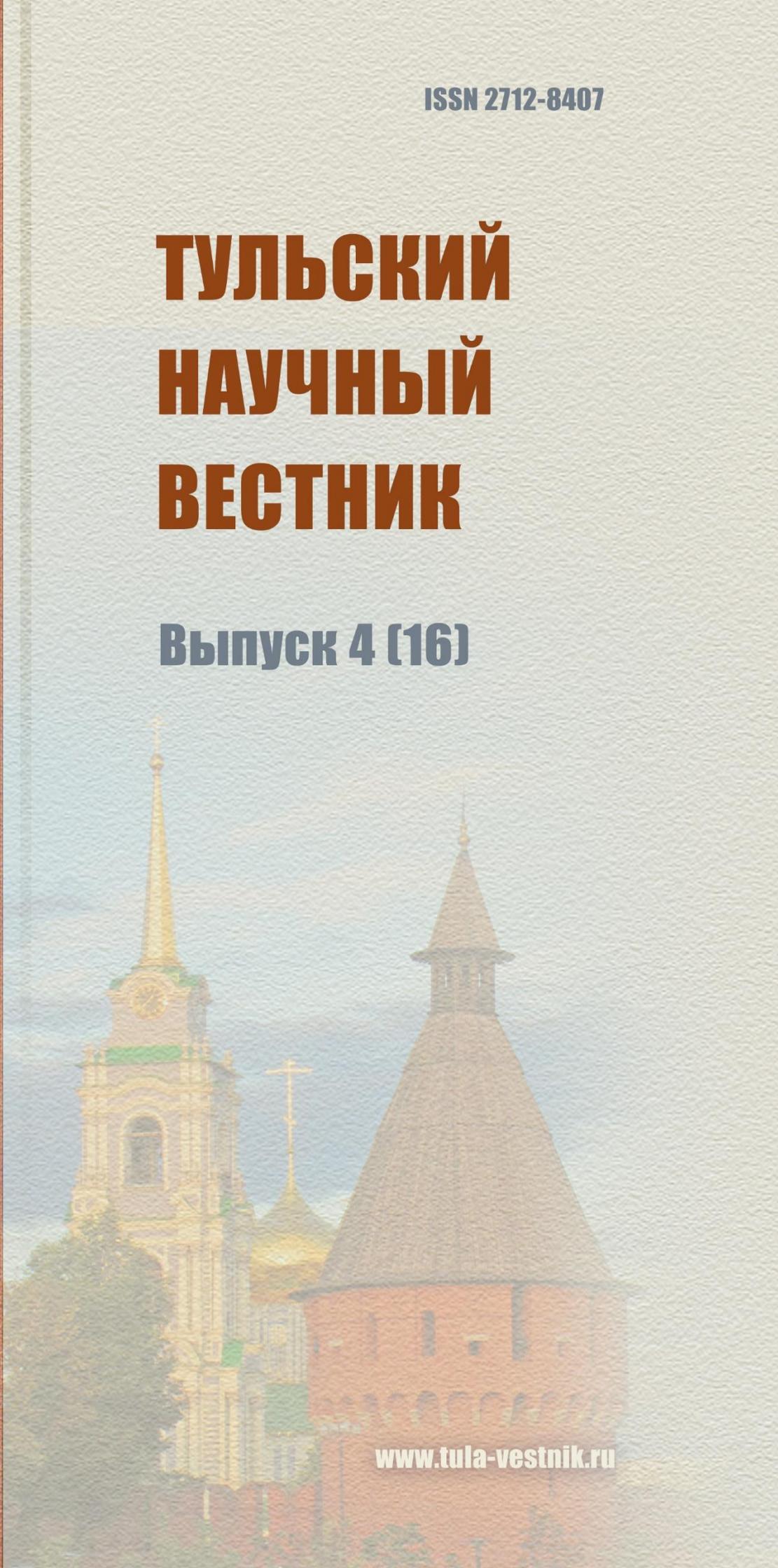
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 4 (16)

2023

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 4 (16)

**Тула
2023**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 4 (16)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-4

Дата выхода в свет: 30.12.2023 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора** –
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2023
© Авторы статей, 2023

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

Издатель:
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».
Адрес издателя:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Политическая история

Гиззатов С. М., Омеуов Н. Н. Роль Тауке-хана в урегулировании казахско-калмыцких отношений в конце XVII – начале XVIII в. **8**

Папилин Г. А. Август 1917 и август 1991: скрытые механизмы смены политической власти в России **22**

Военная история

Клейменов А. А. О предпосылках появления передовых компонентов македонской тактики эпохи Филиппа II и Александра Великого **34**

Володина Т. А. Почем фунт шпицрутенов? Наказания в русской армии XVIII – начала XIX в. **47**

Юдин С. С. Ошибка интенданта: дело Затлера и реформы после Крымской войны **64**

История народов России

Мартынова Е. П. Княжества и князя обских угров через призму политогенеза **73**

Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы ХМАО-Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX – XXI вв. **87**

История Тульского края

Секенова О. И. История Тульского края в трудах историка и педагога Е. Н. Щепкиной (1854 – 1938) **111**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Косар Салими Абдолмалеки. Образы Персии в русской фразеологии **121**

Кошарная С. А., Кириченко Ю. С. Народно-разговорная стихия как доминанта идиостиля Игоря Григорьева (на материале поэмы «Обитель») **129**

Красовская Н. А. Лингвистическая база модели подготовки преподавателя русского как иностранного в инославянском окружении **141**

Леонова Ю. Ю. Лексические и стилистические особенности челобитных **151**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 4 (16)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-4

- Никитичев И. Г.* Воздействующий потенциал деривативных дискурсивных маркеров в академическом дискурсе (на примере английского языка) **160**
- Огольцева Е. В.* Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений в русском языке **170**
- Сафонова Т. В.* Система образных средств в романе И. С. Шмелева «Солнце Мертвых»: лингвопоэтический анализ **190**
- Фирсова М. А.* Стилистические пометы как маркер «агрессивности» номинаций человека **200**
- Хомякова Е. С.* Этнокультурные составляющие концепта 'сад' в индивидуально-авторском преломлении **209**

РЕЦЕНЗИИ

- Самарцева Е. И.* На стороне достоверности. О книге С. П. Горюшкина «Люди земли Алексинской. Именной алфавитный список жителей города Алексина и Алексинского уезда конца XVIII – начала XX в.» **216**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 4 (16)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-4

Released on December 30, 2023

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2023

© Authors of articles, 2023

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Political History

Gizzatov S. M., Oteuov N. N., The Role of Tauke-Khan in the Settlement of Kazakh-Kalmyk Relations in the late 17th – early 18th Centuries **8**

Papilin G. A. August 1917 and August 1991: Hidden Mechanisms of Political Power Change in Russia **22**

Military History

Klymeonov A. A. On the Reasons for the Emergence of Advanced Components of Macedonian Tactics of Philip II and Alexander the Great Era **34**

Volodina T. A. How Much is a Pound of Gauntlets? Punishments in the Russian Army of the 18th – early 19th Centuries **47**

Yudin S. S. The Intendant's Mistake: the Zatler Case and Reforms after the Crimean War **64**

The History of the Peoples of Russia

Martynova E. P. Principalities and Princes of the Ob Ugrians Through the Prism of Politogenesis **73**

Pivneva E. A. Indigenous Small Peoples of Khanty-Mansiysk Autonomous District–Yugra in the Mirror of Nation Censuses of Russia (20th – 21st Centuries) **87**

The History of the Tula Region

Sekenova O. I. History of the Tula Region in the Works of Historian and Teacher E. N. Shchepkina (1854 – 1938) **111**

LINGUISTICS

Kosar Salimi Abdolmaleki. Images of Persia in Russian Phraseology **121**

Kosharnaya S. A., Kirichenko Yu. S. Dialectal and Folklore Elements as a Dominants of Igor Grigoriev's Individual Style (Based on «The Abode») **129**

Krasovskaya N. A. Linguistic Basis of the Model for Training a Teacher of Russian as a Foreign Language in a Foreign Slavic Environment **141**

Leonova Yu. Yu. Lexical and Stylistic Features of Petitions **151**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Issue 4 (16)

DOI 10.22405/2712-8407-2023-4

Nikitichev I. G. Word Formation Potential of Discourse Markers in Bilingual Academic Discourse: The Case of English **160**

Ogoltseva E. V. Structural-comparative Variants of Fixed Similes in the Russian Language **170**

Safonova T. V. Expressive Means System in the "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev: Linguopoetic Analysis **190**

Firsova M. A. Status Label as a Marker of the Person Nominations «Aggressiveness» **200**

Khomyakova E. S. Ethnocultural Components of the 'Garden' Concept in the Author-individual Interpretation **209**

REVIEWS

Samartseva E. I. On the Side of Veracity. About "People of the Aleksin Land. Alphabetic List of Aleksin and Aleksinskiy District Residents' Names of the late 18th – early 20th Centuries" by S. P. Goryushkin' **216**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

РОЛЬ ТАУКЕ-ХАНА В УРЕГУЛИРОВАНИИ КАЗАХСКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.

**Саялбек Махамбетович
Гиззатов¹**

**Нурсултан Наурызгалиевич
Отеуов²**

¹ Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан, sayalbek@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9784-1812>

² Общеобразовательная школа № 37
Уральск, Казахстан, nursultan.nurik.2014@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0004-6375-5037>

Аннотация. Целью статьи является исследование особенностей дипломатии казахского хана Тауке (1630 – 1715 гг.) в отношении калмыков и Джунгарского ханства. В предлагаемой научной работе проанализирован исторический период времени начиная с конца XVI столетия, когда казахским ханом становится Есим, дед будущего всеказахского хана Тауке, и заканчивая началом XVIII в. Это время для Казахского ханства и его родоплеменных союзов было сложным, неоднозначным в отношениях с калмыками и джунгарами. На основе анализа сведений, почерпнутых из архивных источников (дипломатической переписки, грамот, донесений и др.), предпринята попытка обобщения данных по проблеме исследования, в процессе которого авторы приходят к заключению о том, что в казахско-калмыцкий вопрос хан Тауке внёс свои коррективы, но вместе с тем он опирался на традицию, установленную ещё его предшественниками. Главным двигателем дипломатии хана Тауке стала забота о защите своих территорий, о сохранении независимости и целостности Казахского ханства от внешних врагов, претендовавших на традиционные территории казахских кочевий, торговые центры, караванные пути.

В ходе исследования в научный оборот были введены ценные архивные документы, историко-литературные памятники (грамоты, письма, предания и т. п.), а также исторические и этнографические материалы казахстанских и зарубежных исследователей. Поэтому научная новизна работы заключается в том, что в ней обобщены и проанализированы не только новые материалы, но и имеющиеся в распоряжении современного исследователя данные, касающиеся содержания и направленности дипломатической модели хана Тауке, которую он последовательно применял в отношении калмыцких и джунгарских властителей.

Ключевые слова: Казахское ханство, хан Тауке, калмыки, джунгары, Джунгарское ханство, дипломатические отношения.

Для цитирования: Гиззатов С. М., Отеуов Н. Н. Роль Тауке-хана в урегулировании казахско-калмыцких отношений в конце XVII – начале XVIII в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 8–21. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-8-21>

Сведения об авторах: С. М. Гиззатов – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Национальный музей Республики Казахстан, 010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54;
Н. Н. Отеуов – магистр юридических наук, педагог-профориентатор, Общеобразовательная школа № 37, 090000, Казахстан, Западно-Казахстанская область, г. Уральск, ул. Самал, 72.

Scientific Article

UDC 94(574)+94(47).05

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-8-21>

THE ROLE OF TAUKE-KHAN IN THE SETTLEMENT OF KAZAKH-KALMYK RELATIONS IN THE LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURIES

*Sayalbek M. Gizzatov*¹

*Nursultan N. Oteuov*²

¹ National Museum of the Republic of Kazakhstan

Astana, Kazakhstan, sayalbek@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9784-1812>

² Secondary school No. 37

Uralsk, Kazakhstan, nursultan.nurik.2014@inbox.ru

<https://orcid.org/0009-0004-6375-5037>

Abstract. The purpose of the article is to study the peculiarities of the diplomacy of the Kazakh Khan Tauke (1630 – 1715) in relation to the Kalmyks and the Dzungarian Khanate. The authors analyze the historical period of time starting from the end of the 16th century, when Yesim, the grandfather of the future all-Kazakh khan Tauke, becomes the Kazakh khan, and ending with the beginning of the 18th century. It was a difficult time for the Kazakh Khanate and its tribal unions and ambiguous in terms of relations with the Kalmyks and Dzungars. Based on the analysis of information gleaned from archival sources (diplomatic correspondence, letters, reports, etc.) the authors make an attempt to generalize the data on the problem of the study. As a result, the article concludes that Khan Tauke made his own adjustments to the Kazakh-Kalmyk question, but at the same time, he relied on the tradition established by his predecessors. The main engine for Khan Tauke's diplomacy was the concern to protect his territories, to preserve the independence and integrity of the Kazakh Khanate from external enemies who claimed the traditional territories of Kazakh nomads, trade centers, and caravan routes.

In the course of the study, the authors introduce valuable archival documents, historical and literary monuments (diplomas, letters, legends, etc.), as well as historical and ethnographic materials of Kazakhstani and foreign researchers for scientific use. Therefore, the scientific novelty of the work lies in the fact that it summarizes and analyzes not only new materials, but also the data available to the modern researcher concerning the content and orientation of the diplomatic model of Khan Tauke, which he consistently applied to the Kalmyk and Dzungarian rulers.

Keywords: Kazakh Khanate, khan Tauke, Kalmyks, Dzungars, Dzungarian Khanate, diplomatic relations.

For citation: Gizzatov, SM & Oteuov, NN 2023, 'The Role of Tauke-Khan in the Settlement of Kazakh-Kalmyk Relations in the late 17th – early 18th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 8–21, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-8-21> (in Russ.)

Information about the Authors: *Sayalbek M. Gizzatov* – PhD in Historical Sciences, Academic Secretary, National Museum of the Republic of Kazakhstan, 54 Tauelsizdik Ave., Astana, 010000, Kazakhstan;
Nursultan N. Oteuov – Master of Sciences in Jurisprudence, Career guidance teacher Secondary school No. 37, 72 Samal Str., Uralsk, West Kazakhstan region, 090000, Kazakhstan.

Введение

На годы правления казахского хана Тауке (1680 – 1715 гг.) выпал один из наиболее напряжённых периодов в отношениях казахов не только с калмыками, но и с другими соседствующими народами. Но и до начала его правления – весь XVII в. – в казахско-калмыцких отношениях военный вектор явно преобладал над дипломатическим. И именно казахско-калмыцкие дипломатические связи этой беспокойной эпохи до сих пор остаются мало исследованными ввиду скудости исторических, архивных свидетельств. Более того, казахская историография до сих пор не располагает исследованиями в области национальной дипломатии Древних и Средних веков. В распоряжении учёных лишь работы, посвящённые отношениям России, Китая, правителей Джунгарского ханства, ойратов-калмыков с ханами и султанами казахских жузов как родоплеменных союзов (Н. Я. Бичурин, В. В. Бартольд, А. И. Левшин, И. Я. Златкин, Н. И. Веселовский, И. Э. Фишер и др.).

Напомним, что джунгарами (зюнгарами) в монгольских источниках называли ойратов, в мусульманских источниках – это олоты (элюты). Монгольское слово «джунгар» – не этноним, а лишь обозначает левую сторону, левую руку. В своё время это было левое крыло войск Чингис-хана, а позднее любое монгольское владение имело свой «джунгар», т. е. «левую руку» [1]. В XVII – XVIII вв. джунгары жили на территории Джунгарии, Тарбагатай и Семиречья. В русской исторической литературе они назывались зюнгарскими калмыками и ойратами. Современная историческая наука называет их ойратами (волжскими калмыками). Основную часть Калмыцкого ханства основали племена торгутов (торгуты), дербетов, хошоудов. Джунгарское ханство составили четыре крупных ойратских племенных объединения чоросов, хошутов, дербетов и хойотов. С конца XVI в. они существовали под предводительством торгутского тайши Хо-Урлюка (? – 4.01.1644) сначала на Южном Урале, а позднее – в низовьях Волги и Урала. Тайши Хо-Урлюк в 1633 году основал Калмыцкое ханство (ныне территория Республики Калмыкия Российской Федерации и западная часть территории Казахстана).

Немаловажно подчеркнуть, что одним из «камней преткновения» в казахско-калмыцких отношениях был территориальный вопрос. Дело в том, что ойраты претендовали на такие этнические территории казахов, как часть Дашт-и-Кипчака (пространство от Иртыша, Улутау и Сырдарьи, делившиеся на западное и восточное, примерной границей которых была р. Урал) и Туркестана (земли вдоль Средней и Нижней Сырдарьи и Каратау – район Южного Казахстана и Семиречья).

Современный историк, обращаясь к проблеме содержания внешнеполитических и дипломатических отношений казахских правителей в рассматриваемый период, вынужден опираться преимущественно на сведения, почерпнутые из российско-калмыцких архивов: дипломатической переписки, отчётов и рапортов русских послов, купцов, чиновников, отмечавших постоянную нестабильность взаимоотношений ханов и султанов казахских жузов как родоплеменных союзов с калмыцкими правителями.

Таким образом, документальные свидетельства и научная информация по рассматриваемой проблеме практически отсутствуют. Внимание исследователей периода правления всеказахского хана Тауке по преимуществу сосредоточено на описании и толковании его кодекса законов «Жеты Жаргы» («Семь Установлений»). Однако в народной памяти до сих пор живёт воспоминание о нём как об одном из дальновидных, осторожных устроителей жизни казахов, когда, по сохранившемуся в народной памяти выражению, «на спинах овец жаворонки вили гнезда». Как представляется, такую оценку хан Тауке получил не только за свою правоведческую деятельность, но и за стремление обеспечить казахам спокойную, мирную жизнь, снизить опасность внешних угроз, исходящую в том числе от калмыков и джунгар.

С целью максимально объективной оценки дипломатической модели хана Тауке, выстроенной им в отношении волжских калмыков и Джунгарского ханства в рассматриваемый временной промежуток, было необходимо вернуться в более раннюю эпоху, в годы правления его деда – хана Есима и его отца – хана Жангира. Именно их стратегия и тактика легли в основу дипломатии хана Тауке. Но этот правитель дополнил их и собственным видением проблемы, в результате чего и были сформированы противоречивые, неоднозначные подходы к решению «казахско-калмыцкого вопроса».

Методы и материалы.

В исследовании применялся историко-системный подход к рассматриваемым явлениям и событиям определённой исторической эпохи с использованием историко-сравнительного, диахронного, нарративного методов.

Базовыми материалами исследования послужили архивные материалы из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Омского областного государственного архива Российской Федерации (ООГА РФ), Астраханского областного государственного архива Российской Федерации (АОГА РФ), а также архивные материалы, размещённые в сборнике «История Казахстана в русских источниках» [7], сборники документов по истории русско-монгольских отношений [12], по истории казахских ханств XV – XVIII вв. [11]. Фактологический материал, касающийся казахско-джунгарских отношений, содержится в известном и практически единственном исследовании такого характера – монографии И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства 1635 – 1758 гг.» [6]. Большое значение для характеристики деятельности хана Тауке, его личности имеет труд А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» [10], а также работы казахстанских историков М. Тынышпаева [15], Н. А. Атыгаева [1], И. М. Козыбаева [9], Ж. М. Сабитова [14].

Результаты

Доступные ныне источники свидетельствуют о чрезвычайно сложном внешне-неполитическом положении Казахского ханства уже с начала XVII в. Эпоха правления хана Тауке (1680 – 1715 гг.) (Тявка – в интерпретации русских источников; Таваккул-Мухаммад-батыр-хан – имя на личной печати), казахского хана (после 1651), несла в себе все проблемы, противоречия и политические устремления его предшественников – отца (хана Жангира) и деда (хана Есима / Ишима). Основной политический вектор (дипломатический и военный) казахских правителей был направлен в этот период в первую очередь в сторону приволжских калмыков и джунгар.

Есим (Ишим), став казахским ханом в 1598 г., правил в последующее пятилетие и в 1627–1628 гг. Это были годы нарастающего противостояния Казахской Степи и ойратов. Российский историк И. Э. Фишер (Фишер, 1774) говорит о хане Есиме в «Сибирской истории» в связи с его совместным с сыном Жангиром военным противостоянием джунгарскому хунтайджи Эрдени-Батуру, основателю и правителю Джунгарского ханства [17, 1774: 444; Миллер, 2005:19].

Характер казахско-калмыцких отношений далеко не всегда носил дипломатический характер, а достигнутые соглашения далеко не всегда были в пользу Казахского ханства. Волжские калмыки усиливали своё присутствие на западе, а на востоке военная опасность исходила от Джунгарского ханства. Те и другие медленно и постепенно стремились захватить территории, находившиеся в сфере влияния казахских владетелей, оказавшись неким буфером между ними и Россией. Справедливости ради следует отметить, что были и периоды перемирия, даже такие, когда часть калмыков подчинялась временно власти казахских ханов. В частности, за три года до начала правления Есима посол казахского хана Тевкекеля Кулмагамбет, бывший в посольстве в Москве в начале 1595 г., говорил: «Ныне... Тевкел-царевич –

царь учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шах-Магометя-царевича посадил на колмаках». И в жалованной грамоте хану Теввекелю (март 1595 г.) царя Фёдора Иоанновича говорится об этом же: «Присылал еси к нашему царскому величеству человека своего Кулмагамбетя з грамотою, а в грамоте своей ... писал еси... учинился еси царём на двух ордах на Казатцкой да на Калмытцкой. И нам бы, великому государю... тебя пожаловати, приняти под свою царскую руку с обеими вашими ордами...» [16, л. 8].

Наличие этих документов свидетельствует о существовании дипломатических связей между казахским ханом Теввекелем и калмыцкими властителями. Но какими конкретно властителями – не ясно. Причём ряд исследователей, в том числе И. Я. Златкин, вообще подвергает сомнению факт отражения в них исторической действительности, а именно самой возможности подчинения всех калмыков кому-либо из казахских правителей. Автор апеллирует к различным известным источникам – монгольским, китайским, русским и тюркоязычным, в которых какая-либо информация по поводу событий, переданных Кулмагамбетом и в царской грамоте, отсутствует. «Во всяком случае, – пишет автор, – следует решительно отвергнуть предположение о признании этой власти всеми ойратскими правителями. Речь может идти лишь о том, что в начале 90-х годов XVI в. одно или несколько ойратских княжеств, кочевья которых соприкасались с казахскими, в результате военного положения оказало(и)сь вынужденным(и) признать власть хана казахов и в течение некоторого, вероятно, непродолжительного, времени служить ему. ...Временными подданными казахов могли быть торгоутские или дэрбэтские князья» [6, с. 336].

Однако, подчеркнём ещё раз, события, о которых говорится в документах, указывают хотя бы на существование попыток со стороны казахских ханов тем или иным дипломатическим образом урегулировать спорные вопросы, касающиеся прежде всего территорий кочевья, поскольку именно они и стали камнем преткновения в казахско-калмыцких отношениях на протяжении всего последующего периода до вхождения Казахстана в состав Российской империи.

С приходом к власти хунтайджи Батура и правления Есим-хана территориальные конфликты обострились, причём властители ойратов менялись, как в калейдоскопе, и даже достигнутые мирные соглашения при одном правителе могли уже ничего не значить при другом. Так, при Далай-Батуре-тайше политическая обстановка и отношения с казахскими жузами были достаточно спокойными. Об этом свидетельствуют свидетельства русского посольства Томилы Петрова и Ивана Куницына, отправленного в 1616 г. из Тобола к ойратам. Далай был дербетским тайшой – правителем крупной ойратской группировки, в которую входили тогда четыре его родных брата, торгоуты под властью Хо-Урлюка и чоросы во главе с Чохуром. Давая характеристику отношениям группировки Далай с Казахской Степью, послы в донесении, в частности, пишут: «К Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли прежде всего пойманы были в полон в Колматцкую землю, и тех ныне Богатырь-тайш, сыскивая, отдаст им без окупу (т. е. без выкупа, бесплатно – *авт.*). А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всём Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают» [12, с. 604].

Из содержания документа следует, что в то время казахский Большой жуз поддерживал с этой группировкой ойратов вполне добрососедские отношения, хотя они и не были паритетными: казахские феодалы подчинялись ойратам, но это подчинение носило достаточно условный характер и не исключало набегов и лёгких военных стычек с захватом пленных и угоном скота. Ойраты в это время не спешили

кочевать на Волгу, Хо-Урлюк пока молчал, и Младшего жуза всё это никак не касалось.

Но Есим-хан успел поучаствовать в конфликте между ойратами, возглавленными Хара-Хулой и Алтын-ханом. Вернее, он воспользовался этим конфликтом в своих интересах, чтобы напасть на ойратские улусы, о чём пишет толмач Пятунька Семёнов на основе сообщения, полученного в Уфе в октябре 1620 г. от людей, вернувшихся от ойратов: «Слышал де он у калмацких людей, что приходил на них в прошлом году Казачьей орды Ишим-царь...» [12, с. 271]. В монографии И. Я. Златкина со ссылкой на русские дипломатические документы приводятся сведения об этом же, сообщённые башкирами, возвратившимися в 1620 г. из Уфы, которые сообщали, что «колмацким тайчам учинилась теснота великая от Казачьи орды от Ишима-царя; побил де у них многих людей...» [6, с. 336].

Однако язык дипломатии, по крайней мере, до смерти Есим-хана в 1628 г., был всё же более убедительным в казахско-калмыцких и казахско-джунгарских контактах. В посольских материалах Русского государства (XVI – XVII вв.) имеются сведения о дипломатических связях между казахами и ойратами-калмыками.

Целью казахского посольства стали переговоры о выкупе захваченных ойратами пленных после недавних сражений.

В 1625 г. посланный к калмыцкому Талай-тайше Якунько Буголаков свидетельствовал: «... Зимою приходили из Бухар от Турсун царя да из Казачьи Орды от Ишима царя послы о миру и меж себя с Талай тайшею шертовали, что быть меж ими миру» [7, с. 456].

О существовании мирных соглашений между Старшим жузом и джунгарами пишет и А. И. Левшин: «В 1642 г. зюнгарский владелец Батур, или Богатур, при переговорах с русскими посланцами уже называл киргизов подданными своими, а князя их – родственником и ссылался на заключённый с ними за несколько лет перед тем договор». [10, с. 139]. Зюнгарский владелец Батур здесь – Эрдени Батур-хунтйаджи (ум. 1654), правитель Джунгарского ханства. И это имя имеет непосредственное отношение к политике и дипломатии Есима и Жангира, результаты которой наследовал хан Тауке. Внутренняя и внешняя политика Эрдени Батура была направлена на укрепление Джунгарского ханства. Интересы его более лежали в сфере войны, нежели мира. В период его правления было совершено несколько завоевательных походов против казахов. В частности, ещё при Есиме в 1635 г. он вступил в войну с ними, а сын Есима Жангир возглавил казахское войско, но поход был неудачным, и Жангир оказался в плену, о чём есть упоминание в «Сибирской истории» И. Э. Фишера [4]. Каким образом Жангиру удалось освободиться из плена: были ли применены средства дипломатии, или он просто сумел бежать, неизвестно. Во всяком случае, А. И. Левшин пишет об этом так: «Возвратив себе каким-то случаем свободу, он решил мстить зюнгарам и непрерывно тревожил их набегами» [10, с. 160]. Таким образом, политика Жангира мало предполагала установление последовательных и, насколько было возможно тогда, крепких дипломатических отношений с калмыками. В свою очередь и джунгарам на некоторое время после смерти Эрдени Батура стали безразличны проблемы войны и мира, поскольку Джунгарское ханство было охвачено смутами, хотя пришедший к власти после смерти Эрдени Батура хунтайши Галдан-Бошоктау (1670 – 1697) стремился не только усилить внутреннюю власть в Джунгарии, но и продолжать захватнические стратегии за её пределами.

Какими-либо сведениями о казахско-калмыцких отношениях в этот период современная историческая наука не располагает. Что же касается того договора между Старшим жузом и джунгарами, о котором говорит А. И. Левшин, то, скорее всего, он носил локальный характер: как договор между улусными ханами и джунгарами, а не всего Старшего жуза. Число этих договоров не поддаётся сколько-нибудь

точному подсчёту, что определялось в то время общим настроением казахских улусных ханов, султанов и воинов в их подчинении какой-либо внешней власти. А. И Левшин так характеризует качество и характер отношений, традиционно сложившихся у казахов во внешнеполитической среде: «Частые нападения на военные линии наши, отгоны лошадей, увлечения в плен людей, разграбления караванов, сражения с нашими отрядами и множество подобных происшествий показывают, какое понятие имеют киргизы о подданстве своём России. *Так же поступают они и с другими соседственными державами, которые называют их подданными своими, применяя подчинённость свою по обстоятельствам*» [10, с. 362]. Те отношения, сложившиеся между подчиняющими и подчинёнными, мало предполагали хотя бы какую-то систему во внешнеполитических, в том числе дипломатических, связях. Внешние контакты, как пишет об этом автор, были весьма разнообразными и не всегда мирными. Само их содержание свидетельствует о насыщенности, динамичности, противоречивости отношений и устремлений казахских правителей со своими территориальными соседями, что неоднократно подчёркивается в современных исследованиях [1, 9, 14].

Первенство в попытке преодолеть хаотичность и непредсказуемость контактов казахов с внешним миром по праву принадлежит хану Тауке (1635 – 1715 гг.), имя которого как независимого правителя появляется в источниках 80-х годов XVIII в. Известный российский дипломат-востоковед и современник хана Тауке А. Тевкелев говорил о нём: «Тевке-хан был человек умный и у киргисцов в великом почтении» [21]. А. И. Левшин в своей монографии пишет по поводу хана Тауке: «При имени сем сердце всякого киргиз-казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это дракон орд казачьих» [10, с. 278]. На первый взгляд, столь романтизированная эмоциональная характеристика имеет под собой реальные основания. Слова автора по поводу того, что истинное значение и вклад хана Тауке понятны только тем его соотечественникам, которые были способны оценить всё, что он сделал, весьма точно передаёт смысл всей политики его как хана Младшего жуза, а позднее и всеказахского хана – в беспокойную для его народа эпоху второй половины XVII в. Этот правитель был более дипломатом, правоустроителем, администратором, хотя не избегал и военных действий. Не случайно в народе его прозвали Аз Тауке – мудрый, справедливый. И столь же не случайно у казахов сохранилось воспоминание о времени его правления как об одном из наиболее благоприятных периодов казахской истории. А. И Левшин пишет: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие» [10, с. 165].

Сравнение хана Тауке с Ликургом – легендарным спартанским законодателем, которому греческие авторы приписывают создание институтов общества Древней Спарты и государственного устройства, – также не дань романтике. Именно ему принадлежит авторство первого казахского обобщённого свода законов «Жеты Жаргы», который определил основные принципы устройства и управления не только в Младшем жузе, возглавленном им после 1651 г., но и на всех казахских территориях и всех жузах. Он действительно стал «драконом» для казахов в том смысле, что видел для себя четыре задачи: внешней защиты казахских территорий от посягательств на них джунгар, строгого правового внутреннего регламента правления, консолидации общества и централизации власти.

Безусловно, в тот период непрекращающихся внешних столкновений казахских жузов с джунгарами и ойратами-калмыками и внутренних – ханов и султанов жузов между собой такой, как бы мы сейчас сказали, вектор политики Тауке-хана был понятен и разделяем далеко не каждым. Хану Тауке регулярно нужно было быть

не только «внешним», но и «внутренним» дипломатом, разрешая споры, постоянно возникавшие между многочисленными представителями «белой кости». Достаточно сказать, что свод его законов как первоосновы порядка в казахских жузах принимался далеко не всеми. Так, по свидетельству того же А. И. Левшина, «киргизы Большой и Средней орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки» [10, с. 367].

Продолжая характеристику хана Тауке и его правления, А. И. Левшин отмечает наиболее яркие черты хана Тауке как дальновидного политика и дипломата: «Он успокоил их (казахов – *авт.*) после гибельных междоусобий; он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племён с другими, он убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе, он соединил слабые роды для сопротивления сильным, а сильные усмирил и дал всем всеобщие законы, по которым судил их и которые донныне живут в памяти благоразумнейших киргизов...». [10, с. 165]. Характеризуя «золотой век» хана Тауке, автор видит этого правителя как своего рода гения, который «в летописях казахских должен стоять с солонями и ликургами», в том числе и потому, что, «усмирив волновавшиеся долго роды и поколения, он не только ввёл в них устройство, порядок, но и дал им многие законы» [10, с. 165].

Осуществить эти внутренние реформы было бы вряд ли возможно, опираясь лишь на грубую силу и не используя рычаги дипломатии – переговоры и убеждение ханов и султанов, в первую очередь Среднего и Старшего жузов, которые более всего и сопротивлялись этим реформам, убеждённые, что «народные законы их гораздо древнее хана Тявки» [14, с. 123–124]. Осуществляя реформу казахской правовой системы, хан Тауке не рассматривал её лишь как регулятор внутренней политики, видя в правовых нормах один из механизмов консолидации казахских государственных структур во внешнеполитических отношениях. При помощи свода законов и на основе этих законов укреплялись общественные устои, хозяйственно-политические связи между тремя жузами, преодолевались разногласия между их правителями, мобилизовались силы для военных операций против калмыков. Роль ханского Совета и Совета биев была поднята и упрочена, что придало этим правовым институтам устойчивость на основе базовых законов, единых для всех.

Конечно, говорить об особом «дипломатическом корпусе» при хане Тауке было бы некорректно. Но им последовательно предпринимались меры для поддержания упорядоченности в системе дипломатического общения.

Российские источники содержат интересную информацию, касающуюся организации дипломатической службы при Тауке-хане. Интересны свидетельства, оставленные российскими послами в Туркестане в 1693 г. и 1694 – 1696 гг.: «А до посольства де корму Андрею (Андрей Неприпасов возглавлял посольства – *авт.*) не давано, а после посольства (т. е. после аудиенции у хана – *авт.*) давано ему, Андерю, корму 4-м человекам по грошу в день, а против денег бяземи»; «И после посольства приказал он, Тевки хан, поставить нас с Андреем Неприпасовым в одной юрте, и дано было нам корму баран да два пуда пшеницы с приезде нашего, а болши того корму ничего не давано... А которые посланцы приходят к нему, Тевки хану, из бухарских городов от тамошних владельцев, и тем посланцом, по его Тевки ханову, приказу, дают корм довольно, имеют их в чести ...»; «И после того Андрей Неприпасов вскоре бил челом об отпуске. И Тевки хан им отказал: что де ныне осенью итти нельзя: и пришли де калмыки и стоят на Сарысуе реке. И хотел их отпустить весною и с торговым корованом бухарским. И они де ему, Тевки хану, били челом о корму. И Тевки хан приказал им давать четверем человеком по осми копеек на день» [19, с. 426].

С целью обеспечения безопасности послов при их отъезде выдавались ярлыки – охранные грамоты. Посол В. Кобяков в своём донесении пишет: «И в прошлом де в

1696 году, июля в 20-й день, отпустил его, Васку с товарищи, Тевки хан тайно в Бухары и дал проезжие ерлыки» [19, с. 428–429].

Первый дипломатический опыт будущий всеказахский хан получил уже в пятнадцатилетнем возрасте, когда был отправлен отцом Жангиром посланником к Абдаллах-хану, правителю Кашгарии. Позднее, в 90-х годах XVII в. хан Тауке активно участвует во внешней политике. При этом применяются как дипломатические, так и военные средства. Вторые всё более преобладают в казахско-калмыцких отношениях, в особенности после прихода к власти Цеван-Рабдана (1697 – 1727 гг.). Военные действия Джунгарского ханства против казахов в период жизни Тауке датируются 1643, 1681 – 1684, 1698, 1711 – 1712, 1714 гг., при этом, как справедливо замечает И. Я. Златкин, этот список далеко не полный, поскольку современным историкам неизвестно об ответных действиях казахов [20, с. 341].

Ещё при Галдане джунгары переходят через р. Чу и вторгаются в Ферганскую долину. В 1683 – 1684 гг. они приходят на юг Казахского ханства и опустошают оазисы Туркестана, разрушают Сайрам [3, л. 30–39]. О неустойчивом характере мирных соглашений между ханом Тауке и калмыками свидетельствуют события весны 1698 г., которые известны нам из письма Цеван-Рабдана императору Цинской империи Сюань Е, прокомментированного И. Я. Златкиным в своей монографии. Само письмо приведено в «Истории о завоевании китайским ханом Канхией калкаского и элетского народа» в переводе И. Росохина (1750). В рамках настоящей статьи оно интересно тем, что события, передаваемые адресантом, являются весьма ярким образчиком некоторых совсем не дипломатических принципов, бывших в ходу не только у хана Тауке, а в целом типичных для восточной дипломатии того времени.

Поводом для письма стала просьба хана Тауке к Цеван-Рабдану об освобождении своего сына, взятого в плен Галданом (которого к этому времени уже не было в живых) и отправленного в Лхасу далай-ламе в подарок. Как пишет Цеван-Рабдан, Тауке обещал за это, что хан «со мною в союзе и согласии пребывать будет». Поверив хану Тауке, Цеван-Рабдан не только добился освобождения его сына, но и снарядил 500 своих людей для охраны его вплоть до ставки хана. Однако Тауке поступил вероломно и, нарушив договор, «за сии мои благодеяния вместо благодарности оных моих людей всех до последнего человека наголову побил. Потом моего подданного Урхедей-Батур-гайдзия убил и всех его людей, разграбивши, в плен к себе отвел. После сего не в долгом времени данных моих яшашных урянхайцев более ста кибиток с женами и с детьми, со всем их скотом и пожитками забрал». Кроме того, люди Тауке-хана совершили нападение на караван, с которым ехала в Джунгарию с берегов Волги невеста Цзван-Рабдана, дочь Аюка-хана. «Тако же де он, Тауке, моих купецких людей, возвращающихся с товарами из Российской земли, разграбил». Поэтому «принужден я силе силою отвращать и против них со своим войском войною итти. Я сим объявлением невинность мою изъясняю того ради, дабы ваше величество не подумали, что я к войне великую склонность имею» [6].

Комментируя это письмо, И. А. Златкин пишет: «Мы привели выдержки из письма Цзван-Рабдана не потому, что они могут оправдать джунгарского хана и обвинить казахского. У нас нет оснований верить, как в благородство и бескорыстие Цеван-Рабдана, так и Тауке. Несомненно, что оба хана имели основание обвинять друг друга» в подобных же проступках [11, с. 649].

В контексте этого же происшествия любопытен один из фрагментов «Предания о казахском хане Тауке и батыре его Алдияре», записанного со слов потомка Алдияра и приведённого известным казахстанским историком М. Тынышпаевым в «Истории казахского народа». Для переговоров с казахским ханом к Алдияру как главному батыру казаков прибыл сам калмыцкий хонтайши (хан). Алдияр и хонтайши пришли к заключению, что нужно обеим сторонам помириться и отказаться

от враждебных нападений. Алдыяр поехал к Тауке, изложил ему мнения хонтайши и его самого. Тауке не только не согласился, но решил поймать хонтайши и убить его. Напрасно Алдыяр ссылался на святость гостеприимства: Тауке остался непреклонен; тогда Алдыяр наотрез отказался выдать своего гостя, уехал от Тауке и стал готовиться к отпору нападения хана. Тауке собрал войско и напал на аул Алдыяра; последний собрал родственников, и сражение произошло около аула Алдыяра (...). С братьями Кудыяром, Избасаром, Майланом и другими родственниками Алдыяр сражался против Тауке с утра до вечера. В этот день суждено было пасть в бою молодому Майлану. Алдыяр отразил нападение Тауке, на другой день с почетом отправил калмакского хонтайши к себе на родину. В памяти потомства Алдыяра об этом сражении сохранился следующий стих: «У Узун-Агаша и Тойке прибыл калмык (хонтайши). Хан Тауке решил совершить насилие (над Алдыяром) и отрубить голову (хонтайши); Зачем прибыл проклятый калмык: два казака (Тауке, Алдыяр) сразились и умер Майлан». Хонтайши, благополучно возвратившись к себе, вызвал пленных казаков, спросил их, из каких они родов; затем он освободил пленных не только рода «садыр» (род Алдыяра), но и вообще найманов, затем освободил даже таких, которые только понаслышке знали Алдыяра» [15, с. 128].

М. Тынышпаев совершенно справедливо указывает на полное соответствие предания реальным историческим событиям [15, с. 220; 10, с. 165]. Столь же реально отражён в нём и характер отношений, имевших место между казаками и калмыками и находящих подтверждение в письме Цеван-Рабдана, на которое, кстати, ссылается и сам исследователь. Эти события как нельзя лучше характеризуют сложность отношений Казахского ханства и джунгар и сам подход их властителей к международной политике, пронизанной восточным лукавством, коварством и вероломством. Потому и следует согласиться с И. Я. Златкиным, критически оценившим мнение историка-монголоведа XIX в. В. А. Позднеева относительно злой воли одних лишь ойратских ханов, проводивших захватническую политику и постоянно провоцировавших конфликт.

Заметим попутно, что инструментом сглаживания противоречий, пусть и не определяющим, становилась «брачная дипломатия». Так, женой хана Есима стала дочь калмыцкого властителя Хо-Урлюка Дильхаш, а по казахским преданиям, на которые ссылается М. Тынышпаев, «калмыки, желая породниться с грозным Джангыр-ханом и тем несколько умиловить его, выдали за него дочь хунтайши, от которой и родился Тауке» (по другим сведениям это была калмыцкая наложница – *авт.*) [13, с. 368].

Одним из возможных механизмов защиты от притязаний калмыков хан Тауке видел установление и укрепление дипломатических отношений с Россией, хотя, разумеется, причиной поддержания таких контактов было не только это, но и налаживание экономических, торговых связей. С этой целью Тауке-хан направил официальные делегации в Российскую империю в 1688, 1690, 1691, 1716 гг. Эти делегации возглавляли доверенные лица Тауке-хана, такие, как Келдей, Сары Мирза, Туманши, Кабай, Колтубай, Аталыкулы, Ташыл-батыр, Бекболат Елкешулы, Байдаулет Нурлыулы и другие [5, л. 18–20].

Император Петр I, «открывший окно в Европу», считал Казахское ханство «ключом и вратами» к выходу на всю Азию. Поэтому Российская империя была заинтересована в укреплении политических дипломатических связей с казаками. Об этом свидетельствует прибытие в Казахскую Степь послов во главе с Шапошниковым, Василием Кобяковым, Андреем Неприпасовым, Федором Скрибиным, Матвеем Трошиным и другими [4, л. 141].

В рассматриваемый период Россия была способна сдерживать честолюбивые замыслы властителей волжских калмыков и Джунгарского ханства. В письме царю

Ивану Алексеевичу от 1692 г. хан Тауке указывает на длительные связи России с Казахской Степью, которые необходимо продолжать: «После дедов и отцов наших из ваших государств люди к нам приезжали, а наши – к вам, и всяко бы доброе дело промеж нами по-прежнему совершалось многия лета, дороги залегли, чтоб ныне очистились и промеж нами ваши и наши убогие люди ездили и полнились, а нам бы была добрая слава». Это хорошо понимала и российская сторона. Царь Пётр с посольством Аталыкова в 1694 г. передаёт хану Тауке письмо следующего содержания: «Де всем азиатским странам и землям оная де Орда ключ и врата, и той ради причины оная де Орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммуникацию иметь и к российской стороны полезные и способные меры взять» [8, с. 667].

В свою очередь Российская империя приступила к возведению укреплений с целью защиты от джунгарского нашествия. В 1708 г. царь Пётр I издал указ о строительстве крепости у рек Бий и Катунь. В результате в 1709 г. была возведена Бикатуньская крепость. Джунгары понимали, что несмотря на разгром этой крепости воевать против Российской империи будет нелегко. Поэтому они считали, что нападать на Казахское ханство будет проще [2, л. 25].

В 1710 г. ханом Тауке был созван курултай в Каракумах (на месте кочевания родов каракесеков?), о чём существует письменное свидетельство русского офицера Гавердовского: «...В 1710 году некоторые старейшины и начальники семейств из числа тех родов, которые располагались в песках Каракумах, собрались для совету, дабы употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови. Слабые души даже среди сего собрания обнаружили страх свой и предлагали искать безопасности от милосердия контайши, другие хотели оставить жилища свои и спастись бегством за реку Волгу, а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны, и поколебали было постоянство многих. Но известный в то время по храбрости старшина Буканбай (батыр из рода табын поколения жетыру Младшего жуза – *авт.*) уничтожил сии предприятия их» [8, с. 702]. Безусловно, не без усилий Тауке и при поддержке биев и авторитетного воина Бокенбая было сформировано войско под руководством последнего, которое остановило джунгар, а затем оттеснило их на восток.

Несмотря на отдельные удачи хана Тауке в военных стычках с джунгарами и дипломатические демарши его по отношению к России, калмыцкое присутствие на этнических территориях возрастало; казахи постепенно теряли преимущество и позиции своих кочевий по Иртышу, Тарбагатаю и Жетису; не лучше обстояло дело и в отношениях с волжскими калмыками. Время требовало более последовательных и дальновидных решений казахско-калмыцкого вопроса.

Обсуждение и заключение

Краткий экскурс в историю казахско-калмыцких дипломатических отношений позволил установить, что калмыцкий вопрос для казахских ханов был одним из приоритетных на всём протяжении XVII столетия. Об этом свидетельствует не только внешнеполитические и дипломатические интересы самого хана Тауке, но и его предшественников – ханов Есима и Жангира. Дипломатическая модель этих отношений была весьма неоднозначна, а мирные соглашения перемежались военными стычками, захватом пленных, скота. Причём все эти действия были обоюдны, о чём свидетельствует анализ исторических документов, доступных сегодня для изучения. К сожалению, круг этих документов весьма ограничен, что затрудняет составление полной, объёмной картины всех существовавших в период правления хана Тауке казахско-калмыцких дипломатических контактов. Однако можно отметить такие качества дипломатии этого правителя, как осторожность, гибкость, политическая воля.

Именно они, а не коварство и беспринципность позволили ему сохранить суверенитет и целостность Казахского ханства.

Список источников и литературы

1. *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в системе международных отношений Евразии // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (3). С. 200–211.
2. Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 364.
3. Государственный архив Омской области (ГА ОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 327.
4. ГА ОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330.
5. ГА ОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 341.
6. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства 1635 – 1758. М.: Наука, 1983. 336 с.
7. *История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Русского государства (XVI – XVII вв.)* / сост. коммент. и ред. А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 726 с.
8. *Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв.: сб. документов и материалов* / под ред. В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Наука, 1961. 740 с.
9. *Козыбаев И. М.* Дипломатия Казахстана: страницы истории. Алматы: Санат, 2007. 208 с.
10. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
11. *Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII вв.* / сост. С. К. Ибрагимов. Алма-Ата: Наука, 1969. 649 с.
12. *Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636.* Сборник документов / отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Госиздат, 1959. 604 с.
13. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»: подлинный текст с переводом и пояснениями, включающими в себя материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: тип. Акад. Наук, 1883. 421 с.
14. *Сабитов Ж. М.* Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 годах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 122–126.
15. *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы: Санат, 2009. 288 с.
16. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. Китайские дела. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
17. *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.
18. *Хамит А.* Тауке хан и «Золотой век» Казахского ханства // Gonzo.kz : блог-платформа Казахстана. URL: http://gonzo.kz/blog/3454-tauke_han_i_zolotoy_vek_kazahskogo_hanstva (дата обращения: 11.11.2023).
19. *История Казахстана в русских источниках. Т. 1: Посольские материалы Русского государства (XVI – XVII вв.).* Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
20. *Ажидинов А. С., Дуйсекова А. Т., Отеуов Н. Н.* Калмыцко-джунгарский совместный план военной агрессии на казахские ханства в конце XVII – начале XVIII века // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 3 (25). С. 341–355.
21. *Магзенова С. А.* Программа профильного элективного курса по истории Казахстана "Исторические диалоги" (10 класс) // Инфоурок: образовательный портал в помощь школам, учителям, ученикам и родителям. URL: <https://infourok.ru/programma-profilnogo-elektivnogo-kursa-po-istorii-kazahstana-istoricheskie-dialogi-klass-1078999.html>. Дата публикации: 12.05.2016.

References

1. Atygaev, NA 2015, 'Kazakhskoe khanstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy Evrazii' (The Kazakh Khanate in the system of international relations in Eurasia), *World of the Great Altai*, no 1(3), pp. 200–211. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* (GA AO) (The State Archive of the Astrakhan Region), fund 1, inventory 1, file 364. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti* (GA OO) (The State Archive of the Omsk region), fund 366, inventory 1, file 327. (In Russ.)
4. GA OO, fund 366, inventory 1, file 330. (In Russ.)
5. GA OO, fund 366, inventory 1, file 341. (In Russ.)
6. Zlatkin, IY 1983, *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758* (History of the Dzungarian Khanate 1635–1758), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Isina, A (ed.) 2005, *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. Posolskiye materialy Russkogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* (Russian sources of the history of Kazakhstan. Embassy materials of the Russian state (16th-17th centuries.), vol. 1, Dayk-Press publ, Almaty. (In Russ.)
8. Shakhmatov, VF, Kireev, FN & Shoinbaev, TZh (eds.) 1961, *Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vv.* (Kazakh-Russian relations in the 16th-18th centuries), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
9. Kozybayev, IM 1996, *Diplomatiya Kazakhstana: stranitsy istorii* (Kazakhstan's Diplomacy: chapters of history), Sanat publ, Almaty. (In Russ.)
10. Levshin, AI 2009, *Opisaniye kirgiz-kazatskikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* (Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak, hordes and steppes), Sanat publ, Almaty. (In Russ.)
11. Ibragimov, SK (ed.) 1969, *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv.* (Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries.), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
12. Zlatkin, IY & Ustyugov, NV (eds.) 1959, *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1607–1636. Sbornik dokumentov* (Materials on the history of Russian-Mongolian relations. 1607–1636. Collection of documents.), Gosizdat publ, Moscow. (In Russ.)
13. Pozdneyev, AM 1883, *Mongol'skaya letopis' «Erdeniyn erikhe»: podlinnyy tekst s perevodom i poyasneniyami, vklyuchayushchimi v sebya materialy dlya istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.* (The Mongolian chronicle "Erdeniyn erikhe". The original text with translation and explanations, including materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736.), tip. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Sabitov, ZhM 2014, 'Kazakhsko-kalmytskiye otnosheniya v 1700–1715 godakh' (Kazakh-Kalmyk relations in the 1700–1715 years), *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*, no 6, pp. 122–126. (In Russ.)
15. Tynyshpaev, M 2009, *Istoriya kazakhskogo naroda* (The history of the Kazakh people), Sanat publ, Almaty (In Russ.)
16. *Centralnyy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (TSGADA) (Central State Archive of Ancient Acts), fund Chinese affairs, inventory 1, file 2, sheet 8. (In Russ.)
17. Fisher, IE 1774, *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoyevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiyem* (Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons), Pri Imp. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Khamit, A, 'Tauke khan i «Zolotoy vek» Kazakhskogo khanstva' (Tauke Khan and the "Golden Age" of the Kazakh Khanate), *Gonzo.kz*, viewed 11.11.2023, http://gonzo.kz/blog/3454-tauke_han_i_zolotoy_vek_kazahskogo_hanstva (In Russ.)
19. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. Posolskiye materialy Russkogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* (Russian sources of the history of Kazakhstan. Embassy materials of the Russian state (16th-17th centuries.) 2005, vol. 1, Dayk-Press publ, Almaty. (In Russ.)
20. Azhidinov, AS, Duysekova, AT & Oteuov, NN 2022, 'Kalmytsko-dzhungarskiy sovместnyy plan voyennoy agressii na kazakhskiye khanstva v kontse XVII – nachale XVIII veka' (Kal-

мык-Dzungarian joint plan of military aggression against the Kazakh Khanate at the end of the 17th - beginning of the 18th century), *Socio-economic and humanitarian magazine*, no. 3 (25), pp. 341–355. (In Russ.)

21. Magzenova, SA 2016, 'Programma profil'nogo elektivnogo kursa po istorii Kazakhstana "Istoricheskiye dialogi" (10 klass)' ("Historical dialogues", a program of the profile elective course on Kazakhstan history (10th grade), *Infourok*, <https://infourok.ru/programma-profilnogo-elektivnogo-kursa-po-istorii-kazahstana-istoricheskiye-dialogi-klass-1078999.html> (In Russ.)

Вклад авторов:

Гиззатов С. М. – идея, методология, подбор литературы, написание текста, научное редактирование текста.

Отеуов Н. Н. – сбор материала, подбор источников, анализ, написание статьи.

Contribution of the authors:

Sayalbek M. Gizzatov – idea, methodology, selection of literature, writing of the text, scientific editing of the text.

Nursultan N. Oteuov – collecting material, selecting sources, analyzing, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 01.10.2023
Одобрена после рецензирования: 12.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 01.10.2023
Approved after reviewing: 12.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 22–33.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 22–33.

Научная статья
УДК 94(47).084
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-22-33>

АВГУСТ 1917 И АВГУСТ 1991: СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

**Глеб Андреевич
Папилин**

Михайловская военная артиллерийская
академия
Санкт-Петербург, Россия
glebpapilin@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проведен сравнительный историко-политический анализ Корниловского мятежа (27 – 30 августа 1917 г.) и августовского путча (18 – 21 августа 1991 г.). Автор отмечает, что оба этих событий имели решающее значение в исходе революционной борьбы в 1917 г. и распаде СССР в 1991 г. Приводится краткий историографический анализ по теме исследования на основании работ отечественных и зарубежных авторов, а также используемых в научном обороте источников личного происхождения. Автор усматривает в указанных двух событиях наличие общих закономерностей, позволяющих их характеризовать как специально спланированные и организованные политические манипуляции. Кроме этого, рассматривается влияние на ход и результаты революционных процессов 1917 г. в России американских гуманитарных миссий, особенно – Американской миссии Красного креста, прослеживается дальнейшая политическая деятельность некоторых членов данной миссии, их роль в истории СССР. На основе биографий советских партийных и государственных деятелей автором устанавливается взаимосвязь между революционными событиями 1917 г. в России и перестройкой в СССР. Сведения, приведенные автором, подтверждают наличие существенных внешнеполитических факторов российских революций 1917 г. и распада СССР. Кроме того, выдвигается предположение, что контролируемый процесс распада СССР и демонтажа социалистической системы проходил латентно с середины 1950-х гг. По мнению автора статьи, в условиях современной информационной войны и усиления русофобии, необходимо продолжать исторические исследования по выявлению угроз национальной безопасности и государственного суверенитета России на всех этапах ее существования.

Ключевые слова: ГКЧП, августовский путч, перестройка, революция, Корниловский мятеж, внешнеполитические факторы.

Для цитирования: Папилин Г. А. Август 1917 и август 1991: скрытые механизмы смены политической власти в России // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 22–33. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-22-33>

Сведения об авторе: Г. А. Папилин – младший научный сотрудник, Михайловская военная артиллерийская академия, 195009, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22.

Scientific Article
UDC 94(47).084
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-22-33>

AUGUST 1917 AND AUGUST 1991: HIDDEN MECHANISMS OF POLITICAL POWER CHANGE IN RUSSIA

Gleb A. Papilin

Mikhaylovskaya Artillery Academy
Saint Petersburg, Russia
glebpapilin@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative historical and political analysis of the Kornilov affair (August 27 – 30, 1917) and 1991 August Coup (August 18 – 21, 1991). The author notes that both of these events were decisive in the outcome of the revolutionary struggle in 1917 and the collapse of the USSR in 1991. The author provides a brief historiographical analysis on the research topic, using the works of domestic and foreign authors, as well as personal sources used in scholarly discourse. The author sees in these two events the presence of general patterns that allow them to be characterized as specially planned and organized political manipulations. In addition, the influence of American humanitarian missions, especially the American Red Cross Mission, on the course and results of the revolutionary processes of 1917 in Russia is considered. The article also traces the further political activities of some members of this mission and their role in the USSR history. Based on the biographies of Soviet party workers and government leaders, the author establishes the relationship between the Russian Revolution and Perestroika in the USSR. The information provided by the author confirms the presence of significant foreign policy factors in the Russian revolution of 1917 and the collapse of the USSR. In addition, the author suggests that the controlled process of the USSR collapse and the dismantling of the socialist system had a latent character and began in the mid-1950s. According to the author, in the conditions of modern media war and increasing anti-russian prejudice, it is necessary to continue historical research to identify threats to national security and state sovereignty of Russia at all stages of its existence.

Keywords: State Committee on the State of Emergency (GKChP), August Coup, Perestroika, revolution, Kornilov affair, foreign policy factors.

For citation: Papilin, GA 2023, 'August 1917 and August 1991: Hidden Mechanisms of Political Power Change in Russia', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 22–33, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-22-33> (in Russ.)

Information about the Author: *Gleb A. Papilin* – Research Assistant, Mikhaylovskaya Artillery Academy, 22, Komsomola Str., Saint Petersburg, 195009, Russia.

В официальной историографии события 1991 – 1993 гг. не принято называть революционными (впрочем, некоторые историки предлагали именно такой подход [9, 26, 29, 31]), но в некоторых своих деталях они имеют сходство с событиями 1917 г. Прежде чем перейти к их анализу, следует отметить важное преимущество данного сравнительного анализа: 1991 г. слишком близок к настоящему времени, а многие активные участники событий до сих пор живы и продолжают политическую и иную общественную деятельность, в связи с чем усложняется их объективное исследование. Проблема даже не столько в сложности беспристрастного анализа, сколько в отсутствии приемлемого количества документальных источников (до их рассекречивания), – как показывает практика, источники личного происхождения далеко не всегда приводят к истине, особенно в столь политически значимых событиях. В свою очередь, революции 1917 г. изучены уже в достаточной мере, чтобы выявить существенные закономерности, отчасти открывающие некоторые скрытые детали уже не столь давних событий.

Сам по себе подход не нов: в 2018 г. глубокий сравнительный анализ революций 1917 и 1991 гг. провел главный редактор журнала «Российская история» Р. Г. Пихоя [29]. Вызывает также интерес работа преподавателей БашГУ, проанализировавших события 1917 и 1991 гг. как национальные катастрофы [см. 6]. Указанные выше исследования существенно обогащают рассмотрение событий перестройки и распада СССР, апогей которых, несомненно, пришелся на август 1991 года.

До этого времени сравнение революций (или революций) 1917 г. с путчем 1991 г. практически всегда проходило по линии «Горбачев – Николай II», которая, по мнению исследователей, должна отражать слабость и нерешительность этих двух правителей. Нам этот подход представляется неверным по нескольким причинам. Во-первых, Николай II оказался заложником (в обоих смыслах) организованного правительственного заговора, который по своей структуре и силе был несравнимо масштабнее, чем ГКЧП. Во-вторых, Николай II принял, может быть, не совсем правильное, но вполне адекватное его положению решение – отправить войска с фронта для подавления мятежа, в то время как Горбачев во время путча каких-либо решительных действия не принимал. В-третьих, Николай II до последней минуты стоял на охранительных позициях по отношению к старым порядкам, разрушенным революцией, в то время как Горбачев сам был активным инициатором реформации общественно-политического строя. Зато все эти наблюдения находят свое соответствие при сравнении Михаила Горбачева с последним председателем Временного правительства – Александром Керенским (сходство исторических ролей этих двух политических деятелей также отметил Д. Ю. Алексеев, [2, с. 24–25]).

С начала XXI века неуклонно возрастает понимание исследователей, общественных, политических деятелей и российского общества в целом о внешнеполитическом факторе как основной причине распада СССР. В сознательной ликвидации СССР советской номенклатурой во главе с Горбачевым в союзе с западом уверены такие крупные историки, как И. М. Ильинский [14, 15], И. Я. Фроянов [37], А. И. Фурсов [38], В. Широнин [42], а также философ А. А. Зиновьев [10]. При этом вакуум в информационном пространстве постсоветской России относительно внешних причин распада СССР можно охарактеризовать высказыванием экс-сотрудника ЦРУ П. Швейцера: «Анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делаются попытки изучить обстоятельства данной смерти» [41, с. 6].

Всё не столь однозначно и с революцией 1917 г. Внешнеполитические факторы революционных событий отражены в работах К. Куигли [47, 48], Э. Саттона [33], А. Г. Мосякина [24], С. А. Воронина [5], В. И. Старцева [36], Г. А. Герасименко [3],

П. В. Мультиатули [25] и других исследователей, включая большое число авторов-публицистов. Из наиболее известных фактов влияния на революционные процессы извне является членство в масонских обществах практически всех основных деятелей Февральской революции, включая А. Ф. Керенского: из 11 министров первого состава Временного правительства как минимум 9 являлись масонами [19, с. 165]. Есть и менее известные обстоятельства: летом 1917 года в России действовало несколько иностранных миссий, одна из которых – так называемая Американская миссия Красного Креста, профинансированная одним из банков Федеральной резервной системы (ФРС) США. К реальному Красному Кресту данная миссия имела лишь номинальное отношение, поскольку, как отмечал Э. Саттон, «все члены миссии были полковниками, майорами, капитанами и лейтенантами» [33, с. 61]. Вторая – так называемая миссия Рута, среди высокопоставленных членов которой был один из учредителей ФРС Чарльз Крейн. Удивительно, но в Россию Крейн отплыл на одном пароходе с «демоном революции» Львом Троцким [46; 13, с. 89]. Для того чтобы иметь некоторое представление о том, какие интересы мог преследовать Ч. Крейн и с какими целями он посещал Россию, достаточно привести цитату посла США в Германии с 1933 по 1937 г. Уильяма Додда: «Крейн много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступила дорогу коммунизму» [44, р. 42–43]. Для понимания же целей поездки Ч. Крейна конкретно на пароходе «Христианиафиорд», приведем цитату из воспоминаний его компаньона Л. Стеффенса: «... Все согласны, что революция находится только в своей первой фазе, что она должна расти. Крейн и российские радикалы на корабле считают, что мы будем в Петрограде для повторной революции» [46, р. 396].

Присутствие на одном корабле Крейна и Троцкого отнюдь не случайность, учитывая, что дядя Троцкого по материнской линии Абрам Животовский был членом консорциума «Русско-Азиатского банка» и сотрудничал с нью-йоркским банком «National City», также входившим в ФРС. Представителем фирмы А. Л. Животовского в Японии был известнейший агент британской разведки Сидней Рейли [28], который в свою очередь поддерживал деловые отношения с сотрудником американской корпорации «Flint & Co.», располагавшейся в одном и том же здании с Федеральным резервным банком Нью-Йорка (профинансировавшим миссию Красного Креста). Сотрудником «Flint & Co.» и партнером Сиднея Рейли был родной брат будущего председателя Всероссийского ЦИК Советов – Вениамин Свердлов [45, с. 102]. Как видим, говорить об исключительно стихийном характере прихода к власти большевиков – абсурдно.

Вызывает интерес то, что исход революции и дальнейшая судьба России, как и в 1991 г., были определены в течение нескольких августовских дней (27 – 30 августа по ст. стилю) – во время так называемого Корниловского мятежа.

Дело в том, что в связи с поражением июльского восстания в августе 1917 года большевики находились в крайне неблагоприятном положении для захвата государственной власти. И для облегчения перехода власти от «февраля» к «октябрю» требовалось создание условий, в которых большевики смогли бы себя реабилитировать. Самым эффективным методом восстановления репутации и усиления большевиков могло быть создание третьей силы, против которой большевики и Временное правительство, пусть ненадолго, но оказались бы на одной стороне. Ситуация с Корниловским мятежом выглядит именно так. Следует учесть, что проблема с Корниловым не возникла сама по себе: еще до назначения на должность верховного главнокомандующего, Корнилов указал в числе условий этого назначения «полное невмешательство в его оперативные распоряжения», а о намерениях провести жесткие меры по восстановлению дисциплины в армии и разогнать Советы он говорил совершенно открыто. Есть еще одна интересная деталь, раскрывающая подоплеку последовав-

ших событий: в начале августа Корнилов получил письмо от военного министра Великобритании А. Мильнера, который настаивал на необходимости установления в России военной диктатуры. К уговорам присоединились посол Великобритании Дж. Бьюкенен и глава британской военной миссии в России генерал А. Нокс, уверявшие Корнилова, что они непременно окажут всяческую поддержку его выступлению [4, с. 164–170]. В том, что Корнилов действительно был идейным противником большевизма и революционного развала страны, сомнений нет: достаточно хотя бы того факта, что впоследствии он стал одним из военачальников Белой армии. Однако это не исключает того, что его политические амбиции умело использовались внешними силами.

27 августа 1917 г. между Керенским и Корниловым состоялась беседа по прямому проводу, после которой стало понятно, что Корнилов настроен решительно. От имени Временного правительства Керенский издал манифест, в котором объявил Корнилова вне закона и призвал солдат не подчиняться его приказам [30, с. 445–446]. Еще не дождавшись официального заявления Керенского о начале Корниловского выступления, в ночь на 27 августа на заседании ВЦИК А. В. Луначарский внес от имени большевистской фракции резолюцию «О политическом моменте», в которой намечались неотложные меры по спасению революции [30, с. 476–477]. Поскольку почему-то ни одна другая партия на тот момент не была готова к такому развороту событий, Керенскому ради спасения революции «пришлось» пойти на союз с большевиками и полностью легализовать вооружение большевистских отрядов «рабочей гвардии» [16, с. 316; 23, с. 13]. Очевидно, что, получив оружие и роль защитников революции, большевики вышли на прямую дорогу к Октябрьскому перевороту.

По сути дела, вся дальнейшая деятельность Керенского на посту министра-председателя сводилась к подготовке своего отъезда из России: 25 сентября Керенский сформировал четвертый, последний, состав Временного правительства, в котором 6 из 17 министров были членами буржуазной партии кадет. Такого количества кадет во Временном правительстве не было даже в его первом составе! Именно эта перестановка позволила большевикам оправдать перед совдепом необходимость вооруженного восстания и низложения «буржуазного» кабинета, который и в самом деле не отвечал интересам революции. А Ленин еще в сентябре подготовил работу «Государство и революция», в которой излагал конкретные действия большевиков в первые дни после прихода к власти [18, с. 93]. Как видим, после Корниловского мятежа основные участники политической жизни в России вели себя так, как будто все уже решено.

Ирония заключается в том, что успешно сработанный механизм был повторен спустя 70 лет! Конечно, «либеральная команда» в лице Бориса Ельцина и его сподвижников к августу 1991 года еще не успела себя дискредитировать, но в марте 1991 г. в Москве прошла самая массовая общественная акция в истории страны – митинг за сохранение СССР. Через несколько дней после этого были подведены итоги всесоюзного голосования по дальнейшей судьбе страны – почти 80 % советских граждан проголосовали за сохранение Союза. В воздухе нависла атмосфера надвигающейся катастрофы, и все факты говорили о том, что советский народ в своей подавляющей массе не поддерживал курс реформ. Тогда и был запущен сценарий «ГКЧП».

Так же, как и в 1917 году, «мятежники» руководствовались чувством долга и видели свое выступление как единственно возможные и крайне необходимые меры для сохранения страны. Однако их действия говорят о том, что комитет однозначно не был готов к перевороту [37, с. 443–444]. И потом, как писал генерал А. И. Лебедь, впервые узнав о составе ГКЧП, он подумал: «Какой захват власти могли осуществить

эти люди?! Они и так были воплощением власти: вице-президент, премьер-министр, министры обороны, безопасности и внутренних дел!» [20, с. 299]. Вопросов на текущий момент гораздо больше, чем ответов. Зачем вводились войска в Москву? Почему ни одна из частей не получила четкой задачи? Почему не были арестованы Ельцин и его сторонники? Почему в первый же вечер программа государственного телевидения «Время» передала призывы Ельцина к противодействию союзным органам власти [40]? Почему не была отключена связь с Белым домом? Почему Крючков не привел в действие подчиненный ему КГБ [43, с. 101]? Но если посмотреть на событийный ряд с другой стороны, то больше всего вопросов будет вызывать президент СССР. Первое – в 1991 г. Горбачев стал открыто говорить об отсутствии контроля над ситуацией в стране. Например, 9 апреля 1991 г. в Совете Федерации Верховного Совета СССР он выступил со словами: «Ситуация такова, что над страной нависла опасность. Это опасность для нашей государственности, советской федерации... Опасность распада экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями для интересов народа, обороноспособности страны, опасность разрушения. Сейчас надо действовать... отложив в сторону распри. Действовать, чтобы не допустить скатывания страны к катастрофе» [27, с. 420]. Второе – в период, предшествовавший путчу, Горбачев неоднократно поднимал вопрос о разработке и актуализации мер, связанных с чрезвычайным положением [37, с. 448]. Уже перед самым отъездом на дачу в Форос, по воспоминаниям В. А. Крючкова, Горбачев попросил его, а также Д. Т. Язова и Б. К. Пуго, «еще раз проанализировать обстановку, посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация, и готовить меры на случай, если придется пойти на чрезвычайное положение» [37, с. 449]. Наконец, третье – сама обстановка накануне путча. 20 августа должно было состояться подписание нового союзного договора. Однако проект договора не отражал в полной мере волеизъявление народа, закрепленное в результатах всесоюзного голосования: в новом названии государства, отсутствовало слово «социалистический», а в числе республик не оказалось целой Прибалтики. Сделав громкое заявление о таком спорном политическом решении, Горбачев не поспешил его выполнять, а уехал в отпуск, передав управление страной будущим гэкачепистам. Но главное – в самый разгар путча Горбачев выражал полное бездействие и не выходил на связь с ГКЧП; вопреки растиражированной информации, полной изоляции Горбачева на даче не было, так как известно, что он созванивался с А. И. Вольским [1]. Таким образом, Горбачев не иначе как самоустранился от дел. Когда же он вернулся в Москву, то занял категорическую позицию осуждения путча, перейдя таким образом в стан своих бывших противников – команды Ельцина. Дальнейшие действия Горбачева не поддаются объяснению с позиции здравого смысла: под совершенно неадекватным предлогом Горбачев собственным решением распускает КПСС и инициирует по сути ликвидацию союзного КГБ – в общем-то, последние две структуры, еще удерживавшие разваливавшуюся страну воедино. И уж если кто в августе 1991 г. действительно превысил свои властные полномочия, то это был президент РСФСР Борис Ельцин, из-под пера которого еще до возвращения Горбачева из Фороса посыпались указы о переводе союзных органов под российскую юрисдикцию [22, с. 329–334]. То есть, мы наблюдаем такое же странное явление, как осенью 1917 г.: Октябрьская революция еще не произошла (СССР еще не прекратил свое существование), но власть в стране уже всю передаётся в новые руки.

Итак, обе революции привели к власти наиболее радикальных политических элементов, которые проводили несоизмеримо более решительные действия: большевики – полную национализацию экономики и политику военного коммунизма, либералы – «шоковую терапию» и приватизацию. Сходства с событиями 1917 г. проявляются даже в деталях: чего стоит одно выступление Ельцина на танке, должное

вызвать ассоциации с Лениным на броневике. 31 августа 1917 г. после конфиденциального разговора с Керенским в своей квартире застрелился генерал Крымов, который непосредственно возглавлял войска, направляемые к Петрограду. 22 августа 1991 г. точно так же ушел из жизни член ГКЧП экс-министр внутренних дел Б. К. Пуго. Причем обе эти смерти весьма загадочны, об обеих ходили слухи, что имело место убийство.

Из всего сказанного вытекает закономерный вопрос: учитывая очевидное сходство в обстоятельствах перехода власти к большевикам в 1917 и к либералам в 1991 году, можно ли делать вывод о том, что обе революции были спланированы и организованы одним и тем же несменяемым центром? В качестве ответа приведем еще некоторые обстоятельства, которые сложно объяснить случайностью.

В уже упомянутой Американской миссии Красного Креста (1917 г.) в качестве переводчиков участвовали два человека, которые спустя годы оказали огромное влияние на дальнейшую судьбу СССР, – Александр Гомберг и Борис Рейнштейн. А. Гомберг был давним знакомым Троцкого и его литературным агентом в американской газете «Новый мир» [11, с. 81–83]. В первые годы советской власти и вплоть до середины 1930-х гг. он играл ключевую роль во внешнеторговых и дипломатических отношениях РСФСР (СССР) и США [12, с. 167–169]. Его младший брат Сергей Гомберг (Зорин) в 1911 – 1917 гг. также проживал в США и участвовал в деятельности Социалистической партии США. В 1917 г. С. Гомберг (Зорин) вернулся в Россию вместе с Троцким и сразу вступил в ряды РСДРП(б), в дальнейшем он работал в исполкоме Коминтерна [35]. Кроме того, как установила И. И. Иванова, Гомберги были дальними родственниками Арманда Хаммера – первого советского «нэпмана» [11, с. 88].

Б. И. Рейнштейн в 1918 г. вступил в РКП(б) и стал одним из руководителей Коминтерна [12, с. 418–419]. Одним из близких товарищей Рейнштейна впоследствии стал будущий Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской АССР и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Отто Куусинен [17, с. 37], который, к слову, являлся главным составителем доклада «О культуре личности и его последствиях», зачитанного Никитой Хрущевым на XX съезде КПСС [32]. Со слов советского журналиста Ф. М. Бурлацкого, Куусинен «сделал карьеру» будущему «архитектору» перестройки – Г. А. Арбатову [34]. Помимо этого, настоящим протеем Куусинена был будущий председатель КГБ и генсек – Юрий Андропов. По признанию самого Горбачева, во многом благодаря усилиям Андропова он перешел на партийную работу из провинциального Ставрополя в Москву.

Эта цепь причинно-следственных связей в достаточной мере должна отражать наличие в кулуарах советской власти агентов иностранного влияния. Присмотревшись к деталям, начало контролируемого процесса по смене политической власти в России и ликвидации СССР следовало бы относить к 1953 г. После ухода Сталина в Советском Союзе начались настоящие потрясения, связанные с разворотом идеологического курса и десталинизацией буквально во всем. Неграмотные действия Н. С. Хрущева привели к деградации системы управления народным хозяйством: замедлился научно-технический прогресс, наметились преимущественно экстенсивные методы наращивания экономического потенциала, развитая система научного планирования вытеснялась рыночными элементами экономики, и в то же время на наступательную информационную политику Запада Советский Союз совершенно ничем не отвечал. О том, как осуществлялась деформация общественно-политического и экономического строя СССР, приведшая страну к перестройке, обстоятельно отражено в работах А. И. Фурсова [38], Л. Н. Доброхотова [8] и Г. Ханина [39].

Нет никаких оснований отбрасывать внешнеполитический фактор в крушении Российской империи и Советского Союза. На западе к началу 1980-х гг. все слабые места советского строя, как под микроскопом, изучали свыше 400 исследовательских центров [42, с. 33]. Западные политики, в отличие от наших, не питали иллюзий относительно «холодной войны». В документе Совета национальной безопасности США № 68 от 14 апреля 1950 г., утвержденного президентом США Г. Трумэнном, прямо говорилось: «Холодная война» – на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира» [7, с. 451]. И только советский человек верил в братство народов и мир во всём мире...

Как справедливо указал И. Я. Фроянов, «Холодная война» не окончена потому, что в стратегическом плане со стороны Запада она велась и ведется не против СССР и коммунистического режима, а против России и русского народа» [37, с. 17]. Увы, с 2022 г. сомневаться в этом не приходится.

Список источников и литературы

1. Августовский путч. Летопись событий // Горбачев-Фонд : офиц. сайт. URL: https://www.gorby.ru/putsch/21_avgusta (дата обращения: 16.10.2023).
2. Алексеев Д. Ю. Великая Русская Социалистическая революция 1917 – 1922: первый этап // Известия Восточного института. 2018. № 4 (40). С. 19–28.
3. Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В. Александр Федорович Керенский. Саратов: Изд.-во Центр Саратов. гос. экон. акад., 1996. 248 с.
4. Васюков В. С. Предыстория интервенции. Февр. 1917 – март 1918. М.: Политиздат, 1968. 296 с.
5. Воронин С. А. «План Марбург» и троцкизм как инструменты внедрения интернационального либерализма в России // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 7–17.
6. Габдулхаков Р. Б., Александров А. П. 1917 и 1991 как две глобальные национальные катастрофы в истории России: сравнительный анализ // Единство. Гражданство. Патриотизм. Уфа: Мир печати, 2019. С. 63–66.
7. Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945 – 1950 гг. : пер. с англ. / сост. и автор вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во МГУ, 2006. 504 с.
8. Доброхотов Л. Н. Трагедия крушения СССР: исторические и политические аспекты // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 2 (25). С. 232–248.
9. Елисеева Н. В. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985 – 1991 гг. // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М.: АПР, 2012. С. 117–150.
10. Зиновьев А. А. Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф, 2001. 430 с.
11. Иванова И. И. Лев Троцкий и его земляки // Из глубины времен : альманах. 1995. № 4. С. 76–90.
12. Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.
13. Иоффе А. Е. Миссия Рута в России в 1917 году // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 87–100.
14. Ильинский И. М. Как посол США Мэтлок управлял «перестройкой» // Российское общество. 2017. № 1. С. 5–49.
15. Ильинский И. М. Как «дикий ковбой» Рейган и «новомысл» Горбачев уничтожали СССР (размышления над книгой П. Швейцера «Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря») // Российское общество. 2021. № 3. С. 5–25.
16. Керсновский. А. А. История русской армии : В 4 т. Т. 4: 1915-1917 гг. М.: Голос, 1994. 362 с.

17. *Куусинен А.* Господь низвергает своих ангелов: воспоминания, 1919 – 1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. 240 с.
18. *Лавренов С. Я., Соколов А. М., Бритвин Н. И.* От июльского кризиса к Октябрьской революции // *Observer*. 2017. № 11 (334). С. 83–107.
19. *Лактионова Н. Я.* Февраль 1917 года: его истоки и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 161–169.
20. *Лебедь А. И.* За державу обидно... М.: Грегори-пейдж, 1995. 463 с.
21. *Летняков Д. Э.* Антикоммунистическая революция 1991 г.: к демаргинализации термина // Политическая концептология. 2018. № 4. С. 32–47.
22. *Лозо И.* Августовский путч 1991 года: как это было. М.: РОССПЭН, 2014. 460 с.
23. *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть. Париж: La renaissance, 1984. 392 с.
24. *Мосякин А. Г.* Судьба золота Российской империи в срезе истории. 1880 – 1922. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2017. 657 с.
25. *Мультиатули П. В.* Император Николай II во главе действующей армии: военно-политические вопросы управления государством (август 1915-март 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мультиатули Пётр Валентинович. Саратов, 2011. 253 с.
26. *Мулюков Ш. М.* Перестройка 1985–1991 г.: революция или контрреволюция? // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 45–50.
27. *Мэтлок Дж. Ф.* Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. Т. Кудрявцева, В. Мисюченко. М.: Рудомино, 2003. 579 с.
28. *Островский А. В.* О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен : альманах. 1995. № 4. С. 105–109.
29. *Пихоя Р. Г.* Революции в России: 1917 и 1991 // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 189–206.
30. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 696 с.
31. *Саква Р.* Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 23–38.
32. *Самохин М.* Как Сталин работал на Рокфеллеров и чем это обернулось для России // Экспресс-газета : сетевое издание / ООО «НордГрупп». URL: <https://www.eg.ru/politics/410514> . Дата публикации: 06.11.2017.
33. *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевицкая революция. М.: Русская идея, 1998. 298 с.
34. Советник / Политика и экономика / Спецпроект // Итоги. 2013. № 4. URL: <https://pda.coollib.com/b/232129-itogi-zhurnal-itogi-itogi-n-4-2013/read> (дата обращения: 16.10.2023).
35. Зорин (Гомберг) Сергей Семенович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991 : база данных по истории Коммунистической партии и Советского Союза. URL: <http://www.knowbysight.info/ZZZ/02762.asp> (дата обращения: 16.10.2023).
36. *Старцев В.* «Взлет» и падение Александра Керенского // Встречи с историей : науч.-поп. очерки. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 66–75.
37. *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 800 с.
38. *Фурсов А. И.* Оргазм богомола. М.: Наше завтра, 2021. 448 с.
39. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время : монография : в 2 т. Новосибирск: изд-во НГТУ, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с.
40. *Черняховский С.* ГКЧП: реабилитация намерений // Агентство политических новостей: российское интернет-издание организации «Институт национальной стратегии». URL: <https://www.apn.ru/publications/article10240.htm>. Дата размещения: 21.08.2006.
41. *Швейцер П.* Победа: Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995. 464 с.
42. *Широнин В. С.* Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М.: Эксмо, 2010. 240 с.
43. *Шебаршин Л. В.* Из жизни начальника разведки. М.: Междунар. отношения, 1994. 189 с.

44. *Dodd W. E.* Ambassador Dodd's Diary, 1933 – 1938. New York: Harcourt, Brace and Company, 1941. 464 p.
45. *Spence R. B.* Sidney Reilly in America, 1914 – 1917 // Intelligence and National Security. 1995. № 10 (1). P. 92–121.
46. *Steffens L.* Autobiography. New York: Harcourt ; Brace, 1931. 764 p.
47. *Quigley C.* The Anglo-American Establishment. New York: Books in Focus, 1981. 354 p.
48. *Quigley C.* Tragedy and Hope. New York: Macmillan, 1966. 1348 p.

References

1. 'Avgustovskiy putch. Letopis' sobytiy' (August coup. Chronicle of events), *Gorbachev-Fond*, viewed 16.10.2023, https://www.gorby.ru/putsch/21_avgusta (In Russ.)
2. Alekseev, DYU 2018, 'Velikaya Russkaya Sotsialisticheskaya revolyutsiya 1917 – 1922: pervyy etap' (The Great Russian Socialist Revolution 1917 – 1922: the First Stage), *The bulletin of the Far Eastern Federal University*, no. 4 (40), pp. 19–28. (In Russ.)
3. Basmanov, MI, Gerasimenko, GA & Gusev, KV 1996, *Aleksandr Fedorovich Kerenskiy* (Alexander Fyodorovich Kerensky), Izd.-vo Tsentr Sarat. gos. ekon. Akad publ, Saratov. (In Russ.)
4. Vasyukov, VS 1968, *Predystoriya interventsii. Fevr. 1917 – mart 1918* (Prehistory of the intervention. Febr. 1917 – March 1918), Politizdat publ, Moscow. (In Russ.)
5. Voronin, SA 2015, '«Plan Marburg» i trotskizm kak instrumenty vnedreniya internatsional'nogo liberalizma v Rossii' ("Marburg Plan" and Trotskyism as instruments of implementation of international liberalism in Russia), *RUDN Journal of World History*, no. 3, pp. 7–17. (In Russ.)
6. Gabdulkhakov, RB & Aleksandrov, AP 2019, '1917 i 1991 kak dve global'nyye natsional'nyye katastrofy v istorii Rossii: sravnitel'nyy analiz' (1917 and 1991 as two global national catastrophes in the history of Russia: comparative analysis), *Yedinstvo. Grazhdanstvo. Patriotizm* (Unity. Citizenship. Patriotism), Mir pechati publ, Ufa, pp. 63–66. (In Russ.)
7. Ilyinskiy, IM (trans., compl.) 2006, *Glavnyy protivnik: dokumenty amerikanskoy vneshney politiki i strategii 1945–1950 gg.* (The mail adversary: documents of American foreign policy and strategy 1945–1950), Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
8. Dobrokhотов, LN 2015, 'Tragediya krusheniya SSSR: istoricheskiye i politicheskiye aspekty' (Tragedy of the USSR collapse: historical and political aspects), *Bereginya. 777. Sova*, no. 2 (25), pp. 232–248. (In Russ.)
9. Eliseeva, NV 2012, 'Revolutsiya kak reformatorskaya strategiya perestroyki SSSR: 1985 – 1991 gg.' (Revolution as a Reformist Strategy of Perestroika in the USSR: 1985 – 1991), *Rossiia i revolyutsiya: proshloye i nastoyashcheye sistemnykh krizisov russkoy istorii* (Russia and Revolution: Past and Present Systemic Crises in Russian History), APR publ, Moscow, pp. 117–150. (In Russ.)
10. Zinovyev, AA 2001, *Gibel russkogo kommunizma* (The death of Russian communism), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
11. Ivanova, II 1995, 'Lev Trotskiy i yego zemlyaki' (Lev Trotsky and his fellow countrymen), *Iz glubiny vremen* (From the depths of time), no. 4, pp. 76–90. (In Russ.)
12. Ivanyan, EA 2001, *Entsiklopediya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy* (Encyclopedia of Russian-American relations), Mezhdunarodnyye otnosheniya publ, Moscow. (In Russ.)
13. Ioffe, AE 1958. 'Missiya Ruta v Rossii v 1917 godu' (Ruth's mission to Russia in 1917), *Vo-prosy istorii*, no. 9, pp. 87–100. (In Russ.)
14. Ilyinsky, IM 2017, 'Kak posol SSHA Metlok upravlyal «perestroykoy»' (How the US ambassador Matlock ran "perestroika"), *Rossiyskoye obshchestvo*, no. 1, pp. 5–49. (In Russ.)
15. Ilyinsky, IM 2021, 'Kak «dikiy kovboy» Reygan i «novomysl» Gorbachev unichtozhali SSSR (razmyshleniya nad knigoy P. Shveytsera «Pobeda. Rol' taynoy strategii SSHA v raspade Sovetskogo Soyuzha i sotsialisticheskogo lagerya») (How "wild cowboy" Reagan and "new thinker" Gorbachev destroyed the USSR: reflections on the book by P. Schweizer "Victory: the Reagan administration's secret strategy that hastened the collapse of the Soviet Union"), *Rossiyskoye obshchestvo*, no. 3, pp. 5–25. (In Russ.)

16. Kersnovsky, AA 1994, *Istoriya russkoy armii: V 4 t.* (History of the Russian Army. In 4 vols.), vol. 4, Golos publ, Moscow. (In Russ.)
17. Kuusinen, A 1991, *Gospod nizvergayet svoikh angelov: vospominaniya* (God casts down his angels: memoirs), Kareliya publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
18. Lavrenov, SYa, Sokolov, AM & Britvin NI 2017, 'Ot iyul'skogo krizisa k Oktyabr'skoy revolyutsii' (From the July crisis to the October Revolution), *Observer*, no. 11 (334), pp. 83–107. (In Russ.)
19. Laktionova, NYa 2017, 'Fevral 1917 goda: yego istoki i posledstviya' (February of 1917: its origins and consequences), *Social and humanitarian knowledge*, no. 4, pp. 161–169. (In Russ.)
20. Lebed, AI 1995, *Za derzhavu obidno...* (It would shame our homeland...), Gregori-peydzh publ, Moscow. (In Russ.)
21. Letnyakov, DE 2018, 'Antikommunisticheskaya revolyutsiya 1991 g.: k demarginalizatsii termina' (Anti-communist revolution of 1991: towards demarginalization of the term), *The political conceptology*, no. 4, pp. 32–47. (In Russ.)
22. Lozo, I 2014, *Avgustovskiy putch 1991 goda: kak eto bylo* (August coup: how it happened), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
23. Melgunov, SP 1984, *Kak bolshevikiki zakhvatili vlast* (The Bolshevik Seizure of Power), La renaissance publ, Paris. (In Russ.)
24. Mosyakin, AG 2017, *Sudba zolota Rossiyskoy imperii v sreze istorii. 1880 – 1922* (The fate of the Russian Empire's gold in the context of history). 1880 – 1922, T-vo nauch. izdaniy KMK publ, Moscow. (In Russ.)
25. Multatuli, PV 2011, *Imperator Nikolay II vo glave deystvuyushchey armii: voyenno-politicheskiye voprosy upravleniya gosudarstvom (avgust 1915 – mart 1917 gg.)* (Emperor Nicholas II at the head of the active army: military-political issues of government (August 1915 – March 1917), PhD thesis, Saratov. (In Russ.)
26. Mulyukov, ShM 2010. 'Perestroika 1985 – 1991 g.: revolyutsiya ili kontrrevolyutsiya?' (Perestroika 1985 – 1991: revolution or counter-revolution?), *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, no. 2, pp. 45–50. (In Russ.)
27. Matlock, JF 2003, *Smert' imperii: vzglyad amerikanskogo posla na raspad Sovetskogo Soyuza* (Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union), trans. T. Kudryavtseva, V. Misyuchenko, Rudomino publ, Moscow. (In Russ.)
28. Ostrovskiy, AV 1995, 'O rodstvennikakh L. D. Trotskogo po materinskoy linii' (The matrilineal relatives of L. Trotsky), *Iz glubiny vremen* (From the remote past), no. 4, pp. 105–109. (In Russ.)
29. Pikhoya, RG 2018, 'Revolutsii v Rossii: 1917 i 1991' (Revolutions in Russia: 1917 and 1991), *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 189–206. (In Russ.)
30. *Revolutsionnoye dvizheniye v Rossii v avguste 1917 g. Razgrom kornilovskogo myatezha* (The revolutionary movement in Russia in August 1917. The defeat of the Kornilov rebellion) 1959, Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
31. Sakwa, R 1998, 'Konets epokhi revolyutsiy: antirevolutsionnyye revolyutsii 1989 – 1991 godov' (The End of the Epoch of Revolutions: the Anti-Revolutionary Revolutions of 1989 to 1991), *Polis. Political Studies Journal*, no. 5, pp. 23–38. (In Russ.)
32. Samokhin, M 2017, 'Kak Stalin rabotal na Rokfellerov i chem eto obernulos' dlya Rossii' (How Stalin worked for the Rockefellers and how it turned out for Russia), *Ekspress-gazeta*, OOO «NordGrupp» publ, <https://www.eg.ru/politics/410514>. (In Russ.)
33. Sutton, A 1998, *Uoll-strit i bolshevitskaya revolyutsiya* (Wall Street and the Bolshevik Revolution), Russkaya ideya publ, Moscow. (In Russ.)
34. 'Sovetnik. Politika i ekonomika. Spetsproyekt' (Adviser. Politics and economics. Special project) 2013, *Itogi*, no. 4, viewed 16.10.2023, <https://pda.coollib.com/b/232129-itogi-zhurnal-itogi-itogi-n-4-2013/read> (In Russ.)
35. 'Zorin (Gomberg) Sergey Semenovich', *Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza 1898 – 1991* (Handbook on the history of the Communist Party and the Soviet Union 1898 – 1991), viewed 16.10.2023, <http://www.knowbysight.info/ZZZ/02762.asp> (In Russ.)

36. Startsev V. 1987, '«Vzlet» i padeniye Aleksandra Kerenskogo' ("The Rise" and Fall of Alexander Kerensky), *Vstrechi s istoriyey* (Encounters with history), Molodaya gvardiya publ, Moscow, pp. 66–75. (In Russ.)
37. Froyanov, IYa 1999, 'Pogruzheniye v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka)' (Diving into the abyss (Russia at the end of the 20th century)), Izd-vo SPBGU publ, St. Petersburg. (In Russ.)
38. Fursov, AI 2021, *Orgazm bogomola* (The orgasm of the praying mantis), Nashe zavtra publ, Moscow. (In Russ.)
39. Khanin, GI 2008, 'Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveysheye vremena, v 2 t (Economic history of Russia in modern times. In 2 vols), vol. 1, izd-vo NGTU publ, Novosibirsk. (In Russ.)
40. Chernyakhovskiy, S 2006, 'GKCHP: reabilitatsiya namereniy' (State Committee on the State of Emergency), *Agentstvo politicheskikh novostey*, viewed 16.10.2023, <https://www.apn.ru/publications/article10240.htm>. (In Russ.)
41. Shveytser, P 1995, *Pobeda: Rol' taynoy strategii administratsii SSHA v raspade Sovetskogo Soyuza i sotsialisticheskogo lagerya* (Victory: The role of the US administration secret strategy in the collapse of the Soviet Union and the socialist camp), Minsk. (In Russ.)
42. Shironin, VS 2010, *Agenty perestroyki. Rassekrechennoye dos'ye KGB* (Agents of Perestroika. Declassified KGB dossier), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.)
43. Shebarshin, LV 1994, *Iz zhizni nachal'nika razvedki* (From the life of an intelligence chief), Mezhdunar. otnosheniya publ, Moscow. (In Russ.)
44. Dodd, WE 1941, *Ambassador Dodd's Diary, 1933 – 1938*, Harcourt publ, Brace and Company publ, New York.
45. Spence, RB 1995, 'Sidney Reilly in America, 1914 – 1917', *Intelligence and National Security*, no. 10 (1), pp. 92–121. (In Russ.)
46. Steffens, L 1931, *Autobiography*, Harcourt publ; Brace publ, New York. (In Russ.)
47. Quigley, C 1981, *The Anglo-American Establishment*, Books in Focus publ, New York.
48. Quigley, C 1966, *Tragedy and Hope*, Macmillan publ, New York.

Статья поступила в редакцию: 16.10.2023
Одобрена после рецензирования: 16.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 16.10.2023
Approved after reviewing: 16.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 34–46.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 34–46.

Научная статья

УДК 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-34-46>

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРЕДОВЫХ КОМПОНЕНТОВ МАКЕДОНСКОЙ ТАКТИКИ ЭПОХИ ФИЛИППА II И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования ключевых составляющих македонской тактики второй половины IV в. до н. э. Этими базовыми компонентами, наиболее отчетливо проявившимися в полномасштабных битвах Александра, были сосредоточение лучших сил войска на одном из флангов, концентрированный удар по наиболее уязвимому участку вражеских боевых порядков и комбинированное применение различных родов войск. Данные принципы ведения боя Филипп II успешно использовал уже в первом своем сражении с иллирийцами в 358 г. до н. э. Определяется, что новая македонская тактика отчасти базировалась на идеях выдающегося фиванского полководца Эпаминонда. Об этом свидетельствуют и прямые сообщения античных авторов, и сравнение методов ведения боевых действий. Тем не менее македонский царь существенно развил фиванские наработки, изменив принцип выбора точки приложения сил и роль кавалерии на поле боя, из-за чего македонская тактика стала более универсальной и вариативной. Предпосылкой для внедрения указанных новшеств стали ключевые особенности военного дела Македонии времен Аргеадов, где ведущим родом войск традиционно была аристократическая конница. Благодаря этой основополагающей черте военной культуры кавалерия продолжила выполнять важные тактические функции и после военных преобразований Филиппа. Кроме того, естественные особенности конницы, приспособленной к быстрому удару, а не упорному натиску, предопределили особое тактическое мышление македонян и, соответственно, стремление Филиппа и Александра атаковать на наиболее слабом участке неприятельского построения.

Ключевые слова: военное дело, тактика, кавалерия, Македония, Александр Македонский, Филипп II, Эпаминонд.

Для цитирования: Клейменов А. А. О предпосылках появления передовых компонентов македонской тактики эпохи Филиппа II и Александра Великого // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 34–46. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-34-46>

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(38).07
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-34-46>

ON THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF ADVANCED COMPONENTS OF MACEDONIAN TACTICS OF PHILIP II AND ALEXANDER THE GREAT ERA

Alexander A. Kleymeonov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The problem of the formation of the key components of the Macedonian tactics of the second half of the 4th century BC is under consideration in the article. Among these basic components were the concentration of the best forces of Alexander's army on one of the flanks, and a concentrated strike on the most vulnerable part of the enemy's battle orders and the combined use of various branches of the army. These elements were clearly manifested in full-scale battles. Philip II successfully used these principles of combat already in his first battle with the Illyrians in 358 BC. The article determines that the ideas of the outstanding Theban commander Epaminondas became the basis for the new Macedonian tactics. Direct reports from ancient authors and comparisons of warfare methods also testify to this. However, the Macedonian king significantly developed Theban's practices, changing the principle of choosing the point forces application and the role of cavalry on the battlefield. Thanks for these Macedonian tactic has become more versatile and variable. The prerequisite for the introduction of these innovations were the key features of Macedonian military affairs in the Argeadic times, where the leading branch of the army was traditionally the aristocratic cavalry. Thanks to this military culture fundamental feature of the cavalry, which continued to perform the main tactical functions even after Philip's military transformations. In addition, the natural features of the cavalry, adapted to a quick strike, rather than a persistent onslaught, predetermined the special tactical thinking of the Macedonians and, accordingly, the desire of Philip and Alexander to attack on the weakest part of the enemy formation.

Keywords: military affairs, tactics, cavalry, Macedonia, Alexander the Great, Philip II, Epaminondas.

For citation: Kleymeonov, AA 2023, 'On the Reasons for the Emergence of Advanced Components of Macedonian Tactics of Philip II and Alexander the Great Era', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 34–46, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-34-46> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander A. Kleymeonov* – Doctor of Science (History), Senior Researcher of the History and Archeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Даже весьма поверхностное знакомство с военной историей отдаленных эпох, если только оно не было щедро приправлено ненаучными, но увлекательными «альтернативными теориями» из Всемирной сети, натолкнет на вывод о том, что одним из наиболее успешных военных предприятий античности был Восточный поход Александра Македонского. И удачная реализация азиатского завоевательного проекта знаменитого полководца, и стремительный по историческим меркам взлет могущества монархии Аргеадов при его отце Филиппе II связаны прежде всего с превосходством македонского военного дела, которое в IV в. до н. э. не имело себе равных ни на Балканах, ни на обширных азиатских просторах от Малой Азии до Индии. Продвигаясь дальше общих представлений, можно обнаружить прогрессивные по меркам эпохи черты во многих составляющих македонской «военной машины» – в стратегии ведения кампаний, логистике, принципах организации войска, подготовке личного состава, осадных технологиях. Особое значение имела высокая эффективность применявшейся македонскими войсками тактики, ведь именно этот компонент военного искусства определяет то, как идет бой, который, согласно нестаршему определению К. фон Клаузевица, выступает «подлинной военной деятельностью» [4, с. 255]. Вместе с тем выявить предпосылки формирования передовой македонской тактики, позволявшей громить врага на полях сражений и побеждать в войнах, весьма непросто.

В наиболее полном виде особенности македонского тактического искусства раскрываются при рассмотрении достаточно хорошо освещенных в античной нарративной традиции сражений Александра с персидскими войсками при Гранике¹, Иссе² и Гавгамелах³, а также его битвы с индийским царем Пором на берегах Гидаспа⁴. Каждое из этих масштабных столкновений Александра с войсками противников было по своей сути уникальным, однако их сравнение позволяет выделить общую тактическую схему, ставшую рецептом знаменитых побед. Достаточно давно в трудах исследователей, несмотря на различия в оценках некоторых деталей, констатируется, что для Александра были характерны активные действия лучшими силами пехоты и кавалерии на правом фланге, откуда наносился концентрированный удар в наиболее уязвимый участок вражеского построения, в то время, как левый фланг вел преимущественно оборонительные действия вплоть до коллапса войска неприятеля [5, с. 141–142; 8, с. 325–326; 31, с. 165–167; 33, с. 199–211; 36, с. 191–192; 52, с. 371–373]. Указанный подход к организации боевого применения армии сочетался с еще одним часто выделяемым в современной историографии важным и устойчивым компонентом полководческого искусства Александра в виде комбинированного использования различных родов войск для решения общих тактических задач [13, с. 22–26; 50, с. 150–151; 63, с. 172; 73, с. 166–167]. В контексте рассматриваемой проблемы очень важно учитывать то, что выделенные основополагающие черты македонских методов ведения боя не являлись изобретением Александра, а были позаимствованы в военном инструментарии, которым пользовался еще его отец Филипп II⁵.

Сделать такой вывод позволяет анализ действий македонян в битве с иллирийцами у Лихнидского озера, состоявшейся в 358 г. до н. э., то всего год спустя после прихода Филиппа к власти. О ходе указанного сражения известно из сочинений Диодора Сицилийского и Секста Юлия Фронтинна, схожесть информации которых свидетельствует об опоре авторов на одну письменную традицию, восходящую, видимо, к ныне утраченному труду Эфора Кимского [39, с. 85; 48, с. 343]. Относительно пространно ее данные представлены у Диодора, указывающего, что Филипп разгромил противника, сосредоточив на правом фланге лучших воинов, чьи действия были поддержаны кавалерией, атаковавшей иллирийцев с фланга и тыла (XVI, 4, 3–7). Фронтинн подтверждает и дополняет эту информацию, сообщая о расположении

сильнейшей части войска македонян на правом крыле, наступление которого на левый фланг противника позволило одержать победу (Strat., II, 3, 2). Без сомнения, здесь была воплощена ставшая залогом и более поздних македонских успехов тактическая схема, предусматривавшая косоое построение войска с выдвиганием наиболее боеспособных подразделений вперед для сосредоточенного удара по слабому участку на левом фланге противника и совместные скоординированные атакующие действия пехоты и конницы на главном тактическом направлении [5, с. 47; 16, с. 143; 21, с. 391; 37, с. 24–25]⁶. Внедрение этой тактики хронологически совпало с началом процесса строительства новой македонской армии. Важная роль возглавляемой Филиппом отборной пехоты в сражении 358 г. до н. э. свидетельствует о наличии в македонском войске достаточно хорошо обученного пешего контингента, под которым следует понимать первых представителей знаменитой фаланги сариссофоров [12, с. 63; 16, с. 149; 17, с. 14; 40, с. 58].

Определяя предпосылки формирования передовых элементов тактики Филиппа и Александра, необходимо отметить, что в античной военной практике предшествующего времени отмечены случаи применения во многом схожей тактической концепции. Связаны они с деятельностью фиванского военачальника Эпаминонда, хронологически достаточно близкой к начальному этапу правления македонского царя-реформатора. Полководческим наследием Эпаминонда стали масштабные полевые сражения при Левктрах 371 г. до н. э. и Мантинее 362 г. до н. э., в античной литературной традиции освещенные сравнительно подробно⁷. Основываясь на богатом, но местами неоднозначном нарративном материале, исследователи по-разному оценивают эти битвы, вариативно трактуя и их ход, и место в истории греческого военного искусства. Тем не менее господствующим в науке можно считать представление об Эпаминонде как о выдающемся новаторе, который ввел построение в виде «косоого клина», предусматривавшее увеличение глубины фаланги и размещение на левом фланге лучших сил пехоты, прикрытых кавалерией. Все это позволяло наносить концентрированный удар по наиболее сильному правому крылу традиционно построенной фаланги спартанцев и, соответственно, добиваться коллапса всей вражеской армии (что в полной мере было осуществлено при Левктрах и не произошло при Мантинее из-за гибели самого Эпаминонда) [10, с. 144–145; 22, с. 86–89; 25, с. 261–263; 64, с. 286–298, 322–338; 67, с. 133–139; 73, с. 152]⁸. Об опоре македонского реформатора на наработки великого фиванца свидетельствуют широко известные сообщения античных авторов о пребывании молодого Филиппа в Фивах времен Эпаминонда в качестве заложника и его знакомстве с местным военным делом (см. Diod., XVI, 2, 2; Just., VII, 5, 1; Plut. Pelop., 26). Как предполагается, это обстоятельство было широко известно современникам Филиппа и потому нашло отражение в трудах всех основных историков той эпохи в лице Эфора Кимского, Феопомпа Хиосского и Марсия Македонского, у которых позаимствовали сведения более поздние писатели [41, с. 355–356]. Раннее появление данной информации и ее распространенность не позволяют принять выводы некоторых специалистов о недостоверности сообщений о знакомстве Филиппа с фиванской военной практикой [15, с. 21–22; 32, с. 43]. Не менее красноречиво об опоре македонского реформатора на идеи фиванского военачальника говорит сравнение тактических схем, имеющих много общего. Тем не менее считать новую македонскую тактику, проявившую себя уже в первом сражении Филиппа, результатом простого заимствования идей Эпаминонда, как утверждают некоторые из исследователей [36, с. 150; 37, с. 24; 68, с. 76]⁹, нельзя, так как между македонским и фиванским подходами к ведению сражений были и заметные различия.

Как указано в классической работе У. Тарна, в македонской тактике напрямую к практике Эпаминонда восходит четкое разделение ударного и оборонительного

флангов, при этом фиванский полководец делал атакующим левое крыло, а македоняне – правое [69, с. 8]. Впрочем, различия в подходах касались не только выбора ударного фланга. Имелась и большая разница в принципах применения силы. Следует согласиться с К. А. Мэттью, отметившим, что уже в первом сражении Филипп сконцентрировал лучшие части своего войска для атаки наиболее уязвимого участка вражеских боевых порядков, а не самого сильного, как это сделал при Левктрах Эпаминонд, направивший ударную колонну на отборные подразделения спартанской армии [52, с. 43–44]. Как правильно указывается в литературе, фиванский военачальник разработал и применил на практике тактическую схему, хорошо ориентированную на разгром спартанцев и других греков, для которых было свойственно размещение лучших сил войска, выступающих основой построения, на правом фланге [10, с. 144–145]. Македонская тактика, ориентированная на удар в уязвимое место вражеской диспозиции, была более универсальна и способствовала победам над самыми разными противниками, будь то иллирийцы, фракийцы, греки, персы или индийцы. Схожее наблюдение можно сделать и относительно комбинированного применения пехоты и кавалерии. Появление этого элемента в македонском военном инструментарии исследователи также неоднократно объясняли перениманием фиванского опыта [20, с. 31; 23, с. 67; 45, с. 14–15; 63, с. 88], однако, как показал в своем специальном исследовании Г. Райтсон, имелись большие различия в применении кавалерии, которую фиванский полководец задействовал для прикрытия пехоты, а македонский царь использовал как ударную силу, одновременно с фалангой воздействовавшую на вражескую пехотную линию [73, с. 171]¹⁰. Это обстоятельство делало спектр доступных Филиппу и Александру методов координированного применения основных родов войск более широким по сравнению с практикой Эпаминонда.

Говоря о предпосылках раннего появления новой и, как показали дальнейшие события, чрезвычайно эффективной македонской тактики, необходимо отметить, что она, конечно, сформировалась под влиянием фиванских наработок времен Беотийских войн. Именно благодаря им в арсенале Филиппа и его сына появился косой строй с выдвинутым в сторону противника ударным флангом и принцип концентрации силы [6, с. 21]. Также опыт Эпаминонда оказал влияние на македонскую практику координированного использования разных родов войск, однако здесь источником вдохновения для Филиппа мог выступать и знаменитый афинский военачальник Ификрат, также демонстрировавший эффективность подобного рода действий [67, с. 154–60]¹¹. Учитывая явное присутствие этого компонента в греческом военном деле предшествующего времени, следует определить как ошибочное время от времени появляющееся на страницах научных изданий мнение о том, что именно Филипп первым ввел в оборот координированные тактические действия пехоты и кавалерии [17, с. 33; 72, с. 215]. Тем не менее и в практике совместного боевого применения пехоты и кавалерии, и в реализации принципа сосредоточенного удара лучшими силами для обеспечения превосходства на решающем участке боя Филипп действительно продвинулся существенно дальше предшественников. Предпосылки этих новаций вопреки существующей тенденции объяснять македонский прорыв в военном деле лишь успешными заимствованиями¹² можно обнаружить в традиционных реалиях родной страны Филиппа и Александра.

Несмотря на крайнюю скудность данных о македонском военном деле дофилипповского времени, переданных греческими авторами классической эпохи напрямую или через посредство трудов более поздних писателей, уверенно можно констатировать, что вплоть до воцарения Филиппа II и его преобразований в военной системе государства Аргеадов существовал явно выраженный дисбаланс между родами войск. Местное пешее ополчение было весьма слабым в противовес аристо-

кратической коннице, являвшейся наиболее сильным компонентом вооруженных сил [2, с. 37–40; 17, с. 19–20; 32, с. 41; 38, с. 58–59; 46, с. 107–108]. Разница в потенциале македонской пехоты и боевых возможностях конницы была столь значительна, что побуждала местных владык в некоторых случаях задействовать исключительно конницу (см. *Thuc.*, II, 100, 5–6; *Polyaen.*, II, 1, 17) или же предоставлять только данный род войск в помощь союзникам (см. *Thuc.*, I, 61, 4; 62, 3; *Xen. Hell.*, V, 2, 40; 3, 1–2). Мало того, упоминание македонской кавалерии в классической традиции неоднократно сопровождалось вполне заслуженной похвалой (*Thuc.*, II, 100, 5–6; *Xen. Hell.*, V, 2, 40). В качестве наиболее показательного примера можно упомянуть описанные Ксенофонтом (*Hell.*, V, 2, 41–42) действия кавалерии из верхнемакедонской области Элимиотиды в сражении у Олинфа 382 г. Судьба этой битвы до н.э. была решена именно македонской конницей, при поддержке союзной спартанской пехоты атаковавшей неприятельский фланг [5, с. 38–39; 36, с. 124–125]. Уже тогда македонские всадники продемонстрировали, что при наличии взаимодействия с хорошей пехотой способны определять тактический рисунок боя, в котором противником выступает греческое гоплитское войско.

Особая роль кавалерии оказала большое влияние на свойственную для македонского социума военную культуру. Конные воины должны были восприниматься македонянами как главная военная сила, в то время как в полисах Греции подобную роль играли пехотинцы-гоплиты [54, с. 23]. Данное обстоятельство не могло не сказаться на тактическом мышлении Филиппа. Будучи изначально представителем общества с развитыми кавалерийскими традициями, царь-реформатор, создавая новую македонскую «военную машину» с ее грозной фалангой, сохранил восприятие конницы как важного рода войск, способного вносить вклад в исход сражения. Это повлияло на многие компоненты македонской тактики. В частности, одним из следствий стала большая роль конницы в использовавшихся во времена Филиппа и Александра тактических схемах, связанных с координированным применением пехоты и кавалерии. Учет динамики развития македонского, а не греческого военного дела не дает возможности считать Филиппа тем новатором, который, по указанию некоторых специалистов, превратил конницу в основную ударную силу армии и лишил пехотинцев монополии на активные наступательные действия [7, с. 50–51; 69, с. 11]. Также с данных позиций весьма надуманными и малообоснованными выглядят представленные в историографии попытки обнаружить в действиях фиванской кавалерии времен Беотийских войн предпосылки трансформации значения конницы в эпоху македонских завоеваний [36, с. 150; 68, с. 76]. Как справедливо отметил Дж. Ройсман, Филипп в своем стремлении активно использовать атакующий потенциал кавалерии явно следовал давним македонским традициям, а не тактическим идеям Эпаминонда, в которых данная тенденция не наблюдалась [64, с. 340].

Восприятие методов ведения боя через призму характерных для царства Аргеадов кавалерийских традиций предопределило и второе ключевое изменение, которое претерпели тактические идеи Эпаминонда при их переносе на македонскую почву. Речь идет об ином подходе при выборе точки приложения основных усилий войска, в соответствии с которым Филипп и Александр стремились нанести удар не по сильнейшему, а по самому слабому участку вражеского построения. Известно, что конница в виду естественных особенностей тандема «конь-всадник» неспособна к статичной обороне или упорному натиску на устойчивые оборонительные порядки, однако хорошо подходит для быстрого решительного удара и развития успеха на тех направлениях, где противник наиболее уязвим¹³. Подобные свойства кавалерии хорошо понимали в позднеклассическую эпоху. В частности, выбирать наиболее слабые участки вражеских порядков для конной атаки рекомендовал в своих наставлениях Ксенофонт (см. *Hirr.*, IV, 14). Осознавали эту особенность конницы и в

Македонии. Сделать вывод об этом позволяет рассказ Фукидида о действиях македонян против войска фракийского царя Ситалка в период масштабного вторжения 429 г. до н. э.: согласно сообщению афинского историка, всадники, на которых была возложена борьба с фракийцами, пользовались каждой возможностью для атак на многочисленного противника, однако при понимании невозможности продолжения боя с особо сильным врагом отступали (II, 100, 5–6). Филипп следовал тому же подходу при выборе направления главного удара с той лишь разницей, что после переименования достижений греческого военного опыта наступательные действия представляли собой координированную атаку конницы и появившейся в составе македонской армии профессиональной пехоты.

Таким образом, можно вполне уверенно заключить, что важнейшие черты передового македонского тактического искусства, блестяще воплощенного в знаменитых сражениях Александра Великого, возникли уже на начальном этапе правления Филиппа II. К ключевым компонентам этой новой тактики относились сосредоточение лучших сил войска на одном из флангов, концентрированный удар в наиболее уязвимое место вражеских боевых порядков, координированное применение кавалерии и пехоты. Появились указанные элементы благодаря сочетанию тактических идей фиванского военачальника Эпаминонда, с которыми Филипп ознакомился еще в молодости, и собственно македонских военных традиций с характерным для них восприятием конницы как силы, способной своими действиями определять исход сражений.

Примечания

1. См. Arr. Anab., I, 13, 1 – 16, 4; Diod., XVII, 19, 1 – 21, 6; Plut. Alex., 16.
2. См. Arr. Anab., II, 8, 5 – 12, 1; Polyb., XII, 17 – 22; Diod., XVII, 33, 2 – 34, 7; Curt., III, 9, 1 – 11, 19; Plut. Alex., 20; Just., XI, 9, 1 – 10.
3. См. Arr. Anab., III, 11, 3 – 15, 6; Curt., IV, 13, 26 – 16, 26; Diod., XVII, 57, 1 – 61, 3; Plut. Alex., 32 – 33; Just., XI, 13, 1 – 14, 6; Front. Strat., II, 3, 19; Polyæn., IV, 3, 6.
4. См. Arr. Anab., V, 13, 4 – 18, 3; Curt., VIII, 14, 1 – 40; Diod., XVII, 87, 2 – 89, 3; Plut. Alex., 60; Polyæn., IV, 3, 22; Metz. Epit., 60 – 62; Just., XII, 8, 1 – 5.
5. Это, конечно, не позволяет считать знаменитого завоевателя, чрезвычайно вариативно и неизменно удачно применявшего македонские тактические принципы, лишь продолжателем и подражателем, как об этом заявляет Р. Габриэль [35, с. 146–147].
6. Иной вывод, плохо соответствующий данным источников, сделал Дж. Эллис, отметивший незначительный вклад македонской конницы в победу 358 г. до н.э. [32, с. 58].
7. О битве при Левктрах: Plut. Pelop., 20 – 23; Plut. Ages., 28; Plut. Moral., 193b; Xen. Hell., VI, 4, 10 – 19; Xen., Ages., 2, 24; Diod., XV, 54, 7 – 56, 4; Nepos Pelop., 4, 2; Arr. Tact., 11, 2; Polyb., XII, 25f, 3 – 4; Paus., III, 6, 1; IX, 13, 9 – 12; Polyæn., II, 3, 2; 3; 8. О битве при Мантинее: Xen. Hell., VII, 5, 18 – 25; Diod., XV, 84, 4 – 87, 2; Plut. Moral., 194c, 214 c-d, 761d; Polyb., XII, 25f, 5; Paus., VIII, 11, 1 – 10; Front. Strat., II, 2, 12; Arr. Tact., 11, 2; Ael. Var. hist., XII, 3.
8. В историографии присутствует и критическое отношение к выводам о революционном характере тактики Эпаминонда, однако разделяющие его исследователи саму эффективность действий фиванского военачальника против спартанской армии не отрицают [11, с. 192–220; 42, с. 192–206; 47, с. 218–224; 49, с. 177–178].
9. Менее категоричное, но в целом схожее суждение о наличии тождественной тактической доминанты привел Р. Тейлор [70, с. 22]. Напротив, гораздо дальше в выводах продвинулся А. М. Девайн, оценивший тактику Александра в некоторых сражениях как прямое подражание Эпаминонду [28, с. 213–216].
10. В гораздо более раннее время во многом схожий вывод сделали В. Рюстов и Г. Кехли [66, с. 266].
11. Следует упомянуть весьма оригинальное, но слабо аргументированное мнение Т. Хоу о заимствовании Филиппом тактики комбинированного использования разных родов войск у иллирийцев [43, с. 103].
12. Источником этих ключевых заимствований, как правило, называют мир греческих полисов [19, с. 142–147; 50, с. 36, 44; 65, с. 369]. Отдельно можно упомянуть оригинальное мнение А. Ферилла, указавшего на большое значение персидского влияния [33, с. 150, 175].

13. Эти аспекты неоднократно отмечались в военно-теоретических работах XIX в., опиравшихся на богатый опыт применения конницы в войнах Нового времени [1, с. 324; 3, с. 318–319; 9, с. 180].

Список источников и литературы

1. Денисон Дж. Т. История конницы. Т. 1 / пер. с нем. Е. А. Рауш фон Траубенберг. СПб.: П. П. фон Дервиз, 1897. 432 с.
2. Жеков Ж. Хетайри и педзетайри до 359 г. пр. Хр. – мит и реальност // България, Българите и Европа – мит, история, съвремие. Т. 3. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2009. С. 34–41.
3. Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2009. 261 с.
4. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос : Наука, 1998. 448 с.
5. Нефёдкин А. К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 784 с.
6. Петриковски Дж. Великие сражения эпохи эллинизма. М.: Клио, 2018. 308 с.
7. Уортингтон Й. Филипп Македонский / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014. 397 с.
8. Фуллер Дж. Военное искусство Александра Македонского / пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: Центрполиграф, 2003. 350 с.
9. Хатов А. И. Общий опыт тактики. Ч. 1: Содержащая в себе начальную тактику. СПб.: Императорская Академия наук, 1807. 290 с.
10. Эджок Ф. Э. Военное искусство греков, римлян, македонцев. М.: Центрполиграф, 2012. 251 с.
11. Anderson J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1970. 419 p.
12. Anson E. M. The Introduction of the “Sarisa” in Macedonian Warfare // Ancient Society. 2010. Vol. 40. P. 51–68.
13. Arrianus Flavius *Tactica* // Flavii Arriani quae exstant omnia. Vol. 2. / ed. A. G. Roos. Leipzig: Teubner, 1968. Pp. 129–176.
14. Ashley J. R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
15. Aymard A. Philippe de Macédoine, otage à Thèbes // Revue des Études Anciennes. 1954. Vol. 56. Pp. 15–36.
16. Bardunias P. M., Ray F. E. Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750 – 100 BCE. Jefferson: McFarland and Company, 2016. 233 p.
17. Billows R. A. Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley ; Los Angeles ; Oxford: University of California Press, 1997. 453 p.
18. Billows R. A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden : New York: Brill, 1995. 240 p.
19. Brice L. L. Philip II, Alexander the Great, and the Question of a Macedonian “Revolution in Military Affairs” // Ancient World. 2011. Vol. 42, №. 2. Pp. 137–147.
20. Brizzi G. Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au légionnaire. Monaco: Jean-Paul Bertrand, 2004. 256 p.
21. Buckler J. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden ; Boston: Brill, 2003. 544 p.
22. Buckler J. Plutarch on Leuktra // Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies. 1980. Vol. 55, № 1. P. 75–93.
23. Bugh G. R. Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Reappraisal // New Approaches to Greek and Roman Warfare / ed. L. L. Brice. Hoboken: Wiley Blackwell, 2020. P. 65–80.
24. Burn A. R. The Generalship of Alexander // Greece and Rome. 1965. Vol. 12, № 2. P. 140–154.
25. Cawkwell G. L. Epaminondas and Thebes // Classical Quarterly (new series). 1972. Vol. 22, № 2. P. 254–278.

26. Claudii Aeliani Varia historia / ed. M. R. Dilts. Leipzig: Teubner, 1974. 199 p.
27. Cornelii Nepotis, Liber de excellentibus ducibus exterarum gentium. Cum vitis Catonis et Attici. Edinburgh: Chambers, 1852. 210 p.
28. Devine A. M. EMBOLON: A Study in Tactical Terminology // Phoenix. 1983. Vol. 37, № 3. P. 201–217.
29. Diodorus Siculus. Library of history. Vol. 7. Cambridge ; London: Harvard University Press, 1980. 431 p.
30. Diodorus Siculus. Library of history. Vol. 8. Cambridge ; London: Harvard University Press. 1989. 496 p.
31. Dodge T. A. Alexander (Great Captains). Boston ; New York: The Riverside Press, 1890. 693 p.
32. Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton: Princeton University Press, 1976. 312 p.
33. Ferrill A. The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder: Westview Press, 1997. 240 p.
34. Flavii Arriani Anabasis Alexandri / ed. A. G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907. 333 p.
35. Gabriel R. A. The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius. Barnsley: Pen and Sword, 2015. 208 p.
36. Gaebel R. E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
37. Green P. Alexander of Macedon, 356 – 323 BC: a historical biography. Berkeley ; Los Angeles ; London: University of California Press, 2013. 617 p.
38. Griffith G. T. Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / ed. M. B. Hatzopoulos and L. D. Loukopoulos. Athens: Ekdotike Athenon, 1980. P. 58–77.
39. Hammond N. G. L. The Sources of Diodorus Siculus XVI // Classical Quarterly. 1937. Vol. 31, № 2. P. 79–91.
40. Hammond N. G. L. Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 – 333 B.C. // Antichthon. 1980. Vol. 14. P. 53–63.
41. Hammond N. G. L. What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1997. Vol. 48, № 4. P. 355–372.
42. Hanson V. D. Epameinondas, the Battle of Leuktra (371 B.C.), and the "Revolution" in Greek Battle Tactics // Classical Antiquity. 1988. Vol. 7, № 2. P. 190–207.
43. Howe T. Plain Tales from the Hills: Illyrian Influences on Argead Military Development // The History of the Argeads: New Perspectives / ed. S. Müller [et al.]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017. P. 99–111.
44. Ivli Frontini strategematon libri qvattvor / ed. G. Gundermann. Leipzig: Teubner, 1888. 176 p.
45. Karunanithy D. The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359 – 281 BC. Barnsley: Pen and Sword, 2013. 358 p.
46. King C. J. Ancient Macedonia. London; New York: Routledge, 2017. 307 p.
47. Konijnendijk R. Classical Greek Tactics: A Cultural History. Leiden; Boston: Brill, 2017. 261 p.
48. Lane Fox R. Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD / ed. R. Lane Fox. Leiden ; Boston: Brill, 2011. P. 334–366.
49. Lazenby J. F. The Spartan Army. Mechanicsburg: Stackpole Books, 2012. 239 p.
50. Lonsdale D. J. Alexander the Great: Lessons in strategy. London; New York: Routledge, 2007. 192 p.
51. M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum / ed. F. Rühl, O. Seel. Leipzig: Teubner, 1935. 375 p.
52. Matthew C. A. An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War. Barnsley: Pen and Sword, 2015. 368 p.
53. Metz Epitome: Incerti auctoris Epitoma rerum gestarum Alexandri Magni / ed. P. H. Thomas. Leipzig: Teubner, 1960. 52 p.
54. Molina Marín A. I. Caranus and the Introduction of the Phalanx Formation in Macedonia // Pegasus. 2015. Vol. 58. P. 21–25.

55. Pausaniae Graeciae description. Vol. 1 / ed. F. Spiro. Leipzig: Teubner, 1903. 456 p.
56. Pausaniae Graeciae description. Vol. 3 / ed. F. Spiro. Leipzig: Teubner, 1903. 370 p.
57. Plutarchi Chaeronensis, Moralia. Vol. 2 / ed. G. Bernardakis. Leipzig: Teubner, 1888. 557 p.
58. Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 2 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1858. 556 p.
59. Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 3 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1889. 276 p.
60. Polyaei Strategematon libri VIII / ed. E. Woelfflin, J. Melber. Leipzig: Teubner, 1887. 562 p.
61. Polybii historiae. Vol. 3 / ed. T. Buttner-Wobst. Leipzig: Teubner, 1893. 529 p.
62. Curtii Rufi historiarum Q. Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889. 308 p.
63. *Ray F. E.* Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson: McFarland, 2012. 315 p.
64. *Roisman J.* The Classical Art of Command: Eight Greek Generals Who Shaped the History of Warfare. Oxford: Oxford University Press, 2017. 392 p.
65. *Roth J. P.* The Hellenistic World and the Roman Republic: War // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. 1 / ed. by P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 368–398.
66. *Rustow W., Kuchly H.* Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus. Aarau: Verlags Comptoir, 1852. 435 p.
67. *Sears M. A.* Understanding Greek Warfare. London ; New York: Routledge, 2019. 220 p.
68. *Sidnell P.* Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare. London ; New York: Hambledon Continuum, 2006. 363 p.
69. *Tarn W. W.* Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. 170 p.
70. *Taylor R.* The Macedonian Phalanx: Equipment, Organization and Tactics from Philip and Alexander to the Roman Conquest. Barnsley: Pen and Sword, 2020. 482 p.
71. Thucydidis Historiae. Vol. 1 / ed. C. Hude. Leipzig: Teubner, 1901. 425 p.
72. *Wilcken U.* Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. München: R. Oldenburg, 1962. 380 p.
73. *Wrightson G.* Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors. London ; New York: Routledge, 2019. 248 p.
74. Xenophons Griechische Geschichte. Hf. 2 / ed. B. Büchschütz. Leipzig: Teubner, 1880. 191. p.
75. Xenophontis opera omnia. Vol. 5 / ed. E. C. Marchant. Oxford: Clarendon, 1900. 250 p.

References

1. Denison, GT 1897, *Istoriya konnitsy* (History of cavalry), vol. 1, trans. E.A. Raush fon Traubenberg, P.P. fon Derviz publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Zhekov, Zh 2009, 'Khetairi i pedzetairi do 359 g. pr. Khr. – mit i realnost' (Hetairoi and Pedzetairoi to 359 BC – Myth or Reality), *Bŭlgariya, Bŭlgarite i Evropa – mit, istoriya, sŭvremie* (Bulgaria, the Bulgarians and Europe – Myth, History, Modernity), vol. 3, Universitet-sko izd-vo «Sv. sv. Kiril i Metodii» publ, Veliko Tarnovo, pp. 34–41. (In Bulgarian)
3. Jomini, H 2009, *Strategiya i taktika v voyennom iskusstve* (The art of war: Strategy & Tactics from the Age of Horse & Musket), trans. L. A. Igorevskiy, Tsentrpoligraf publ, Tsentrpoligraf, Moscow. (In Russ.)
4. Clausewitz, C 1998, *O voyne* (On War), trans. A. Rachinskiy, Logos publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Nefyodkin, AK 2019, *Konnitsa ehpokhi ehllinizma* (Hellenistic cavalry), Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Pietrykowski, J 2018, *Velikiye srazheniya ehpokhi ehllinizma* (Great Battles of the Hellenistic World), Klio publ, Moscow. (In Russ.)
7. Worthington, I 2014, *Filipp Makedonskiy* (Philip II of Macedon), trans. S.V. Ivanov, Klio publ, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)
8. Fuller, J 2003, *Voennoe iskusstvo Aleksandra Makedonskogo* (The Generalship of Alexander the Great), trans. N.A. Pozdnyakova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)

9. Khatov, AI 1807, *Obshchiiy opyt taktiki. Ch. 1: Soderzhashchaya v sebe nachal'nyyu taktiku* (General experience of tactics. Part 1: Containing the initial tactics), Imperatorskaya Akademiya nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Adcock, FE 2012, *Voennoye iskusstvo grekov, rimlyan, makedontsev* (The Greek and Macedonian Art of War), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
11. Anderson, JK 1970, *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles.
12. Anson, EM 2010, 'The Introduction of the "Sarisa" in Macedonian Warfare', *Ancient Society*, vol. 40, pp. 51–68.
13. Arrianus, F 1968, *Flavii Arriani quae exstant omnia*, vol. 2, ed. A.G. Roos, Teubner publ, Leipzig, pp. 129–176. (In Ancient Greek)
14. Ashley, JR 1998, *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC*, McFarland publ, Jefferson.
15. Aymard, A 1954, 'Philippe de Macédoine, otage à Thèbes', *Revue des Études Anciennes*, vol. 56, pp. 15–36. (In French)
16. Bardunias, PM & Ray, FE 2016, *Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750 – 100 BCE*, McFarland and Company publ, Jefferson.
17. Billows, RA 1997, *Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenistic State*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles, Oxford.
18. Billows, RA 1995, *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*, Brill publ, Leiden, New York.
19. Brice, LL 2011, 'Philip II, Alexander the Great, and the Question of a Macedonian "Revolution in Military Affairs"', *Ancient World*, vol. 42, no. 2, pp. 137–147.
20. Brizzi, G 2004, *Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au legionnaire*, Jean-Paul Bertrand publ, Monaco. (In French)
21. Buckler, J 2003, *Aegean Greece in the Fourth Century BC*, Brill publ, Leiden, Boston.
22. Buckler, J 1980, 'Plutarch on Leuktra', *Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies*, vol. 55, no. 1, pp. 75–93.
23. Bugh, GR 2020, 'Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Reappraisal', *New Approaches to Greek and Roman Warfare*, ed. L.L. Brice, Wiley Blackwell publ, Hoboken, pp. 65–80.
24. Burn, AR 1965, 'The Generalship of Alexander', *Greece and Rome*, vol. 12, no. 2, pp. 140–154.
25. Cawkwell, GL 1972, 'Epaminondas and Thebes', *Classical Quarterly (new series)*, vol. 22, no. 2, pp. 254–278.
26. Dilts, MR (ed.) 1974, *Claudii Aeliani Varia historia*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
27. Cornelii Nepotis 1852, *Liber de excellentibus ducibus exterarum gentium. Cum vitis Catonis et Attici*, Chambers publ Edinburgh. (In Latin)
28. Devine, AM 1983, 'EMBOLON: A Study in Tactical Terminology', *Phoenix*, vol. 37, no. 3, pp. 201–217.
29. Diodorus Siculus 1980, *Library of history*, vol. 7, Harvard University Press publ, Cambridge, London. (In Ancient Greek)
30. Diodorus Siculus 1989, *Library of history*, vol. 8, Harvard University Press publ, Cambridge, London. (In Ancient Greek)
31. Dodge, TA 1890, *Alexander (Great Captains)*, The Riverside Press publ, Boston, New York.
32. Ellis, JR 1976, *Philip II and Macedonian Imperialism*, Princeton University Press publ, Princeton.
33. Ferrill, A 1997, *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*, Westview Press publ, Boulder.
34. Roos, AG (ed.) 1907, *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
35. Gabriel, RA 2015, *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*, Pen and Sword publ, Barnsley.
36. Gaebel, RE 2002, *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*, University of Oklahoma Press publ, Norman.

37. Green, P 2013, *Alexander of Macedon, 356 – 323 BC: a historical biography*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles, London.
38. Griffith, GT 1980, 'Philip as a General and the Macedonian Army', *Philip of Macedon*, ed. M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos, Ekdotike Athenon publ, Athens, pp. 58–77.
39. Hammond, NGL 1937, 'The Sources of Diodorus Siculus XVI', *Classical Quarterly*, vol. 31, no. 2, pp. 79–91.
40. Hammond, NGL 1980, 'Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 – 333 B.C.', *Antichthon*, vol. 14, pp. 53–63.
41. Hammond, NGL 1997, 'What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes?', *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, vol. 48, no. 4, pp. 355–372.
42. Hanson, VD 1988, 'Epameinondas, the Battle of Leuktra (371 B.C.), and the "Revolution" in Greek Battle Tactics', *Classical Antiquity*, vol. 7, no. 2, pp. 190–207.
43. Howe, T 2017, 'Plain Tales from the Hills: Illyrian Influences on Argead Military Development', *The History of the Argeads: New Perspectives*, ed. S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger, Harrassowitz Verlag publ, Wiesbaden, pp. 99–111.
44. Gundermann, G (ed.) 1888, *Ivli Frontini strategematon libri quattuor*, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
45. Karunanithy, D 2013, *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*, Pen and Sword publ, Barnsley.
46. King, CJ 2017, *Ancient Macedonia*, Routledge publ, London, New York.
47. Konijnendijk, R 2018, *Classical Greek Tactics: A Cultural History*, Brill publ, Leiden, Boston.
48. Lane Fox, R 2011, 'Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation', *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*, ed. R. Lane Fox, Brill publ, Leiden, Boston, pp. 334–366.
49. Lazenby, JF 2012, *The Spartan Army*, Stackpole Books publ, Mechanicsburg.
50. Lonsdale, DJ 2007, *Alexander the Great: Lessons in strategy*, Routledge publ, London, New York.
51. Rühl, F & Seel, O (eds.) 1935, *M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum*, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
52. Matthew, CA 2015, *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War*, Pen and Sword publ, Barnsley.
53. Thomas, PH (ed.) 1960, *Metz Epitome: Incerti auctoris Epitoma rerum gestarum Alexandri Magni*, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
54. Molina Marín, AI 2015, 'Caranus and the Introduction of the Phalanx Formation in Macedonia', *Pegasus*, vol. 58, pp. 21–25.
55. Spiro, F (ed.) 1903, *Pausaniae Graeciae description*, vol. 1, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
56. Spiro, F (ed.) 1903, *Pausaniae Graeciae description*, vol. 3, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
57. Plutarchi Chaeronensis 1888, *Moralia*, vol. 2, ed. G. Bernardakis, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
58. *Plutarchi Vitae parallelae* 1858, vol. 2, ed. C. Sintensis, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
59. *Plutarchi Vitae parallelae*, 1889, vol. 3, ed. C. Sintensis, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
60. *Polyaeni Strategematon libri VIII* 1887, ed. E. Woelfflin, J. Melber, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
61. *Polybii historiae* 1893, vol. 3, ed. T. Buttner-Wobst, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
62. *Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* 1889, ed. Th. Vogel, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
63. Ray, FE 2012, *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC*, McFarland publ, Jefferson.
64. Roisman, J 2017, *The Classical Art of Command: Eight Greek Generals Who Shaped the History of Warfare*, Oxford University Press publ, Oxford.

65. Roth, JP 2007, 'The Hellenistic World and the Roman Republic: War', *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*, vol. I, ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby, Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 368–398.
66. Rustow, W & Kochly H 1852, *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus*, Verlags Comptoir publ, Aarau. (In German)
67. Sears, MA 2019, *Understanding Greek Warfare*, Routledge publ, London, New York.
68. Sidnell, P 2006, *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*, Hambledon Continuum publ, London, New York.
69. Tarn, WW 1930, *Hellenistic Military and Naval Developments*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
70. Taylor, R 2020, *The Macedonian Phalanx: Equipment, Organization and Tactics from Philip and Alexander to the Roman Conquest*, Pen and Sword publ, Barnsley.
71. Hude, C (ed.) 1901, *Thucydidis Historiae*, vol. 1, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
72. Wilcken, U 1962, *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*, R. Oldenburg publ, München. (In German)
73. Wrightson, G 2019, *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors*, Routledge publ, London, New York.
74. *Xenophons Griechische Geschichte* 1880, Hf. 2, ed. B. Büchsenschütz, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
75. *Xenophontis opera omnia* 1900, vol. 5, ed. E.C. Marchant, Clarendon publ, Oxford. (In Ancient Greek)

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 18.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63>

ПОЧЕМ ФУНТ ШПИЦРУТЕНОВ? НАКАЗАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ XVIII – НАЧАЛА XIX В.

**Татьяна Андреевна
Володина**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, volodina.tatiana2016@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5390-1089>

Аннотация. Статья посвящена анализу практики телесных наказаний в русской армии в период от Петра I до эпохи великих реформ. Признавая определенную динамику и развитие армии на протяжении столь долгого периода, необходимо отметить, что ей все же был присущ общий набор основных черт, среди которых весомую роль играли телесные наказания. Главная проблема, которую поднимает автор статьи, заключается в следующем: почему, несмотря на жестокость нормативной законодательной базы и разгул шпицрутеннов, российская армия отличалась высокой степенью корпоративной солидарности и демонстрировала замечательную эффективность на поле боя? Главным источником для исследования служат военно-судебные дела, которые впервые вводятся в научный оборот. В статье проводится анализ тех инструментов, которые формировались в армии в качестве регуляторов практики экзекуций или же могли служить ее естественными ограничителями. Автор приходит к выводу, что эти инструменты по-разному работали при судебных и дисциплинарных наказаниях. В качестве подобных ограничителей можно выделить следующие: амбивалентность силы, прикладываемой солдатами при проведении наказания; личная материальная ответственность офицера за «порчу» солдата, использование формулы «слово и дело», а также такой своеобразный феномен военно-процессуального права, как «Ротá присяги». Автор приходит к выводам, что писанные нормы военного закона в процессе своего воплощения в реалии армейской жизни неизбежно порождали неформальные инструменты, которые служили ограничителями излишней жестокости и произвола. Выработанные способы обеспечивали балансирование армии как целостной системы и поддерживали ее функционирование.

Ключевые слова: российская армия, шпицрутенны, телесные наказания, «Ротá присяги».

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Володина Т. А. Почем фунт шпицрутеннов? Наказания в русской армии XVIII – начала XIX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 47–63. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63>.

Сведения об авторе: Т. А. Володина – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63>

HOW MUCH IS A POUND OF GAUNTLETS? PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN ARMY OF THE 18th – EARLY 19th CENTURIES

Tatiana A. Volodina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, volodina.tatiana2016@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5390-1089>

Abstract. The article analyzes the practice of corporal punishment in the Russian army in the period from Peter the Great to the era of Great reforms. While recognizing a certain army dynamics and development over such a long period, it worth noting that it still shared a common set of basic features, among which corporal punishment played a significant role. The main problem that the author of the article raises is the following: why, despite the oppressive regulatory framework and the frequent use of gauntlet, the Russian army demonstrated a high degree of corporate solidarity and remarkable effectiveness on the battlefield? The main sources for research are military court cases, introduced into scientific discourse for the first time. The article analyzes the tools formed in the army as regulators of the execution practice or could serve as its natural limiters. The author concludes that these tools worked differently in judicial and disciplinary punishments. Such limitations include the following: the ambivalence of the force applied by soldiers during punishment; the personal financial responsibility of an officer for "spoiling" a soldier, the use of the "Slovo i delo" (Word and deed) formula, and such a peculiar phenomenon of military procedural law as the "Rotá prisyagi" (The Oath). The author concludes that the written norms of military law in the process of their implementation in the realities of army life inevitably generated informal tools that served as limiters of excessive cruelty and arbitrariness. These tools and methods ensured the balancing of the army as an integral system and supported its functioning.

Keywords: Russian army, gauntlet, corporal punishment, "Rotá prisyagi".

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Volodina, TA 2023, 'How Much is a Pound of Gauntlets? Punishments in the Russian Army of the 18th – early 19th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 47–63, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana A. Volodina* – Associate Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Volodina T. A., 2023

Как только речь заходит о наказаниях в русской регулярной армии, на ум сразу же приходят шпицрутены. При этом в нормативной базе армейской жизни спектр наказаний был гораздо шире. По Артикулу воинскому 1716 г. военные за различные преступления и нарушение дисциплины могли быть подвергнуты не только смертной казни и каторге, но и наказанию плетью, кнутом, батогами. Однако именно шпицрутены традиционно считаются краеугольным камнем устрашения в русской армии вплоть до эпохи великих реформ. В советской историографии на армию распространялась проекция классового подхода, а жестокость наказаний оценивалась как проявление классового угнетения солдат (крестьян) со стороны офицеров (дворян). В этом контексте и шпицрутены рассматривались как варварская и мучительная расправа, а при 3 тыс. ударов это наказание расценивалось как «замаскированная безусловная и мучительная смертная казнь» [19, с. 311, 313]. Только в последние годы начали появляться работы, которые корректируют это устоявшееся мнение благодаря обращению их авторов к архивным документам и реальной судебной практике [11; 12; 22].

Зарубежные исследователи, занимавшиеся историей российской армии, в вопросе телесных наказаний зачастую шли по стопам советской историографии. Для них шпицрутены выступали доказательством жестокости и произвола российского общества в целом, тем более что долгое время они были лишены возможности работать с архивными данными. Так, Джон Кип обращал внимание, что даже Николай I, утверждая приговоры военных судов, подчас увеличивал наказание сверх максимальных 3 тыс. ударов шпицрутенами, «в то время как даже несколько десятков ударов могли стоить человеку жизни» (перевод мой – *T.B.*) [43, р. 41]. Лишь знакомство с архивными документами способствовало корректировке этой черно-белой картины. Элиза Виртшафтер, например, уже признавала наличие определенных юридических прав у нижних чинов русской армии, однако акцентировала внимание на институциональной невозможности эти права отстоять, касалось ли это материальных ущемлений или чрезмерной жестокости командира [45]. Существовало, например, право у солдат при инспектировании полка заявлять о своих претензиях. Однако, доказывает Э. Виртшафтер, в реальности солдаты жаловались очень редко, ибо не знали наверняка, чем закончится для них эта жалоба: поркой или сатисфакцией. Эту гибкость военного законодательства американская исследовательница оценивает как имманентную институциональную слабость армии и связывает с традициями произвола, свойственными в целом автократическому и крепостническому обществу [45, р. 118–148].

На самом деле 3 тыс. шпицрутен не были «замаскированной смертной казнью» уже хотя бы потому, что в реальности в XVIII в. это количество ударов было минимальным уровнем в приговорах военных судов. Высшая же планка наказаний шпицрутенами составляла 12 тыс. ударов, и архивные документы дают нам множество свидетельств, когда один и тот же человек мог многократно подвергаться наказанию шпицрутенами, что отнюдь не приводило к его смерти. Так, в 1775 г. в Петербурге решалась судьба солдата Гордеева, который, как сообщалось в судебном деле, за 30 лет службы совершил 6 побегов: «Отроду ему 50 лет, в службе с 1737 года, из боярских людей, наперед сего за побег гонен был шпицрутен чрез тысячу человек, впервые шесть раз, вдругорядь десять, в третья двенадцать, в четвертая двенадцать и написан в профосы, в пятый – двенадцать раз». Гордеев бежал и в шестой раз, судебная система в оторопи размышляла, что делать с таким упрямым [33, л. 15–17]. Солдат Шорин, который в течение 1770 – 1793 гг. совершил пять побегов, каждый раз наказывался шпицрутенами (1,5 тысячи ударов, 3 тысячи, 6 тысяч, 8 тысяч), а в последнем приговоре вновь звучало: прогнать сквозь строй и «определить в службу по-прежнему» [37]. Суд как-то был уверен, что солдат выживет.

В документах часто можно встретить подтверждения того, что современники отнюдь не рассматривали шпицрутены как эквивалент смертной казни. Указ 1760 г., например, предписывал солдат, которые уже трижды получили наказание шпицрутенами, но продолжали оказывать себя «в худых поступках ненадежными», отправлять в Нерчинские заводы [21, № 11155].

А финляндский генерал-губернатор и командующий финляндским корпусом граф Штейнгель, который был назначен на этот пост после вхождения Финляндии в состав империи, вообще пребывал в растерянности из-за сознательного стремления его солдат попасть под шпицрутены. В 1814 г. он напрямую обратился к военному министерству. Дело в том, что по высочайшему указу от 2 августа 1810 г. за 3 и более побегов из армии предписывалось после наказания шпицрутенами отсылать солдат в дальние гарнизоны, дабы эти нарушители не действовали разлагающе на дисциплину в полку [21, № 24312]. Штейнгель был в большом затруднении. В силу общей дороговизны жизни в недавно присоединенной Финляндии солдаты беспрестанно совершали побег с единственной целью – чтобы их отослали в дальние гарнизоны. Генерал предлагал изменить этот порядок для Финляндии и отправлять беглых не вглубь России, а на крепостные работы в Свеаборг и на Аландские острова [23]. Александр I одобрил это предложение. Однако для нас в этих документах важно другое. Солдаты совершенно сознательно совершали побег, зная, что после трех раз «гоняния» сквозь строй они наконец покинут эту Финляндию, а значит, точно не воспринимали перспективу шпицрутенов как неизбежную смерть.

Необходимо отметить, что до издания устава 1716 г. в работе судебных комиссий принимали участие не только офицеры, но и нижние чины [38, с. 343–344]. Когда в 1708 г. Петру на утверждение был прислан приговор 28 беглым преображенцам, вынесенный в полку, то под этим приговором мы находим подписи 4 солдат, 2 капралов, 1 сержанта, а далее – офицеров полка от подпоручиков до майора [20, с. 217–226]. Из этого приговора четко видно, что сами преображенцы считали 3 тыс. шпицрутенов наиболее мягким наказанием (за простой побег из полка), далее – за грабежи, кражи из церквей, убийства и подделку документов – следовали уже каторга или смертная казнь. Аналогично и по «Инструкции полковничьей» 1764 г. командир полка имел право утверждать приговор суда на «гоняние шпицрутенами» до 3 тыс. ударов, не испрашивая конфирмации у вышестоящего генерала [15, с.3]. Получается, что в XVIII столетии 3 тысячи шпицрутенов воспринимались как своего рода *minimum minimumum* на карательной шкале военной юстиции. Лишь к концу XVIII в. в конфирмациях мы начинаем встречать снижение этого минимального порога в количестве ударов – «прогнать шпицрутенами 1 раз через комплектный полк / батальон» [41, с. XXIII – XXVII].

Вообще на протяжении всего XVIII столетия четко прослеживается стремление по рядовым делам право конфирмации приговоров передать дивизионным и бригадным генералам, не утруждая Военную коллегию и не затягивая бюрократическую переписку [21, № 4589, 14889, 17649]. Если в приговоре суда не маячила смертная казнь или каторга, то по логике законодателя нарушителей не следовало томить излишним содержанием под стражей. Такой арест «превосходил бы меру их преступлений». Не следовало отвлекать подсудимых от службы, тратить напрасно усилия караулов, лучше было побыстрее провести наказание шпицрутенами и вернуть их в полки. Как видим, Военная коллегия отнюдь не предполагала, что экзекуция завершится смертью солдата.

В то же время мы действительно встречаем немало случаев, когда наказание шпицрутенами, даже в умеренном количестве, приводило к смерти. В воспоминаниях одного доктора, оставившего описание экзекуции в Казани двух разбойников, на совести которых были грабежи и убийства, находим свидетельство, что приговорен-

ные к 12 тыс. ударов шпицрутен, они выдержали менее половины, после чего экзекуция была приостановлена по настоянию лекаря и наказанных отправили в госпиталь. Тем не менее оба в тот же день умерли [13, с. 67–69].

Вероятно, примерную «градацию» наказаний по степени болезненности современники ощущали на уровне непосредственных впечатлений и обыденного знания. Всем, например, было ясно, что розги, которые применялись даже к детям в школе, были не в пример легче батога или кнута. Это знание отразилось и в законодательстве. Когда в 1840 – 1850-е гг. происходило уничтожение некоторых видов телесных наказаний, практикам от законодательства пришлось провести «расценку» отменяемым и остающимся видам телесных наказаний. Нужно было дать ответ на вопрос: если кнут как таковой отменяется, то что является его эквивалентом по степени тяжести и болезненности? Основываясь на анализе этих норм, историки права вывели «масштаб» наказаний по степени болезненности. Согласно такому расчету 1 удар кнута равнялся 2 – 3 ударам плетей; 10 плетей – 40 ударам розгами; а 100 ударов плетей приравнивались к 2000 – 3000 ударов шпицрутенами [42, с. 150–151]. Получалось, что известные виды телесных наказаний по степени «болезненной силы» ранжировались в следующем порядке: кнут – плети – батоги – шпицрутены – розги. Помимо разделения телесных наказаний по инструментарию их можно разделить еще на два класса: судебные и дисциплинарные. Ниже мы еще вернемся к их особенностям, здесь же достаточно сказать, что первые совершались по официальным приговорам военных судов, вторые – по воле командира.

Возникает закономерный вопрос: почему в одном случае осужденные выдерживали наказание в 12 тыс. шпицрутен, а в другом умирали от 3 – 4 тыс. ударов? Конечно, можно сказать, что всему виной индивидуальные особенности человека: обладатель богатырского здоровья мог сдюжить, а для слабого человека все могло кончиться разрывом сердца. Однако слишком уж велик разброс в количестве ударов. Представляется, что в дело здесь вступал иной фактор.

При любом телесном наказании степень его болезненности определялась не только самим инструментом, но и степенью «усердия» того, в чьих руках этот инструмент находился. А вот здесь могли быть варианты. В качестве иллюстрации того, как много зависело от настроения исполнителя, можно привести описание казни пастора Зейдера (1800 г.), которое он сам оставил в своих записках. Приговоренный к 20 ударам кнута, выведенный на площадь, оцепленную солдатами, привязанный к плахе, он уже приготовился было к смерти. Однако удары, не касаясь его тела, лишь скользили по кушаку брюк пастора [18, с. 480]. В то же время в источниках остались свидетельства, что искусный палач при желании мог засечь человека до смерти 6 – 7 ударами кнута [17, с. 22]. Очевидно, что такой высокий уровень квалификации мог продемонстрировать только опытный мастер заплочных дел.

Необходимо заметить, что с Соборного Уложения и вплоть до екатерининского времени кнут являлся своего рода панацеей в карательной системе России. Наказанию кнутом могли быть подвергнуты в XVIII столетии как женщины-аристократки за участие в политических интригах (Наталья Лопухина и Анна Бестужева), так и обычные горожане, выбрасывающие на улицы мусор и нечистоты [39, с. 27–33; 21, № 4047, 4130]. Однако было одно исключение. В нормах и практике военного законодательства с петровского времени оформляется дихотомия: кнут против шпицрутен. Наказание кнутом для военных означало, что они (как «побывавшие в катских руках») будут отторгнуты от армии. Это позорящее наказание даже для рядового означало полную невозможность вернуться на военную службу.

Другие телесные наказания – батоги или шпицрутены – но нанесенные рукою товарищей по полку, не лишали солдата и офицера его доброго имени и чести, не удаляли его из воинского социума [8]. Архивные документы свидетельствуют, что в

XVIII в. те солдаты и офицеры, кто по судебному приговору получал шпицрутены (через 1000 человек 6 – 12 раз) и каторжные работы (1 – 4 года), после окончания срока вновь возвращались на военную службу [34].

В научной литературе встречается мнение, что в армии функции палача при наказании кнутом выполнял профос, т. е. представитель самой армии [1, с. 539]. Это мнение представляется нам неверным. Профос, конечно, был в полку фигурой малопочтенной, в профосы попадали в качестве наказания («разжаловать в профосы»), но он при всем том оставался солдатом. Следить за нечистотами, иметь инструментарий для «заковывания в железа», арестовывать, заготавливать те самые «шпицрутены», которые в реальной практике, скорее всего, нарезались в ближайшей роще – все это входило в его обязанности [41, с. 86–87]. Но кнут сделал бы полкового профоса просто отверженным среди товарищей по полку. Кнутом мог орудовать только палач, и в самой армии на это место невозможно было никого назначить даже приказом.

Тот же генерал Штейнгель в 1811 г. прямо-таки требовал от начальства прислать к нему в г. Або палача [24]. Резоны у главнокомандующего Финляндским корпусом были убедительные: у него скопилось уже человек 15 военных, которых перед отправкой на каторгу нужно было бить кнутом. Однако бить было некому. Отправлять же для наказания преступников в Петербург было трудно и неудобно, велика была вероятность, что половина из них сбежит по дороге. Кроме того, Штейнгель настаивал, что этих преступников требуется наказывать публично, на глазах нижних чинов и местных обывателей, дабы продемонстрировать воочию серьезность военного правосудия. Русские солдаты должны были видеть, что бывает за тяжкие преступления, а новые подданные империи – убедиться, что насилие по отношению к ним не остается безнаказанным. Забавно наблюдать в деле за дальнейшей перепиской ведомств. Военное министерство требует «выделить» палача у министерства полиции, а то отмалчивается либо отсылает военных к гражданским губернаторам. Видно, что по части палачей наблюдался явный кадровый голод. Аристократы, перешедшие в подданство России (Густав Армфельдт и Иоганн Аминов), мягко намекают, что Финляндия вполне может обойтись без насаждения традиции публичных казней. В результате уже в октябре 1812 г. Штейнгелю объявляют высочайшую волю: всех преступников для наказания кнутом присылать в Санкт-Петербург [24, л. 8].

Можно выдвинуть предположение, что исход наказания шпицрутенами в обычной практике не в последнюю очередь зависел от настроения тех самых солдат, которые наносили удары шпицрутенами. Если в их головах преступление собрата по полку выглядело понятным и извинительным, то и руки солдатские били не в полную силу. Могли ли офицеры (и главное – желали ли?) контролировать силу этих ударов?

В источниках мы встречаем свидетельства, подтверждающие, что зачастую не слишком желали и отнюдь не всегда могли. Так, мемуарист, вспоминая экзекуции в Преображенском полку при Николае I, свидетельствовал: «Большинство солдат били очень легко, – только шмыгали палочки по спине для формы... Несмотря ни на какие строгие приказания, не только офицеры, но даже фельдфебели смотрели сквозь пальцы на исполнение» [14, с. 29]. Следует учитывать, что это описание относится к наказаниям за пьянство, буйство и побеги, которые, в отличие от XVIII столетия (когда беглый солдат мог скрываться несколько месяцев, а то и лет), выглядели больше как «самовольные отлучки». За все это собратья по полку могли «шмыгать палочками», другое дело – те преступления, которые воспринимались военными как тяжкие и серьезные: преднамеренное убийство, особенно убийство «своего», военного, если оно было совершено не случайно, в запале ссоры или пья-

ной драки. Не ослабевала сила в солдатских руках и при наказаниях за ограбление церкви, за воровство внутри полка, за оставление караула, за кражу полковых денег.

В архивных документах мы находим случаи, когда явно видно стремление со стороны солдат и офицеров не допустить «шмыгания палочек». Как правило, это было связано с преступниками, которые в их глазах не заслуживали снисхождения. В 1832 г. рядовой Вятского пехотного полка Постоногов в Москве вышел среди бела дня на улицу и в трезвом рассудке застрелил из ружья мещанина Шувалова, совершенно ему не знакомого. На следствии солдат объяснил, что подобным образом он решил избавиться от военной службы; уж лучше каторга, чем армейская ляпка. Суд приговорил Постоногова прогнать сквозь строй в 1000 человек 10 раз, т. е. дать ему 10 тыс. ударов шпицрутенов и, лишив воинского звания, сослать в Сибирь на каторгу. По приговору получалось, что убийца добился поставленной цели.

В этом случае экзекуция явно носила подчеркнуто демонстративный, показательный характер, виновный не должен был дожить до каторги. На плацу наблюдать за наказанием были собраны рекруты из всех воинских частей, находившихся в Москве (около 2500 человек). Получив половину ударов, Постоногов уже не мог идти и упал. Его положили на тележку и продолжали возить. Штаб-лекарь Смирнов потребовал остановить экзекуцию. Дело в том, что с 1801 г. при всяком наказании шпицрутенами должен был присутствовать военный врач, которому предписывалось останавливать экзекуцию, если он видел, что солдат может не перенести наказание. Доктор должен был тотчас доставить его в госпиталь, а после выздоровления солдат получал «недоданные» удары при вторичном наказании [21, № 20070]. Однако не так было на этот раз, Постоногову дали все 10 тыс. шпицрутенов. Три часа спустя, доставленный в полковой лазарет, он умер [28].

Нужно учитывать, что в конце XVIII – первой половине XIX в., если солдат умирал после телесного наказания, обязательно назначалось следствие. В логике военного ведомства такая смерть была явлением чрезвычайным и нежелательным. И те, кто проводил экзекуцию над Постоноговым, это прекрасно знали. Следствие было назначено и на этот раз. Все как один – от командира полка и московского плац-майора до обер-офицеров и унтеров – дали единодушные показания: Постоногов сам просил кончить все за один раз и уверял, что вполне может вытерпеть наказание [28, л. 6–14]. Командир корпуса генерал Савоини изложил в своем рапорте наверх эту же версию. Полковнику за отступление от предписанных правил экзекуции в приказе по корпусу объявили замечание. Одиноким голос гуманиста штаб-лекаря был заглушен единством и солидарностью военной корпорации.

Интересные материалы предоставляет нам издание, содержащее документы о бунте военных поселян 1831 г. [40]. Выступления были связаны с холерой. Заподозрив «начальство» в намеренном распространении заразы, военные поселяне Новгородской губернии принялись убивать и пытаться офицеров, фельдфебелей, полковых священников и штаб-лекарей. После подавления бунта под суд пошли 3610 человек; из них телесным наказаниям подверглись 1712 человек, а остальные были без порки отправлены в арестантские роты и отдаленные гарнизоны. По видам наказаний распределение было следующее.

Розги – 150 человек.

Шпицрутены – 1599.

Кнут – 89.

Все причастные к бунту были разделены на четыре разряда по степени вины. К первому были отнесены главари бунта, которые непосредственно убивали и истязали. Ко второму – те, кто избивал офицеров и их жен, грабил цейхгаузы и пороховые погреба, разбивал аптеки и карантинны. К третьему – те, кто бил и сек унтер-офицеров и гражданских, глумился над телами убитых офицеров и грабил. И к чет-

вертому разряду принадлежали те, кто участвовал в бунте, но ничего вышперечисленного не делал. По утвержденным судебным приговорам разбивка по разрядам была произведена следующим образом.

I разряд – 88 человек.

II разряд – 778.

III разряд – 1005.

IV разряд – 739.

При этом градация телесных наказаний выглядела следующим образом (см. таблицу 1) [40, с. 6–9].

Таблица 1

РОЗГИ		ШПИЦРУТЕНЫ		КНУТ	
Кол-во человек	Кол-во ударов	Кол-во человек	Кол-во ударов	Кол-во человек	Кол-во ударов
2	25	361	500	3	9
3	50	370	1000	3	10
7	100	59	1500	10	12
3	150	487	2000	5	15
35	200	131	3000	11	20
65	300	191	4000	13	25
11	400			17	30
24	500			13	35
				8	40
				6	44

Нам известно, что из этого числа во время наказания или вскоре после него умерло 129 человек. При анализе этой цифры нужно учитывать следующий факт. С петровского времени наказание кнутом было сопряжено с бесповоротным удалением военного со службы. Проще говоря, в приговорах военных судов за кнутом непременно следовала каторга. Шпицрутены же означали, что человек остается на военной службе. Известно также, что в данном случае после телесных наказаний 88 человек из числа наказанных отправились на каторгу (а значит, остались живы) [40, с. 210]. Итак, мы можем предположить, что смертность среди тех, кто был наказан кнутом, была чуть более 1 %. Можно предположить также, что основная масса умерших приходилась на тех, кто получил серьезное число ударов шпицрутенами (2 – 4 тысячи ударов – 809 человек). Показатель смертности среди них гораздо выше – около 15 %, а если принимать в расчет только тех, кто получил 3 – 4 тыс. ударов, то уровень смертности вообще составляет около 40 %. Получается, что удары кнута физически были гораздо менее опасны для жизни, нежели 3 – 4 тысячи шпицрутенов.

Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что руки солдат в данном случае били с бóльшим усердием, нежели руки палача. Почему? Да потому, что в их глазах убийства, пытки и издевательства над «своими»: офицерами и унтерами, штаб-лекарями и полковыми священниками, фельдфебелями и каптенармусами были неприемлемы. Кроме того, для регулярных армейских частей военные поселяне были все-таки в большей степени «мужиками», нежели солдатами. В глазах «настоящей армии» они потому и могли глумиться над трупами убитых офицеров и унтеров, что были «ненастоящими солдатами».

Рассуждая от противного, мы можем предположить, что военно-судебные приговоры, в которых мелькают цифры в 6 – 8 – 10 тысяч шпицрутенов, в реальной практике «облегчались» в процессе исполнения. Архивные документы свидетель-

ствуют, что в заурядных случаях солдаты реально били своих собратьев не в полную силу. Офицер, конечно, мог попытаться от служебного усердия требовать проведения экзекуции с полной отдачей, но такая «рьяность» способна была бумерангом ударить и по нему самому. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные дела судебные дела над офицерами с формулировкой «о жестоком обращении с солдатами». В фондах РГВИА подобные дела не являются редкостью. Правда, следует отметить, что возникали они чаще всего по поводу дисциплинарных наказаний.

Кейс такого «бумеранга» находим, например, в деле майора Ширмана 1823 г., командира батальона 31-го егерского полка [31]. Толчком к делу послужил побег рядового, имевшего знак отличия военного ордена. Бежал он недалеко, «за пруд», и бежал от «побоев, чинимых ему по роже фельдфебелем Николаевым» [31, л. 377]. А с 1808 г. было запрещено подвергать телесным наказаниям нижних чинов, награжденных солдатским Георгием [21, № 23160]. Казус очень быстро перерос в военно-судебное дело над командиром батальона майором Ширманом. Выяснилось, что он практиковал жесткие дисциплинарные меры за малейшую провинность и поощрял к тому же фельдфебелей.

В военно-судебных делах того времени иногда можно встретить документ, который назывался «Ротá присяги». Судя по смыслу, название восходит к тому значению слова «ротá», которое зафиксировал Владимир Даль в своем словаре: клятва, божба, особое заклинание, вроде «отсохни моя рука, если неправду говорю» [10, с. 106]. Значит, во времена Даля слово еще употреблялось, оно было понятно людям, однако корни самого феномена (клятва при даче свидетельских показаний в суде) уходят в древнерусское право и Средневековье [4].

Если была необходимость получить массовые показания нижних чинов касательно действий их командира (присвоение полковых денег, схемы с провиантом, жестокое обращение с солдатами), то прибегали именно к этой процедуре. Текст самой клятвы занимал полстраницы и содержал стандартные формулы – «Аз, ниже именованный... в чем буду в следственной комиссии спрашиван касательно командования (такого-то офицера такою-то частью)... скажу самую истинную правду...аще же лестно себе в чем свидетельствую, либо ложно клятвою хочу неправдою правду показать, то да будет на мне вся клятва, еже здесь зглагола, на ложно клянущихся, и да казнит меня царь небесный яко клятвопреступника и супостата... в заключение же сей моей клятвы целую слово и крест Спасителя моего» [31, л. 372; 26, л. 411; 27, л. 54; 25, л. 29]. К присяге приводил священник, далее, после клятвы, следовали фамилии и имена всех солдат, подвергавшихся допросу; за неграмотных расписывались грамотные, эти подписи могли занимать десяток страниц. И только после проведения данной процедуры фиксировались письменно показания нижних чинов. «Ротá присяги» выглядела как некий армейский симбиоз повального обыска с крестным целованием, утаить что-то было практически невозможно.

В деле майора Ширмана показания дали все роты, и все подтверждали, что в батальоне наказывали за всякую ошибку или мелочь: за то, что при шитье майорского мундира в швальне обузили рукава; за то, что при конвоировании арестантов солдат присел отдохнуть; за то, что рядовой забыл вынуть из ружейного дула деревянный патрон – за все это давали от 30 до 500 лозанов (ударов прутьями). В то же время солдаты свидетельствовали, что после этих наказаний «никогда никого не уносили на плаще».

В показаниях многих солдат находим, что их по приказанию майора подвергали наказаниям за то, что они своих товарищей во время экзекуций «били слабо» или «били тихо». С формально-юридической точки зрения майор Ширман ничего не нарушил, никто из солдат не был покалечен или забит насмерть. Однако дело-то велось о «жестоком обращении с солдатами», и в протоколах следствия фиксирова-

лось то, что воспринималось солдатами и самими следователями как «неподобающее» и непосредственно относящееся до предмета следствия. Попытка контролировать силу ударов при экзекуциях явно попадала в этот разряд. Приговора не последовало, однако по окончании дела майор Ширман был уволен с военной службы без мундира (т. е. он не имел права в отставке носить военный мундир) и пенсии. Это был явный знак корпоративного осуждения [9, с. 8].

Вообще «Ротá присяги» была достаточно эффективным инструментом в расследовании дел о жестокости командиров. Встречаются дела, где нижние чины уверенно свидетельствуют, что наказание было заслуженным, умеренным и справедливым. Так, например, было в деле капитана Балакина, который отдал приказ выпороть розгами рядового Подольщенко за самовольную отлучку и пьянство. Солдаты показали, что числа розог они не упомнят, но наказанному солдату даже не пришлось отправляться в лазарет [25, л. 29–34]. После этого следствие над капитаном было сразу прекращено.

Менее удачно дело обернулось в 1816 г. для ротмистра Украинского уланского полка Пихельштейна [30]. Солдат Музыченко украл 16 курей у жителей села, где квартировал эскадрон. Ротмистр распорядился наказать его плетьюми, а на следующий день после экзекуции солдат умер. Первоначально мы видим явную попытку замять дело. Командиром полка являлся Пихельштейн 1-й, а герой дела, Пихельштейн 2-й, командовал в нем эскадронном; родственная связь была очевидна. Штаб-лекарь выдал заключение, что Музыченко скончался от потребления горячительных напитков и нарыва в легких, полковой командир скрыл факт следов наказания на теле, а сам Пихельштейн рапортовал, что наказание составило только 35 плетей. Однако в результате допроса нижних чинов («Ротá присяги») выяснилось, что Музыченко получил более 900 плетей [30, л. 72–75]. Боевые заслуги подсудимого были велики. Выходец из австрийских дворян, он поступил юнкером в российскую армию в 1803 г. и участвовал во всех кампаниях вплоть до 1814 г. Дважды был ранен, награжден орденами Св. Георгия, Владимира и Анны. Все это не «перевесило» «Ротá присяги», суд применил артикулы воинского устава Петра (33-й и 154-й), и Пихельштейна, лишив всех чинов, дворянского достоинства и орденов, записали рядовым в Харьковский драгунский полк [30, л. 182].

В научной литературе нам не удалось найти никаких сведений об этой военно-процессуальной процедуре. «Ротá» как форма судебной присяги рассматривалась исключительно в качестве компонента русского права XI – XVII вв. В глазах людей Средневековья в ней причудливо соединялись «грех» (клятва) и «благо» (крестное целование) [2]. Не упоминается «Ротá присяги» и в военном законодательстве. Однако факт остается фактом, в конце XVIII – начале XIX в. она применялась и в военном судопроизводстве играла роль высшей «солдатской правды», выступая своеобразным корпоративным ограничителем персонального произвола офицеров.

В более раннее время в качестве подобного ограничителя использовался материальный фактор. В 1774 г. военная коллегия рассматривала дело поручика Казанского кирасирского полка Масалова, который угодил под суд за жестокое обращение с рядовым Журавлевым [36]. В караульной команде, где находился Журавлев, у вахмистра пропали карманные часы. А ранее Журавлев уже был уличен в краже золотых часов у выборгского купца, за что был наказан палками перед строем. Масалов отдал приказ бить его палками и на этот раз, требуя признания. Журавлев принес жалобу командиру полка, а после избияния угодил в госпиталь. Лекари дали заключение, что солдат в результате побоев сделался «к службе негоден». Приговор суда был скор и прагматичен: с поручика взыскать годного к службе рекрута, а избитого солдата офицер должен был «удовольствовать деньгами» и молить бога, чтобы тот

не помер. В случае смерти солдата в госпитале поручика могло ожидать более серьезное наказание.

Речь здесь не шла о гуманности, скорее о ценности солдата как персонифицированной и необходимой компоненты армии. Отражение этого явления мы видим даже в фольклоре. Среди сказок, собранных А. Н. Афанасьевым, есть сюжет, описывающий солдата на постое в крестьянской избе. Мужик ударил его, заслуженно приревновав к своей жене. На все упреки хозяина солдат, натягивая штаны, хладнокровно отвечает: «Чрез тебя, мошенника, я теперь надорвался. Вот и веди меня в госпиталь да лечи на свой счет: я – человек казенный! А не вылечишь – сам на мое место в солдаты попадешь» [3, с. 343].

Таким образом, жестокость дисциплинарных взысканий имела в XVIII столетии весомый, грубый и зримый ограничитель: забил солдата до увечий – поставь за свой счет рекрута. Можно предположить, что до 1762 г. в роли дополнительного ограничителя жестокости выступала также формула «слова и дела». В своей монографии Е. В. Анисимов приводит статистику приговоров Тайной канцелярии в 1730 – 1740-е гг. Обращает на себя внимание тот факт, что среди всех сословий солдаты выступали абсолютными рекордсменами по части объявления «ложного слова и дела», их доля (32 %) была несопоставимо велика по сравнению с численностью солдат среди всего населения страны [1, с. 716]. В критической ситуации солдат легко мог отвести от себя непосредственную угрозу наказания, выкрикнув магическую формулу и обвинив какого-нибудь поручика в злоумышлениях. Скорее всего, в результате розыска Тайная канцелярия во всем разберется и за ложный извет его накажут теми же шпицрутенами, но в застенок-то они отправятся вместе. Недаром в указе о ликвидации Тайной канцелярии говорилось, что формула эта в основном использовалась теми, кто желал «под какой суд или несчастье подводить своих начальников» [21, № 11687].

Негативные последствия для офицера могли наступить именно в случае применения дисциплинарных взысканий, т. е. наказаний, чинимых по его непосредственному личному приказу. Смерть же солдата от телесных наказаний в результате официального военно-судебного приговора была нежелательной, но она не служила причиной для обвинения командира. Логика здесь была понятна. Дисциплинарные наказания проходили по разряду «легких», они назначались за мелкие проступки, а значит, должны были вести к «исправлению» солдата, но никак не к его смерти. За серьезные преступления наказания были гораздо тяжелее, но все они выходили за рамки компетенции поручиков или капитанов.

Главное было – не перепутать. Капитан драгунского полка Шлиппенбах как раз нарушил этот принцип. Эскадрон под его командой, который квартировал в Валуйском уезде, отправился летом на учения. Капитан оставил рядовому Печерыженко 236 рублей с тем, чтобы солдат закупил в окрестных деревнях фураж и сено к моменту возвращения эскадрона. Когда воинская часть вернулась в расположение, оказалось, что нет ни фуража, ни денег. Самого Печерыженко с трудом удалось отыскать, все это время он пропьянствовал по окрестным деревням. При строе нижних чинов ему дали 100 ударов и посадили в сухой погреб под караул, а на следующее утро обнаружили мертвым [29]. Нижние чины в своих показаниях все это подтвердили. Было очевидно, что в данном случае били солдаты от души («не мог сам встать с места»), ведь он пропил полковые деньги, и лошади драгунские стояли некормленые. В результате военный суд признал капитана виновным в «наказании непозволительным образом», ибо он должен был в этом случае рапортовать по команде и отправить нарушителя под суд. Но приговор Шлиппенбаху был легкий: три месяца ареста на гауптвахте и три года обходить чинами при производстве.

Необходимо отметить еще один фактор, который, вероятно, служил ограничителем излишней персональной жестокости офицеров. Таким ограничителем было ружье в солдатских руках. В XVIII – начале XIX в. русская армия много воевала, а в перерывах между войнами полки ежегодно выходили в лагеря для учений. К этому нужно добавить, что до середины XIX столетия в военном деле господствовал черный порох. При стрельбе дымным порохом после первого же ружейного залпа видимость сокращалась очень резко. Сюда же нужно приплюсовать линейную тактику, которая была зафиксирована во всех военных уставах полевой пехотной службы. На практике это означало, что командиры (от прапорщиков до майоров) в условиях боя шли впереди своих солдат (см. рис. 1 и 2) [6, с. 290; 5, с. 495]. Легко ли было офицеру подставить себя под ружейные залпы солдат, сознавая, что, если они считают его дисциплинарные наказания несправедливыми и чрезмерно жестокими, то в пороховом дыму никто не увидит, кто именно выстрелил ему в спину?

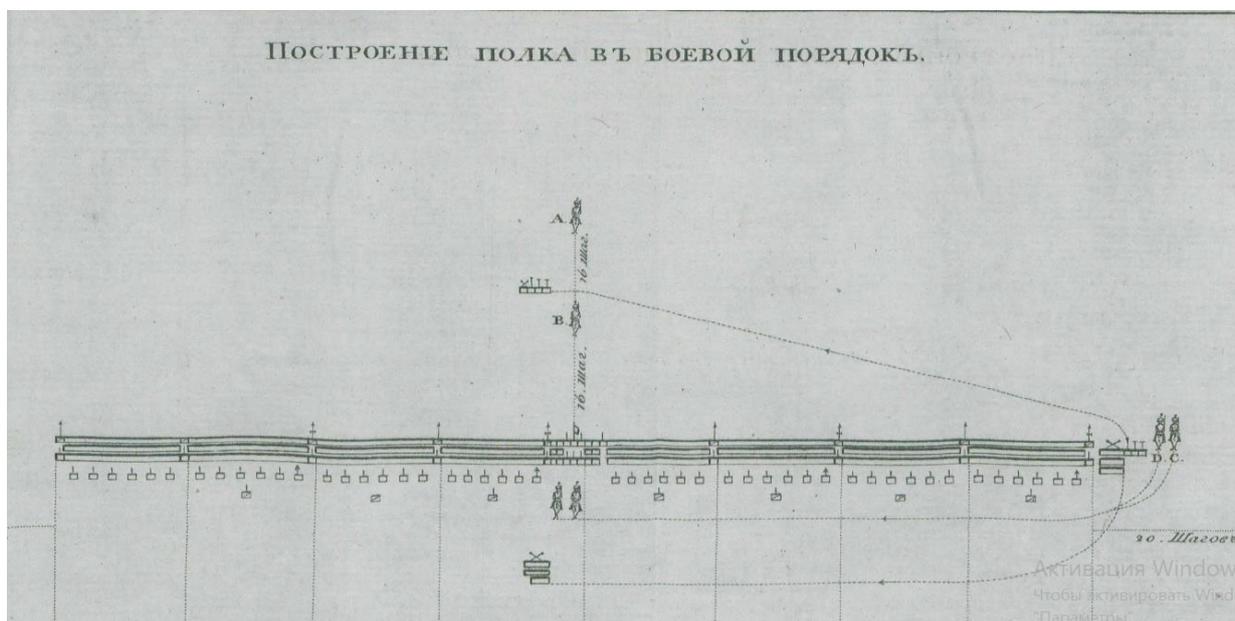

Рис. 1.

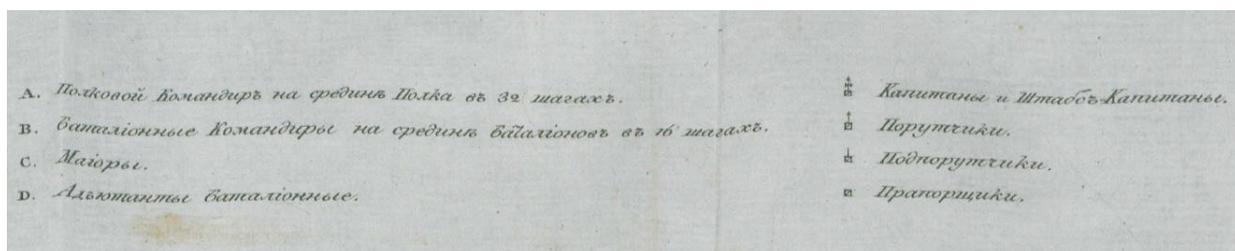

Рис. 2.

В 1772 г., например, под суд попал рядовой Ямбургского карабинерного полка Яков Пушников [35]. Было Пушникову 26 лет, происходил он из солдатских детей, служил с 1758 г., умел читать и писать. Сильную неприязнь карабинеры испытывали к майору Уткину («житья не дает»), и как-то на конюшне солдат поделился придуманным им планом с двумя друзьями. А задумал он на учении зарядить свой пистолет пулей и убить Уткина. Все получилось. Когда майор скомандовал второй шеренге палить, солдат в него и выстрелил. Однако «в корпус не попал, а только пробил шляпу». Арестованный Пушников упросил караульных дать ему сходить за вином, и

карабинеры его **выпустили** (!). На квартире он сбросил с себя мундир, надел хозяйскую свитку, развел чернил и быстренько «написал себе паспорт для проходу до Казани за рукою генерала Шпрингера под видом крепостного его человека» [35, л. 12–14]. Спустя несколько недель его все-таки поймали, и дело для солдата закончилось кнутом, рваными ноздрями и вечной каторгой. Однако наше внимание привлекает здесь другое: и друзья по капральству его не сдали, и караульные из-под ареста выпустили. Быть ненавидимым солдатами для офицера в условиях ведения реальных боевых действий было чревато большими неприятностями.

Подводя итоги, следует подчеркнуть несколько важных пунктов. В наши намерения ни в коей мере не входит утверждение, что наказание шпицрутенами было легким или безболезненным. Однако принципы историзма требуют от нас оценивать каждое явление в координатах прошлого, а не дня сегодняшнего. Не стоит подходить к солдатам и офицерам XVIII в. с мерками Веры Засулич. Европейские армии раннего нового времени, которые строились на регулярной основе и по численности многократно превосходили войска XV – XVI вв., требовали совсем другого уровня поддержания дисциплины. И жесткие телесные наказания применялись в войсках повсюду. Лишь в середине XIX в. английское общество всерьез стало обсуждать «варварство» порки солдат, хотя такие военные и государственные деятели, как герцог Веллингтон и лорд Пальмерстон, да и в целом британское армейское руководство, стояли за порку, ибо считали невозможным поддержание дисциплины в армии без плетей [44, р. 25–26].

Нам представляется, что социально-психологическая реакция солдат на судебные и дисциплинарные наказания, вероятно, была разной. Шпицрутены, как правило, фигурировали в приговорах военных судов. В них заседали не чиновники, а представители военной корпорации, выросшие в реалиях армейской службы, и решали они судьбу обвиняемого коллегиально. Приговор требовал подтверждения со стороны командира полка, генералов, военной коллегии или самого государя (смотря по тяжести дела). Жесткость военного законодательства при этом сглаживалась традицией «мнений», которые подавались командирами снизу вверх [7]. И если по силе воинских артикулов тебе полагалась смертная казнь, а на практике дело заканчивалось шпицрутенами, то это выглядело справедливо и воспринималось почти как милосердие. Наказание к тому же было обставлено массой требований: построение полка, присутствие офицеров, зачитывание приговора и подписание экзекуторального листа. Сам сценарий экзекуции являлся неким исполненным значения ритуалом, прописанным в уставе почти как театральное действие [6, с. 173–179]. К тому же собратья по полку били с разной степенью усердия, которое соответствовало их представлениям о степени вины подсудимого. Кого здесь было ненавидеть военному? Всю эту огромную махину, которая напроць была лишена персональных черт и субъектности? Шпицрутены воспринимались армейским социумом не как личная прихоть командира, а как результат действия общей системы военного закона. Вплоть до «Жалованной грамоты дворянству» офицер мог и сам угодить под шпицрутены. Более того, нам встретилось дело 1816 г., когда дворянин Бобровский, служивший в Дворянском полку, по высочайшей резолюции был «при собрании рот бит розгами нещадно и выписан вечно в рядовые» [32, л. 3].

Иное дело было с дисциплинарными наказаниями. Накладывались они властью непосредственного командира, далеко не всегда вносились в полковой штрафной журнал. Они-то как раз могли восприниматься как персонифицированные и чрезмерные, и зачастую такими и были. Осуществлялись такие наказания без всякого юстиц-антуража, быстро, «по-домашнему». Не обязательно было даже выстраивать роту для наблюдения за экзекуцией, и не нужно было отрягать подводу для подготовки тысяч прутьев. Выпороть можно было в две руки чем придется – плетями,

палками, лозанами, розгами. Конечно, на уровне предписаний, инструкций и риторики командирам советовалось соблюдать в дисциплинарных наказаниях умеренность и справедливость [41, с. 150–152]. Например, инструкция 1774 г. предписывала офицерам ни в коем случае не доходить до жестокости, ограничиваться палками (максимум 30 ударов); «если же давать больше, то этим человека не поправишь, а только в лазарет отошлешь» [16, с. 46]. Однако в реалиях полковой службы предписания далеко не всегда были действенны. Нам представляется, что внутри армии вырабатывались другие, неформальные инструменты, которые играли роль балансирующих ограничителей, обеспечивающих функционирование системы в целом.

Список источников и литературы

1. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.
2. Антонов Д. И. Клятва и крест: Проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI – XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 42–53.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857 – 1862. М.: Ладомир, 1997. 735 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Птг. ; Киев : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1915. 699 с.
5. Воинский устав о пехотной службе. С приложением планов школы рекрутской, ротного и батальонного учения. СПб.: Морская тип., 1816. 505 с.
6. Воинский устав о полевой пехотной службе с планами. М.: Сенатская тип., 1797. 322 с.
7. Володина Т. А. Спасительная сила «мнений»: о практике военных судов в русской армии XVIII – начала XIX вв. // Новый исторический вестник. 2023. № 4. С. 6–25.
8. Володина Т. А., Подрезов К. А. «Прикрыть его знаменем»: об инструментах сакрализации знамени в русской армии XVII – XVIII веков // Новый исторический вестник. 2021. № 4. С. 6–26.
9. Высочайшие приказы январской трети 1824 г. СПб.: Тип. Глав. Штаба, 1824. 269 с.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: М. О. Вольф, 1882. Т. 4. 683 с.
11. Дмитриев А. В. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 74–83.
12. Дмитриев А. В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 54–62.
13. Ильинский А. И. За полстолетия. Воспоминания о пережитом // Русская старина. 1894. Т. 81. Февраль. С. 46–69.
14. Имеретинский Н. К. Из записок старого преображенца // Русская старина. 1893. Т. 78. Апрель. С. 21–50.
15. Инструкция полковничья пехотного полку. СПб.: Воен. Тип. Гл. Штаба, 1764. 74 с.
16. Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова // Военный сборник. 1871. № 11. С. 34–47.
17. Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу. М.: Унив. Тип., 1846. 47 с.
18. Обвинение и ссылка пастора Зейдера // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 461–489.
19. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. М.: Госюриздат, 1961. 667 с.
20. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып.1. М.-Л.: АН СССР, 1948. 406 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (ПСЗРИ-1). В 26 т. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830-1851.

22. *Проскуракова М. Е.* «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 8: История. С. 82–92.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 141.
24. РГВИА. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2.
25. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 597.
26. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 615.
27. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 621.
28. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 1757.
29. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 500.
30. РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 26.
31. РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 127.
32. РГВИА. Ф. 395. Оп. 122. Д. 363.
33. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 127.
34. РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2288.
35. РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 1528.
36. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 138.
37. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1624.
38. *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. 377 с.
39. *Семевский М. И. Н. Ф. Лопухина.* 1699-1763. Эпизод из ее жизни // Русский вестник. 1860. Т. 29, № 9. С. 5–52.
40. *Слезкинский А. Г.* Бунт военных поселян в холеру 1831 г. Новгород: Тип. Новг. Губ. Правл., 1894. 225 с.
41. *Столетие военного министерства.* Т. 12. Главное военно-судное управление. Кн. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1902. 201 с.
42. *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб.: Тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1897. 228 с.
43. *Keep J.* Justice for the Troops: A Comparative Study of Nicholas I's Russia and France under Louis-Philippe // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Vol. 28, no. 1. P. 31–54.
44. *Mitchell B.* The Debate in Parliament about the Abolition of Flogging during the Early Nineteenth Century, with References to the Windsor Garrison // Journal of the Society for Army Historical Research. 2010. Vol. 88, no. 353 P. 19–28.
45. *Wirtschaftfer E. K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. 214 p.

References

1. Anisimov, EV 1999, *Dyba i knut. Politicheskiy sysk i russkoye obshchestvo v XVIII veke* (The rack and whip. Political Investigation and Russian Society in the 18th Century), Novoye lit. obozreniye publ, Moscow. (In Russ.)
2. Antonov, DI 2009, 'Klyatva i krest: Problema sudebnoy prisyagi v drevnerusskoy pravovoy kul'ture XVI – XVII v.' (The Oath and the Cross: The Problem of the Judicial Oath in Old Russian Legal Culture of the 16th – 17th centuries), *Old Russia. The questions of Middle ages*, no. 1, pp. 42–53. (In Russ.)
3. Afanasyev, AN 1997, *Narodnyye russkiye skazki ne dlya pechati, zavetnyye poslovitsy i pogovorki, sobrannyye i obrabotannyye A. N. Afanas'yevym, 1857 – 1862* (Russian fairy tales not for printing, cherished proverbs and sayings, collected and processed by A. N. Afanasyev, 1857 – 1862), Ladomir publ, Moscow. (In Russ.)
4. Vladimирskiy-Budanov, MF 1915, *Obzor istorii russkogo prava* (Overview of the history of Russian law), no. 7, Izd. N. YA. Ogloblina publ, Petrtograd, Kiyev. (In Russ.)
5. *Voinskiy ustav o pekhotnoy sluzhbe. S prilozheniyem planov shkoly rekrutskoy, rotnogo i batal'onного ucheniya* (Military regulations on infantry service. With an appendix of the

- plans of the recruit school, company and battalion drills) 1816, Morskaya tip. publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Voinskiy ustav o polevoy pekhotnoy sluzhbe s planami (), Senatskaya tip. publ, Moscow. (In Russ.)
 7. Volodina, TA 2023, 'Spasitelnaya sila «mneniy»: o praktike voyennykh sudov v russkoy armii XVIII – nachala XIX vv.' (The saving power of "opinions": on the practice of military courts in the Russian army of the 18th – early 19th centuries), *The New Historical Bulletin*, no. 4, pp. 6–25. (In Russ.)
 8. Volodina, TA & Podrezov, KA 2021, '«Prikryt yego znamenem»: ob instrumentakh sakralizatsii знамени v russkoy armii XVII – XVIII vekov' ("To Cover Him with the Banner": On the Instruments of Sacralizing the Banner in the Russian Army of the 17th and 18th Centuries), *The New Historical Bulletin*, no. 4, pp. 6–26. (In Russ.)
 9. *Vysochayshiy prikazy yanvarskoy treti 1824 g* (The highest orders of the January third of 1824) 1824, Tip. Glav. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 10. Dal, VI 1882, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), vol. 4, M. O. Vol'f publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 11. Dmitriyev, AV 2018, 'Voyennoye sudoproizvodstvo v armeyskikh chastyakh na territorii Sibiri v XVIII v.: ofitsial'nyy mekhanizm i real'naya praktika' (Military proceedings in the army units at the territory of Siberia in the 18th century: official mechanism and real practice), *Historical Courier*, no. 1, pp. 74–83. (In Russ.)
 12. Dmitriyev, AV 2010, 'Uroven' distsipliny i narusheniya zakona v russkoy armii serediny XVIII v.: (sotsial'no-politicheskaya adaptatsiya v usloviyakh Sibiri)' (The level of discipline and lawbreaking in the Russian army in the mid-18th century (socio-political adaptation in Siberian conditions), *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* (Historical Research in Siberia: Problems and Prospects), In-t istorii SO RAN publ, Novosibirsk, pp. 54–62. (In Russ.)
 13. Ilinskiy, AI 1894, 'Za polstoletiya. Vospominaniya o perezhitom' (For half a century. Memories of experiences), *Russkaya starina*, vol. 81, February, pp. 46–69. (In Russ.)
 14. Imeretinskiy, NK 1893, 'Iz zapisok starogo preobrazhentsa' (An old Preobrazhensky Life Guards Regiment serviceman's notes), *Russkaya starina*, vol. 78, April, pp. 21–50. (In Russ.)
 15. *Instruktsiya polkovnich'ya pekhotnogo polku* (Instruction for colonels of infantry regiments) 1764, Voyen. Tip. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 16. 'Instruktsiya rotnym komandiram za podpisaniyem polkovnika grafa Vorontsova' (Instruction for company commanders signed by Colonel Count Vorontsov) 1871, *Voyennyi sbornik*, no. 11, pp. 34–47. (In Russ.)
 17. Collins, S 1846, *Nyneshneye sostoyaniye Rossii, izlozhennoye v pis'me k drugu* (The present state of Russia in a letter to a friend at London), Univ. Tip. publ, Moscow. (In Russ.)
 18. *Obviniye i ssylka pastora Zeydera* (The indictment and exile of Pastor Zeider) 1878, *Russkaya starina*, vol. 21, pp. 461–489. (In Russ.)
 19. 'Zakonodatelnyye akty Petra I' (Peter the Great's legislative acts) 1961, *Pamyatniki russkogo prava*, no. 8, Gosyurizdat publ, Moscow. (In Russ.)
 20. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (Peter the Great's letters and documents) 1948, vol. 8, no. 1, AN SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
 21. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1. (PSZRI-1) V 26 t.* (Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. In 26 vols.) 1830-1851, coll. 1, Tip. 2-go otd-niya sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 22. Proskuryakova, ME 2014, '«Bezhav is polku...»: fenomen dezertirstva v kontekste istorii sudebnoy praktiki pervoy poloviny XVIII v.' (Phenomenon of desertion in context of history of judicial practice during the 1st half of the 18th century), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 13, no. 8, pp. 82–92. (In Russ.)
 23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (Russian State Military Historical Archive), fund 1, inventory 4, volume 1, file 141. (In Russ.)
 24. *RGVIA*, fund 1, inventory 4, volume 1, file 2. (In Russ.)
 25. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 597. (In Russ.)
 26. *RGVIA*, fund. 16231, inventory 1, file 615. (In Russ.)
 27. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 621. (In Russ.)

28. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 1757. (In Russ.)
29. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 500. (In Russ.)
30. *RGVIA*, fund 16232, inventory 1, file 26. (In Russ.)
31. *RGVIA*, fund 16232, inventory 1, file 127. (In Russ.)
32. *RGVIA*, fund 395, inventory 122, file 363. (In Russ.)
33. *RGVIA*, fund 8, inventory 5, file 127. (In Russ.)
34. *RGVIA*, fund. 8, inventory 1, file 2288. (In Russ.)
35. *RGVIA*, fund. 8, inventory 4, file 1528. (In Russ.)
36. *RGVIA*, fund 8, inventory 5, file 138. (In Russ.)
37. *RGVIA*, fund 8, inventory 5, file 1624. (In Russ.)
38. Rozengeym, MP 1878, *Ocherk istorii voyenno-sudnykh uchrezhdeniy* (Sketch of the history of military judicial institutions), Tip. M. Ettingera publ, St. Petersburg. (In Russ.)
39. Semevskiy, MI 1860, 'N. F. Lopukhina. 1699 – 1763. Epizod iz yeye zhizni' (H. F. Lopukhina. 1699 – 1763. An episode from her life), *Russkiy vestnik*, vol. 29, no. 9, pp. 5–52. (In Russ.)
40. Slezskinskiy, AG 1894, *Bunt voyennykh poselyan v kholeru 1831 g.* (Revolt of military settlers during the 1831 cholera epidemic), Tip. Novg. Gub. Pravl. publ, Novgorod. (In Russ.)
41. 'Glavnoye voyenno-sudnoye upravleniye' (General Military Court Administration) 1902, *Stoletiye voyennogo ministerstva* (Centenary of the War Ministry), vol. 12, book 1, part 1, Tip. M. O. Volf publ, St. Petersburg. (In Russ.)
42. Timofeyev, AG 1897, *Istoriya telesnykh nakazaniy v russkom prave* (History of corporal punishment in Russian law), Tip. S.-Peterb. Tyurmy publ, St.Peterburg. (In Russ.)
43. 'Keep J. Justice for the Troops: A Comparative Study of Nicholas I's Russia and France under Louis-Philippe' 1987, *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 28, no. 1, pp. 31–54.
44. Mitchell, B 2010, 'The Debate in Parliament about the Abolition of Flogging during the Early Nineteenth Century, with References to the Windsor Garrison', *Journal of the Society for Army Historical Research*, vol. 88, no. 353, pp. 19–28.
45. Wirschafter, EK 1990, *From Serf to Russian Soldier*, Princeton Univ. Press publ, Princeton.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2023
Одобрена после рецензирования: 10.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 23.10.2023
Approved after reviewing: 10.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-64-72>

ОШИБКА ИНТЕНДАНТА: ДЕЛО ЗАТЛЕРА И РЕФОРМЫ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

**Станислав Сергеевич
Юдин**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия
stasstas08@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья описывает и анализирует дело генерал-интенданта Федора Карловича Затлера (1805–1876), развернувшееся по итогам Крымской войны. Хотя коррупция в ходе этого конфликта считается общеизвестным фактом, единственное судебное дело, открытое по итогам злоупотреблений в Крыму, до сих пор не было исследовано. Такое пренебрежение отчасти вызвано ограниченной источниковой базой. Основные источники, раскрывающие ход и мотивы дела Затлера, исходят от самого фигуранта судебного процесса. Тем не менее, на основе публицистических произведений Затлера и свидетельств современников (при ясном осознании ограничений, которые накладывают на исследователя эти источники) можно прийти к некоторым ценным выводам. Дело Затлера проходило в контексте борьбы между высшим строевым командованием и центральной военной администрацией (военным министерством) за решающее влияние на управление всем военным ведомством. Активную роль в преследовании генерал-интенданта принял князь В. И. Васильчиков, имевший амбиции стать военным министром. Его усилия поддерживали представители аристократии и высшего чиновничества Российской империи. Хотя установить реальную степень вины Затлера по имеющимся источникам не представляется возможным, следует констатировать, что суду не удалось убедительно доказать его виновность. Мнения современников об этом деле разнились: одни были убеждены в справедливости обвинительного заключения, другие пытались высказаться в защиту Затлера и добиться его оправдания. Как бы то ни было, вынесенный обвинительный приговор был важной победой военного министерства на пути к установлению своей гегемонии в управлении армией и проложил дорогу военным реформам 1860 – 1870-х гг. Последовавшие после дела Затлера 1858 г. преобразования, проведенные военным министром Д. А. Милютиным (введение военных округов и нового положения об управлении армии в военное время 1868 г.), укрепили положение военного министерства во главе общей структуры управления войсками Российской империи.

Ключевые слова: Затлер Ф. К., Крымская война 1853 – 1856, военные реформы 1860 – 1870-х гг.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Юдин С. С. Ошибка интенданта: дело Затлера и реформы после Крымской войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 64–72. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-64-72>

Сведения об авторе: С. С. Юдин – кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(47)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-64-72>

THE INTENDANT'S MISTAKE: THE ZATLER CASE AND REFORMS AFTER THE CRIMEAN WAR

Stanislav S. Yudin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
stasstas08@mail.ru

Abstract. This article describes and analyzes the case of Intendant General Fyodor Karlovich Satler (1805 – 1876), which unfolded following the Crimean War. Although corruption during this conflict is considered a well-known fact, the only court case opened as a result of abuses in Crimea has not yet been investigated. This neglect is partly due to the limited source base. The main sources revealing the course and motives of the Satler case come from the person involved in the trial. Nevertheless, on the basis of Satler's journalistic works and the testimonies of contemporaries (with a clear understanding of the limitations that these sources impose on the researcher), some valuable conclusions can be reached. The Satler case took place in the context of a struggle between the supreme combatant command and the central military administration (War Ministry) for decisive influence on the management of the entire military department. Prince V. I. Vasilchikov, who had ambitions to become Minister of War, took an active role in the persecution of the Intendant General. His efforts were supported by representatives of the aristocracy and the highest officials of the Russian Empire. Although it is not possible to establish the real degree of Satler's guilt according to available sources, it should be noted that the court failed to convincingly prove his guilt. The opinions of contemporaries about this case varied: some were convinced of the fairness of the indictment, others tried to speak out in defense of Satler and get him acquitted. In any case, the conviction was an important victory for the War Ministry on the way to establishing its hegemony in the management of the army and paved the way for military reforms in the 1860s and 1870s. The transformations that followed the Satler case in 1858, carried out by the War Minister D. A. Milyutin (the introduction of military districts and a new regulation on the management of the army in wartime in 1868), strengthened the position of the War Ministry at the head of the general structure of the command of the troops of the Russian Empire.

Keywords: Zatler F. K., Crimean War, 1860 – 1870s military reforms.

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Yudin, SS 2023, 'The Intendant's Mistake: the Zatler Case and Reforms after the Crimean War', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 64–72, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-64-72> (in Russ.)

Information about the Author: *Stanislav S. Yudin* – Candidate of History, Contractor for the Grant, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Крымская война 1853 – 1856 гг. и реформы Александра II находятся в тесной связи. Поражение Российской империи в конфликте с коалицией во главе с Великобританией и Францией указало на ее слабости и подготовило почву для «работы над ошибками». Путь от руин Севастополя до манифеста об освобождении крестьян 1861 г. неоднократно и весьма подробно описан. Однако в данной статье утверждается, что арест генерал-интенданта крымских войск генерал-майора Федора Карловича Затлера (1805 – 1876), суд над ним и приговор являются важными и практически незамеченными этапами на этом пути.

В первые годы царствования Александра II дело Затлера служило символом злоупотреблений, и сам фигурант превратился в козла отпущения за поражение в войне. А затем об этом эпизоде предпочли забыть. Характерно, что в дореволюционной специальной литературе о работе тыла в годы Крымской войны действия Затлера в Крыму обходили вниманием [2; 16]. В работе М. И. Богдановича говорилось более об объективных трудностях продовольствования армии в Крыму, нежели об ошибках и злоупотреблениях интендантства [3, с. 158]. Последующие историки Крымской войны более сосредотачивались на военных и политических аспектах конфликта. Не нашел отражения этот эпизод и в историографии военных реформ после 1856 г. В итоге, в научной литературе не сформировалось единого мнения даже о виновности или невиновности генерал-интенданта. Такая неопределенность, как мы увидим, не была случайностью.

Практически все, что мы знаем об «интендантском деле» исходит от самого Затлера. После его смерти были опубликованы обвинительное заключение, мнение начальников Федора Карловича и его собственные пояснения [7]. Дополнительную информацию можно почерпнуть из высказываний современников, которые мы приведем в данной статье. У нас нет возможности работать с теми материалами, которые имелись у следствия, оценивать качество процесса и перепроверять версию обвиняемого подобно тому, как материалы комиссии генерала Н. П. Петрова (1915 – 1916) позволяют историкам досконально изучить другое громкое дело, вызванное поражением – дело Сухомлинова [17, с. 66–76]. Поэтому в данном случае имеет смысл сосредоточиться не на вопросе виновности Затлера, а на том, чтобы поставить суд над интендантством в более широкий контекст послевоенной борьбы за направление будущих реформ. Именно такую задачу ставит данная статья.

Если мы представляем период 1856 – 1861 гг. как переход от поражения в войне к реформам, то дело Затлера было одним из поворотных моментов этого пятилетия. Оно было единственной попыткой реально наказать за военную неудачу и – как мы надеемся показать ниже – во многом предопределяло направление реформ в военной сфере.

Интендантское дело

Федор Карлович Затлер значительную часть карьеры провел в орбите генерал-фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича, могущественного главнокомандующего Действующей армии. Приняв участие в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. и в подавлении польского восстания 1830 – 1831 гг., он 14 лет служил в штабе артиллерии Действующей армии. В 1846 г. Затлер получил назначение генерал-провиантмейстером при Паскевиче. Во время Венгерского похода 1849 г. видим его генерал-интендантом армии, а в 1853 г. – на том же посту в составе войск, занимавших княжества Молдавию и Валахию [20, с. 130–131].

Служба при Паскевиче несомненно наложила на Затлера определенный отпечаток. Штаб фельдмаршала пользовался практически полной независимостью от военного министерства. В общей системе военной администрации, сложившейся при Николае I, поддерживался баланс между центральным управлением в Санкт-Петербурге и строевыми командованиями, из которых штаб в Варшаве был самым

влиятельным [8, с. 196–197]. Поражение в Крымской войне и смерть Паскевича в 1856 г. приведет к нарушению этого баланса, а это, в свою очередь, драматически скажется на судьбе самого Затлера.

Но в конце 1840-х и начале 1850-х гг. карьера Затлера развивалась успешно. Все, что известно о его деятельности в этот период, характеризует его как энергичного и знающего интенданта. Когда в 1849 г. русская армия вступила в Венгрию, войска быстро остались с минимальными запасами провианта. Паскевич приказал Федору Карловичу срочно пополнить запасы за счет покупок у местных торговцев, а в крайнем случае – с помощью реквизиций. Проблему удалось решить, хотя иногда приходилось платить завышенные цены [5, с. 42–59]. Так же и в Дунайских княжествах в 1853 – 1854 гг. Затлер сумел распорядиться поставками продовольствия и на этот раз сбить цены местных купцов [6, с. 10–11]. Из сочинения В. Аратовского следует, что интендант вывел командование из весьма затруднительного положения [2, с. 19–20]. Пока делались эти заготовления, война приобрела иной характер. Англо-французские войска высадились в Крыму и осадили Севастополь.

В начале 1855 г. наступил новый этап деятельности Затлера. Его тогдашний начальник князь М. Д. Горчаков был назначен командующим войсками в Крыму. Перед генерал-интендантом встала непростая задача: необходимо было наладить расстроенное снабжение войск в условиях ограниченных ресурсов на полуострове и слабых коммуникаций на юге Российской империи. Имея неограниченные полномочия как представитель главнокомандующего, Затлер властными и требовательными распоряжениями сумел обеспечить войска необходимыми запасами. В подобном духе продолжилась его деятельность, когда в конце 1855 г. новым главнокомандующим в Крыму стал граф А. Н. Лидерс. Ценой достижений интенданта были трения с местными властями Новороссии и с Петербургом. Штаб крымской армии выкачивал оставшиеся ресурсы из разоренных южных губерний и отвергал притязания на контроль со стороны военного министерства. Отстаивание своей служебной независимости привело генерал-интенданта к конфликту с целым сонмом высокопоставленных чиновников. Вскоре Затлер был арестован в связи с обвинениями в служебных злоупотреблениях.

В 1856 г. Крымская война завершилась поражением России, и одна за другой были учреждены две следственные комиссии для расследования деятельности Затлера и его подрядчиков. Дело поступило в специально учрежденный в Москве генеральный военный суд, который в декабре 1858 г. признал бывшего генерал-интенданта виновным в преступлениях по должности, приговорил его к разжалованию в рядовые, лишению чинов, орденов и дворянского достоинства с наложением денежного взыскания. Горчаков и Лидерс подали специальные записки в оправдание своего подчиненного. «Я должен, по совести, сказать, – признавался Горчаков, – что Затлер в числе тех, коим Россия, наиболее, обязана за спасение Крымского полуострова» [7, с. 114]. Приняв во внимание эти мнения, Александр II смягчил наказание: Федор Карлович был лишь исключен со службы с оставлением денежного начета. Но бывший генерал-интендант не сдался и продолжал выпускать статьи, брошюры и целые ученые трактаты об искусстве снабжения войск. Вся его деятельность была направлена на восстановление репутации. В декабре 1869 г. по ходатайству графа Ф. Ф. Берга ему были возвращены приобретенные службой права и сложен денежный долг. В 1876 г. Федор Карлович умер, к тому времени лишь в некоторой степени обелив свое имя. «Я была свидетельницей душевных страданий этого мученика, – писала его вдова, – и теперь сделалась наследницей того великого горя, которое свело его в могилу» [20, с. 129].

Интриги и общественная реакция

Затлер выставял себя жертвой интриг, в которые были вовлечены представители аристократии и высшего управленческого звена. Главным своим обвинителем он называл князя Виктора Илларионовича Васильчикова. Молодой князь во время войны был начальником штаба гарнизона Севастополя, имел репутацию одного из героев обороны города и сторонника крестьянской реформы. После 1856 г. его карьера резко пошла в гору. Осведомленный современник А. Э. Циммерман вспоминал: «Многочисленные товарищи его по Пажескому Корпусу поддерживали его и кричали об нем как о даровитом человеке, рассчитывая сами возвыситься с его возвышением» [14, л. 270об]. Именно князь стал председателем первой комиссии по интендантскому делу. С помощью шпионажа и давления на свидетелей он начал собирать материалы, параллельно распуская в высшем обществе слухи о злоупотреблениях Затлера [7, с. 9–10].

«Интендантское дело» стало предметом публичных обсуждений, когда в 1857 г. заметку о злоупотреблениях на поставках опубликовал «Колокол» А. И. Герцена. «Видно, и такой исполненный благородства и чистоты человек как Васильчиков, и тот не мог ничего сделать», – заключало неподцензурное лондонское издание [15]. Скандал достиг апогея в 1858 г., когда сразу два официальных органа посвящали ему свое внимание. «Военный сборник» выступал в роли нападающего, а «Русский инвалид» предоставлял свои страницы Затлеру для защиты. Знаковой стала статья Н. Н. Обручева «Изнанка Крымской войны», в которой интендантство обвинялось в искусственном взвинчивании цен на сено и попытках нажиться на полках, взимая процент с их фуражных денег [13, №7, с. 278–287]. «Но то, *что* заготовлено, выражает прежде всего средства, и принадлежит тому, кто дает средства, – как бы обращалась статья к Федору Карловичу, – скажите, *как* заготовлено, и тогда мы увидим, *что* принадлежит распоряжавшемуся заготовлением» [13, №4, с. 441]. Другим адресатом обвинений был граф А. Н. Лидерс. Обручев прозрачно намекал на его недобросовестность: «С отбытием князя Горчакова из Южной армии [иными словами, с прибытием Лидерса. – С. Ю.], распорядительность в ней начинает слабеть» [13, №4, с. 441]. Подобное указание на одного из главнокомандующих прошедшей войны было переходом границ допустимого. Вскоре автор статьи вынужден был покинуть редакцию «Военного сборника» [1, с. 58–61]. Таким образом, в преддверии вынесения приговора Затлеру правительство остановило разгорающуюся полемику. Возможно, смягчение вердикта по интендантскому делу было связано с желанием не подогреть и без того бушующие страсти вокруг вопроса о снабжении крымских войск.

К тому моменту князь Васильчиков был товарищем (помощником) военного министра Н. О. Сухозанета и даже несколько месяцев занимал его должность, когда старый генерал лечил глаза за границей. III отделение в одном из своих отчетов выражало надежду, что «князь Васильчиков, будет деятельным помощником Министра к отвращению недостатков в военном ведомстве существующих» [18, с. 456]. Возможно, молодой аристократ желал раздуть громкое дело и на волне общественного возмущения взлететь на министерское кресло. Как известно, его опередил другой кандидат – начальник штаба кавказской армии Дмитрий Алексеевич Милютин. В конце 1860 г. он вступил в должность товарища военного министра, а в мае 1861 г. был назначен управляющим военным министерством. Был ли он бенефициаром интендантского скандала?

Уже говорилось, что Затлер всю свою карьеру был частью николаевской военной системы, в которой военный министр не мог вмешиваться в распоряжения главнокомандующего. Однако неудачи Крымской войны и смерть Паскевича в 1856 г. приводили к тому, что баланс сил в высшей военной администрации расшатывался.

В ходе Крымской войны, являясь ближайшим помощником главнокомандующего, Федор Карлович вынужден был постоянно блокировать проекты из Петербурга. Среди тех, кто во время войны досаждал ему вмешательствами, Федор Карлович называл «личностей, которые, во время войны, суфлировали военному министру, писали записки титулованным дядюшкам, подшептывали о многих административных распоряжениях, оставшихся на бумаге при столкновении с действительностью, обставлявшие все операции южной и крымской армий», а в другом месте – «профессора, теоретика, пользовавшегося интимностью своих отношений к Его сиятельству [графу П. Д. Киселеву]» [7, с. 6–7, 12]. Нет сомнений, что речь идет именно о Д. А. Милютине – племяннике графа Киселева и ключевом советнике военного министра во время Крымской войны. Сам Дмитрий Алексеевич в своих воспоминаниях также указывал, что его предложения нередко встречали сопротивление [11, с. 337–340]. Следует оговориться: когда разгоралось интендантское дело, Милютин находился на Кавказе. Источники молчат о каком-либо вовлечении будущего военного реформатора в гонения на Затлера. Но сам обвиняемый был убежден: записки времен Крымской войны, травля интендантства и последующая деятельность Милютина во главе армии вели к одному – к полному подчинению строевого командования военному министерству [7, с. 6–7]. Затлер имел ввиду, прежде всего, последовавшие после назначения Милютина военно-окружную реформу 1863 г. и принятие нового положения об управлении армии в военное время 1868 г. Оба этих преобразования подвергались критике как ведущие к бюрократизации армии [9, с. 34].

Руководствуясь записками Затлера, можно предполагать, что генерал-интендант оказался жертвой амбиций высокопоставленных чинов военного министерства. Они желали укрепить влияние своего ведомства за счет авторитета строевого командования. Громкое дело против интендантства было для них удобным средством достижения этой цели. Общественное негодование переключалось на злоупотребления в войсках, и оставляло в стороне вопросы коррупции в самом военном министерстве. Пытаясь защищаться, Затлер выставлял себя радетелем за самостоятельность высшего строевого командования. Однако его «карта была бита», Горчаков и Лидерс не смогли защитить подчиненного, а центральная военная администрация добилась обвинительного приговора. Но этот успех не привел к полной победе: наказание было достаточно мягким, а князь Васильчиков – вложивший в это дело больше усилий, чем кто бы то ни было – оказался в итоге на обочине. Уступив должность товарища министра Милютину, с расстроенным здоровьем он отправился лечиться за границу.

Виновен?

Мы уже указывали на затруднения, которые встречаются при выяснении вопроса о виновности или невиновности Затлера. Прежде всего, нужно сказать, что по интендантскому делу проходило несколько подчиненных генерал-интенданта и поставщиков, которые также были признаны виновными. Злоупотребления на поставках в войска, видимо, действительно имели место. По крайней мере, никто не выступал в защиту других подельников Затлера.

Весь вопрос был в виновности главного фигуранта. И эта виновность ставилась современниками под сомнение. Обвиняемый получал письма поддержки не только от главнокомандующих, но и от многих других начальников войск [4, с. 8–12]. А. Э. Циммерман признавался, что поменял свое мнение о деле, когда в 1865 г. познакомился с Федором Карловичем, изучил его доводы и лично убедился в отсутствии у него особенно обширного состояния [14, л. 393об–395об]. Однако на другой чаще весов лежало весомое мнение председателя генерального военного суда Н. Н. Муравьева-Карсского. Он был уверен, что, Затлер услышал о скором перемирии и стал побуждать просрочивших поставки подрядчиков поскорее доставить про-

вариант. Заготовители получили деньги по высоким ценам военного времени тогда, когда реальная цена уже упала. Запасенный таким образом хлеб оказался избыточным, и казна была вынуждена продавать его за бесценок [12, с. 415]. Н. С. Милошевич, участник обороны Севастополя, занимал как бы промежуточную позицию. Он подавал как всем известные факты коррупции в интендантстве и безудержные кутежи «тыловииков» в Симферополе. Однако от обвинений в адрес именно Затлера он воздерживался: «Затлер есть бесспорно одна из замечательных личностей, прославленных Крымскою войною. Не касаясь тех злоупотреблений, которые приписывают ему в отношении расходования казенных денег, нельзя не отдать справедливости искусству, с которым он успел вывести, в короткое время, Крымскую армию из безнадёжного, по общесложившемуся мнению, положения относительно продовольствия» [10, с. 37].

Так или иначе, две следственные комиссии и генеральный военный суд не сумели доказать взяточничество или иной корыстный интерес подсудимого. Обвинения в адрес Затлера в конечном итоге свелись к несоблюдению интересов казны. С формальной точки зрения приговор был не безупречен, потому что функция генерал-интенданта заключалась в обеспечении войск провиантом, а не в сбережении средств [19, с. 73–74]. Кроме того, все контракты утверждались главнокомандующим, который и был настоящим ответственным лицом. Но привлечение к суду князя М. Д. Горчакова или заместившего его графа А. Н. Лидерса было, конечно, невозможным.

Следует отложить поиск улик и рассмотреть дело Затлера в широком контексте борьбы за будущее русской армии. Интендантство стало картой в игре за властные полномочия между военным министерством и высшим командованием. Ставкой было не столько доброе имя одного человека, сколько дальнейшее устройство военной администрации в России. Тень поражения в Крымской войне давила над влиятельными военными, которые желали переложить груз ответственности на чужие плечи. Дорога к военным реформам 1860 – 1870-х гг. была проложена через сломанную карьеру Федору Карловича Затлера.

Список источников и литературы

1. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830-1904). Портрет на фоне эпохи. М.: Русская книга, 2017. 495 с.
2. *Аратовский В.* Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831, 1848, 1849 и 1853 – 1855 годах. СПб.: ред. журн. "Воен. сборник", 1874. 542 с.
3. *Богданович М. И.* Восточная война 1853 – 1856 годов : в 4 т. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1876.
4. *Затлер Ф.* Еще объяснение о прошедшей войне с Турцией : К вопросу о снабжении армии. [Варшава]: Казен. тип. Варш. учеб. окр., [1868]. 21 с.
5. *Затлер Ф.* Краткий критический обзор механизма армии в военное время во Франции, в Австрии, в Пруссии и у нас, преимущественно по интендантской части. Варшава: тип. И. Яворского, 1867. 158 с.
6. *Затлер Ф.* Несколько слов о продовольствии войск в Придунайских княжествах в 1853 и 1854 годах. СПб.: тип. т-ва "Обществ. польза", 1863. 56 с.
7. *[Затлер Ф. К.]* Суд над полевым интендантством в 1858 – 1859 году. Материалы для истории Крымской войны. Лейпциг: В. Гергард, 1877. 172 с.
8. *Кухарук А. В.* Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский сборник. Т. 7. М.: Модест Колеров, 2009. С. 191–237.
9. *Меннинг Б. У.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861 – 1914. М.: Модест Колеров, 2015. 423 с.
10. *Милошевич Н. С.* Из записок севастопольца : с приложением плана обороны и осады Севастополя. СПб.: Сенат. тип., 1904. 146 с.

11. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843-1856. М., 2000. 524 с.
12. Муравьев-Карсский Н. Н. Возвращение с Кавказа. 1855 – 1856. Две поездки в Петербург. 1863. М.: Кучково поле, 2022. 640 с.
13. Обручев Н. Изнанка Крымской войны // Военный сборник. 1858. № 4. С. 429–476; № 7. С. 278–287.
14. Отдел рукописей РГБ. Ф. 325. К. 2. Д. 1.
15. По военному ведомству // Колокол. 1857. № 4. 1 окт.
16. Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853 – 1854 и 1877 гг. СПб.: Николаев. акад. Ген. штаба, 1894. 302 с.
17. Попов А. М. За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907 – 1915 гг. М.: Яуза, 2023. 640 с.
18. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827 – 1869. М.: Российский фонд культуры, 2006. 703 с.
19. Устав для управления армиями в мирное и военное время. Ч. 1. СПб., 1847.
20. Ш[ильде]р Н. К. Федор Карлович Затлер // Русская старина. 1877. № 9. С. 130–131.

References

1. Ayrapetov, OR 2017, *General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904). Portret na fone epokhi* (Adjutant General Nikolai Obruchev (1830 – 1904). Portrait against the background of the epoch), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
2. Aratovskiy, V 1874, *Obzor rasporyazheniy po prodovolstviyu deystvuyushchey armii v 1831, 1848, 1849 i 1853 – 1855 godakh* (Review of food regulations for the army field forces in 1831, 1848, 1849 and 1853 – 1855), red. zhurn. "Voyen. sbornik publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Bogdanovich, MI 1876, *Vostochnaya voyna 1853 – 1856 godov : v 4 t.* (Eastern War 1853 – 1856. In 4 vols.), tip. F. Sushchinskogo publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Zatler, F 1868, *Yeshche obyasneniye o proshedshey voyne s Turtsiyey: K voprosu o snabzhenii armii.* (Another explanation of the past war with Turkey. Regards the supply of the army, Kazen tip. Varsh. ucheb. Okr publ, Warsaw. (In Russ.)
5. Zatler, F 1867, *Kratkiy kriticheskiy obzor mekhanizma armii v voyennoye vremya vo Frantsii, v Avstrii, v Prussii i u nas, preimushchestvenno po intendantskoy chasti* (A brief critical review of the mechanism of the army in wartime in France, in Austria, in Prussia and in our country, mainly on the intendant part), tip. I. Yavorskogo publ, Warsaw. (In Russ.)
6. Zatler, F 1863, *Neskol'ko slov o prodovol'stvii voysk v Pridunayskikh knyazhestvakh v 1853 i 1854 godakh* (A few words on the food of the troops in the Danubian Principalities in 1853 and 1854) tip. t-va "Obshchestv. pol'za" publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Zatler, FK 1877, *Sud nad polevym intendantstvom v 1858 – 1859 godu. Materialy dlya istorii Krymskoy voyny* (The trial of the field intendency in 1858 – 1859. Materials for the History of the Crimean War), V. Gergard publ, Leipzig. (In Russ.)
8. Kukharuk, AV. 2009, 'Reformirovaniye armii pravitel'stvom Nikolaya I v 1830-ye gody' (Reforming the army by the government of Nicholas I in the 1830s), *Russkiy sbornik*, vol. 7, Modest Kolerov publ , Moscow, pp. 191–237. (In Russ.)
9. Manning, B 2015, *Pulya i shtyk. Armiya Rossiyskoy imperii* (Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire, 1861 – 1914), 1861 – 1914, Modest Kolerov publ, Moscow. (In Russ.)
10. Miloshevich, NS 1904, *Iz zapisok sevastopol'tsa : s prilozheniyem plana oborony i osady Sevastopolya* (From the notes of a Sevastopol resident : with a plan of the defence and siege of Sevastopol attached), Senat. tip. publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Milyutin, DA 2000, *Vospominania.* (Memoirs) Moscow. (In Russ.)
12. Murav'yov-Karsskiy, NN 2022, *Vozvrashcheniye s Kavkaza. 1855 – 1856. Dve poyezdki v Peterburg. 1863* (Return from the Caucasus. 1855 – 1856. Two trips to St Petersburg. 1863), Kuchkovo pole publ, Moscow. (In Russ.)
13. Obruchev, N 1858, 'Iznanka Krymskoy voyny' (The backside of the Crimean War), *Voyennyi sbornik*, no. 4, pp. 429–476, no. 7, pp. 278–287. (In Russ.)

14. Otdel rukopisey RGB (Manuscript Department of the Russian State Library), fund 325, card 2, file.1. (In Russ.)
15. 'Po voyennomu vedomstvu' (War Department) 1857, *Kolokol*, no. 4. (In Russ.)
16. Polivanov, AA 1894, *Ocherk ustroystva prodovol'stviya russkoy armii na pridunayskom teatre v kampanii 1853 – 1854 i 1877 gg.* (Sketch of the Russian army's food arrangements in the Danube arena of war in the campaigns of 1853 – 1854 and 1877.), Nikolayev. akad. Gen. shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
17. Popov, AM 2023, *Za dva shaga do bezdny: intrigi protiv voyennogo ministra i samorazrusheniye vlasti v Rossii 1907 – 1915 gg.* (Two steps before the abyss: intrigues against the Minister of War and the self-destruction of power in Russia 1907 – 1915) Yauza publ, Moscow. (In Russ.)
18. *Rossiya pod nadzorom. Otchety III otdeleniya 1827 – 1869* (Russia under supervision. Reports of the 3^d Department 1827 – 1869) 2006, Rossiyskiy fond kultury publ, Moscow. (In Russ.)
19. *Ustav dlya upravleniya armiyami v mirnoe i voennoe vremya* (The charter for the management of armies in peacetime and wartime. Part 1.) 1847, St. Petersburg. (In Russ.)
20. Schilder, NK 1877, 'Fedor Karlovich Zatler', *Russkaya starina*, no. 9, pp. 130–131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.11.2023
Одобрена после рецензирования: 05.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 20.11.2023
Approved after reviewing: 05.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 73–86.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 73–86.

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86>

КНЯЖЕСТВА И КНЯЗЬЯ ОБСКИХ УГРОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТОГЕНЕЗА

**Елена Петровна
Мартынова**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Аннотация. В статье ставится вопрос о возможности соотнесения социально-политической организации сибирских угров середины 2 тыс. н.э. с вождеством как формой интеграции общества, предшествующей государству. Отмечается, что в отечественной историографии возникали дискуссии о характере и сущности обско-угорских (остяцких и вогульских) политий, существовавших в Нижнем Приобье, за которыми еще в XIX в. закрепилось обозначение «княжества». Автор обращается к анализу героического эпоса обских угров, который был собран и опубликован в конце XIX в. С. К. Паткановым. Фольклорные материалы сопоставляются с археологическими данными и сведениями из средневековых письменных источников. Показано, что в период, предшествующий присоединению к России, угорское общество было неоднородным и стратифицированным. Князья-вожди располагались на вершине социальной иерархии, основную массу населения представляли рядовые люди, организованные в территориально-родовые общины, внизу социальной лестницы находились рабы, рекрутируемые из военнопленных. Вожди-князья были автократическими лидерами, связанными с автохтонными родами, их власть носила наследственный характер. Князья выполняли военную и религиозно-культурную функции, тем самым объединяя и сплачивая аборигенные сообщества. Их власть носила сакральный характер. Центры княжеств – городки были не только хорошо укрепленными поселениями, но и торговыми центрами. Перечисленные выше черты позволяют оценить обско-угорские княжества как вождества. Их наиболее значимыми характеристиками были военный характер, наследственная власть, преобладание родственных связей в структуре населения, наличие социального неравенства, совмещение лидерами-князьями военных функций с судебной и религиозно-культурной.

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), политогенез, социальный строй, вождество, княжества, князья.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Княжества и князья обских угров через призму политогенеза // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 73–86. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86>

Сведения об авторе: Е. П. Мартынова – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86>

PRINCIPALITIES AND PRINCES OF THE OB UGIANS THROUGH THE PRISM OF POLITOGENESIS

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Abstract. The article raises the question about the possibility of correlating the socio-political organization of the Siberian Ugrians in the middle of the 2nd millennium A.D. with the chiefdom as a form of integration of society, preceding the state. It is noted that in Russian historiography there were discussions about the nature and essence of the Ob Ugrians (Ostyak and Vogul) polities that existed in the Lower Ob region, which in the 19th century was named as "princedom". The author turns to the analysis of the Ob Ugrian heroic epic, which was collected and published in the late 19th century by S. K. Patkanov. Folklore materials are compared with archaeological data and information from medieval written sources. It is shown that in the period preceding the annexation to Russia, the Ugrian society was heterogeneous and stratified. Princes-chiefs were at the top of the social hierarchy, the bulk of the population was represented by ordinary people organized in territorial and tribal communities, at the bottom of the social ladder were slaves recruited from prisoners of war. The chief-princes were autocratic leaders connected with autochthonous clans, their power was hereditary. The princes performed military and religious-cult functions, thus uniting and rallying the aboriginal communities. Their power had sacral character. The centers of princedoms - towns were not only well fortified settlements, but also trade centers. The above features allow us to evaluate the Ob-Ugrian principalities as chiefdoms. Their most significant characteristics were military character, hereditary power, predominance of kinship ties in the structure of the population, the presence of social inequality, the combination of military functions with judicial and religious-cult functions by the leaders-princes.

Keywords: Ob Ugrians (Khanty and Mansi), politogenesis, social structure, chiefdoms, principalities, princes.

For citation: Martynova, EP 2023, 'Principalities and Princes of the Ob Ugrians Through the Prism of Politogenesis', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 73–86, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Martynova E. P., 2023

Введение

Исследователи все чаще рассматривают политогенез как процесс многолинейный, альтернативный, в котором присутствуют разные локальные формы политической и социальной организации [5; 15]. Проблемы политогенеза коренных народов Северного Зауралья – хантов и манси (в прошлом остяков и вогулов) – до сих пор не были предметом специального исследования. В данной статье автор ставит вопрос о возможности соотнесения социально-политической организации сибирских угров в середине 2 тыс. н. э. с вождеством как формой интеграции общества, предшествующей государству. В отечественной историографии периодически возникали дискуссии о характере и сущности обско-угорских (остяцких и вогульских) политий, существовавших в Нижнем Приобье, за которыми еще в XIX в. закрепилось обозначение «княжества». Основную информацию о них ученые берут из работ С. К. Патканова. Выдающийся исследователь Сибири в 1888 – 1889 гг. записал героические предания у южных (иртышских и кондинских) остяков, обработал, проанализировал и опубликовал собранные материалы [32; 33]. С. К. Патканов полагал, что угорский эпос, повествующий о военных походах и деяниях богатырей, позволяет реконструировать их общественное устройство периода XIII – XVI вв. Основанием для такой хронологии послужило отсутствие в текстах упоминаний о татарах и русских [32, вып. 3, с. 89].

Угорские княжества и князья в фольклорных, письменных и археологических источниках

В дорусский период «остяцкая страна» (хантыйское – *мыг, пелек*) состояла из нескольких политий – «княжеств», имевших центры в «городках», расположенных на берегах рек. С. К. Патканов насчитал 63 укрепленных городка в Тобольском округе и более 40 (со ссылкой на Н. А. Абрамова) – в Березовском [1; 33, с. 73]. В «Книге Большому Чертежу» (1627 г.) отмечено 12 городков по Северной Сосьве и Ляпину, 19 – по Нижней Оби до устья Иртыша [19, с. 168–170]. Г. Ф. Миллер, побывавший в Сибири в 1733 – 1743 гг., написал, что отряды князя Курбского и П. Ушатого, продвигаясь по низовьям Северной Сосьвы и Оби в 1499 – 1500 гг., захватили 42 городка и взяли в плен 58 князей [29, с. 63–64]. Приведенные данные убедительно демонстрируют наличие в эпоху Средних веков большого числа аборигенных городков на территории расселения обских угров.

По описанию С. К. Патканова, остяцкие городки представляли собой укрепленные поселения площадью 500 – 700 кв. саженей (2000 – 3000 кв. м), построенные на возвышенностях или мысах, обнесенные валом, частоколом или палисадом. В низовьях Оби городки были несколько меньшего размера: 70–140 кв. саженей (300 – 600 кв. м) [32, вып. 3, с. 87]. В городках проживали богатыри (военные предводители, князья) (хантыйское – *урт*), стоявшие во главе княжеств. Неподалеку от городков располагались неукрепленные поселения – *курт* или *пугот*, в которых проживали рядовые жители, именуемые в фольклорных текстах *мыгдат-ях* («земляные люди»). Данные обско-угорского фольклора и письменных источников о наличии укрепленных городков в Северном Приобье подтверждаются археологическими материалами начала и середины 2 тыс. н. э. [11; 17; 21; 30]. В современных исследованиях обращается внимание на экономическую основу возникновения и функционирования городков: их население занималось торговлей и ремеслом, они располагались по торговым путям и обеспечивали функционирование устойчивых торговых коммуникаций [35, с. 174, 176].

С. В. Бахрушин подробно описал девять угорских княжеств: Обдорское, Ляпинское, Кодское, Казымское, Белогорское, Пелымское, Кондинское, Демьянское, Бардаковское [3]. Согласно С. К. Патканову, угорские княжества насчитывали от 50 человек (3 – 10 воинов) до 500 – 1200 (100 – 300 воинов), большинство из них были

мелкими (численностью от 60 до 400 человек) [33, с. 22]. «Князцов» было больше, чем городков, нередко в одном проживало два–три правителя [32, вып. 4, с. 69]. Большинство населения проживало в неукрепленных селениях, расположенных у подножия террас, на которых находились городки. В городке располагался князь, а также «его родные, слуги и небольшая часть жителей, и только при большой опасности в них укрывался и народ» [33, с. 13]. Г. Ф. Миллер обратил внимание на оборонительную функцию городков: они должны были «во время вражеского нашествия дать безопасный приют женам и детям остяков с их лучшими пожитками» [28, с. 246]. Неукрепленные поселки, по-видимому, представляли собой сезонные промысловые поселения нескольких семей и выступали в качестве самостоятельных хозяйственных коллективов. Городок и тяготеющие к нему селения составляли общину. Можно предположить, что хозяйственные коллективы образовывались по родственному принципу, а община-городок в целом являлась объединением территориально-родового характера.

Княжества обских угров не были моноэтническими по составу жителей. Сопоставление территорий княжеств с распространением диалектов хантыйского и мансийского языков показывает, что они включали население, говорящее на разных говорах или диалектах. Так, на территории Кодского княжества были распространены кеушинский, низямский, атлымский, шеркальский диалекты; Обдорского – обдорский и шурышкарский. Ляпинское, судя по сообщению Г. Ф. Миллера, объединяло остяков и вогулов [28, с. 267]. Известно, что обдорские князья подчинили тундровых самоедов, казымские – лесных, а бардаковские – лесных ненцев и селькупов.

В обско-угорском обществе середины 2 тыс. н. э. существовала довольно ярко выраженная социальная стратификация. Фольклор, прежде всего героические былины, демонстрирует наличие в обществе богатырей-уртов, то есть князей-военачальников, их воинов-дружинников и рабов. Данные археологии свидетельствуют об иерархии и выделении элиты. В могильниках и других памятниках оронтурского и кинтусовского этапов нижнеобской культуры, а особенно потчевашской и усть-ишимской культур, встречаются погребения с богатым вооружением, палашами и саблями, с предметами конского снаряжения, поясами, украшенными наборными бронзовыми и серебряными бляхами, с импортными украшениями из серебра и с бусами, а наряду с ними – почти безынвентарные могилы. На имущественную дифференциацию указывает появление в XI – XIII вв. индивидуальных кладов вещей, в состав которых наряду с предметами местного производства входили импортные серебряные сосуды [42].

Наряду с археологическими письменные источники также позволяют выделить разные категории населения в угорских княжествах. А. Т. Шашков считал, что социальная структура кодского общества сложилась «еще задолго до прихода сюда ермаковых казаков и государевых служилых людей, но окончательно оформилась уже в период русского владычества в Сибири» [31, с. 98]. На вершине иерархической лестницы стояли «князцы» с членами семей. Основную массу населения городков составляли свободные люди. Вероятно, они несли военную службу в составе ополчения, собираемого князьями. Простолюдины, не привлекаемые к службе, платили ежегодные «поминки» – приношение князю «в почесть» пушниной, рыбой или предметами домашнего обихода. Были в Кодском княжестве и рабы. К сожалению, об их положении и роли сказать что-либо определенное нельзя. Известно только, что основным источником рабства был плен, «погромный ясырь». Так, кондинские вогуличи жаловались в 1600 г., что со времен страшного разгрома, учененного кодичами, «жены их, и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Игичея и у его людей в их волостях служат в холопах шесть лет» [3, с. 28]. Во время похода на Пегую Орду кодские остяки, разграбив стойбища нарымских, «жен их и детей в полон

поимали» [3, с. 37]. Сведения о захвате в плен женщин и детей встречаются в хантских преданиях о набегах людей *хурун ёх*, жителей Коды. Помимо пленения, холопов приобретали путем купли. Так, у Степана Пуртеева были «три женки полонянки купленные» [3, с. 43].

Власть угорских князей носила наследственный характер, чему имеются многочисленные подтверждения в литературе. В сибирских летописях остяцкие и вогульские «князцы» обычно упоминаются «с родом своим». О князьях с «достоинством наследным» писал В. Ф. Зуев. В случае же отсутствия наследников князя выбирали из числа лучших и умных людей, обычно из среды богатых, которые из-за своего богатства пользовались уважением [16, с. 52]. О наличии особых княжеских родов у хантов до прихода русских упоминал Ф. Белявский [4, с. 83]. С. К. Патканов также отмечал: «Княжеское достоинство было наследственно и недоступно для простых людей» [33, с. 39]. К приведенным сведениям можно добавить, что до сих пор у нижнеобских хантов фамилии Тайшины, Артанзеевы, у кодских – Алачевы считаются княжескими, а у обдорских до сих пор сохраняется и «княжеский род» – *канясь ёх*, к которому относятся фамилии Тайшиных и Мурзиных.

С. К. Патканов полагал, что князья управляли княжествами «самовластно», хотя в былинах говорится о народных собраниях, на которых князья совещались с представителями княжеского рода и со стариками [32, вып. 4, с. 75]. И. Е. Фишер заметил по этому поводу: «Князец владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, чем у другого» [43, с. 132]. «Седоголовые старцы» пользовались большим влиянием, роль же самих собраний была скорее ритуальной, поскольку дела обыкновенно решались князьями по своему усмотрению [33, с. 73]. С. К. Патканов сравнил правление в мелких остяцких княжествах с монархическим деспотическим [32, вып. 4, с. 76].

Политическое влияние князей поддерживалось и даже усиливалось благодаря сакральным функциям. Некоторые тексты завершаются магическими призывами: «Всем тем многочисленным мужам, которые слышали, добыть в изобилии рыбу, добыть в изобилии пушной товар, всем же тем многочисленным мужам, которые не слушали, в их уши гвоздь» [33, с. 70]. С. В. Бахрушин писал о «Палтыш-болване» Алача, коим он «княжил и кодскими остяками владел». Московское правительство вернуло его кодским князьям несмотря на обращение в православную веру [3, с. 89]. Князь Самар был известен во многом благодаря религиозному значению Белогорья, привлекавшему «съезд великий». По данным Г. Ф. Миллера, здесь находилось «место поклонения некой знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая» [28, с. 247]. В записанных Паткановым былинах говорится о князьях-богатырях, которые впоследствии стали почитаться хантами и манси как духи-хранители определенных территорий.

Князья-предводители руководили ритуально-культовыми действиями. Они выступали организаторами обращений к духам за помощью и устроителями жертвоприношений. Так, эмдерским богатырям неоднократно приходилось совершать жертвоприношения и обращаться к духам для поддержания у войска «спинной и брюшной силы» [33, с. 70]. Общим пиром и жертвоприношением начинались народные собрания [32, вып. 4, с. 75]. Коллективная трапеза поднимала боевой дух войска, а также, что было не менее важно, способствовала повышению престижа богатыря-военачальника.

Основная «обязанность» князей состояла в выполнении функций военачальников. Они ведали обороной своих княжеств от врагов, организовывали и возглавляли завоевательные походы в другие земли. Еще С. К. Патканов обратил внимание, что большинство былин и героических сказаний посвящены описанию походов кня-

зей (богатырей-уртов) друг на друга или против самоедов [33, с. 12]. Да и сами эпические песни называются *тарнын-ара* («военная песня»), производное от имени богини войны *Тарн* [33, с. 9]. По мнению Е. В. Переваловой, военное призвание князей первенствует над прочими социальными функциями [34, с. 32]. «Князья – писал С. К. Патканов, – представляли из себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну от внешних врагов. Они участвовали в войнах не только в качестве полководцев, но, благодаря своим военным качествам, они, невзирая на свою сравнительную малочисленность, имели решающее значение в столкновениях с врагами» [33, с. 8–9]. Остальные воины особыми воинскими доблестями, вероятно, не обладали. У С. К. Патканова можно прочесть, что при виде многочисленных врагов защитниками городка овладел такой страх, «что они почти не способны были что-либо предпринять, и тогда спасение всецело зависело от храбрости князя» [33, с. 69].

О военном статусе князей свидетельствуют арсеналы, находившиеся при их дворах. Например, в арсенале кодских князей хранилось 40 панцирей, 4 лука бухарских, 50 панцирных стрел [3, с. 15]. Военная атрибутика имела на святилищах. На Большеатлымском капище хранились «два копыя железных» в «берестяной пайве», Нарыкарское было посвящено «крылатому старику – орлу», которого олицетворяли семь стрел, завернутых в ткань [3, с.21].

Побудительным мотивом военных походов была «добыча невест», что не являлось чем-то тривиальным на фоне геополитических или социально-экономических интересов княжеств, поскольку именно секс и власть (наряду с родством), согласно антропологии движения, выступают основными драйверами этничности и социальности, а прототипом путешествия был именно поход в поисках женщин [12, с. 222–234; 13, с. 14–15; 34, с. 32]. Главной целью подобных войн было повышение политического статуса городка-княжества. Завоевательные походы угорских князей не имели целью овладение чужой землей, что было отмечено С. К. Паткановым [33, с. 23]. Постранствовав в дальних местах, богатырь-урт неизбежно возвращался в свой городок с захваченными богатствами или новой женой (женами).

Угорские «князцы», как и простые люди, жили промыслами, то есть занимались рыболовством, охотой, разводили оленей [16, с. 52; 36, с. 458]. Правда, С. К. Патканов заметил, что промыслами они занимались «более для своего удовольствия, чем по необходимости» [32, вып. 3, с. 76]. Князья выделялись среди окружающих внешностью – красотой они «значительно превосходили своих подданных», один из них даже озарял комнату «наподобие утренней зари» [32, вып. 3, с. 108]. Они значительно превосходили подданных богатством. В «Описании новые земли, сиречь Сибирского царства» (1683 г.) говорится, что богатые остяцкие «князцы» имели от 100 до 1000 оленей [40, с. 74]. По Ф. Белявскому, они отличались от простого народа зажиточностью: так, у Тайшина было 5000 оленей и около 20 000 руб. [4, с. 87]. Правители носили дорогие одежды (из сукна, шелка и бархата), имели доспехи, жили в богато убранных домах [33, с. 25]. В их распоряжении имелись домашние слуги и служанки. Распространен был среди них обычай многоженства [33, с. 39]. Эти сведения позволяют согласиться с мнением Н. В. Федоровой о существовании особой культуры обско-угорской элиты (вождей, воинов, торговцев), то есть мобильной части общества. Верхушка общества находилась в постоянных контактах с соседями и поэтому легко заимствовала внешние престижные элементы культуры, предметы роскоши, инновации в вооружении [42, с. 104].

Г. Ф. Миллер обрисовал положение «князцов» следующим образом: «Я нарочно здесь не последую общему обычаю, когда такие люди, которые перед подлым народом преимущества имеют, князцами называются... Ибо известно есть, что

между ними и действительными князьями не находится никакого подобия. Все преимущество состоит в том, что перед прочими более богатства имеют или что они многоречивы и потому за умных почитаются, и простые люди в происшедших между собой ссорах за судей и за посредников принимают. Кроме сего княжеской власти над народом не имели» [28, с. 122–123]. О том, что угорские князья «творили суд и расправу», писал и П. Н. Буцинский [8, с. 10]. Известно, что после присоединения Западной Сибири к России «князьки» стали ответственными за сбор ясака в волости и наблюдали за порядком. Такие функции были формально закреплены российской администрацией за князьями согласно существующим нормам и традиции.

Политогенез и социальная структура обских угров в историографии

В дореволюционной историографии уровень развития остяков и вогулов (современных хантов и манси) оценивался в эволюционистском дискурсе. Наряду с другими сибирскими инородцами они воспринимались как примитивные, не достигшие уровня цивилизации. Их общественный строй не только в «дорусский» период, но и в последующие столетия, определялся как родовой, поэтому исследователи искали и находили в их жизни «родовые начала» и «родовой быт». Такая же парадигма господствовала в ранней советской этнографии.

Иная точка зрения о социальном устройстве обско-угорского общества накануне и в начальный период русской колонизации была высказана С. В. Бахрушиным. Следуя марксистской методологии, то есть продолжая эволюционистские традиции, историк отметил, что в XVI – XVII вв. общественный быт остяков и вогулов строился на основах родового строя, выявленного им у разных групп этих народов [3, с. 20–23]. В его работе приводятся многочисленные сведения о различных по характеру социальных объединениях сибирских угров – юртах, родах, больших семьях, сотнях, почерпнутые у авторов XVIII – XIX вв. и в архивных документах. Обратившись к работам С. К. Патканова, С. В. Бахрушин высказал мысль о зарождении у остяков и вогулов накануне присоединения к Русскому государству феодальных отношений и примитивной формы государственной организации [3, с. 20, 38]. «Остяцкие былины ... рисуют быт, в котором феодализация уже сделала большие успехи. Остяцкие князья выступают в них с очень яркими чертами мелких феодалов, власть которых уже переросла власть родовых старшин, основанную на кровной родовой связи» [3, с. 36]. Признаки «примитивного феодального строя» Сергей Владимирович обнаружил также в текстах русских летописей, в которых содержатся упоминания о княжествах, городках и князьях, оказавшихся способными оказывать упорное сопротивление отрядам казаков [3, с. 36–37]. Историк писал о наличии патриархального рабства и социальной дифференциации у приобских остяков. «Эта дифференциация не идет еще очень глубоко, но резкая разница между “лучшими”, “мощнейшими в имени” и беднотой есть, и первые используют свои преимущества для эксплуатации вторых» [3, с. 25]¹.

Работа С. В. Бахрушина породила дискуссию среди советских историков 1930-х годов. Резко против выступил Н. Н. Степанов, доказывавший, что С. В. Бахрушин сильно преувеличил уровень общественного развития остяков и вогулов, которые не достигли классового общества и продолжали жить в условиях патриархального родового строя [39]. Оппонент считал, что причина ошибки кроется в некритическом отношении Бахрушина к терминологии из документов Сибирского приказа, составленных «служилыми людьми», то есть чиновниками, представлявшими феодальное государство. Привычные им понятия, отражающие общественные институты русского государства, они «автоматически» перенесли на социальную жизнь коренных народов Сибири. В статье Н. Н. Степанова приведено множество свидетельств (в ряде случаев совпадающих с материалами, которые использовал С. В. Бахрушин) о пережитках патриархальных отношений у разных групп обских угров и даже сохране-

нии материнского права в XVIII – XIX вв. [39, с. 28–34]. В более поздней работе Н. Н. Степанов существенно приблизил свою позицию к мнению С. В. Бахрушина, написав, что к моменту присоединения к России «первобытнообщинный строй находился уже в стадии разложения; родовые единицы дробились на более мелкие патриархальные домашние общины, происходила имущественная дифференциация, развивалось патриархальное рабство с использованием рабского труда в производстве, возрастала роль военных вождей, одним из стимулов межродовых и межплеменных войн стал захват имущества» [38, с. 78].

Полемика между С. В. Бахрушиным и Н. Н. Степановым показала, что возможна неоднозначная трактовка упоминающихся в фольклорных и письменных источниках разных видов объединений, существовавших у остяков и вогулов (княжества, роды, юрты, сотни, десятки). Советские историки Сибири 1960 – 1970-х гг. придерживались мнения о том, что в «дорусский» период у обских угров протекали процессы разложения первобытнообщинных отношений, развивалась имущественная дифференциация, происходили межплеменные и межродовые войны, бывшие источником обогащения родоплеменной верхушки [6; 37].

В 1980-е гг. в рамках марксистской парадигмы появился термин «потестарность», предложенный Ю. В. Бромлеем для обозначения обществ, находящихся в стадии перехода от доклассовых к классовым [7, с. 35]. Его распространению во многом способствовали работы Л. Е. Кубеля. Понятие использовалось для характеристики неевропейских обществ на уровне предгосударственного развития, когда не прослеживалась классовая борьба и отсутствовали ключевые атрибуты цивилизации [27, с. 24]. Применительно к истории обских угров его применил В. Г. Бабаков, охарактеризовавший княжества как потестарные общности, сложившиеся под влиянием внешней опасности, основанные на территориально-этнической или территориальной основе, имевшие сложнокомпонентную структуру, включавшие различные этнические группы [2, с. 40].

В фундаментальном труде по древней истории Западной Сибири археолог М. Ф. Косарев оценил уровень развития обско-угорского общества в начале и середине 2 тыс. н. э. как период военной демократии с типичными атрибутами (наличие народных собраний, совета старейшин, появление прибавочного продукта, ведение грабительских войн и усиление военных предводителей). Это соответствовало концепции Ф. Энгельса о позднепервобытном обществе. М. Ф. Косарев видел главную причину возникновения военной демократии в таежной зоне Западной Сибири в необходимости милитаризации общества перед лицом длительно существующей военной опасности [22, с. 36]. Ю. М. Кобищанов, изучавший институт полюдьа, обнаружил его у западносибирских угров в XV – XVII вв. На основании чего оценил угорское общество как раннефеодальное, основой политической организации в котором были княжества [20, с. 76]. Как раннегосударственные образования расценивал угорские княжества А. Т. Шашков [31, с. 97].

С началом 1990-х гг. в Западной Сибири развернулись масштабные археологические исследования, благодаря которым появились новые артефакты по средневековой истории региона. Археологи обнаружили и исследовали остатки многочисленных средневековых городищ на территории Среднего и Нижнего Приобья, Северного Зауралья. Необходимость интерпретации материалов раскопок побудила ученых вспомнить концепцию С. В. Бахрушина о княжествах и обратиться к обско-угорскому героическому эпосу для реконструкции жизни в средневековых «городках». Проблема уровня социально-политического развития обществ остяков и вогулов в дорусский период и в XVI – XVII вв. вновь стала актуальной. Ее толкование в рамках марксистской, а, по сути, эволюционистской, парадигмы исчерпало себя.

В зарубежных исследованиях с 1950-х гг. было известно понятие «вождество» [46]. Вскоре благодаря Э. Сервису утвердилось его понимание как одного из исторических этапов развития общества: группа (бэнд) – племя – вождество – государство [47]. На сегодняшний день многие разделяют эту постэволюционистскую схему социально-политической эволюции. Теория вождества разрабатывалась в зарубежной политической антропологии на материалах по народам Африки, Океании, Южной, Западной, Юго-Восточной Азии, Южной и Центральной Америки. Характерные черты вождеств специалисты определяли на основе большого массива археологических и этнологических материалов.

Ученые фокусировали внимание на разных сторонах этого догосударственного института. Знаменитый американский антрополог Р. Карнейро выделял контроль верховного вождя несколькими деревнями или общинами [45, р. 45]. По Э. Сервису, «вождества имеют признаки централизованного наследственного управления, иерархический статус внутреннего устройства с аристократическим этносом, но не имеют формального, узаконенного аппарата насильственных репрессий. Это организация, по-видимому, повсеместно является теократической, а форма подчинений авторитету представляет собой форму подчинения религиозной конгрегации священнику-вождю» [48, р. 16]. Согласно И. Шапера, вождь «является организатором таких видов деятельности, которые требуют приложения усилий всего общества (война, коллективные работы, определенные типы ритуала); он часто предводительствует в сражениях... Он одновременно является и законодателем, и судьей с правом вынесения смертного приговора; ... он контролирует распределение и использование земли; ... обеспечивает бедных и нуждающихся; ... он также проводит религиозные и магические церемонии, имеющие общеплеменное значение» [49, р. 99].

Среди отечественных исследователей в числе первых «признали» вождество А. М. Хазанов и Л. С. Васильев [44; 9; 10]. Последний определил его как промежуточную форму политической структуры, «в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального и тем более легализованного аппарата принуждения и насилия» [10, с. 182]. Большой вклад в разработку концепции вождества на примере кочевых сообществ внес Н. Н. Крадин [24; 25; 26]. Он характеризует его как социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редиистрибутивную, судебную-медиативную и религиозно-культурную деятельность общества. Одним из наиболее ярких признаков вождества является наличие четкой социальной стратификации [25, с. 11, 39].

Заключение

Данные фольклора об обско-угорских княжествах и князьях, собранные и обработанные С. К. Паткановым, находят подтверждение в средневековых письменных источниках и археологических материалах, относящихся к середине 2 тыс. н. э. Средневековое угорское общество было неоднородным и стратифицированным. Князья-вожди располагались на вершине социальной иерархии, основную массу населения представляли рядовые люди, организованные в территориально-родовые общины, внизу социальной лестницы находились рабы, рекрутируемые из военнопленных. Вожди-князья были автократическими лидерами, связанными с автохтонными родами, их власть носила наследственный характер. Князья выполняли военную и религиозно-культурную функции, тем самым объединяя и сплачивая аборигенные сообщества. Их власть носила сакральный характер. Центры княжеств – городки были не только хорошо укрепленными поселениями, но и торговыми центрами. Перечисленные выше черты позволяют оценить обско-угорские княжества

как вождества. Их наиболее значимыми характеристиками были военный характер, наследственная власть, преобладание родственных связей в структуре населения, наличие социального неравенства, совмещение лидерами-князьями военных функций с судебной и религиозно-культурной.

Примечания

1. З. Я. Бояршинова считала, что С. В. Бахрушин намеренно выступил против распространённого в дореволюционной литературе мнения о неспособности северных народов самостоятельно выйти за рамки родового строя и потому завысил уровень развития обско-угорского середины 2 тыс. н. э. [6, с. 12].

Список источников и литературы

1. *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки Русского Географического Общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 329–448.
2. *Бабаков В. Г.* Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // Советская этнография. 1988. № 3. С. 36–47.
3. *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. 92 с.
4. *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833. 274 с.
5. *Бондаренко Д. М.* «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 198–206.
6. *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения) : спец. курс по истории народов Сибири для студ.-заочников ист. фак. ун-та. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960. 151 с.
7. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
8. *Буцинский П. Н.* Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков: Тип. губ. правления, 1893. 93 с.
9. *Васильев Л. С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.
10. *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172–186.
11. *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья X – XIII вв. н. э. // Ученые записки Пермского университета. 1968. Вып. 191. С. 240–256.
12. *Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН : Волот, 2009. 496 с.
13. *Головнёв А. В.* Антропология путешествия: от imago mundi до selfie // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 6–16.
14. *Головнев А. В., Первалова Е. В.* Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 115–122.
15. *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Вождества и другие среднесложные политии (аналоги) и их социально-политические институты // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе : кол. монография / под ред. Л. Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. С. 93–118.
16. *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов: материалы по этнографии Сибири XVIII в. // Труды Института этнологии. Новая серия. Т. 5. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 96 с.
17. *Зыков А. П., Кошаров С. Ф.* Древний Эмдер: посвящ. Исследователю Тобол. Севера С. К. Патканову. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

18. *История Сибири с древнейших времен до наших дней* : в 5 т. Т. 1: Древняя Сибирь. Л., 1968. 454 с.
19. *Книга Большому Чертежу*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
20. *Кобищанов Ю. М.* Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1995. 320 с.
21. *Конилов Б. А.* К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI – XIII вв. н. э. // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. С. 66–70.
22. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности / отв. ред. Ю. С. Гришин. М.: Наука, 1984. 246 с.
23. *Костромин К. А.* Потестарность и христианизация Руси // *Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*. 2017. Вып. 7. С. 93–107.
24. *Крадин Н. Н.* Власть в традиционном обществе // *Социологический журнал*. 2002. № 4. С. 46–60.
25. *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит. РАН, 1995. С. 11–61.
26. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2004, 270 с.; 3-е изд. М.: Логос, 2011. 270 с.
27. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 272 с.
28. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 684 с.
29. *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел: от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1750. 457 с.
30. *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья* / отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР / под общ. ред. Б. А. Рыбакова).
31. *Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шаиков А. Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
32. *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // *Живая старина*. СПб., 1891. Вып. 3. С. 85 –116; Вып. 4. С. 67–108.
33. *Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб.: Изд. Русского Географического Общества (тип. С. Н. Худекова), 1891. 75 с.
34. *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
35. *Перцев Н. В.* Аборигенные городки Нижнего Приобья XV–XVI вв.: торговый аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 154–158.
36. *Попов П.* Остяцкие князья. 1864-1884 // *Русская старина*. СПб., 1890. Т. 68, № 11. С. 457–460.
37. *Свешников Н. А.* Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX века // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Л., 1961. Т. 222. С. 67–99.
38. *Степанов Н. Н.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера и России // *Вопросы истории*. 1952. № 7. С. 74–88.
39. *Степанов Н. Н.* К вопросу об остяко-вогульском феодализме // *Советская этнография*. 1936. № 3. С. 19–35.
40. *Титов А. А.* Сибирь в XVII в.: сб. старин. рус. статей о Сибири и прилежащих к ней землях : с прил. снимка со старин. карты Сибири / сост. А. А. Титов. М.: Тип. Г. Юдин, 1890. 216 с.
41. *Фёдорова Н. В.* Два серебряных сосуда из района г. Сургута // *Советская археология*. 1982. № 1. С. 183–194.
42. *Фёдорова Н. В.* Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // *Уральский исторический вестник*. 2012. № 4 (37). С. 98–105.
43. *Фишер И. Э.* Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Имп. Академия наук, 1774. 631 с.
44. *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы // *Исследования по общей этнографии*. М.: Наука, 1979. С. 125–177.

45. Carneiro R. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / ed. G. D. Jones and R. R. Kautz. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.
46. Oberg K. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // American Anthropologist. 1955. No. 57. P. 472–487.
47. Service E. R. Primitive Social Organization: an Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1962. 221 p.
48. Service E. R. Origins of the State and Civilization: The process of cultural evolution. New York: Norton, cop. 1975. 361 p.
49. Schapera I. The Ethnic Composition of Tswana Tribes. London: London School of Economics Monographs on Social Anthropology, 1952. 199 p.

References

1. Abramov, NA 1857, 'Opisaniye Berezovskogo kraja' (Description of the Berezovsky region), *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* (Notes of the Russian Geographical Society), vol. 12, St. Petersburg, pp. 329–448. (In Russ.)
2. Babakov, VG 1988, 'Istoricheskoye mesto fratrii v strukture sotsial'nykh svyazey zapadnosibirskikh ugrov' (Historical place of fraternity in the structure of social relations of the West Siberian Ugrians), *Sovietskaya Etnografiya* (Soviet Ethnography), no. 3, pp. 36–47. (In Russ.)
3. Bakhrushin, SV 1935, *Ostyatskiye i vogul'skiye knyazhestva v XVI – XVII vekakh* (Ostyak and Vogul principalities in the 16th – 17th centuries), Izd-vo In-ta narodov Severa TSIK SSSR im. P. G. Smidovicha publ, Leningrad. (In Russ.)
4. Belyavskiy, F 1833, *Poyezdka k Ledovitomu moryu* (A trip to the Arctic Sea), Tip. Lazarevykh In-ta vost. yaz. publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bondarenko, DM 2000, '«Gomologicheskiye ryady» sotsial'noy evolyutsii i al'ternativy gosudarstvu v mirovoy istorii (postanovka problemy)' ("Homological series" of social evolution and alternatives to the state in world history (problem statement)), *Al'ternativnyye puti k tsivilizatsii* (Alternative pathways to civilisation), ed. N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. A. Lynsha, Logos publ, Moscow, pp. 198–206. (In Russ.)
6. Boyarshinova, ZYa 1960, *Naseleniye Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* (Population of Western Siberia before the beginning of Russian colonisation (types of economic activities and social structure of the local population)), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
7. Bromley, YuV 1983, *Ocherki teorii etnosa* (Essays on the Theory of Ethnicity), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
8. Butsin'skiy, PN 1893, *Kreshcheniye ostyakov i vogulov pri Petre Velikom* (Baptism of the Ostyaks and Voguls during the reign of Peter the Great), Tip. gub. Pravleniya publ, Khar'kov. (In Russ.)
9. Vasil'yev, LS 1981, 'Protogosudarstvo-chifdom kak politicheskaya struktura' (The proto-state-chieftdom as a political structure), *Narody Azii i Afriki*, no. 6, pp. 157–175.
10. Vasil'yev, LS 1980, 'Stanovleniye politicheskoy administratsii' (ot lokal'noy gruppy okhotnikov i sobirateley k protogosudarstvu-chifdom) (Formation of political administration (from a local group of hunters and gatherers to a proto-state-chieftdom)), *Narody Azii i Afriki*, no. 1, pp. 172–186. (In Russ.)
11. Viktorova, VD 1968, 'Pamyatniki lesnogo Zaural'ya X – XIII vv. n. e.' (Monuments of the forest Trans-Urals 10th – 13th centuries AD), *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta*, no. 191, pp. 240–256. (In Russ.)
12. Golovnyov, AV 2009, *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* (Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)), UrO RAN publ, Volot publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
13. Golovnyov, AV 2016, 'Antropologiya puteshestviya: ot imago mundi do selfie' (Anthropology of travel: from imago mundi to selfie), *Ural Historical Journal*, no.2 (51), pp. 6–16. (In Russ.)

14. Golovnyov, AV & Perevalova, YeV 2017, 'Vozhdi obskikh ugrov i nentsev (po dannym fol'klora)' (Leaders of the Ob Ugrians and the Samody (according to folklore)), *Tomsk State University Journal of History*, no. 49, pp. 115–122. (In Russ.)
15. Grinin, LYe & Korotayev, AV 2019, 'Vozhdestva i drugie sredneslozhnyye politii (analogi) i ikh sotsial'no-politicheskiye instituty' (Chiefdoms and other medium-complex polities (analogues) and their socio-political institutions), *Politogenez i istoricheskaya dinamika politicheskikh institutov: ot lokal'noy potestarnosti k global'noy mir-sisteme* (Politogenesis and Historical Dynamics of Political Institutions: From Local Potestate to Global World System), Uchitel' publ, Moscow, pp. 93–118. (In Russ.)
16. Zuyev, VF 1947, 'Opisaniye zhivushchikh Sibirskoy gubernii v Berezovskom uyezde inovercheskikh narodov ostyakov i samoyedov: materialy po etnografii Sibiri XVIII v'. (Description of Ostyaks and Samoyeds living in Berezovsky uyezd in Siberian province: materials on ethnography of Siberia in the XVIII century), *Trudy Instituta etnologii. Novaya seriya* (Proceedings of the Institute of Ethnology. New Series), vol. 5, Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
17. Zykov, AP & Koksharov, SF 2001, *Drevniy Emder* (Ancient Emder), Volot publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
18. Drevnyaya Sibir' (Ancient Siberia), *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney : v 5 t.* (History of Siberia from ancient times to the present day. In 5 vols) 1968, vol. 1, Leningrad. (In Russ.)
19. *Kniga Bol'shomu Chertezhu* (Large drawing) 1950, Izd-vo AN SSSR, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
20. Kobishchanov, YuM 1995, *Polyud'ye: yavleniye otechestvennoy i vsemirnoy istorii tsivilizatsiy* (Poludye: a phenomenon of domestic and world history of civilisations), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
21. Konikov, BA 1981, 'K etnosotsial'noy kharakteristike kul'tur tayezhnogo Priirtysh'ya VI – XIII vv. n. e.' (To ethno-social characterisation of the cultures of the taiga Priirtyshye of the 6th–13th centuries AD), *Metodologicheskiye aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* (Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 66–70. (In Russ.)
22. Kosarev, MF 1984, *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* (Western Siberia in antiquity), ed. Yu. S. Grishin, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
23. Kostromin, KA 2017, 'Potestarnost' i khristianizatsiya Rusi' (A potestarity and the christianization of Russia), *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* (Paleorosia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas), no. 7, pp. 93–107. (In Russ.)
24. Kradin, NN 2002, 'Vlast' v traditsionnom obshchestve' (Power in traditional society), *Sotsiologicheskii zhurnal* (Sociological journal), no. 4, pp. 46–60. (In Russ.)
25. Kradin, NN 1995, 'Vozhdestvo: sovremennoye sostoyaniye i problemy izucheniya' (Chieftaincy: current state and problems of study), *Ranniye formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* (Early forms of political organisation: from primitiveness to statehood), Vost. lit. RAN publ, Moscow, pp. 11–61. (In Russ.)
26. Kradin, NN 2004, *Politicheskaya antropologiya* (Political anthropology), Logos publ, Moscow. (In Russ.)
27. Kubbel', LYe 1988, *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* (Essays on post-state-political ethnography), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
28. Miller, GF 1937, *Istoriya Sibiri* (History of Siberia), vol.1, Izd-vo An SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
29. Miller, GF 1750, *Opisaniye Sibirskago tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del: ot nachala a osoblivo ot pokoreniya yego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* (Description of the Khanate of Sibir and all the affairs that took place in it: from the beginning and especially from its subjugation to the Russian Empire up to these times), pri Imp. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
30. Mogil'nikov, VA 1987, 'Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri' (Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia), *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* (Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages), ed. V. V. Sedov, Nauka publ, Moscow, pp. 163–235. (In Russ.)

31. Morozov, VM, Parkhimovich, SG & Shashkov, AT 1995, *Ocherki istorii Kody* (Historical Essays on The Principality of Kod), Volot publ, Yekaterinburgs. (In Russ.)
32. Patkanov, SK 1891, 'Starodavnnyaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i skazaniyam' (The ancient life of the Ostyaks and their bogatyrs according to bylinas and legends), *Zhivaya starina*, no.3, pp. 85 –116, no. 4, pp. 67–108, St. Petersburg. (In Russ.)
33. Patkanov, SK 1891, *Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i skazaniyam* (The type of the Ostyak bogatyr according to Ostyak bylinas and legends), Izd. Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (tip. S. N. Khudekova) publ, St. Petersburg. (In Russ.)
34. Perevalova, YeV 2019, *Obskiye ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* (Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power), MAE RAN publ, St. Petersburg. (In Russ.)
35. Pertsev, NV 2018, 'Aborigennyye gorodki Nizhnego Priob'ya XV – XVI vv.: torgovyy aspekt' (Aboriginal small towns of the lower Ob of the 15th – 16th centuries: the trade aspect), *Tomsk State University Journal of History*, no. 426, pp. 154–158. (In Russ.)
36. Popov, P 1890, 'Ostyatskiye knyaz'ya 1864 – 1884' (Ostyak princes 1864 – 1884), *Russkaia starina* (Russian Antiquity), vol. 68, no. 11, St.Petersburg, pp. 457–460 (In Russ.)
37. Sveshnikov, NA 1961, 'Obshchestvennyy stroy narodov Nizhnego Priob'ya v kontse XIX – nachale XX veka' (Social order of the peoples of the Lower Priobie in the late 19th-early 20th century), *Uchenyye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena*, vol. 222, Leningrad, pp. 67–99. (In Russ.)
38. Stepanov, NN 1952, 'Istoricheskoye znachenie prisoyedineniya narodnostey Kraynego Severa i Rossii' (Historical significance of the accession of the peoples of the Far North and Russia), *Voprosy istorii* (Questions of History), no.7, pp. 74–88. (In Russ.)
39. Stepanov, NN 1936, 'K voprosu ob ostyako-vogul'skom feodalizme' (On the question of Ostyak-Vogul feudalism), *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), no. 3, pp. 19–35. (In Russ.)
40. Titov, AA 1890, *Sibir' v XVII v.* (Siberia in the 17th century) Tip. G. Yudin publ, Moscow. (In Russ.)
41. Fyodorova, NV 1982, 'Dva serebryanykh sosuda iz rayona g. Surguta' (Two silver vessels from the Surgut district), *Sovetskaya arkhologiiya*, no. 1, pp. 183–194. (In Russ.)
42. Fyodorova, NV 2012, 'Povsednevnyy', voyna i torgovlya v arkhologii severa Zapadnoy Sibiri' (Everyday life, war and trade in the archaeology of the north of Western Siberia), *Ural Historical Journal*, no. 4 (37), pp. 98–105. (In Russ.)
43. Fisher, IE 1774, *Sibirskaya istoriya s samago otkrytiya Sibiri do zavoyevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiyem* (Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian arms), Imp. Akademiya nauk publ, St.Petersburg. (In Russ.)
44. Khazanov, AM 1979, 'Klassoobrazovaniye: faktory i mekhanizmy' (Class formation: factors and mechanisms), *Issledovaniya po obshchey etnografii* (Studies in general ethnography), Nauka publ, Moscow, pp. 125–177. (In Russ.)
45. Carneiro, R 1981, 'The Chieftdom: Precursor of the State', *The Transition to Statehood in the New World*, ed. G. D. Jones and R. R. Kautz. Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 37–79.
46. Oberg, K 1955, 'Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America', *American Anthropologist*, no. 57, pp. 472–487.
47. Service, ER 1962, *Primitive Social Organization: an Evolutionary Perspective*, Random House publ, New York.
48. Service, ER 1975, *Origins of the State and Civilization: The process of cultural evolution*, Norton publ, New York.
49. Schapera, I 1952, *The Ethnic Composition of Tswana Tribes*, London School of Economics Monographs on Social Anthropology publ, London.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023
Одобрена после рецензирования: 05.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 17.11.2023
Approved after reviewing: 05.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023

Научная статья

УДК 394+314

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110>

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ХМАО–ЮГРЫ В ЗЕРКАЛЕ ВСЕОБЩИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ XX – XXI ВВ.

**Елена Анатольевна
Пивнева**

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, pivnel@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8582-417>

Аннотация. Статья посвящена вопросам этнодемографии народов Севера России. Цель исследования – проследить динамику численности и трансформацию системы расселения коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО–Югры) в XX – XXI вв. Для этого проанализированы содержащиеся в официальных статистических публикациях итоги переписей населения 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020 / 21 гг. Особое внимание уделено анализу государственных управленческих решений в отношении коренных малочисленных народов Севера как важному фактору демографических изменений.

Показано, что социально-экономические преобразования второй половины XX в. негативно отразились на демографическом самочувствии народов Севера, о чем свидетельствовала повышенная смертность от «внешних» причин (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства). Важным экзогенным фактором, определяющим демографическую динамику коренных малочисленных народов ХМАО–Югры второй половины XX в., стала массовая внешняя миграция, связанная, в свою очередь, с интенсивным развитием в регионе нефтяной и газовой промышленности. Сложившаяся в округе во второй половине XX в. ситуация «ассиметричного взаимодействия» и сегодня накладывает отпечаток на линию поведения коренных малочисленных народов Севера, вынуждая их принимать стратегию социально-культурной интеграции в доминирующее большинство. В их среде продолжают процессы урбанизации и этнического смешения.

Сделан вывод о том, что во втором тысячелетии численность коренных малочисленных народов Севера в ХМАО–Югре сохраняется на стабильном уровне, с позитивным трендом умеренного прироста, который объясняется положительной динамикой естественного движения. Определенный вклад в эту динамику вносят и «недемографические факторы» (смена этнической идентичности в пользу коренных народов), которые были особенно заметны в самом начале XXI в. в связи с процессами «этнического возрождения», а в настоящее время обусловлены проводимой в округе преференциальной политикой в отношении коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: этнодемография, всеобщие переписи населения, коренные малочисленные народы Севера, Ханты-Мансийский автономный округ–Югра, демографические факторы, этнонациональная политика, социальные трансформации.

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Для цитирования: Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы ХМАО–Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX – XXI вв. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 87–110. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110>

Сведения об авторе: Е. А. Пивнева – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32А.

© Пивнева Е. А., 2023

Scientific Article

UDC 394+314

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110>

INDIGENOUS SMALL PEOPLES OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT –YUGRA IN THE MIRROR OF NATION CENSUSES OF RUSSIA (20TH – 21ST CENTURIES)

Elena A. Pivneva

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, pivnel@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8582-417>

Abstract. The deals with the ethnodemography issues of the Russian North peoples. The purpose of the study is to trace the population dynamics and the settlement system transformation of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra (hereinafter – KHMAO–Yugra) indigenous peoples in the 20th – 21st centuries. For this purpose, the author analyzes the results of the 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020/21 censuses contained in official statistical publications. Special attention is paid to the analysis of government management decisions regarding indigenous minorities of the North as an important factor in demographic changes.

The article shows that the socio-economic transformations of the second half of the 20th century. had a negative impact on the demographic well-being of the North peoples, leading to an increase in mortality from "external" causes (accidents, poisoning, injuries, murders and suicide). An important exogenous factor determining the demographic dynamics of the indigenous peoples of the KHMAO–Yugra of the second half of the 20th century also became mass external migration associated with the intensive development of the oil and gas industry in the region.

The situation of «asymmetric interaction» that developed in KHMAO in the second half of the 20th century still imprints on the behavior of small indigenous peoples of the North, forcing them to adopt a strategy of socio-cultural integration into the dominating majority. In their environment the processes of urbanization and ethnic mixing are continue.

The author concludes that in the second millennium the amount of indigenous minorities of the North in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra remains at a stable level, with a positive trend of moderate growth, which is explained by the positive dynamics of natural population movement. The "non-demographic factors" (change of ethnic identity in favor of indigenous peoples), which were particularly noticeable at the very beginning of the 21st century due to the processes of "ethnic revival" also make a certain contribution to this dynamics. Today these factord are now conditioned by the preferential policy for indigenous minorities in the district.

Keywords: ethnodemography, general population census, indigenous peoples of the North, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Ugra, demographic factors, ethnonational policy, social transformations.

Acknowledgements: the article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

For citation: Pivneva, EA 2023, 'Indigenous Small Peoples of Khanty-Mansiysk Autonomous District–Yugra in the Mirror of Nation Censuses of Russia (20th – 21st Centuries)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 87–110, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena A. Pivneva* – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of the North and Siberia, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russia.

Введение

Вопросы демографии коренных малочисленных народов Севера (КМНС) вызывают повышенное внимание со стороны широкой общественности и гуманитарной науки, поскольку критерий численности заложен в само определение этих народов. Между тем, существует не так много исследований, посвященных изучению демографических процессов в их среде в этническом разрезе. Историография вопроса состоит в основном из работ, освещающих демографическую обстановку в регионах проживания этих народов [22, с. 147–155; 23б с. 136–148; 51, с. 64–79]. Этнологи неоднократно высказывались о важности этнической статистики, в том числе по коренным малочисленным народам Севера, однако на сегодняшний день проблема по-прежнему остается актуальной. Малые этнические группы практически не представлены в официальных демографических обзорах, а имеющиеся в научных публикациях сведения по отдельным народам бывают трудно сопоставимы, поскольку сбор и обработка статистических материалов проводятся по разным параметрам [46, с. 75–95; 48].

Основными источниками, на основе которых принято судить о демографической динамике народов России, являются итоги всеобщих переписей населения. В советский период такие переписи были проведены в 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020/21 гг. Вместе с тем известно, что фиксируемые переписями изменения численности тех или иных народов не всегда отражают собственно демографическое их самочувствие, поскольку на итоговую переписную численность могут влиять самые разные факторы.

В научной литературе, посвященной проблемам демографии, предлагаются различные классификации демографических факторов: от глобальных социально-экономических и культурных процессов (индустриализация и урбанизация, повышение социальной и пространственной мобильности населения и пр.) до локальных переменных – уровня дохода и жилищной обеспеченности семьи, уровня образования и сфер деятельности и т.п. [16, с. 315]. По авторитетному мнению Д. Д. Богоявленского, работающего в междисциплинарном поле демографии и этнографии, различия в динамике численности народов страны определяются тремя факторами. Первый (демографический в узком смысле слова) – различия в естественном движении населения у разных народов. Второй – миграционный (демография в более широком смысле). Третий – этнический – связан с изменениями этнического самоопределения [4].

Осмысление этих факторов, важных для понимания социально-демографических процессов в среде коренных малочисленных народов Севера, выходит за рамки статистики и требует рассмотрения демографической динамики в более широком контексте. Цель настоящей статьи – проследить динамику численности и трансформацию системы расселения коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа–Югры (ханты, манси, лесные ненцы) в XX – XXI вв. в контексте проводимой по отношению к этим народам этнонациональной политики. Этнополитические факторы, как представляется, оказывают прямое или косвенное воздействие на демографическую динамику КМНС, выступая в ряде случаев «движущей силой» демографических изменений [5, с. 16–21].

Материалы и методы

Проанализированы итоги переписей населения 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020 / 21 гг., содержащиеся в официальных публикациях ЦСУ СССР, Росстата, Управления Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу–Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу; информационном бюллетене Института демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневого «Население и общество» Демоскоп Weekly и

др. Эти источники дают возможность провести количественный анализ динамики численности и расселения коренных народов ХМАО–Югры. При интерпретации демографических изменений у этих народов использована историческая и этнографическая литература по теме, а также материалы полевых исследований автора.

Статья находится в русле этнодемографии – научной дисциплины (на стыке этнографии / этнологии и демографии), которая анализирует динамику численности отдельных народов и выявляет причины, определяющие эту динамику. Одна из центральных задач этнодемографии состоит в исследовании факторов, воздействующих на показатели естественного воспроизводства (рождаемость, смертность, естественный прирост), которые могут существенно различаться у разных народов [21].

Использованы статистические приемы, методы ретроспекции и сравнения демографических данных.

Результаты

Первая половина XX в. До начала советских социалистических преобразований на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа–Югры проживали в основном ханты, манси (общее название – обские угры), лесные и колвинские ненцы, а также коми-ижемцы и русские. Общая численность народов / населения Тобольского Севера в конце XIX в. составляла 35 000 чел., в том числе Березовского уезда – 22 194 чел.; Сургутского – 8 372 чел.; Самаровской волости – 4 097 чел. [14, с. 76]. Коренные народы, которые в официальных источниках фигурировали как «иностранцы», доминировали в численном отношении: всего 24 768 чел., в их числе остяки (ханты) – 16 495, вогулы (манси) – 3 842, самоеды (ненцы) – 4 431 чел. Перепись 1897 г. зафиксировала их в основном в Березовском уезде: 8 560 хантов, 2 606 манси, 4 431 ненец. В Сургутском уезде перепись учла 5 570 хантов, в Тобольском – 2 365 хантов и 1 236 манси [49, с. 5].

Особенности промысловой деятельности оказывали влияние на различные стороны жизни коренных народов края, в том числе и на их демографические показатели. Существует точка зрения, что уровень развития хозяйственной жизни таежных охотников и рыболовов не способствует значительному приросту населения, так как при экстенсивном развитии промыслов не может быть создано большого количества прибавочного продукта, что является базисом для значительного увеличения численности¹. Эти же условия промысловой жизни требовали частых передвижений малочисленных групп с места на место на большие расстояния. Рассредоточенные на огромной территории, они были экономически слабо связаны друг с другом и имели свои локальные самоназвания. Отдельные группы аборигенов различались по направлениям хозяйства, особенностям духовной и материальной культуры; различной была и степень их аккультурации. Так, южные ханты и манси к началу социалистических преобразований уже подверглись сильному русскому влиянию, в то время как северные – сосвинские и ляпинские манси, а также казымские, ваховские, аганские ханты и др., сохраняли значительную этническую специфику. В первые после Октябрьской революции годы образ жизни и соответствующая ему система расселения коренных народов края сохраняли традиционные черты.

В 1920-е гг. советская власть взяла курс на строительство новой жизни у народов Севера. Партийное руководство поставило перед собой задачу – найти наиболее целесообразные и эффективные формы административного управления северными территориями. При обсуждении принципов управления коренными народами доминировало представление об их «отсталости», «примитивности», «первобытности» на старте социалистических преобразований. В этом контексте получила новый импульс прежняя риторика областников о «вымирании окраинных племен» [34, с. 31–40]. Однако, если раньше это связывалось с негативными последствиями русской

колонизации, то в советской литературе в качестве основного источника невзгод северян усматривали «эксплуататорскую», «угнетательскую» политику царизма [6, с. 89–90].

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития отсталых народов, созданный в 1924 г. при ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) приступил к разработке системы мер, которые должны были содействовать безболезненной ликвидации «отсталости» и переходу этих народов к социализму. «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» (1926 г.) был утвержден список малых народов Севера, который закрепился в общественной практике на долгие годы. Эта категория населения была выделена на основании следующих критериев: проживание в северных широтах, малая численность, наличие традиционных занятий как основы жизнедеятельности (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел), традиционный быт (кочевание, полуоседлый образ жизни), а также низкий уровень социально-экономического развития [31, с. 10]. С этого времени начался новый этап в жизни коренных народов Севера – период систематической, последовательной, плановой деятельности партийных и советских органов по вовлечению их в строительство новой жизни. Косвенным подтверждением успешности этой политики должна была стать положительная динамика численности этих народов.

Для реализации планов переустройства жизни «окраин» на социалистических началах требовались достоверные данные об этническом составе и численности населения Севера, их хозяйстве, социальной структуре, нормах обычного права и пр. Одним из первоочередных мероприятий в этом направлении стала организация переписи населения. По инициативе Комитета Севера в 1926–1927 гг. по специальной расширенной программе была проведена похозяйственная перепись Приполярного Севера, приуроченная к Всесоюзной переписи населения 1926 г. Итоги этой переписи по Тобольскому округу (Обдорский, Березовский, Кондинский, Самаровский и Сургутский районы) отражены в таблице 1.

Всего в Тобольском округе было учтено 11 394 хозяйства, в том числе 9 583 (84,1 %) оседлых и 1 811 (15,9 %) кочевых. Кочевой образ жизни был характерен в основном для самоедов и зырян, а также для некоторых групп остяков. В этническом составе округа преобладали коренные народы (51,7 %), в том числе остяки – 25,1 %; самоеды – 16,1 %; вогулы 10,4 %. Русские составляли 37,2 %.

В стране в целом Всесоюзная перепись населения 1926 г. зарегистрировала 22 306 остяков, 5 754 вогулов и 15 462 самоедов, при этом подавляющее большинство их представителей проживало в сельской местности (см. табл. 2).

Таблица 1

**Итоги похозяйственной переписи Приполярного Севера 1926 / 27 гг.
по Тобольскому округу***

Этническая принадлежность и образ жизни	Число хозяйств	В них человек		
		Мужчин	Женщин	Всего
Оседлые в том числе:	9 583	20 603	21 024	41 627
Русские	4 687	9 357	9 835	19 192
Остяки	2 693	6 264	6 065	12 329
Вогулы	1 217	2 670	2 722	5 392
Зыряне	807	1 995	2 140	4 135
Самоеды	74	147	142	289
Кочевые в том числе:	1 811	5 143	4 848	9 991
Самоеды	1 458	4 158	3 885	8 043
Зыряне	214	612	582	1 194
Остяки	121	326	324	650
Всего	11 394	25 746	25 872	51 618

* Источник: Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926 / 27 года. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ ССР, 1929. С. 30.

Таблица 2

**Численность и расселение коренных народов
Остяко-Вогульского округа
по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.****

Национальность	Численность								
	Все население			Городское население			Сельское население		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Остяки	11 808	10 498	22 306	93	48	141	11 715	10 450	22 165
Самоеды	7 997	7 465	15 462	58	29	87	7 939	7 436	15 375
Вогулы	2 945	2 809	5 754	12	0	12	2 933	2 809	5 742
Всего	22 750	20 772	43 522	163	77	240	22 587	20 695	43 282

** Источник: Демоскоп Weekly: электрон. версия информ. бюллетеня Института демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневецкого «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php

Сравнение итогов переписей населения 1897 и 1926 гг., содержащееся в официальной публикации отдела переписи ЦСУ СССР [10], показало, что общая численность вогулов (манси) за этот период уменьшилась с 7,6 до 5,7 тыс. чел., в относительном измерении прирост составил 76,3 %; численность остяков (хантов) увеличилась с 19,7 тыс. чел. до 22,2 тыс. чел., в относительном измерении – 113,2 %. При оценке этих данных следует, однако, учитывать возможные недочеты регистрации этнической принадлежности при проведении переписей: в число хантов могли быть включены известные под этнонимом «остяки» селькупы и некоторые группы манси. Более профессиональный учет численности вогулов (манси) позволил частично скорректировать результаты переписей. Так, согласно мнению известного уроведа В. Н. Чернецова, численность вогулов в 1926 г. составляла 6 311

человек, из них 53 % проживало в Березовском, а 34 % – в Кондинском районах (табл. 3).

Таблица 3

**Численность манси в 1926 г.
в составе административных единиц по экспертным данным***

Административные единицы		Мужчин	Женщин	Всего
Остяко-Вогульский округ Омской области	Березовский район	1710	1636	3346
	Кондинский район	993	1124	2117
	Обдорский и Самаровский районы	7	8	15
Тагильский округ Свердловской области	Ивдельский район	57	54	111
	Гаринский район и др.	182	165	347
Ирбитский округ Свердловской области	Тавдинский район	152	132	284
	Таборинский район	47	29	76
	Слободотуринский р-н и г. Тавда	5	3	8
	В прочих местах	2	5	7
Всего:		3155	3156	6311

* Источник: Чернецов В. Н. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1. С. 164.

Уже в 1930-е гг. стало очевидно, что данные Приполярной переписи 1926 – 1927 гг. не отражают адекватно социально-экономические изменения, произошедшие в районах проживания народов Севера. В связи с этим возник вопрос о необходимости проведения новых переписных работ, что к тому же диктовалось отсутствием более или менее налаженного текущего статистического учета и, как следствие, достоверных данных о населении (что, в свою очередь, делало невозможным составление планов дальнейшего развития Севера) [50, с. 5–10].

В 1937 г. в СССР была проведена очередная Всесоюзная перепись населения. Однако ее результаты не устроили руководство страны (статистики насчитали в СССР всего 162 млн чел., тогда как предполагалось, что население должно составить не меньше 170 млн чел.). Вскоре после подведения итогов данные этой переписи были объявлены «дефективными», многие ее организаторы и участники репрессированы, а результаты уничтожены [11, с. 3–4]. Лишь на исходе 1980-х гг. учеными были обнаружены фрагменты переписи 1937 г. в фондах Российского государственного архива экономики [15]. Согласно этим данным, общая численность хантов в 1937 г. составила 22 801 чел.; манси – 6 138 [15, с. 92].

Для того чтобы «исправить ошибки» переписи 1937 г., в 1939 г. была организована новая учетная кампания. При этом вопросы переписных листов подверглись существенной корректировке, их число было сокращено. Качество проведения этой переписи у специалистов вызывает серьезные сомнения, однако ее итоги совершенно четко демонстрируют изменение этнического состава Тобольского Севера за счет увеличения доли русского населения в общей численности (табл. 4).

Таблица 4

**Этнический состав населения Остяко-Вогульского округа
по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.***

Националь- ность	Городское население		Сельское население		Все население			
	всего	% к итогу	всего	%	муж.	жен.	всего	%
1. Русские	6 586	87,9	61 030	71,1	31 726	36 890	67 616	72,4
2. Народы Севера в том числе:	469	6,26	18 398	21,4	9 353	9 514	18 867	20,2
Ханты	341	4,55	11 897	13,8	6 153	6 085	12 237	13,1
Манси	108	1,44	5 660	6,6	2 731	2 987	5 768	6,1
Ненцы	15	0,20	837	0,9	411	441	852	0,9
3. Коми	55	0,74	2 381	2,7	1 154	1 282	2 436	2,6
4. Татары	149	1,99	2 078	2,4	1 191	1 036	2 227	2,3
5. Украинцы	120	1,60	991	1,1	566	545	1 111	1,1
6. Прочие	109	1,46	908	1,0	548	469	1 017	1,0
Всего:	7 488	–	85 786	–	44 538	48 736	93 274	–

* Источник: Документ № 124: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 315. Л. 8 // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства, 1822–1941 гг.) : сб. док. Тюмень. 1994. С. 278.

Очередную Всесоюзную перепись населения удалось провести только через 20 лет в 1959 г. Её особенностью стало использование новых технологий механизированной обработки данных. Несмотря на то, что за период 1926 – 1959 гг. численность хантов сократилась, а численность манси несколько увеличилась, общее число представителей обских угров снизилось больше чем на 2 тыс. чел. (табл. 5).

Таблица 5

**Динамика численности обских угров
по итогам Всесоюзных переписей населения 1926 – 1959 гг. (тыс. чел.)***

Народы	1926 г.	1937 г.	1939 г.	1959 г.
Ханты	22,3	22,8	18,5	19,4
Манси	5,8	6,1	6,3	6,4
Всего	28,1	28,9	24,8	25,8

* Источники: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР / ЦСУ СССР Отдел переписи. М., 1928. С. XXVI–XXVII; Таблица 13. Национальный состав СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1937 г. (на основе РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 1718) // Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги : сб. док. и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. С. 86; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР : [ист. РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР). Ф. 1562. Оп. 336. Ед. хр. 966-1001 (Разработочная таблица ф. 15А. Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам)] // Демоскоп Weekly : электрон. версия информ. бюллетеня Института демографии НИУ ВШЭ им. А.Г. Вишневого «Население и общество». URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Таблица 53. Распределение населения по национальности, народности и родному языку // Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том) / ЦСУ при Совете министров СССР. М., 1962. С. 186.

Следует заметить, что статистические сведения по коренным народам ХМАО–Югры, которые приводятся в статьях и материалах исследователей, зачастую разнятся и отличаются от официальных. Например, в 1960-е гг. сотрудники Института эт-

нографии АН СССР под руководством Б. О. Долгих проанализировали данные по численности народов Севера с учетом «путаницы» в их названиях. Выяснилось, что в число хантов (остяков) переписные материалы включали известных под тем же этнонимом селькупов и некоторые группы манси (вогулов)ⁱⁱ. Учет этих поправок позволил скорректировать динамику численности хантов и манси в период с 1926 по 1959 гг. По данным профессиональных этнографов, общая численность обских угров в Ханты-Мансийском округе составила в 1926 / 27 гг. 16 462 чел., в 1959 г. – 17 079 чел. [38, с. 87].

Что касается влияния этнополитики, одним из переломных моментов в жизни народов Севера, отразившихся, в том числе на их этнодемографической структуре, стало создание национальных округов. 10 декабря 1930 г. было принято Постановление Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», по которому на севере Тобольского округа Уральской области образованы Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий) национальные округаⁱⁱⁱ. В состав Остяко-Вогульского национального округа с центром в селе Самарово^{iv} вошли районы: Берёзовский, Кондинский, Ларьякский, Самаровский, Сургутский, Шурышкарский^v.

В ноябре 1932 г. в СССР торжественно отмечалось 15-летие с начала реализации ленинской национальной политики, и национальное районирование на Севере, проведение которого к этому моменту было спешно завершено, преподносилось в официальной печати как «еще одно наиболее яркое и блестящее доказательство ее <данной политики> жизнеспособности: самые отсталые народы Союза – малые народы Севера – превратились из неоформленных и рассеянных племенных групп в связанные национальные организмы» [40, с. 5–15].

Вовлечение коренных народов Югры в современную административно-хозяйственную структуру явилось важной предпосылкой для качественно новых этнокультурных процессов в их среде. Неустойчивые в прошлом соседские связи между территориально близкими группами сменились более широкими социальными и экономическими связями – колхозными, совхозными, административно-территориальными в пределах сельсоветов, районов, округа, что способствовало оживлению локальной обособленности, расширению сфер межэтнических контактов и активизации процессов этнического смешения.

Вторая половина XX в. Во второй половине XX в. всеобщие переписи населения в СССР были проведены в 1959, 1970, 1979, 1989 гг. По их итогам за 30 лет (с 1959 по 1989 гг.) численность хантов увеличилась на 3,6 тыс. чел., манси стало больше на 2,1 тыс. (табл. 6).

Таблица 6

**Динамика численности обских угров
по итогам Всесоюзных переписей населения 1959 – 1989 гг. (тыс. чел)***

Народы	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Ханты	19,4	21,1	21,0	23,0
Манси	6,4	7,7	7,6	8,5
Всего	25,8	28,8	28,6	31,5

* Источники: Таблица 53. Распределение населения по национальности, народности и родному языку // Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том) / ЦСУ при Совете министров СССР. М., 1962. С. 186; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. С. 10; Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 6.

Большая часть хантов (около 90 %) по состоянию на 1960 – 1970-е гг. была расселена в административных границах Тюменской области, из них более двух третей – в Ханты-Мансийском, около трети – в Ямало-Ненецком национальных округах. В ХМАО основная часть хантов (около трети) проживала в Сургутском районе по притокам Оби (Аган, Тром-Юган, Юган, Салым, Пим, Балык, Лямин); около четверти хантов населяли Березовский район по Оби и ее притокам (Казым, М. Сосьва и др.). Остальные были расселены в районах: Нижне-Вартовском (по рекам Обь и Вах), Октябрьском (по Оби), Ханты-Мансийском, Самаровском (по Оби, Иртышу и Назыму) и Кондинском (по Конде)^{vi}. Подавляющая часть манси (более 95 %) населяла Ханты-Мансийский округ, в административных границах районов: Березовский (около 50 %) по Оби, Сосьве и Ляпину, Кондинский (менее половины) по Конде, остальные проживали в Октябрьском (по Оби), немного – в Сургутском и Ханты-Мансийском районах, а также в Свердловской области [44, с. 168–169].

По экспертным оценкам, в конце 1980-х гг. в расселении коренных народов округа произошли следующие изменения (по отношению к 1940-м гг.): число хантов уменьшилось в Сургутском, Ханты-Мансийском, Нижневартовском и Кондинском районах на 22 %, 31 % и 44 % соответственно. Число манси увеличилось: в Березовском районе – на 2 %, в Ханты-Мансийском и Сургутском районах – в 4 раза; в других районах их число уменьшилось: в Кондинском – на 32 %, в Октябрьском – на треть. Число ненцев в этот период сильно возросло в Березовском (в 2 – 2,5 раза) и Нижневартовском (с 7 до 167 чел.) районах, но уменьшилось в Сургутском (на 80 %) и Ханты-Мансийском районах (на 28 %)^{vii}. Эти изменения были вызваны главным образом государственными управленческими решениями и связанными с ними миграциями населения.

XXI съезд КПСС (1959 г.) провозгласил, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу, и страна вступила в новый исторический период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Борьба за построение коммунистического общества была общей интернациональной задачей всех народов Советского Союза. Главным звеном ее осуществления объявлялось создание материально-технической базы, в том числе промышленное освоение Севера, Сибири и Дальнего Востока. Зафиксированные в новой редакции Программы КПСС (1961 г.) объективные закономерности и тенденции развития социализма должны были привести «к углублению интернационализации всех сторон общественной жизни советских наций и народностей, становлению социальной однородности общества, развитию советского народа как целостной социальной и интернациональной общности, всеобъемлющему развитию личности» [44, с. 168–169].

Для коренных народов ХМАО вторая половина XX столетия была ознаменована, с одной стороны, началом интенсивного промышленного освоения территорий их проживания и разрушения традиционного уклада жизни, а с другой – принятием череды повторяющихся государственных мер по вопросам северных аборигенов [42, с. 66–116]. Постановлениями Советского правительства и ЦК КПСС (особенно № 300 1957 г. и № 115 1980 г.) этим народам гарантировались различные льготы в их социально-экономическом и культурном развитии: денежные ссуды на жилищное строительство с погашением значительной их части за счет государства, бесплатное приданое новорожденным, медикаменты, содержание в детских дошкольных учреждениях и интернатах, льготы при поступлении в вузы и др. В результате проведенных социально-экономических преобразований, по заключениям некоторых этнографов, повысился материальный уровень жизни народов Севера. Для них были построены новые и реконструированы старые поселки, коренным образом изменилось их медицинское обслуживание и, как следствие, численность этих народов стала расти [41, с. 17–32].

Была и оборотная сторона проводимой по отношению к коренным народам Севера политики. В 1950 – 1970-е гг. после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (1957 г.) начались укрупнения колхозов, реорганизация многих из них в совхозы и другие хозяйства [44; 31; 41]. Процессы экономических преобразований сопровождались ликвидацией мелких населенных пунктов и массовыми переселениями коренных народов в крупные поселки. По данным З. П. Соколовой, в Ханты-Мансийском округе население 650 мелких населенных пунктов было переведено в 60 крупных поселков [44, с. 91]. В этих поселках, состоящих обычно из 500–700 жителей, с помощью государства строились социальные и культурные объекты (школа, интернат, детский сад, больница, культурные учреждения). При этом на новых местах переселенцы сталкивались с многочисленными проблемами: нехваткой рабочих мест и жилья, языковыми трудностями и пр.

Одновременно с этим началась политика «оседания». Семьям, веками кочевавшим на исконных территориях, теперь предписывалось проживать на новых местах постоянно, а промысловая деятельность переводилась на вахтовый метод. Многие колхозы и совхозы имели «филиалы» за пределами основного поселения (небольшие населенные пункты, где колхозники жили во время промыслов). Когда мужчины – охотники и рыболовы уходили на промыслы, другие члены их семей оставались дома и работали в поселке.

Эти процессы породили множество сопутствующих социальных проблем [53]. Например, согласно полевым наблюдениям З. П. Соколовой, в Ларьякском районе (1957 г.) крупномасштабное «сселение и оседание полукошевого национального населения» оказало пагубное воздействие на их основную хозяйственную деятельность – рыболовство и охоту, а неустроенный быт способствовал распространению различных заболеваний – туберкулёза, трахомы, ревматизма, простуд и т. п.^{viii}

В своей более поздней работе «Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950 – 1980-е годы» (2016 г.) З. П. Соколова так характеризует этническую ситуацию второй половины XX в. в среде коренных народов ХМАО: «Пожалуй, это был один из самых тяжелых периодов в их развитии, так как с укрупнением хозяйств и поселков (которое проходило по всей стране – вспомним о брошенных деревнях), серьезно было подорвано их традиционное хозяйство, ломались тип расселения и быт (особенно под влиянием политики «сселения и оседания» так называемого кочевого населения, к которому были причислены не только оленеводы, но рыбаки и охотники), была во многом утрачена и народная культура» [45, с. 24].

В этнографической литературе отмечается ряд негативных явлений в демографической сфере народов Севера, в том числе хантов и манси: снижение уровня рождаемости, более высокий, чем в среднем по региону, уровень смертности. Исследователи обратили внимание на то, что в общей структуре смертности у этих народов большое место занимают так называемые внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства). Такая ситуация сложилась примерно с 1960-х и особенно в 1970-е годы, после сселения в крупные поселки и массового перехода на оседлость, с появлением в больших количествах новой техники, транспорта, увеличения внешней миграции на Север. Именно с этого времени несчастные случаи, насильственные смерти и самоубийства в крупных северных поселках стали составлять до половины и более всех смертных случаев [35; 33].

Важным фактором, повлиявшим на изменение системы расселения и демографические показатели коренных народов Югры, стали массовые миграции, развернувшиеся в регионе в связи с промышленным развитием: если в 1935 г. в ХМАО проживало 50,8 тыс. чел., то в 1967 г. – уже 250 тыс. чел. (за 32 года общая численность населения округа выросла почти в 5 раз) [26, с. 565]. В период между переписи-

сями 1959 – 1970, 1970 – 1979, 1979 – 1989 гг. численность постоянного населения округа удваивалась, и в 1989 г. она составила уже 1282,4 чел., т. е. за 30 лет население увеличилось в 10 раз! [17, с. 17]. По данным некоторых специалистов, в миграциях в округа Тюменской области в 1964 – 1970-х гг. участвовало около 900 тыс. чел. – представителей самых разных национальностей (количество прибывших за этот период колебалось в пределах 40 – 80 тыс. чел., а выбывших – 25 – 55 тыс. чел. в год) [25, с. 60].

В этническом составе населения округа происходило неуклонное снижение доли коренных народов, которые стали «растворяться» в потоках прибывающего населения: удельный вес хантов в общей численности ХМАО составлял в 1959 г. 9,2 %; в 1970 – 4,5; в 1979 – 2,0; в 1989 – 0,9 %, то есть каждое десятилетие этот показатель уменьшался вдвое и за 30 лет сократился почти в 10 раз. Примерно в тех же пропорциях сокращалась доля манси в общей численности населения округа в 1959 г. – 4,6 %; в 1970-м – 2,5; в 1979-м – 1,1 и в 1989-м – 0,5 % [43, с. 93–120]. Такая ситуация «асимметричного взаимодействия» определила специфику многих сторон этнодемографических изменений у коренных народов ХМАО, в частности, стала значимым фактором процессов этнического смешения и ассимиляции.

Еще одним важным экзогенным фактором, определяющим демографическую динамику коренных малочисленных народов ХМАО–Югры второй половины XX в., стало увеличение в их составе городского населения, что в свою очередь было вызвано развитием в регионе нефтяной и газовой промышленности. За относительно короткий срок – чуть более 30 лет – в округе выросло 15 городов (всего к концу XX в. их насчитывалось 16) [50]. Преобладание в ХМАО городского населения над сельским впервые показала перепись 1970 г. В 1979 г. доля горожан превышала долю сельского населения уже в 3,6 раза, а в 1989 г. – почти в 10 раз. По уровню урбанизации округ вышел на первое место в Сибири и занял одно из первых мест в стране [24, с. 95].

Урбанизация территории автономного округа способствовала увеличению числа горожан среди коренных малочисленных народов Севера за счёт миграции сельских жителей в города и рабочие посёлки. Вследствие этого в их среде шел процесс постепенного сокращения абсолютного числа и удельного веса сельского населения, доля которого уменьшилась с 97 % в 1939 г. до 65 % – в 1989 г. [30]. Самыми урбанизированными из коренных народов округа являются манси: по состоянию на 1989 г. больше 40 % их представителей проживали в городских поселениях, тогда как доля горожан среди хантов составила около 30 %. При этом как у манси, так и у хантов, среди городского населения численно преобладают женщины (табл. 7).

Конец XX – XXI в. Одно из важнейших демографических изменений, произошедших в нашей стране на постсоветском пространстве – существенный рост численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, в том числе проживающих на территории ХМАО–Югры хантов и манси. Между переписями 1989 г. и 2002 г.: ханты увеличили численность на 29 % (с 22 283 до 28 678 чел.), манси – на 38 % (с 8 266 до 11 432 чел.). Радикальный рост численности обских угров оказался полной неожиданностью для демографов. Между тем, по данным полевых исследований очевидно, что основным «фактором роста» стал активный процесс смены этнической идентичности в северных сообществах в пользу коренных народов, что, в свою очередь, было связано с процессами «этнического возрождения» второй половины 1980-х гг.

Согласно последней Всероссийской переписи населения 2020 / 21 гг. в ХМАО–Югре проживают 19 621 хант, 11 107 манси и 1 383 ненца (всего – 32 111 чел.). По сравнению с первой на постсоветском пространстве переписью 2002 г. численность хантов в округе увеличилась на 2 493 чел. (15 %), манси – на 1 213 чел. (12 %), число

ненцев стало больше на 93 чел. (7 %) (табл. 8).

Таблица 7

**Численность и расселение обских угров в РСФСР
по результатам переписи 1989 г. (чел.)***

	Город- ское и сельское наследо- ние, все- го	в т.ч. муж- чины	в т.ч. жен- щины	Город- ское наследо- ние, все- го	в т.ч. муж- чины	в т.ч. жен- щины	Сель- ское наследо- ние, все- го	в т.ч. муж- чины	в т.ч. жен- щины
Ханты	22 283	10 301	11 982	6 636	2 855	3 781	15 647	7 446	8 201
Манси	8 279	3 722	4 557	3 779	1 565	2 214	4 500	2 157	2 343
Всего	30562	14023	16 539	10 415	4 420	5 995	20 147	9 603	10 544

* Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Распределение населения РСФСР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики совета при президенте РФ по межнациональным отношениям : офиц. сайт. URL: https://sovethnational.ru/netcat_files/64/86/Perepis_RSFSR_1989_g..pdf

Таблица 8

**Численность и расселение коренных народов ХМАО–Югры
по данным переписей 2002, 2010, 2020 гг.***

	ВПН-2002			ВПН-2010			ВПН-2020		
	Муж. и Жен.	Муж.	Жен.	Муж. и Жен.	Муж.	Жен.	Муж. и Жен.	Муж.	Жен.
ХАНТЫ, всего в РФ	28 678	13 033	15 645	30 943	14 134	16 809	31 467	14 560	16 907
из них прожи- вают на терри- тории:									
Тюменской обла- сти	26 694	12 130	14 564	29 277	13 412	15 865	30 351	14 058	16 293
Ханты- Мансийского автономного округа - Югры	17 128	7 850	9 278	19 068	8 783	10 285	19 621	9 092	10 529
Ямало- Ненецкого ав- тономного округа	8 760	3 965	4 795	9 489	4 361	5 128	10 024	4 666	5 358

Таблица 8 (продолжение)

Томской области	873	396	477	718	328	390	500	221	279
Свердловской области				138	62	76	110	58	52
Республики Коми	88	49	39	48	25	23	45	23	22
МАНСИ, всего в РФ	11 432	5 167	6 265	12 269	5 590	6 679	12 228	5 685	6 543
из них проживают на территории:									
Тюменской области	10 561	4 786	5 775	11 614	5 283	6 331	11 633	5 379	6 254
Ханты-Мансийского автономного округа - Югры	9 894	4 510	5 384	10 977	5 027	5 950	11 107	5 156	5 951
Ямало-Ненецкого автономного округа				166	64	102	114	54	60
Свердловской области	259	130	129	251	127	124	345	178	167
Республики Коми	11	8	3	8	4	4	5	3	2
НЕНЦЫ, всего в РФ	41 302	19 267	22 035	44 640	20 781	23 859	49 646	23 454	26 192
из них проживают на территории:									
Ханты-Мансийского автономного округа - Югры	1 290	600	690	1 438	661	777	1 383	656	727

* *Источник: Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Табл. 1. Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2002 г.: офиц. сайт / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Табл. 1. Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2010 : офиц. сайт / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 17. Население коренных малочисленных народов России // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.*

Тем не менее коренные малочисленные народы Севера занимают в этнической структуре округа всего около 2 %, при этом на долю трех основных национальностей (русские, татары и украинцы) приходится около 80 %. Полиэтничность и переплетение культур – важная особенность современной Югры, которую населяют представители более 120 народов.

Представители обских угров расселены в административных границах округа неравномерно. Относительно компактные группы сосредоточены в Березовском и Кондинском муниципальных районах – около 25 % и 15 % от общей численности населения районов соответственно. В Белоярском и Ханты-Мансийском муниципальных районах – 9 – 10 %, в Нижневартовском и Октябрьском – около 6 %, в остальных муниципальных образованиях – 1 – 2 %.

Основные изменения в расселении КМНС последних десятилетий связаны с продолжающейся урбанизацией территории округа, которая способствует увеличению числа горожан среди этих народов за счет миграции сельских жителей в города и рабочие поселки. По данным Всероссийских переписей 2002–2010–2020 гг. городские

жители составляли среди хантов: 9 924 чел. (34,6 %), 11 879 чел. (38,4 %), 11 869 чел. (37,7 %); среди манси: 5 919 чел. (51,8 %), 7 028 чел. (57,3 %), 6 974 чел. (57,0 %) соответственно (табл. 9).

Таблица 9

Динамика урбанизации (городское население) среди обских угров по данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг.*

	ВПН-2002			ВПН-2010			ВПН-2020		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Ханты	9 924	4 152	5 772	11 879	5 119	6 760	11 863	5 143	6 720
Манси	5 919	2 562	3 357	7 028	3 115	3 913	6 974	3 143	3 831
Всего	15 843	6 714	9 129	18 907	8 234	10 673	18 837	8 286	10 551

* Источник: Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Табл. 1. Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2002 г.: офиц. сайт / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Табл. 1. Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2010 : офиц. сайт / Федеральная служба государственной статистики. URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** ; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1. Национальный состав населения // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_/2020/Tom5_Nacionalnuyj_sostav_i_vladenie_yazykami

В 2009 г. распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р утвержден перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Согласно «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 г.», к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов отнесены 52 населенных пункта автономного округа. Более 4,8 тыс. человек ведут традиционный образ жизни и осуществляют традиционные виды хозяйствования: оленеводство, охотничий и рыболовный промысел, сбор дикорастущих растений и природных материалов (ягод, грибов, орехов, бересты и т.д.) [29]. Для этой категории населения Югры государством гарантируются дополнительные права, предоставляются различные льготы и преференции [12]. В сфере здравоохранения в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности этих народов предусматривается «развитие первичной медико-санитарной помощи, развитие системы раннего выявления заболеваний, патологических состояний и факторов риска их развития, включая проведение медицинских осмотров и расширение диспансеризации населения, в том числе у детей» [29].

Заключение

В данной статье была проанализирована динамика численности и расселения коренных народов ХМАО–Югры в XX – XXI вв. в контексте этнонациональной политики. Исследование показало, что в XX в. за сравнительно короткий исторический период в образе жизни народов Севера произошли кардинальные трансформации. Скорость и масштабы происходящих перемен стали препятствием выработке механизма адаптивных реакций аборигенных сообществ на агрессивное давление внешней среды, что не могло не отразиться на их демографических показателях.

Одно из проявлений «модернизационного» стресса – изменения в структуре смертности коренных народов ХМАО–Югры, в которой большое место со второй половины XX в. стали занимать так называемые внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства), которые можно рассматривать как показатель социальной дезадаптации северян [2; 3; 33]. О неблагополучии в их социальной сфере свидетельствовала и обострившаяся проблема алкоголизма. Такая ситуация сложилась в регионе примерно с 1960-х и особенно в 1970-е годы, после сселения коренных жителей в крупные поселки и их массового перехода на оседлость, с появлением там в больших количествах новой техники, транспорта, увеличения внешней миграции.

Стоит заметить, что эти изменения коснулись не только коренных народов ХМАО–Югры. Л. И. Абрютин^{ix} в своей книге «Народы Севера России: право на здоровье» пишет о том, что в результате различных трансформирующих воздействий все малочисленные народы Севера оказались в плену целого ряда негативных явлений. Это состояние она называет «этно-экологическим кризисом», приведшим коренных северян не только к ухудшению демографического воспроизводства, но и к стрессовому состоянию (оно проявлялось, в частности, в утрате инициативы и ответственности) 1, с. 42].

Однако высокая смертность коренного населения Севера долгое время компенсировалась относительно высокой рождаемостью, благодаря которой естественный прирост у народов Севера был положительным и даже превосходил средние значения этого показателя по районам проживания и по РФ^x. Для последних десятилетий экспертные данные показывают также положительную динамику этого показателя. Так, если в 2004 г. коэффициент естественного прироста в данной группе населения составлял в ХМАО–Югре 9,8 на 1000 чел. населения, то в 2018 г. – уже 14,2, что почти в 2 раза превышало уровень аналогичного показателя для автономного округа в целом (7,3 промилле). Данное увеличение было обусловлено в первую очередь тем, что во всех муниципальных образованиях по состоянию на 2018 г. отмечалось превышение рождаемости над смертностью за исключением городских округов Мегион и Пыть-Ях [32].

Важным фактором, определяющим этнодемографическую динамику коренных малочисленных народов ХМАО–Югры второй половины XX в., стало увеличение в их составе городского населения, что в свою очередь было вызвано развитием в регионе нефтяной и газовой промышленности. Сложившаяся в округе во второй половине XX в. ситуация «асимметричного взаимодействия» и сегодня накладывает отпечаток на линию их поведения, вынуждая принимать стратегию социально-культурной интеграции в доминирующее большинство. В то же время в последние десятилетия в среде коренных народов активизировались процессы смены этнической идентичности в пользу коренных народов, связанные с процессами «этнического возрождения» второй половины 1980-х гг. и проводимой в округе преференциальной политикой в отношении коренных малочисленных народов.

В целом во втором тысячелетии численность коренных малочисленных народов Севера в ХМАО–Югре сохраняется на стабильном уровне, с позитивным трендом

умеренного прироста, который объясняется положительной динамикой естественного движения [14, с. 9]. Определенный вклад в эту динамику вносят и так называемые демографические факторы (смена этнической идентичности в пользу коренных народов), которые были особенно заметны на рубеже тысячелетий и в самом начале XX в.

Примечания

- i.** Специалисты считают сибирские промысловые народы находящимися в состоянии гомеостаза (равновесия с природной средой и ресурсами), когда плотность и численность населения поддерживаются на уровне, отвечающем среднему многолетнему объему ресурсов жизнеобеспечения. См., например: [36, с. 36–46].
- ii.** Число 6 095 манси получено следующим образом: в него включены 5 262 «остяков» по Тюменской области и 827 – по Свердловской области (в том числе 341 «остяк» Тагильского округа). Число 1321 получено путем вычитания из числа 7 980 «остяков» Томского округа 465 селькупов, а также 2 тыс. хантов Нижневартовского района, включенных в состав хантов Ханты-Мансийского национального округа и т.д. См.: [38, с. 87].
- iii.** По Конституции 1977 г. округа стали называться автономными.
- iv.** В настоящее время – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.
- v.** Это постановление было утверждено Президиумом ЦИК СССР 21 января 1931 г.
- vi.** В Ямало-Ненецком национальном округе ханты были расселены в Шурышкарском (63 %), Приуральском (28 %), Ямальском и Пуровском (7 %). Очень немногие – в Надымском и Красноселькупском районах (по Оби и ее притокам (Сыня, Куноват, Полуй, Надым, Щучья и др.). В Томской области ханты проживали в Александровском и Каргасокском районах по Оби и Васьюгану.
- vii.** По экспертным оценкам З. П. Соколовой [27, с. 168–169].
- viii.** См.: Докладную записку З. П. Соколовой за 1957 г. «О положении хантов Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области» [45, с. 188–189].
- ix.** Депутат Думы Чукотского автономного округа, председатель Комитета по делам малочисленных народов Чукотки, в прошлом – вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ по вопросам охраны здоровья.
- x.** Естественный прирост населения РФ в 1989 г. составлял 3,9 %.

Список источников и литературы

1. *Абрютин Л. И.* Народы Севера России: право на здоровье. М., 1999. 164 с.
2. *Богоявленский Д. Д., Иванова Т. Д., Пика А. И.* Здоровье и смертность коренного населения Севера (некоторые результаты социологического исследования) // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. М.: Ин-т социологии, 1992.
3. *Богоявленский Д. Д., Пика А. И., Терентьева Л. Ю.* Динамика насильственной смертности народов Севера как индикатор их социальной дезадаптации // Этика Севера: экспертный потенциал. Тюмень: ИПОС. 1991. С. 46–59.
4. *Богоявленский Д.* Факторы роста и сокращения численности отдельных народов // Демоскоп Weekly: электрон. версия информ. бюллетеня «Население и общество». 2012. № 531-532 (12–25 ноября). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php> (дата обращения: 07.11.2023).
5. *Богоявленский Д., Мурашко О.* Коренные народы Севера: итоги переписи 2002 г. и политическая ситуация. Интерпретация итогов переписи 2002 г. // Мир коренных народов. Живая Арктика. Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 2004. № 15. С. 16–21.
6. *Бударин М. Е.* Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1952. 184 с.
7. *Всероссийская перепись населения 2002 года* // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 05.11.2023).

8. *Всероссийская перепись населения 2010 года* // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.11.2023).
9. *Всероссийская перепись населения 2020 г.* // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 05.11.2023).
10. *Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки*. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М.: ЦСУ СССР, 1928. 138 с.
11. *Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги* : сб. документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
12. *Гарантии прав коренных малочисленных народов Севера, их реализация и защита в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре* : спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2019. 344 с.
13. *Демоскоп Weekly* : электрон. версия информ. бюллетеня Института демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневецкого «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php.
14. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. 78 с.
15. *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
16. *Захарова О. Д.* Факторы демографические // Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 315.
17. *Итоги Всероссийской переписи населения-2002*. Ч. 1. Численность населения Тюменской области. Тюмень: Тюменский обл. комитет госстатистики, 2004. 86 с.
18. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том)* / ЦСУ при Совете министров СССР. М.: Госстатиздат, 1962. 283 с.
19. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года*. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. 648 с.
20. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года*. Распределение населения РСФСР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики совета при президенте РФ по межнациональным отношениям : офиц. сайт. URL: https://sovetsnational.ru/netcat_files/64/86/Perepis_RSFSR_1989_g..pdf (дата обращения: 05.11.2023).
21. *Казьмина О. Е., Пучков П. И.* Основы этнодемографии : учебное пособие. М.: Наука, 1994. 253 с.
22. *Логинов В. Г.* Коренные малочисленные народы Севера: динамика демографических процессов // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 10. Новосибирск: ИФРП СО РАН. 2015. С. 147–155.
23. *Логинов В. Г.* Коренные малочисленные народы Севера: динамика и особенности воспроизводства // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 1. С. 136–148.
24. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.
25. *Мисевич К. Н., Чуднова В. И.* Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1973. 209 с.
26. *Народы Севера России (1960–1980-е годы)* : Материалы к серии «Народы и культуры». Ч. 3. М., 1992. 719 с.
27. *Народы Советского Севера (1960–1980-е годы)* / отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М.: Наука, 1991. 264 с.
28. *Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* М.: Финансы и статистика, 1991. 160 с.
29. *О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года* : Распоряжение

- Правительства ХМАО-Югры от 3 ноября 2022 г. № 679-рп // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406285990> (дата обращения: 05.11.2023).
30. *Особенности расселения коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры* // Коренные малочисленные народы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт. URL: <https://kmns.admhmao.ru/istoriya-i-rasselenie/> (дата обращения: 01.11.2023).
 31. *Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера* / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1971. 214 с.
 32. *Отчет о результатах научно-исследовательской работы «Актуализация стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года»*. Т. 5: Демографическое развитие. Казань, 2021. 49 с. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202109/997cbde99c7584d6e5cd523de610217b.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).
 33. *Пивнева Е. А.* Заболеваемость и смертность как индикаторы здоровья коренных народов Севера (по материалам Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа) // *Этнодемографический сборник. Народы Севера России*. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 93–131.
 34. *Пивнева Е. А.* Проблема вымирания коренных народов Севера: мифы и реальность // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии*. Вып. 3, ч. 3. Москва ; Сыктывкар, 2006. С. 31–40.
 35. *Пика А. И.* Демографическая политика в районах проживания народов Севера: проблемы и перспективы // *Региональные проблемы социально-демографического развития*. М.: ИСИ, 1987. С. 75–95.
 36. *Пика А. И.* Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII–XIX вв.) // *Советская этнография*. 1986. № 3. С. 36–46.
 37. *Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года*. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. 256 с.
 38. *Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера* / отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. М.: Наука, 1970. 280 с.
 39. *Программа координации исследований «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса («Народности Севера»)*. Новосибирск, 1987. 297 с.
 40. *Скачко А. Е.* Теория и практика в работе среди народов Севера // *Советский Север*. 1934. № 6. С. 5–15.
 41. *Соколова З. П.* Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее // *Советская этнография*. 1990. № 6. С. 17–32.
 42. *Соколова З. П.* Постановления Партии и Правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935–1968 гг.) // *Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера*. М.: Наука, 1971. С. 66–116.
 43. *Соколова З. П.* Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // *Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера*. М.: Наука, 1985. С. 93–120.
 44. *Соколова З. П.* Современные этнические процессы у обских угров // *Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера*. М.: Наука, 1970. С. 85–105.
 45. *Соколова З. П.* *Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы: полевые материалы, научные отчеты и докладные записки*. М.: Наука, 2016. 947 с.
 46. *Соколова З. П., Степанов В. В.* Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 5. С. 75–95.
 47. *Стась И. Н.* Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2013. № 2. С. 95–102.

48. Степанов В. В. Российский опыт этнической статистики коренных малочисленных народов Севера // ДемоскопWeekly : электрон. версия информ. бюллетеня «Население и общество». 2008. № 319-320. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/analito3.php> (дата обращения: 01.11.2023).
49. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства, 1822–1941 гг.) : сб. документов. Тюмень: [б. и.], 1994. 320 с.
50. Терлецкий П. Е. Народохозяйственная перепись Крайнего Севера // Советский Север. 1932. № 6. С. 5–10.
51. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79.
52. Чернецов В. Н. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1937. С. 163–192.
53. *Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г.*: (концепция развития). М.: Ин-т этнографии, 1989. 81 с.

References

1. Abryutina, LI 1999, *Narody Severa Rossii: pravo na zdorovye* (Peoples of the North of Russia: the right to health), Moscow. (In Russ.)
2. Bogoyavlenskiy, DD, Ivanova, TD & Pika, AI 1992, 'Zdorovye i smertnost' korenogo nasele-niya Severa (nekotoryye rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya)' (Health and mortality of the indigenous population of the North (some results of a sociological study), *Social problems of health and life expectancy*, In-t sotsiologii publ, Moscow, viewed 07 November 2023, https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0573/biblio/bib_bogo.php (In Russ.)
3. Bogoyavlenskiy, DD, Pika, AI & Terentyeva LYu 1991, 'Dinamika nasil'stvennoy smertnosti narodov Severa kak indikator ikh sotsial'noy dezadaptatsii' (Dynamics of violent mortality of the peoples of the North as an indicator of their social maladaptation), *Etika Severa: ekspertnyy potentsial*, IPOS publ, viewed 07 November 2023, https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0573/biblio/bib_bogo.php (In Russ.)
4. Bogoyavlenskiy, D 2012, 'Fakторы rosta i sokrashcheniya chislennosti otdel'nykh narodov' (Factors of growth and decline in the number of individual peoples), *Demoskop Weekl*, no. 531–532, viewed 07 November 2023, <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php> (In Russ.)
5. Bogoyavlenskiy, D & Murashko, O 2004, 'Korennyye narody Severa: itogi perepisi 2002 g. i politicheskaya situatsiya. Interpretatsiya itogov perepisi 2002 g.' (Indigenous peoples of the North: the results of the 2002 census and the political situation. Interpretation of the 2002 census results), *Almanac World of Indigenous Peoples - Living Arctic*, no. 15, pp. 16–21. (In Russ.)
6. Budarin, ME 1952, *Proshloye i nastoyashcheye narodov Severo-Zapadnoy Sibiri* (Past and present of the peoples of Northwest Siberia), Omskoye obl. gos. izd-vo publ, Omsk. (In Russ.)
7. 'Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda' (All-Russian population census of 2002) *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal State Statistics Service), viewed 05 November 2023, <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (In Russ.)
8. 'Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda' (All-Russian population census 2010), *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal State Statistics Service), viewed 05 November 2023, https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (In Russ.)
9. 'Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 goda' (All-Russian population census 2020), *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal State Statistics Service), viewed 05 November 2023, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (In Russ.)
10. 'Narodnost i rodnoy yazyk naseleniya SSSR' (Nationality and native language of the USSR population) 1928, *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 goda'. Kratkiye*

- svodki* (All-Union population census December 17, 1926 Brief reports), no. 4, TSSU SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
11. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. Obshchiye itogi* (All-Union population census 1937. General results) 2007, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 12. *Garantii prav korennykh malochislennykh narodov Severa, ikh realizatsiya i zashchita v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre: spetsial'nyy doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre* (Guarantees of the rights of indigenous minorities of the North, their implementation and protection in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra: special report of the Commissioner for Human Rights in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra) 2019, Print-Klass publ, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
 13. *Demoskop Weekly (Elektronnaya versiya informatsionnogo byulletenya Instituta demografii NIU VSHE im. A. G. Vishnevskogo «Naseleniye i obshchestvo»)* (Demoscope Weekly (Electronic version of the “Population and Society” newsletter of the Vishnevsky Institute of Demography), http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (In Russ.)
 14. Dunin-Gorkavich, AA 1995, ‘Obshchiy obzor strany, eyo estestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya’ (General overview of the country, its natural wealth and industrial activities of the population), *Tobolskiy Sever*, vol.1, Liberiya publ, Moscow. (In Russ.)
 15. Zhiromskaya, VB, Kiselev, IN & Polyakov YuA 1996. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* (Half a century marked as "Confidential Information": All-Union population census of 1937), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 16. Zakharova, OD 2003, ‘Faktory demograficheskkiye’ (Demographic factors), *Demograficheskiy ponyatijnyy slovar'* (Demographic conceptual dictionary), ed. L. L. Rybakovskiy TsSP publ, Moscow. (In Russ.)
 17. ‘Chislennost' naseleniya Tyumenskoy oblasti’ (The population of the Tyumen region), *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya-2002* (Results of the All-Russian Population Census-2002) 2004, part 1, Tyumenskiy obl. komitet gosstatistiki publ, Tyumen'. (In Russ.)
 18. ‘Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 g. SSSR (svodnyy tom) (Results of the 1959 All-Union Census of the USSR (cumulated volume)) 1962, *TsSU pri Sovete ministrov SSSR'* (CSO under the Council of Ministers of the USSR), Gosstatizdat publ, Moscow. (In Russ.)
 19. ‘Natsional'nyy sostav naseleniya SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik, krayov, oblastey i natsionalnykh okrugov’ (The ethnic composition of the USSR, union and autonomous republics, regions, regions and national districts) 1973, *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda* (Results of the 1970 All-Union Census), vol. 4, Statistika publ, Moscow. (In Russ.)
 20. ‘Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda. Raspredeleniye naseleniya RSFSR po naibolee mnogochislennym nacional'nostyam i yazyku’ (Results of the 1989 All-Union Census. Distribution of the population of the RSFSR by the most numerous nationalities and language), *Komissiya po voprosam informatsionnogo soprovozhdeniya gosudarstvennoy natsional'noy politiki soveta pri prezidente RF po mezhnatsional'nyim otnosheniyam* (Commission for Information Support of State National Policy of the Presidential Council on Interethnic Relations), viewed 05 November 2023, https://sovethnational.ru/netcat_files/64/86/Perepis_RSFSR_1989_g..pdf (In Russ.)
 21. Kaz'mina, OE & Puchkov, PI 1994, *Osnovy etnodemografii. Uchebnoye posobiye* (Fundamentals of ethnodemography. Tutorial), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 22. Loginov, VG 2015, ‘Korennyye malochislennyye narody Severa: dinamika demograficheskikh protsessov’ (Indigenous minorities of the North: dynamics of demographic processes), *Etnosotsialnyye processy v Sibiri* (Ethnosocial processes in Siberia), no. 10, IFRP SO RAN publ, Novosibirsk, pp. 147–155. (In Russ.)
 23. Loginov, VG 2019, ‘Korennyye malochislennyye narody Severa: dinamika i osobennosti vosproizvodstva’ (Indigenous peoples of the North: dynamics of demographic indicators and features of reproduction), *Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, no. 1, pp. 136–148. (In Russ.)
 24. Markhinin, VV & Udalova IV 1996, *Mezhetnicheskoye soobshchestvo. Sostoyaniye, dinamika, vzaimodeystviye kultur* (Interethnic community. State, dynamics, interaction of cultures), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)

25. Misevich, KN & Chudnova VI 1973. *Naseleniye rayonov sovremennogo promyshlennogo osvoyeniya Severa Zapadnoy Sibiri* (Population of areas of modern industrial development of the North of Western Siberia), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
26. *Narody Severa Rossii (1960 – 1980-e gody). Materialy k serii «Narody i kul'tury»* (Peoples of the North of Russia (1960s – 1980s). Materials for the series "Peoples and Cultures.") 1992, part 3, Moscow. (In Russ.)
27. Gurvich, I & Sokolova, Z (eds.) 1991, *Narody Sovetskogo Severa (1960 – 1980-e gody)* (Peoples of the Soviet North (1960s-1980s), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
28. *Natsional'nyy sostav naseleniya SSSR po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.* (The national composition of the population of the USSR according to the 1989 All-Union Census M.: Finance and Statistics, 1991), 1991, Finansy i statistika publ, Moscow, viewed 05 November 2023 <https://sovethnational.ru/ekspertnye-materialy/perepis-naseleniya/> (In Russ.)
29. 'O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry do 2036 goda s tselevymi orientirami do 2050 goda' (On the Strategy for Socio-Economic Development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra until 2036 with target points until 2050), *Rasporyazheniye Pravitel'stva KHMAO-Yugry ot 3 noyabrya 2022 g. № 679-rp* (Government Executive Order of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra dated November 3, 2022 No. 679-rp), viewed 05 November 2023 <https://docs.cntd.ru/document/406285990> (In Russ.)
30. 'Osobennosti rasseleniya korennykh malochislennykh narodov Severa Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry' (Features of the settlement of indigenous peoples of the North of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra), *Korennyye malochislennyye narody Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga-Yugry* (Indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra), viewed 01 November 2023 <https://kmns.admhmao.ru/istoriya-i-rasselenie/> (In Russ.)
31. *Osushchestvleniye leninskoy natsional'noy politiki u narodov Kraynego Severa* (Implementation of Leninist national policy among the peoples of the Far North) 1971, ed. I. S. Gurvich, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
32. 'Demograficheskoe razvitiye' (Demographic growth) 2021, *Otchyot o rezul'tatakh nauchno-issledovatel'skoy raboty «Aktualizatsiya strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga–Yugry do 2030 goda»* (Report on the results of research work "Updating the strategy of socio-economic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra until 2030.") vol. 5, Kazan', viewed 01 November 2023, <https://storage.strategy24.ru/files/news/202109/997cbde99c7584d6e5cd523de610217b.pdf> (In Russ.)
33. Pivneva, EA 2000, 'Zabolevaemost' i smertnost' kak indikatory zdorov'ya korennykh narodov Severa (po materialam Berezovskogo rayona Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)' (Morbidity and mortality as indicators of the health of the indigenous peoples of the North (based on materials from the Berezovsky district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug), *Etnodemograficheskiy sbornik. Narody Severa Rossii*, Moscow: IEA RAN publ, pp. 93–131. (In Russ.)
34. Pivneva, EA 2006, 'Problema vymiraniya korennykh narodov Severa: mify i real'nost'' (The problem of the extinction of the indigenous peoples of the North: myths and reality), *Etnodemograficheskie processy na Severe Evrazii*, vol. 3, part 3, Moscow, Syktyvkar, pp. 31–40. (In Russ.)
35. Pika, AI 1987. 'Demograficheskaya politika v rayonakh prozhivaniya narodov Severa: problemy i perspektivy' (Demographic policy in the areas inhabited by the peoples of the North: problems and prospects), *Regional'nyye problemy social'no-demograficheskogo razvitiya*, Moscow, 1987, pp. 75–95. (In Russ.)
36. Pika, AI, 1986 'Gomeostaz v demograficheskoy istorii narodov Severa (XVII – XIX vv.)' (Homeostaz in the demographic history of the peoples of the North (17th – 19th centuries), *Sovetskaya etnografiya*, no. 3. pp. 36–46. (In Russ.)
37. 'Pokhozyaystvennaya perepis' Pripolyarnogo Severa SSSR 1926/27 goda. Territorial'nye i gruppyvyye itogi pokhozyaystvennoy perepisi (Economic census of the Subpolar North of the

- USSR 1926/27. Territorial and group results of the economic census)1929, Statizdat publ TSSU SSR, Moscow. (In Russ.)
38. Gurvich, IS & Dolgikh, BO (ed) 1970, *Preobrazovaniya v khozyaystve i kul'ture i etnicheskiye processy u narodov Severa* (Transformations in the economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 39. *Programma koordinatsii issledovaniy «Sotsial'noye i ekonomicheskoye razvitiye narodnostey Severa v usloviyakh nauchno-tekhnicheskogo progressa («Narodnosti Severa») 1987*, (Research coordination program "Social and economic development of the peoples of the North in the context of scientific and technological progress (" Peoples of the North "). Novosibirsk, 1987. (In Russ.)
 40. Skachko, AE 1934, 'Teoriya i praktika v rabote sredi narodov Severa' (Theory and practice in work among the peoples of the North), *Sovetskiy Sever*, no. 6, pp. 5–15. (In Russ.)
 41. Sokolova, ZP 1990, 'Narody Severa SSSR: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye' (Peoples of the North of the USSR: past, present, future), *Sovetskaya etnografiya*. no. 6, pp. 17–32. (In Russ.)
 42. Sokolova, ZP 1971, 'Postanovleniya Partii i Pravitel'stva o razvitiy hozyaystva i kul'tury narodov Kraynego Severa (yuridicheskiye akty 1935 – 1968 gg.)' (Party and Governmental decree on the development of the economy and culture of the peoples of the Far North (legal acts of 1935 – 1968), *Osushchestvleniye leninskoy natsional'noy politiki u narodov Kraynego Severa* (Implementation of Leninist national policy in the peoples of the Far North), I. Gurvich (ed), Moscow, pp. 66–116. (In Russ.)
 43. Sokolova, ZP 1985, 'Sovremennoye kul'turnoye razvitiye i etnicheskiye protsessy u obskikh ugrov' (Modern cultural development and ethnic processes among the Ob Yugras), *Etnokul'turnyye processy u narodov Sibiri i Severa*, I. Gurvich (ed), Moscow: Science, pp. 93–120. (In Russ.)
 44. Sokolova, ZP 1970, 'Sovremennyye etnicheskiye processy u obskikh ugrov' (Modern ethnic processes among the Ob Yugras), *Preobrazovaniya v khozyaystve i kul'ture i etnicheskiye processy u narodov Severa* (Transformations in economy and culture and ethnic processes in the peoples of the North), Moscow, pp. 85–105. (In Russ.)
 45. Sokolova, ZP 2016, *Etnograf v pole: Zapadnaya Sibir'. 1950–1980-e gody: Polevyyye materialy, nauchnyye otchety i dokladnyye zapiski* (Ethnographer in the field: Western Siberia. 1950s-1980s: Field materials, scientific reports and briefs), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 46. Sokolova, ZP & Stepanov, VV 2007, 'Korennyye malochislennyye narody Severa. Dinamika chislennosti po dannym perepisey naseleniya' (Indigenous minorities of the North. Population dynamics according to population censuses), *Etnograficheskoe obozrenie*. no. 5, pp. 75–95. (In Russ.)
 47. Stas', IN 2013, 'Industrializatsiya Khanty-Mansiyskogo okruga kak osnovnoy faktor razvitiya gorodov neftyanikov vo vtoroy polovine XX v.' (Industrialization of the Khanty-Mansiysk Okrug as the main factor in the development of oil industry cities in the second half of the 20th century), *Ojkumena. Regional Researches*, no. 2, pp. 95–102. (In Russ.)
 48. Stepanov, VV 2008, 'Rossiyskiy opyt etnicheskoy statistiki korennykh malochislennykh narodov Severa' (Russian experience of ethnic statistics of indigenous minorities of the North), *DemoskopWeekly*, viewed 01 November 2023, <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/analito3.php> (In Russ.)
 49. 'Sudby narodov Ob'-Irtyskogo Severa (iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva, 1822 – 1941 gg.). Sbornik dokumentov' (The fates of the peoples of the Ob-Irtys North (from the history of national-state construction, 1822 – 1941). Collection of documents) 1994, Tyumen'. (In Russ.)
 50. Terletskiy, PE 1932, 'Narodokhozyaystvennaya perepis' Kraynego Severa' (The national economic census of the Far North), *Sovetskiy Sever*, no. 6, pp. 5–10. (In Russ.)
 51. Fauzer, VV, Smirnov, AV & Fauzer, GN 2023, 'Demograficheskaya dinamika i transformatsiya sistemy rasseleniya na Severe Rossii v koordinatakh perepisi naseleniya 2021 goda' (Demographic trends and transformation of population distribution in the North of Russia: insights from the 2021 census), *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.)

52. Chernetsov, VN 1937, 'Mansiyskiy (vogul'skiy) yazyk' (Mansiysk (Vogul) language), *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* (Languages and writing system of the North peoples), part 1, Gos. ucheb.-ped. izd-vo publ, Moscow, Leningrad, pp. 163–192. (In Russ.)
53. *Etnokulturnoye razvitiye narodnostey Severa v usloviyakh nauchno–tekhnicheskogo progressa na perspektivu do 2005 g. (kontseptsiya razvitiya)* (Ethnocultural development of the peoples of the North in the context of scientific and technological progress for the future until 2005 (development concept) 1989, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023
Одобрена после рецензирования: 11.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 16.11.2023
Approved after reviewing: 11.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 111–120.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 111–120.

Научная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-111-120>

ИСТОРИЯ ТУЛЬСКОГО КРАЯ В ТРУДАХ ИСТОРИКА И ПЕДАГОГА Е. Н. ЩЕПКИНОЙ (1854 – 1938)

**Ольга Игоревна
Секенова**

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, jkzkray@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9908-2039>

Аннотация. В статье рассматривается научное наследие историка и педагога, первой преподавательницы на Высших женских курсах Е. Н. Щепкиной, посвященное проблемам локальной истории Тульского края, в контексте развития отечественной историографии 1880 – 1890-х гг. и вовлечения женщин в российскую академическую корпорацию историков. В рамках «новой локальной истории», основываясь на исторических трудах Е. Н. Щепкиной и принадлежащих ей автодокументальных источниках, автор анализирует условия, в которых Е. Н. Щепкина обучалась исследовательской работе на Московских и Санкт-Петербургских Высших женских курсах, в Сорбонне, рассматривает практики самообразования, используемые ей при написании работ по истории Тульского края, особенности лекционной работы в качестве преподавателя истории XVIII в. Автор изучает, как работа в рамках позитивистской методологии влияла на отражение историко-географической и социально-экономической проблематики в трудах Е. Н. Щепкиной на локально-историческом материале. В статье подробно анализируются ключевые работы Е. Н. Щепкиной: «Старинные помещики на службе и дома», посвященная истории рода Болотовых с XVI по XVIII вв., и «Тульский уезд в XVII веке», отражающая социально-демографические и экономические процессы в регионе. Делаются выводы о вкладе Е. Н. Щепкиной в тульскую историографию и имплицитной связи местных и столичных исторических сообществ благодаря многочисленным публикациям документов и исследований по местной истории во второй половине XIX века. Автор демонстрирует процесс превращения исследований по локальной истории в равноправную часть общероссийской научной историографии на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: история Тульского края, женщины-историки, историография, местная история.

Для цитирования: Секенова О. И. История Тульского края в трудах историка и педагога Е. Н. Щепкиной (1854 – 1938) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 111–120. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-111-120>

Сведения об авторе: О. И. Секенова – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.

© Секенова О. И., 2023

Scientific Article

UDC 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-111-120>

HISTORY OF THE TULA REGION IN THE WORKS OF HISTORIAN AND TEACHER E. N. SHCHEPKINA (1854 – 1938)

Olga I. Sekenova

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, jkkzkray@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9908-2039>

Abstract. The article focuses on the scientific heritage of E. N. Shchepkina, the historian and teacher, the first women-lecturer at the Higher Women's Courses. Her works are devoted to the problems of the Tula region local history in the context of the Russian historiography development in 1880s – 1890s and the involvement of women in the Russian academic historical community. Within the framework of the “new local history”, based on Shchepkina's historical works of and her auto-documentary sources, the author analyzes the conditions of studying research work at the Moscow and St. Petersburg Higher Courses for Women and at the Sorbonne. The author also examines the self-education practices used by Shchepkina when writing works on the history of the Tula region, and the peculiarities of her lecture work as a teacher of eighteenth-century history. The author studies how work within the framework of positivist methodology influenced the reflection of historical, geographical and socio-economic issues in Shchepkin's works on local historical material. The article analyzes in detail the key works of E. N. Shchepkina: “Ancient Landowners in Service and at Home,” dedicated to the history of the Bolotov family from the 16th to the 18th centuries, and “Tula Uezd in the 17th century,” reflecting socio-demographic and economic processes in the region. The author draws conclusions about E. N. Shchepkina's contribution to Tula historiography and the implicit connection between local and metropolitan historical communities thanks to numerous publications of documents and research on local history in the second half of the 19th century. The author demonstrates the process of transforming research on local history into an equal part of all-Russian scientific historiography at the turn of the 19th – 20th centuries.

Keywords: history of the Tula region, women historians, historiography, local history.

For citation: Sekenova, OI 2023, ‘History of the Tula Region in the Works of Historian and Teacher E. N. Shchepkina (1854 – 1938)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 111–120, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-111-120> (in Russ.)

Information about the Author: *Olga I. Sekenova* – PhD in Historical Sciences, Research Associate, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russia.

© Sekenova O. I., 2023

Введение

В современных обзорах историографической ситуации Российской империи 1880 – 1890-х гг. встречается представление о противопоставлении «большой» профессиональной исторической науки и краеведческих исследований как любительской «маргинальной» области историописания [5, с. 183]. Тем не менее уже к концу XIX в. «местная история» понималась как значимая для национально-государственной истории область исследований прошлого [1, с. 22, 24; 5, с. 198]. Сегодня в рамках «новой локальной истории» историки изучают не только интеллектуальные достижения местного краеведения, но и судьбы активных участников исторического сообщества [10, с. 6]. Так, исторические события Тульского края интересовали как знаменитых тульских историков XIX в. (И. Ф. Афремова, И. П. Сахарова, Н. О. Андреева и др.), так и столичных исследователей, с Тульской губернией не связанных.

На 1880 – 1890-е гг. приходится расцвет творчества Екатерины Николаевны Щепкиной (1854 – 1938 гг.) – ученицы В. И. Герье и К. Н. Бестужева-Рюмина, первой преподавательницы истории на Высших женских курсах в Российской империи. В советское время Е. Н. Щепкина, удостоившаяся пренебрежительного определения «либералки до мозга костей» [4, с. 45] от ее коллеги по курсам для рабочих Н. К. Крупской, была практически забыта. Одной из первых, обративших внимание на Е. Н. Щепкину как серьезного историка, стала Н. Л. Пушкарева [7]. Также упоминание об одной из работ Е. Н. Щепкиной есть в классическом труде по тульской археографии Г. П. Присенко [6, с. 26]. Тем не менее труды Екатерины Николаевны оказались мало известны тульским историкам. Основываясь на опубликованных исследованиях, а также неизданных автодокументальных текстах Е. Н. Щепкиной [РГАЛИ. Ф. 569], становится возможным понять природу своеобразной «исключенности» из сообщества локальных историков: Е. Н. Щепкина не бывала в Туле, не принимала участия в съездах и деятельности архивных комиссий – но тем не менее внесла огромный вклад в тульскую историографию. Цель данного исследования – охарактеризовать научное наследие Е. Н. Щепкиной, посвященное проблемам локальной истории Тульского края, в контексте развития отечественной историографии 1880–1890-х гг., рассмотрев внешние условия создания исторических трудов по тульской тематике.

Результаты

Е. Н. Щепкина (1854 – 1938 гг.): страницы биографии

Екатерина Николаевна Щепкина была единственной дочерью в семье успешного государственного служащего Николая Петровича Щепкина (выпускника Московского университета, который благодаря своим деловым качествам и неподкупности дослужился до должности уфимского губернатора) [3, с. 222] и столбовой дворянки [13, л. 10] из рода Племянниковых. Знакомый с многими государственными деятелями и учеными пореформенной России, отец Е. Н. Щепкиной был лишен предубеждений к женскому образованию, и благодаря ему Екатерина Николаевна после окончания Нижегородской гимназии поступила на Высшие женские курсы В. И. Герье в Москве (мать мечтала об учебе дочери за границей, но проект не удался – дамы отправились выбирать подходящее учебное заведение, стали свидетельницами начала франко-прусской войны и спешно вернулись домой).

Высшие женские курсы в Москве стали новым необычным опытом для бывшей гимназистки: лекции В. И. Герье, В. О. Ключевского, Н. С. Тихонравова и В. С. Соловьева открыли перед Е. Н. Щепкиной мир профессиональной исторической науки. Хотя будущий историк сложно сходилась с людьми, В. И. Герье выделял ее среди других курсисток и назначил на должность «хранительницы библиотечки» – маленького собрания книг для курсов, которое создал сам основатель учебного за-

ведения. Также по инициативе В. И. Герье курсистки не только слушали лекции, но и пытались освоить начала исследовательской работы – готовили и защищали рефераты. Окончив три курса истории на Московских ВЖК, Е. Н. Щепкина попробовала себя в педагогической деятельности – преподавала в женских средних учебных заведениях сначала в Саратове, потом – в Москве. Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Е. Н. Щепкина работала в качестве добровольной помощницы медсестер санитарного поезда [16]. В 1880 г. семья Е. Н. Щепкиной переехала в Санкт-Петербург, отец получил новую должность, благодаря которой она могла позволить себе не работать, и исследовательница приняла решение снова стать курсисткой (в 26 лет).

Обучение на Бестужевских курсах стало новым этапом в формировании Е. Н. Щепкиной как историка. Будучи старше большинства бестужевок, молодая женщина тяжело сходилась с однокурсницами, зато своей любовью к исторической науке и способностями к исследовательской работе производила благоприятное впечатление на преподавателей, в частности, к ней благоволил создатель курсов историк К. Н. Бестужев-Рюмин. Окончив курсы, Е. Н. Щепкина на деньги семьи отправилась учиться за границу, став первой русской студенткой-историком в Сорбонне, где училась в 1884 – 1885 гг., параллельно работая во французских архивах и библиотеках.

История рода Болотовых. «Старинные помещики на службе и дома» (1890)

Первый замысел исследования Е. Н. Щепкиной появился в Сорбонне, где она изучала историю и, кроме других занятий, посещала «из любопытства» курс историка Бертена, посвященный французским историческим мемуарам начала XVIII в. По описанию Е. Н. Щепкиной, лекции преподаватель «читал в деревянном сарае, где было холодно и темновато» [14, л. 37]. Общедоступный курс Бертена понравился Е. Н. Щепкиной серьезным подходом к изучению мемуаристики настолько, что она задумалась о применении аналогичного метода к исследованию русской истории XVIII в. Второй важной мыслью стала необходимость презентации своих исследований (Е. Н. Щепкина в большей мере задумывалась не о научности, а о ценности изучения мемуаров в преподавании истории XVIII в., следовательно, желала публично выступить со своими изысканиями на курсах). Историк была уверена в своей компетентности: «Прочла я изрядно записок и дневников, немало повозилась над монументальным Болотовым» [14, л. 37 об.], но прекрасно представляла себе особенности положения женщин в российском академическом сообществе 1880-х гг. Корпорация историков, равно как и другие сообщества ученых, постепенно допускала к себе женщин с достаточным уровнем образования (впрочем, Высшие женские курсы 1870 – 1880-х гг. с точки зрения подготовки к научной работе еще серьезно уступали мужским учебным заведениям) [8]. Несмотря на это, женщины, вполне освоившиеся в пореформенной средней школе, в качестве работниц высшей школы были еще в новинку. Е. Н. Щепкина сомневалась, что ее возьмут преподавать курсисткам («Допустят ли меня выступить на курсах? Имелись ли прецеденты такой дерзости?» [14, л. 37 об.]) и передавала в мемуарах слухи о первых преподавательницах на ВЖК: во Францию доходили известия, что математик В. И. Шифф была оставлена на математическом факультете для занятий с курсистками (на первых порах ей разрешали только заниматься индивидуальной работой, «репетировать»), что еще одна выпускница курсов оставлена при физическом кабинете [14, л. 37 об.]. Пересилив собственные страхи, Е. Н. Щепкина решила написать своему учителю, историку К. Н. Бестужеву-Рюмину о желании преподавать на Санкт-Петербургских высших женских курсах, получила неожиданный ответ: «Приезжайте, выступайте самостоятельно, так и следует» [14, л. 37 об.] – и немало ему удивилась. Следующие полгода

она провела в постоянной подготовке к будущим лекциям: «часами сидела перед камином, собирая в голове, что и как я буду читать», размышляла о том, «как из совершенно отдельных кусков связать целое, известную картину внутреннего развития общества первой половины 18 века» [12, л. 1]. Наконец важный день настал. В воспоминаниях Е. Н. Щепкина признавалась, как переживала по поводу первой лекции: «Тяжело вспомнить сутки 11-го (октября 1885 года). Купила 3 бутылки какого-то русского виноградного и понемногу подкреплялась днем и ночью. Содержание набросала все карандашом на листках, усердно и внимательно мысленно изложила все, по памяти наметить только общие выводы – сами скажутся по ходу дела» [14, л. 58 об.]). Лекционный курс прошел весьма успешно. Курс начинался «Завещанием отеческим сыну» И. Т. Посошкова и завершался «Записками» ученого и философа А. Т. Болотова. Впоследствии курс «Общество XVIII века» дополнился сюжетами из начала XIX в.

Ограничение деятельности ВЖК в 1886 – 1889 гг. заставило Е. Н. Щепкину уйти в своеобразный творческий отпуск. Не нуждаясь в деньгах благодаря семейным доходам, она решила снова переехать в Москву, где проводила время в библиотеках и архивах. Увлечшись историей семьи Болотовых, желая удостовериться в подлинности или опровергнуть семейные легенды, переданные в «Записках», она начала искать предков ученого-энциклопедиста в писцовых книгах. В процессе работы Е. Н. Щепкина столкнулась с проблемой недостатка исследовательского опыта. Впервые историк занялась Болотовыми еще на курсах по заданию Бестужева-Рюмина – он описывал его мемуары как «трудные для изучения своим объемом и длинным рядом лет, которые они охватывают» [12, л. 1]. Большая часть «Записок» А. Т. Болотова была уже опубликована и доступна в «Русской старине» 1870 – 1873 гг., тем не менее отдельные дополнения к ним выходили вплоть до 1895 г. Следовательно, исторический источник был вполне доступен молодой исследовательнице. Проблема была в недостатке опыта работы с источниками: на Высших женских курсах в Москве и Петербурге обучение предполагало формирование общего представления о развитии исторического процесса, но не ставило задачи научить курсисток исследовательской работе. Е. Н. Щепкина изобрела свой способ самообразования: она «штудировала диссертацию Семевского о крестьянах при Екатерине, читала работы, на которые он ссылался, указанные им печатные материалы, изучала механизм исторической работы. Это оказалось очень полезным» [12, л. 1]. После создания лекционного курса и вдумчивой работы в архивах Екатерина Николаевна занялась собственным исследованием.

Первой пробой пера по теме стала небольшая статья, опубликованная в Журнале Министерства народного просвещения в 1886 г., «Популярная литература в середине XVIII в.» по запискам Болотова [15]. Своей задачей Е. Н. Щепкина видела описание духа, привычек русского дворянина эпохи Просвещения, доказывая, что именно служилые люди в Российской империи раньше других убедились в пользе учения и стали понемногу интересоваться европейской наукой и литературой. Екатерина Николаевна анализировала образовательную политику государства от Петра до Екатерины II, делая вывод о важности чтения в распространении идей просвещения среди русского образованного сословия. В тексте мемуаров А. Т. Болотов обстоятельно рассказывал о книгах, интересовавших его в детстве и юности, и Е. Н. Щепкина решила сравнить отзывы на одни и те же книги А. Т. Болотова и других мемуаристов эпохи (Г. Р. Державина, баснописца И. И. Дмитриева), пытаясь выделить общие характерные черты мировоззрения русского дворянства середины XVIII в.

Необычна ее характеристика А. Т. Болотова: признавая, что он выделялся необычайным трудолюбием и большой отзывчивостью ко многим научным и эко-

номическим вопросам, Е. Н. Щепкина писала об «отсутствии даровитости в авторе» [15, с. 240] и утверждала, что в значительной мере его характер формировался под влиянием нравоучительных европейских романов.

Характеризуя философские и нравоучительные романы, популярные в эпоху Просвещения, но полузабытые читателями второй половины XIX в., Е. Н. Щепкина безусловно проецировала на них нравственные представления современного ей пореформенного общества, возмущалась оправданием рабства как естественного явления для человечества и рассматривала подобные тексты как «сделки с совестью» [15, с. 272] под видом нравоучительных бесед. Литературные произведения, упоминаемые в статье, выборочно достаивались подробного пересказа (как, например, «Детское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами, сочинённые на французском языке госпожой Лепренс де Бомон» [2], отрывок из которой «Красавица и чудовище» широко известен и сегодня). В результате Е. Н. Щепкина впервые затронула мемуары А. Т. Болотова как замечательный источник XVIII в., демонстрируя на его основе трансформацию мировоззрения русского дворянства под влиянием популярной литературы Просвещения, отмечая также «разлад между моралью и действительной жизнью» [15, с. 274] как неотъемлемую черту эпохи.

Публикация в Журнале Министерства народного просвещения, к тому же не под псевдонимом (как в научных и популярных журналах долгое время публиковались другие женщины-историки), а под собственным именем, была значительным успехом для молодой исследовательницы. Е. Н. Щепкина не остановилась на достигнутом: уже через несколько лет ей удалось опубликовать в «Вестнике Европы» очерк, посвященный каширским помещикам из рода Болотовых. По указаниям в мемуарах А. Т. Болотова ей удалось проследить его предков до второй половины XVI в. по писцовым книгам, судебным делам Каширского уезда. Сам род Болотовых Екатерина Николаевна описывала как представителей типической дворянской семьи из громадного класса служилых людей московского государства, из которого сложилось впоследствии российское сельское дворянство [11, с. 171]. Примечательна характеристика Болотовых как людей «мелких», «заурядных», не «исторических героев» [11, с. 171–172]: Е. Н. Щепкина как будто бы извиняется за то, что описывает историю людей не знаменитых и не интересных широкому читателю. С самого начала Е. Н. Щепкина погружает читателя в широкий исторический контекст, описывая политическую и военную историю южной окраины Российского государства в XV – XVI вв., систему службы дворян и дворянских детей, принципы комплектования поместного войска, быт служилых людей. На фоне этого обширного описания Е. Н. Щепкина сравнивает семейные предания, зафиксированные в мемуарах А. Т. Болотова, с историческими источниками, анализирует экономическое положение его предков (сначала ухудшившееся в условиях кризиса поместного войска, потом восстановившееся за счет выморочных поместий и каширских железных заводов на р. Скниге). В результате небольшой очерк являет собой подробное социально-экономическое исследование, опирающееся на позитивистскую методологию (в нем заметно и влияние В. О. Ключевского, у которого Е. Н. Щепкина училась на курсах Герье, и В. И. Семевского как одного из первых исследователей крестьянства XVIII в.). По свидетельству Е. Н. Щепкиной, К. Н. Бестужев-Рюмин был доволен своей ученицей: «Они у вас живые люди, Е. Н., совсем живые люди!» [14, л. 62] – говорил он после чтения ее работы.

В 1890 г. Е. Н. Щепкина объединила цикл своих болотовских исследований в работу «Старинные помещики на службе и дома» [17], дополнив их историей рода в Петровскую эпоху, более подробной характеристикой военной службы А. Т. Болотова в Семилетней войне, очерком об особенностях дворянского воспитания в XVIII в.

и обзором сельской жизни и хозяйства XVIII в. Исследование получилось системным, охватывающим историю 7 поколений старинного рода служилых помещиков до 1762 г. Книга вышла в типографии М. М. Стасюлевича, известного историка и редактора журнала «Вестник Европы», что в свою очередь доказывало признание Е. Н. Щепкиной в академической корпорации историков.

«Тульский уезд в XVII веке»

Гораздо меньше известно о внешних обстоятельствах, сопутствовавших процессу работы над следующим трудом Е. Н. Щепкиной «Тульский уезд в XVII в. Его вид и население по писцовым и переписным книгам» (1892) [18]. Выбор Тульского уезда для исследования Е. Н. Щепкина объясняла тем, что «по составу населения этот уезд один из лучших образцов тех порядков, какие создавала поместная система» [18, с. III]. Текст был опубликован в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете» – периодическом издании трудов первого научного исторического общества в Российской империи. Известно, что основными источниками работы стали «Писцовые книги Московского государства» (изд. под ред. Калачева, 2-я книга), описания г. Тулы, хранившиеся в Московском архиве Министерства юстиции, изданные отдельным томом в 1884 г., неопубликованные писцовая книга 1628 – 1633 гг., переписные книги 1646 и 1678 гг. Используя эти источники, Е. Н. Щепкина создала историческую карту Тульского уезда XVII в. на основе современной ей трехверстной (масштаб: 3 версты в дюйме) военно-топографической карты Тульской губернии. Е. Н. соотносила писцовую книгу, две переписи одной и той же местности для выявления сохранившихся и утраченных поселений, пустошей, межей и границ участков. Во вступительной статье историк описывала поэтапный процесс работы над картой: сначала она указывала на карте селения, относительно местоположения которых сомнений не было, затем искала селения с изменившимися названиями (скрупулезно сверяя их с межевыми описями поместий) и наносила географические объекты на карту. Параллельно Е. Н. Щепкина составляла таблицы по отдельным станам (административно-территориальным единицам), в которых отражала численность населения по социальным группам с учетом беглых крестьян и данные о пашенных землях и иных угодьях. Отдельно приводились списки населенных пунктов, погостов и церквей для каждого стана. Книга снабжена алфавитным списком помещиков и вотчинников по писцовым и переписным книгам и указателем имен географических – предполагалось, что эта информация должна была помочь местным исследователям в их изысканиях. Е. Н. Щепкина стала автором уникального справочника, содержащего информацию как по исторической географии, так и по социально-демографическим процессам в Тульском уезде. Написанная историком подробная аналитическая справка о стратегическом военном значении этой территории в XVII в. интересна и тем, что демонстрирует знакомство Е. Н. Щепкиной с основной научной литературой тульских историков – И. Ф. Афремова и И. П. Сахарова (с ними она полемизировала по вопросу истории строительства оборонительного вала Завитай [18, с. XV]). В результате можно говорить о том, что связь местных и столичных исторических обществ благодаря публикациям документов по местной истории в московских и петербургских типографиях становилась все очевиднее: даже не будучи лично знакомыми друг с другом, историки благодаря работе архивов и библиотек прекрасно представляли себе работы своих предшественников. До начала XX в. работа с региональными источниками в Москве была удобнее и лучше организована, чем во многих регионах, включая Тульскую губернию, где только в 1888 г. встал вопрос о необходимости создания губернской ученой архивной комиссии [6, с. 39]. Фактически столичный историк находилась в более выгодном положении с точки зрения доступа

к историческим источникам, что выразилось в возможности создания комплексного научного исследования.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод о своеобразии и значимости исследований Е. Н. Щепкиной, посвященных истории Тульского края. Судя по исследованиям, огромное влияние на Е. Н. Щепкину оказали В. О. Ключевский, чей курс лекций она прослушала на Московских ВЖК, В. И. Герье и К. Н. Бестужев-Рюмин, обучавшие ее исследовательской работе, В. И. Семевский, чьи труды она использовала для самообразования. Работа в рамках позитивистской методологии позволила ей затронуть актуальные вопросы историко-географической и социально-экономической истории на локально-историческом материале. Е. Н. Щепкина была знакома с региональной исторической традицией, хотя не состояла в краеведческих клубах и объединениях. Тем не менее имплицитная связь местных и столичных исторических сообществ благодаря многочисленным публикациям документов и исследований по местной истории во второй половине XIX в. становилась все заметнее. До начала XX в. работа с региональными источниками в московских архивах была удобнее и лучше организована, чем во многих регионах, включая и Тульскую губернию. Труды Е. Н. Щепкиной демонстрируют, что к концу XIX в. благодаря расширению проблематики и освоению новых исследовательских методов национальная историческая традиция нуждалась в конкретно-историческом материале на основе местных источников. Подобные работы были ценны и для развития краеведения: они давали большое количество фактического материала, к тому же превращая исследования по локальной истории в равноправную часть общероссийской научной историографии. Публикация исследований на локальном материале в серьезных исторических и популярных журналах способствовало развитию единого пространства российской исторической науки в 1880 – 1890-х гг.

Список источников и литературы

1. Бердинских В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 522 с.
2. Де Бомонт Ле Пренс. Детское училище, или разговоры благоразумной наставницы с ее воспитанницами: сочинение г-жи Ле Пренс де Бомонт. [СПб.], 1765. 70 с.
3. Кантимирова Р. И. Государственный деятель Николай Павлович Щепкин (1825–1911 гг.) // Вестник ВЭГУ. 2013. № 6 (68). С. 222–227.
4. Крупская Н. К. Пять лет работы в вечерних Смоленских классах // Педагогические сочинения: в 10 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1957. Т. 1: Автобиографические статьи. С. 38–55.
5. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание : монография. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.
6. Присенко Г. П. Тульская археография XIX – XXI веков: обзор публикаций источников по истории Тульского края XIV – XX веков. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. 404 с.
7. Пушкарева Н. Л. Женщины-историки в России 1810 – 1917 гг. // Вестник Пермского ун-та. Серия: История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.
8. Пушкарева Н. Л., Секенова О. И. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX – начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302–316.
9. Семевский В. И. Крепостные крестьяне при Екатерине II, 1762 – 1796 // Русская старина. Т. 17. 1876. Вып. 9–12. С. 652–690.
10. Симонова Е. В. "Местная история": методологические подходы к изучению // Тульский краеведческий альманах. 2014. № 11. С. 4–8.
11. Щепкина Е. Н. (Е. Щ.) Каширские дворяне. Семейная хроника XVI и XVII века // Вестник Европы. 1889. Июль. С. 171–204.

12. Щепкина Е. Н. Бестужевские курсы // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 1. Д. 131.
13. Щепкина Е. Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3.
14. Щепкина Е. Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1.
15. Щепкина Е. Н. Популярная литература в середине XVIII в. : (по запискам Болотова) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1886. Апрель. С. 238–276.
16. Щепкина Е. Н. Санитарный поезд в турецкую войну // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 11.
17. Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома: Из семейной хроники: (1578 – 1762). СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 223 с.
18. Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке: его вид и население по писцовым и переписным книгам. М.: Университетская тип., 1892. 318 с.

References

1. Berdinskikh, VA 2003, *Uezdnyye istoriki. Russkaja provintsial'naya istoriografiya* (Uyezd historians. Russian Provincial Historiography), Novoye literaturnoye obozreniye publ, Moscow. (In Russ.)
2. Leprince de Beaumont, JM 1765, *Detskoye uchilishche, ili razgovory blagorazumnoy nastavnitsy s yeye vospitannitsami: sochineniye g-zhi Le Prens de Bomont* (Children's School or Conversations of a Prudent Teacher with Her Students), St. Petersburg. (In Russ.)
3. Kantimirova, RI 2013, 'Gosudarstvennyy deyatel' Nikolay Pavlovich Shchepkin (1825 – 1911 gg.)' (Statesman Nikolay Pavlovich Shchepkin (1825 – 1911), *Vestnik VEGU*, no. 6(68), pp. 222–227. (In Russ.)
4. Krupskaya, NK 1957, '5 let raboty v vechernikh Smolenskikh klassakh' (5 Years of Work in Evening Smolensk Classes), *Pedagogicheskie sochineniya* (Pedagogical works. In 10 vols), vol.1, Izd-vo Akad. ped. Nauk publ, Moscow, pp. 38–55. (In Russ.)
5. Malovichko, SI & Rumyantseva, MF 2013, *Istoriya kak stroгая nauka vs sotsial'no oriye-tirovannoye istoriopisaniye* (History as a rigorous science vs socially oriented historiography), Izd-vo MGOGI publ, Orekhovo-Zuyevo. (In Russ.)
6. Prisenko, GP 2014, *Tul'skaya arkheografiya XIX – XXI vekov: obzor publikatsiy istochnikov po istorii Tul'skogo kraya XIV – XX vekov* (Tula Archeography of the 19th – 21st Centuries: Review of Publications of Sources on the Tula Region History of the 14th – 20th Centuries), TGPU im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)
7. Pushkareva, NL 2012, 'Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810 – 1917 gg.' (Women-Historians in Russia in 1810 – 1917), *Perm University Herald. History*, no. 1 (18), pp. 228–245. (In Russ.)
8. Pushkareva, NL & Sekenova, OI 2020, 'Prepodavatel'nitsy Bestuzhevskikh zhenskikh kursov kak fenomen rossiyskoy emansipatsii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.' (Female lecturers at the faculty of history and philology of the Bestuzhev women's higher education courses as a manifestation of Russian emancipation of the second half of the 19th – early 20th century), *Educational Studies (Moscow)*, no. 1, pp. 302–316. (In Russ.)
9. Semevskiy, VI 1876, 'Krepostnyye krest'yane pri Yekaterine II, 1762 – 1796' (Serfs in Times of Catherine II, 1762 – 1796), *Russian Antiquity*, vol. 17, no. 9-12, pp. 652–690. (In Russ.)
10. Simonova, EV 2014, "'Mestnaya istoriya": metodologicheskiye podkhody k izucheniyu' ("Local History": Methodological Approaches to Study), *Tul'skiy krayevedcheskiy almanakh*, no.11, pp. 4-8. (In Russ.)
11. Shchepkina, EN 1889 'Kashirskiye dvoryane. Semeynaya khronika XVI i XVII veka' (Kashira Nobility. Family Chronicle of the 16th and 17th Centuries), *Vestnik Evropy*, no. 7, pp. 171–204. (In Russ.)
12. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* (Russian State Archive of Literature and Art), fund 569, inventory 1, file 131. (In Russ.)
13. *RGALI*, fund 569, inventory 2, file 3. (In Russ.)
14. *RGALI*, fund, 569, inventory 2, file 1. (In Russ.)
15. Shchepkina, EN 1886, 'Populyarnaya literatura v seredine XVIII v. : (po zapiskam Bolotova)' (Popular literature in the middle of the eighteenth century (based on Bolotov's notes), *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, April, pp. 238–276. (In Russ.)

16. *RGALI*, file 569, inventory 2, file 11. (In Russ.)
17. Shchepkina, EN 1890, *Starinnyye pomeshchiki na sluzhbe i doma: Iz semeynoy khroniki: (1578–1762)* (Ancient Landowners at Work and at Home), tip. M. M. Stasyulevicha publ, St.Petersburg. (In Russ.)
18. Shchepkina, EN 1892, *Tulskiy uyezd v XVII veke: yego vid i naseleniye po pistsovyim i perepisnym knigam* (Tula Uyezd in the 17th Century: Type and population according to pissovy and census books), Universitetskaya tip. publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.11.2023
Одобрена после рецензирования: 11.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 07.11.2023
Approved after reviewing: 11.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 121–128.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 121–128.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128>

ОБРАЗЫ ПЕРСИИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

**Косар Салими
Абдолмалеки**

Боджнордский университет
Боджнорд, Иран, k.salimi@ub.ac.ir
<https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

Аннотация. В статье рассмотрен корпус русских фразеологических единиц, содержащих структурный инокультурный компонент «персидский», во многом детерминирующий формирование семантики всего устойчивого выражения. Объектом исследования выступили также некоторые фразеологизмы, включающие компоненты-лексемы, заимствованные из персидского языка (персизмы).

Целью настоящей статьи стало описание с лингвокультурологических позиций круга фразеологических единиц, в основе формирования значения которых лежат образы Персии, и выявление значимости, заложенной в них культурной информации.

К исследовательскому материалу были применены такие лингвистические методы, как метод сплошной выборки из лингвистических словарей, семный анализ, лингвокультурологический анализ и когнитивно-дискурсивный анализ фразеологической семантики.

В результате проведенного анализа было установлено, что к группе фразеологических знаков – лингвокультурных маркеров проникновения «персидского» в русское языковое поле – относится небольшое количество семантически емких единиц, среди которых единицы терминологического характера, часть из которых входит в широкое употребление, и сочетания, подвергшиеся фразеологической метафоризации. В составе таких устойчивых сочетаний компонент «персидский» утрачивает свое этнонимическое или топонимическое значение. В процессе функционирования данные единицы «обрастают» смыслами, обусловленными сложившимися в русском языковом сознании за длительный период русско-иранских контактов представлениями о Персии и персидской культуре.

Ключевые слова: фразеологический образ, фразеологическая семантика, фразеологизм, инокультурный компонент.

Для цитирования: Косар Салими Абдолмалеки. Образы Персии в русской фразеологии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 121–128. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128>.

Сведения об авторе: Косар Салими Абдолмалеки – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка, Боджнордский университет, 9453155111, Иран, Хорасан Шомали, г. Боджнорд.

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128>

IMAGES OF PERSIA IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

***Kosar Salimi
Abdolmaleki***

Bojnord University

Bojnord, Iran, k.salimi@ub.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

Abstract. The article considers the corpus of Russian phraseological units containing the structural foreign-cultural component "Persian", which largely determines the formation of the semantics of the entire set expression. The object of the study is also some phraseological units that include components-lexemes borrowed from the Persian language (Persianism).

The aim of this article is to describe the range of phraseological units based on the images of Persia from the linguacultural point of view and to reveal the significance of the cultural information embedded in them.

The study applied such linguistic methods as the method of continuous sampling from linguistic dictionaries, seminal analysis, linguacultural analysis and cognitive-discursive analysis of phraseological semantics.

As a result of the analysis, the author concludes that the group of phraseological signs - linguacultural markers of the penetration of "Persian" into the Russian language field - includes a small number of semantically capacious units, including units of terminological nature, some of which are in widespread use, and combinations that have undergone phraseological metaphorization. As part of such set expressions, the "Persian" component loses its ethnonymic or toponymic meaning. In the process of functioning, these units acquire new meanings due to the ideas about Persia and Persian culture formed in the Russian linguistic consciousness over a long period of Russian-Iranian contacts.

Keywords: phraseological image, phraseological semantics, phraseologism, foreign cultural component.

For citation: Kosar Salimi Abdolmaleki 2023, 'Images of Persia in Russian Phraseology', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 121-128, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128> (in Russ.)

Information about the Author: *Kosar Salimi Abdolmaleki* – PhD in Philology, Assistant Professor, Lecturer of the Russian Language Department, Bojnord University, Khorasan Shomali, Bojnord, 9453155111, Iran.

© Kosar Salimi Abdolmaleki, 2023

Введение

Широкое поле русской фразеологии включает языковые единицы не только различной степени структурно-семантической организации, но и единицы, по-разному соотносимые с элементами культурного пространства. Кроме фразеологических знаков, отражающих национально-культурное своеобразие или, напротив, имеющих универсальный характер, особую нишу занимают фразеологические единицы, являющиеся результатом когнитивного осмысления инокультурной действительности.

Как правило, страны и народы, наиболее тесно контактирующие с Россией, многопланово и разнообразно представлены во фразеологических образах русских косвенно-производных номинаций. Среди них рассматриваются, прежде всего, фразеологические единицы с соответствующим топонимическим / этнонимическим компонентом. Например, с компонентами «Англия» / «английский» / «англичанин» / «по-английски» в русском языке функционируют устойчивые обороты *закрой глаза и думай об Англии; английская болезнь; англичанин-мудрец, (чтоб работе помочь); уйти по-английски (не прощаясь)* и др. [4, с. 19–22].

Восток (в самом широком смысле этого слова) в отличие от Европы всегда воспринимался членами русского лингвокультурного сообщества как нечто экзотическое, наделенное своеобразным колоритом. Фрагмент русской картины мира, связанный с Востоком, структурируется культурными установками, представлениями, стереотипами, обыденными и научными понятиями обо всем восточном и репрезентируется во фразеологической системе языка различными устойчивыми единицами, номинирующими элементы быта, традиции, обряды, артефакты и ментефакты инокультурного пространства: *египетская работа, китайская стена, китайский болванчик, турецкий барабан, арабские сказки, восточный вопрос* и мн. др.

Цель данной статьи – описать с лингвокультурологических позиций «персидский» след в русской фразеологии, т. е. определить круг фразеологических единиц, в основе формирования значения которых лежат образы Персии, и выявить значимость заложенной в них культурной информации.

Согласимся с мыслью Т. М. Филоненко о том, что «фразеологический образ непосредственно отражается не только в актуальном фразеологическом значении, но и влияет на экспрессивность, эмоциональность и оценочность фразеологической единицы» [10, с. 5].

Безусловно, персидская фразеология становилась объектом самостоятельного научного изучения. Отдельные вопросы контрастивных исследований русской и персидской фразеологии были решены в работах [3; 5; 6 и др.]. Одно из наиболее полных исследований проведено Г. С. Голевой [2].

Обратимся к примерам. В персидском языке для вербализации универсального когнитивного признака «знание» выстраивается сложный образ, связанный с особым пониманием европейской культуры, – *знать лучше, чем европеец свои часы*, т. е. сравнение осуществляется через образ «чужого», выступающий эталоном знания. В русской языковой картине мира образную основу фразеологического значения 'очень хорошо знать' составляет соматический компонент «пальцы» – *знать как свои пять пальцев*, т. е. концептуально знание концентрируется в «своем круге». Эти примеры демонстрируют разность в мировосприятии представителями русской и персидской культур и специфику отражения результатов познавательных процессов в неродственных языках. Однако мы предприняли попытки выявить элементы персидской культуры, закрепившиеся в русской картине мира и отразившиеся в знаках косвенно-производной номинации, следовательно, в той или иной степени обладающие лингвокультурной ценностью.

Материалы и методы

Материалом исследования является корпус русских фразеологических единиц, содержащих структурный инокультурный компонент «персидский», во многом детерминирующий семантику всего устойчивого выражения. Напомним, что Исламская Республика Иран получила свое название только в 1935 г., возможно, поэтому в русском языке нами не обнаружено ни одного устойчивого сочетания с компонентом «иранский».

Кроме того, в центре исследовательского интереса находятся некоторые фразеологизмы, включающие компоненты-лексемы, заимствованные из персидского языка (персизмы).

Примеры функционирования фразеологических единиц взяты нами из Национального корпуса русского языка [7].

В ходе исследования нашли применение такие лингвистические методы, как метод сплошной выборки из лингвистических словарей, семный анализ, лингвокультурологический анализ и когнитивно-дискурсивный анализ фразеологической семантики.

Результаты и обсуждение

В результате сбора и анализа языкового материала приходим к выводу, что основную часть инокультурных фразеологических единиц, отражающих когнитивно-дискурсивную связь с образами Персии, составляют единицы с компонентом «персидский». Сразу отметим: адъектив *персидский* – производное либо от существительного *перс*, являющегося, по данным М. Фасмера, старославянизмом, пришедшим в русский язык через греческий Πέρσις из др.-перс. *pārša-*, либо от формы *Персия*, которая появилась позднее др.-русс., цслав. *Перьсида* под воздействием ср.-лат. *Persia* [9].

Из функционирующих в русском языке устойчивых сочетаний с компонентом «персидский» к кодифицированным относится лишь сочетание терминологического характера *персидский порошок* – ‘порошок из измельченных головок персидской ромашки, употребляемой для истребления насекомых-паразитов (клопов, блох, тараканов и т. п.)’ [11, с. 822]. Однако среди единиц с такого рода лексикограмматической связностью элементов можно назвать следующие ботанические и зоологические наименования: *парротия персидская* – ‘высокое дерево семейства губоцветных, происходящее из Ирана и других стран Ближнего Востока’; *персидская ромашка* – ‘многолетнее травянистое растение, относящееся к семейству астровых, обладает необычным окрасом лепестков’; *персидская сирень* – ‘кустарниковое растение, выведенное путем скрещивания афганской и мелконадрезной сирени’, а также *персидская борзая* – ‘одна из древнейших пород собак, высоконогая элегантная собака с поджарым телом и минимальным количеством подкожного жира’ и *персидский кот (персидская кошка)* – ‘одна из старейших в мире пород длинношерстных кошек’. Во всех примерах компонент «персидский» реализует значение – ‘происходящий из Персии, имеющий родиной Персию’, хотя фактически такая связь является предположительной, а внутренняя форма выражений – стертой.

Сочетания *персидская сирень* и *персидский кот (персидская кошка)* характерны не только для научной, но и для обыденной картины мира представителей русского лингвокультурного сообщества. Безусловно, персидские кошки – популярные домашние животные, в том числе и в России, а персидскую сирень можно встретить во многих садах. Обратимся к примеру: *Я сместился к стволу, узловатому стволу, досконально известному объятьям моего детства – инжир, алыча, абрикос, персидская сирень поднимали нас в высоту, на капитанские мостики, сплетенные из тростника...* (А. Иличевский. Перс).

Остальные единицы – *персидский ковер* и *персидский платок* (*персидская шаль*) – являются элементами обиходно-бытовой лингвокультуры, поскольку получают активное и частотное употребление только в повседневном дискурсе. Например: *Красовская по-старинному была гладко причесана, и на ней была накинута настоящая персидская шаль, как я узнал потом, огромной цены...* (В. Гиляровский. Люди театра).

При этом данные устойчивые сочетания выступают квазисимволами персидской культуры: каждый из номинируемых ими артефактов непосредственно соотносится с историко-культурным пространством древней Персии и современного Ирана.

Особый интерес представляет номинация «персидский», сохранившаяся за коврами, произведенными в настоящее время в Иране, хотя ткацкая история ковра насчитывает не одно тысячелетие. Ковер в представлении восточных народов, в том числе и персов, являлся моделью земного рая, поэтому количеством и качеством ковров, которыми был застелен дом, измерялся уровень благосостояния человека. История персидской цивилизации неразрывно связана с историей персидского ковра, искусство изготовления которого передавалось от поколения к поколению и было настоящей семейной ценностью. Первоначально ковры ткали дома только для личного пользования или в качестве подарка, а начало мануфактурного производства ковров датируется III в. н. э. Первый сохранившийся до наших дней восточный ковер был найден в археологической экспедиции под руководством советских ученых С. И. Руденко и М. П. Грязнова в одной из усыпальниц Пазырыкских курганов на Алтае в середине XX века.

Устойчивое сочетание *персидский ковер* в русской языковой картине мира является не просто обозначением предмета быта – оно обладает положительными коннотациями и используется как оценочная единица. Обратившись к «Национальному корпусу русского языка», можно подтвердить востребованность названного сочетания. В 70 из 84 рассмотренных нами примеров лексическими распространителями выражения *персидский ковер* в художественной литературе являются атрибутивы *роскошный, дорогой, шикарный, великолепный, громадный* и т. п., подчеркивающие ценность данного артефакта и наделяющего его функцией символа богатства. Например: 1. *Она показала Галактиону свою спальню, поразившую его своею роскошью: две кровати красного дерева стояли под каким-то балдахинном, занавеси на окнах были из розового шелка, потом великолепный мраморный умывальник, дорогой персидский ковер во весь пол, а туалет походил на целый магазин* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб). 2. *Кабинет Верховского служил ему также и спальней. Это была четырехугольная комната, с драпри, за которыми находилась кровать; на стене за нею висел богатый персидский ковер, с развешанным на нем оружием* (А. А. Шклярский. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя)). 3. *Это была довольно большая комната, разделенная лепным альковым на две половины. Мягкий персидский ковер расстилался во всю длину будуара, стены которого, словно диванные спинки, выпукло были обиты дорогою голубою материею* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы).

Кроме того, нами отмечены случаи употребления данного сочетания в функции образного сравнения. Например: *Я – Сказка, пестрая, как персидский ковер, как весенние луга, как индийская шаль. Слушайте, слушайте, как звенят мои запястья и браслеты на руках, на ногах* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды). В данном случае основанием для сравнения выступает орнамент восточного ковра. Действительно, цвет настоящих персидских ковров отличается насыщенностью, глубиной, яркостью красок. Геометрический орнамент, который у подлинного ковра ручной работы никогда не повторяется, соответствует сложившемуся в России пред-

ставлению о персидских коврах, особенно пользовавшихся большой популярностью в XIX в., в период расцвета ковроткачества и увеличения экспорта ковров. Стоит обратить внимание на частотное упоминание о персидском ковре в описаниях интерьера в произведениях русской классической литературы: у писателей XIX в. (М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. И. Куприна, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.) и писателей XX в. (В. Я. Шишкова, А. И. Солженицына, Ю. М. Нагибина, Ф. Искандера и др.).

В текстах современных авторов вектор восприятия данного артефакта меняется: персидский ковер – уже не символ богатой и роскошной жизни, а атрибут мещанской пошлости и обывательства, вещизма. Сравним: *Что ты понимаешь под жизнью? Трепотню с подружками о тряпках? Персидский ковер и японский телевизор? Или: я была в зоопарке и видела огромного слона* (В. Приданников. Путь самоотверженного (2002)). Из контекста становится понятно, что *персидский ковер* упоминается в качестве материальной ценности, которая противопоставлена, как и другой инокультурный артефакт *японский телевизор*, или в некоторой степени ставится в ущерб духовным ценностям.

Обращение к инокультурному дискурсивному пространству предполагает вербальную оценку (чаще отрицательную, нежели положительную) «чужой» культуры и ее представителей. Подтверждением этого могут стать устойчивые сравнения с компонентом-этнонимом. В русском языке «инаковость» подчеркивается за счет единиц типа *загорелый как эфиоп, черный как негр, торговаться как цыган* и др. В то же время устойчивых сравнений с компонентами «перс» или «персиянка» нами зафиксировано не было несмотря на то что славяно-иранские связи восходят, по свидетельству О. Н. Трубочева [8, с. 249–250], к первому тысячелетию до нашей эры, что свидетельствует о пребывании славян на берегах Дуная. Торговые связи между Ираном и Русью отмечаются с конца IX – начала XI в. Однако русский язык не стремится к параметризации «чужого» культурного пространства. В результате языковых контактов пополняется лексическая система русского языка, в которой насчитывается свыше 400 персизмов, проникших в основном в ходе торговли, путешествий или дипломатических контактов [1].

Тем не мене, хотелось бы выделить несколько фразеологических единиц, семантически ядерным компонентом которых является лексема, заимствованная из персидского языка. Прежде всего речь идет о фразеологизмах с компонентом «аршин»: *аршин с шапкой, вырасти на аршин (на два, на три аршина), как аршин проглотил, мерить на свой (на один) аршин (своим аршином), на аршин смерть, семь аршин говядины и три фунта лент, видеть на три аршина в землю (под землей, под землю)*. Каждое из данных выражений связано со старинной мерой длины, равной 0,71 м и сменившей локоть на рубеже XV – XVI вв. Слово *аршин* восходит к персидскому āgāš – «локоть». Изначально аршином мерили именно восточные ткани, в том числе привезенные из Персии. Перечисленные фразеологические единицы нельзя назвать национально-специфическими, поскольку подобные выражения есть и в других славянских и европейских языках и образованы они по общей «метрической» модели. Однако примечательно, что в русском языке наибольшей фразеологической продуктивностью обладает именно персидское заимствование *аршин*, генетическая связь которого с первоисточником давно утрачена, а многими носителями русского языка оно воспринимается как собственно русское.

Более явно связь с персидской лингвокультурой осознается во фразеологизме, восходящем к терминологии шахматной игры, *объявлять / объявить шах и мат* – ‘ставить кого-либо в трудное, безвыходное положение’. Генетический дискурс – персидское выражение šāh māt – «шах умер». К тому же сочетание *персидский шах*, по нашим наблюдениям, используется в русском лингвокультурном пространстве не

только как прямое обозначение иноземного правителя (шах – титул монарха Ирана), но и как метафорическая номинация, где мотивирующими семантиками являются те, что подчеркивают «статусные» характеристики шаха. Сравним: 1. *Кое-кто копается в проигрывателях, кое-кто отращивает бороду, кое-кто, как персидский шах, потягивает длинную восточную трубку с благовонным табаком...* (М. М. Кириллов. Дневник); 2. *Ты, Сережа, снова вилку сегодня держал, как персидский шах! Что, скажи на милость, из тебя выйдет?* (А. О. Осипович (Новодворский). Накануне ликвидации); 3. *При этом Чичиков надел на голову ермолку, вышитую золотом и бусами, и очутился, как персидский шах, исполненный достоинства и величия* (Н. В. Гоголь. Мертвые души). В приведенных примерах с помощью образного сравнения *как персидский шах* подчеркиваются особые манеры и поведение объекта номинации. Подобное сравнение обусловлено особенностями индивидуального стереотипного восприятия говорящим образа восточного правителя.

Заключение

В заключение отметим, что инокультурный фрагмент в русской фразеологической картине мира образуют, наряду с другими инокультурными знаками, единицы с компонентом «персидский». К данной группе фразеологических знаков – лингвокультурных маркеров проникновения «чужого» в русское языковое поле – относится небольшое количество семантически емких единиц, среди которых единицы терминологического характера, часть из которых входит в широкое употребление, и сочетания, подвергшиеся фразеологической метафоризации. В составе таких устойчивых сочетаний компонент «персидский» утрачивает свое этнонимическое или топонимическое значение и «обрастает» смыслами, детерминированными сложившимися в русском языковом сознании за длительный период русско-иранских контактов представлениями о Персии и персидском.

Список источников и литературы

1. Акбари Р. М. Русско-персидские языковые контакты: на материале заимствований : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Акбари Рогайе Мохарам. Казань, 2014. 183 с.
2. Голева Г. С. Фразеологическая система современного персидского языка (фарси) и принципы составления Фарси-русского фразеологического словаря : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.22 / Голева Галина Сергеевна. М., 2005. 250 с.
3. Косар Салими Абдолмалеки, Наргес Аштиани Мадждабади Кохнех. Концепт «собака» в пословицах и фразеологизмах русского и персидского языков // Гуманитарный вектор. 2020. № 5. С. 62–69.
4. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве : познавательный словарь-справочник. Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2019. 204 с.
5. Мирейла Ахмади, Алиари Шорехдели Махбубех, Хаэри Мехрнуш. Русские фразеологические единицы с соматическим компонентом «голова» в сопоставлении с персидским языком // Преподаватель XXI века. 2020. № 3-2. С. 428–435.
6. Нассири Мехди. Фразеологизмы в персидском и русском языках: сопоставительный аспект разных видов // Наука и школа. 2012. № 1. С. 61–63.
7. Национальный корпус русского языка : электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).
8. Трубочев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. // Славянское языкознание : IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983. С. 231–270.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М.: АСТ : Астрель, 2009. Т. 3. 830 с.
10. Филоненко Т. М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества : на материале фразеологии современного русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Филоненко Тамара Михайловна. М., 2004. 41 с.

11. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка* : более 35000 фразеол. единиц : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 1. 832 с.

References

1. Akbari, RM 2014, *Russko-persidskiye yazykovye kontakty: na materiale zaimstvovaniy* (Russian-Persian language contacts: based on the material of borrowings), PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
2. Goleva, GS 2005, *Frazeologicheskaya sistema sovremennogo persidskogo yazyka (farsi) i printsipy sostavleniya Farsi-russkogo frazeologicheskogo slovarya* (Phraseological system of modern Persian (Farsi) and principles of compiling a Farsi-Russian phraseological dictionary), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Kosar, SA & Narges, AMK 2020, 'Kontsept «sobaka» v poslovitsakh i frazeologizmakh russkogo i persidskogo yazykov' (The concept of "dog" in proverbs and phraseological units of the Russian and Persian languages), *Humanitarian vector*, no. 5, pp. 62–69. (In Russ.)
4. Lapteva, ML 2019, «*Chuzhoje*» v «*svoyem*» *frazeologicheskom prostranstve* ("Alien" in the "own" phraseological space), IP Sorokin Roman Vasilyevich publ, Astrakhan. (In Russ.)
5. Akhmadi M, Aliyari, SM & Haeri, M 2020, 'Russkiye frazeologicheskiye yedinitsey s somaticheskim komponentom «golova» v sopostavlenii s persidskim yazykom' (Russian phraseological units with the somatic component "head" in comparison with the Persian language), *Prepodavatel XXI vek*, no. 3-2, pp. 428–435. (In Russ.)
6. Nassiri, M 2012, *Frazeologizmy v persidskom i russkom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt raznykh vidov* (Phraseological units in Persian and Russian: comparative aspect of different types), *Science and School*, no. 1, pp. 61–63. (In Russ.)
7. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus), viewed 15 July 2023, <http://ruscorpora.ru> (In Russ.)
8. Trubachev, ON 1983, 'Yazykoznanie i etnogenez slavyan. Drevniye slavyane po dannym etimologii i onomastiki' (Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs according to etymology and onomastics), *Slavic Linguistics: IX International Congress of Slavists*, Moscow, pp. 231–270. (In Russ.)
9. Fasmer, M 2009, *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* (Etymological dictionary of the Russian language), vol. 3, AST publ, Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
10. Filonenko, TM 2004, *Frazeologicheskiy obraz v yazykovykh modelyakh prostranstva, vremeni i kolichestva* : na materiale frazeologii sovremennogo russkogo yazyka (Phraseological image in language models of space, time and quantity: Based on the phraseology of the modern Russian language), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
11. *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the modern Russian literary language) 2004, vol. 1, Tihonov A.N. (ed.), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.07.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 25.07.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Научная статья

УДК 811.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140>

**НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ СТИХИЯ КАК ДОМИНАНТА
ИДИОСТИЛЯ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «ОБИТЕЛЬ»)**

**Светлана Алексеевна
Кошарная¹**

**Юлия Сергеевна
Кириченко²**

^{1,2} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Белгород, Россия

¹ kosharnaja@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

² kirichenko@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4547-4471>

Аннотация. Вопросы идеостилевой специфики художественной речи сегодня являются актуальными и активно разрабатываются в различных аспектах, в том числе – в преломлении к решению задач лингвокультурного характера. В объективе данного исследования – поэма псковского поэта-фронтовика Игоря Николаевича Григорьева «Обитель». В работе производится анализ функционирующих в тексте поэмы репрезентантов народно-разговорной стихии (диалектизм, фольклорных включений) с позиции их идиостилевой направленности. Идиостиль рассматривается нами как «продукт» взаимодействия художественного мышления, языка – во всей совокупности его реализаций и культуры народа. В контексте постижения национальной художественной языковой картины мира представляет интерес анализ идиостиля авторов, которые намеренно, исходя из личной творческой установки, активно вводят в художественный текст лексические репрезентанты внелитературных языковых форм и элементы языка фольклора. Полагая, что в контексте анализа языка художественной литературы является значимым осмысление взаимодействия этнокультурного и индивидуально-авторского начал, мы ставим своей целью не только выявление идиостилевых особенностей текста поэмы И. Григорьева, базирующихся на народно-разговорной традиции, включая фольклорную, но также определение художественной целесообразности использования элементов народно-разговорного языка и намеренного отклонения от литературных норм. Народно-разговорная стихия трактуется нами как лингвокультурный комплекс, включающий языковые единицы, характеризующиеся не только территориальной и функциональной ограниченностью употребления, но и такими признаками, как традиционность, историзм (диалектные и фольклорные формы являют собой языковые реликты предшествующих эпох). В художественном тексте они расширяют палитру своих функций и служат делу создания образа, причем с установкой на художественно-образную конкретизацию персонажа. Кроме того, народность (включая фольклорность) как возможный компонент индивидуально-авторской художественной картины мира всегда отражает значимые фрагменты этнокультурного мировоззрения художника, что подтвердил анализ народно-разговорных элементов в языке поэмы И. Григорьева «Обитель».

Ключевые слова: художественная языковая картина мира, идиостиль, диалектизм, типы диалектизм, фольклорная картина мира, лингвокультурологическая интерпретация художественного текста.

Благодарности. В объективе исследования – поэма псковского поэта-фронтовика Игоря Николаевича Григорьева «Обитель», машинописная рукопись которой была любезно предоставлена другом семьи Григорьевых, ответственным секретарём Фонда памяти поэта-фронтовика Игоря Григорьева, писателем, поэтом, членом Союзов писателей России, Беларуси и Союзного государства Н. В. Советной¹. Авторы выражают глубокую благодарность Наталье Викторовне Советной и Фонду памяти поэта и воина И. Н. Григорьева за предоставленные материалы и подвижническую деятельность.

Для цитирования: Кошарная С. А., Кириченко Ю. С. Народно-разговорная стихия как доминанта идиостиля Игоря Григорьева (на материале поэмы «Обитель») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 129–140. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140>

Сведения об авторах: С. А. Кошарная – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85;

Ю. С. Кириченко – аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Scientific Article

UDC 811.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140>

DIALECTAL AND FOLKLORE ELEMENTS AS A DOMINANTS OF IGOR GRIGORIEV'S INDIVIDUAL STYLE (BASED ON «THE ABODE»)

Svetlana A. Kosharnaya¹

Yulia S. Kirichenko²

^{1,2} Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

¹ kosharnaja@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

² kirichenko@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4547-4471>

Abstract. Today the issues of individual style specificity of fiction speech are topical. There is an active development of this topic in various aspects, including its reflection on the solution of linguistic and cultural problems. The object of this study is the poem «The abode» by Igor Nikolaevich Grigoriev, the Pskov front-line poet. The work analyzes the representations of the folk-colloquial style functioning in the text of the poem (dialectisms, folklore elements) from the position of their individual style orientation. The authors consider individual style as a «product» of interaction of artistic thinking, language in the totality of its realizations and people's culture. In the context of comprehension of the national artistic linguistic worldview, it is of interest to analyze the individual style of authors who intentionally, based on their personal creative attitude, actively introduce lexical representations of extra-literary language forms and elements of folklore language into the artistic text. Believing that in the context of the fiction language analysis, it is significant to comprehend the interaction of ethno-cultural and individual authorial principles, the authors aim to identify individual features of the I. Grigoriev's poem based on the colloquial tradition, including folklore, and to determine the artistic appropriateness of using elements of colloquial language and deliberate deviation from literary norms.

The authors treat the dialectal and folklore elements as a linguocultural complex including linguistic units characterized not only by territorial and functional limitation of use, but also by such features as traditional nature and historicism (dialect and folklore forms are linguistic relics of previous epochs). In a fiction text, they expand the functions palette and serve the cause of creating an image, with a focus on the artistic and figurative concretization of the character. In addition, folkness (including folklore) as a possible component of the individual-author's artistic picture of the world always reflects significant fragments of the artist's ethno-cultural worldview. The analysis of folk and colloquial elements in the language of I. Grigoriev's poem "The Abode" confirmed this fact.

Keywords: artistic linguistic worldview, individual style, dialecticism, types of dialectisms, folklore worldview, linguoculturological interpretation of a fiction text.

Acknowledgements: The research objective is a poem by the Pskov poet-front-line soldier Igor Nikolaevich Grigoriev "The Monastery", the typewritten manuscript of which was kindly provided by a friend of the Grigoriev family, executive secretary of the Memorial Fund of the poet-front-line soldier Igor Grigoriev, writer, poet, member of the Unions of Writers of Russia, Belarus and the Union State N. V. Sovetna¹. The authors express their deep gratitude to Natalia Viktorovna Sovetna and the Foundation for the Memory of the Poet and Warrior I. N. Grigoriev for the materials provided and their ascetic activities.

For citation: Kosharnaya, SA & Kirichenko YuS 2023, 'Dialectal and Folklore Elements as a Dominants of Igor Grigoriev's Individual Style (Based on «The Abode»)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 129–140, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-129-140> (in Russ.)

Information about the Authors: Svetlana A. Kosharnaya – Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of the Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308007, Russia;

Yulia S. Kirichenko – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308007, Russia.

© Kosharnaya S. A., Kirichenko Yu. S., 2023

Введение

Традиционно исследователи опираются на сформулированное ещё В. В. Виноградовым, прозрачное и конкретное определение понятия «индивидуальный стиль»: «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [2, с. 105]. В то же время эта «единая система» может включать в себя весьма разнородный материал: не только фонд сугубо литературного тезауруса, но и элементы внелитературных вариантов национального языка. Такие необщепотребительные лексемы оказываются в разной степени представленными в художественных текстах, исходя из сюжетной направленности произведения и творческих установок самого автора. Этот синергетический комплекс разнородных по своему генезису и сфере функционирования языковых единиц и структур напрямую соотносится с понятием языковой личности как «продюцента» художественного текста. Иными словами, идиоустиль – это индивидуальный стиль автора текста (текстов) во всем многообразии единстве его проявлений (на всех уровнях языка, включая стилистические особенности). Научная лингвистическая феноменология второй половины XX – начала XXI в. зачастую обуславливает отказ учёных от употребления по отношению к индивидуально-авторскому текстовому и дискурсивному образованию терминологического сочетания «художественный стиль» и закрепление за ним термина «идиоустиль» (вслед за Н. А. Мещерским, Д. Н. Шмелёвым, В. Д. Бондалетовым и др.). Не последнюю роль в этом сыграла общая направленность научно-лингвистического анализа на субъекта речи и языка (языковую личность).

В этом контексте представляет интерес анализ идиоустилья авторов, которые намеренно, исходя из личной творческой установки, активно вводят в художественный текст лексические репрезентанты внелитературных языковых форм и элементы языка фольклора. Чаще всего это наблюдается в прозаических текстах, поскольку поэзия априори рассматривается как «высшая форма существования языка» (И. А. Бродский). Тем интереснее и уникальнее поэтический организованный текст, включающий «непоэтические» элементы, что и обусловило наше обращение к творчеству самобытного псковского поэта Игоря Григорьева (1923 – 1996 гг.). Так иногда случайная встреча с близкими поэта и – как следствие – с его наследием оказывается отправной точкой для научного исследования.

Материалы и методы

Не вызывает сомнения, что «для передачи определенного содержания во многих случаях устойчиво закреплены соответствующие языковые средства, так что нередко возможности передачи одного и того же содержания «различными средствами» оказываются крайне ограниченными. И в основном это касается именно стилистических возможностей» [19, с. 6], более того, «язык художественной литературы включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка явно недостаточна» [19, с. 33].

Исходя из этого, в нашей работе мы сосредоточили своё внимание на языковых средствах, которые ярко маркируют идиоустиль И. Григорьева, не являясь при этом элементами литературного языка. «Игорь Григорьев – поэт-фронтовик, патриот, для которого народная речь была той языковой “колыбелью”, в которой созревала языковая личность будущего писателя и поэта» [6], говорившего о себе: «Человек я верующий, русский, деревенский...» [3]. «В его творчестве нашла отражение целая эпоха истории Псковского края – Великая Отечественная война. А его судьбу можно прочесть уже по названиям книг: “Родимые дали”, “Зори да версты”, <...> “Русский урок”. <...> И все соединяет в себе “Боль”: за близких, за родные города и веси, за Россию... <...> Судьба России – центральная тема в его поэзии, нашедшая свое отражение в Великой Отечественной войне, опалившей юность, навек оставшейся пулями под сердцем и неизбывной болью в самом сердце... <...> Игорь Григорьев – явле-

ние уникальное, исключительное не только для псковской, но и для русской советской литературы. Это поэт, главным мериллом жизни которого явилась Любовь: к природе, к людям, к жизни, к многострадальной России» [3].

Таким образом, выбор в качестве объекта лингвокультурологического исследования языковой картины мира и идиостиля И. Григорьева, в частности – семантических и функциональных особенностей репрезентантов народно-разговорной стихии (диалектизмов, этнографизмов, фольклорно отмеченной лексики) в ткани поэмы «Обитель», не случаен и обусловлен рядом лингвистических и экстралингвистических факторов: актуальностью проблематики, связанной с идиостилем и с языковой личностью создателя текста, в целом и с малоизученностью творческого наследия И. Григорьева – яркого представителя регионально «отмеченной» национальной русской литературы. Писатель был носителем не только русского литературного языка, но и его диалектных форм, поскольку рос в народно-языковой среде, в непосредственном контакте с носителями говоров (И. Григорьев родился на хуторе около деревни Ситовичи (ныне – Порховский район Псковской области) [13, с. 8–9]), и анализ народно-разговорных элементов в языке поэмы И. Григорьева «Обитель» позволяет определить художественную целесообразность их использования и намеренного отклонения от литературных норм.

Исследование языка автора является и актуальным, и перспективным: в частности, к языковому материалу поэмы может быть применен *метод лингвокультурологической интерпретации* языковых фактов, который «предполагает <...> изучение в пределах того или иного этнокультурного сообщества процессов языкотворчества, результирующих посредством языковых единиц разного уровня формирование и взаимодействие» индивидуально-авторской и этнокультурной картин мира [8].

Результаты

Известно, что «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [18, с. 3]. И это утверждение справедливо как для национальной картины мира, так и для индивидуально-авторской. Так, по нашим наблюдениям, язык поэма И. Григорьева «Обитель» вбирает лексику, характерную для живой речи его земляков, элементы фольклорно-языковой картины мира, отражая историю русского языка и русской национальной культуры. «Это не просто языковые инкрустации, служащие для передачи местного колорита и отдельных речевых характеристик персонажей, а целая система, обнаруживающая богатую внутреннюю структуру и репрезентирующая установку автора на традицию, что характеризует И. Григорьева как подлинно народного и любящего свою землю человека» [6, с. 29].

Обсуждение результатов

Народно-разговорная стихия в поэме И. Григорьева «Обитель» представлена разнообразными лексическими пластами. Значительное место здесь занимают единицы диалектного характера. Диалектизмы являются важными составляющими художественной языковой картины автора и – с учетом их регулярности в его произведениях – могут быть отнесены к доминантам идиостиля поэта. Использование диалектной лексики, причём с проявлением диалектного характера языковых единиц на всех уровнях языка (фонетические диалектизмы, морфологические, словообразовательные, семантические и собственно лексические), эксплицирует знание автором народных говоров его малой родины, стремление к наиболее точному и детализированному лиро-эпическому изображению действительности, крестьянского быта, жизни российской глубинки, отражая подлинную народность мировоззрения поэта. Об этом свидетельствует и самый значительный на сегодняшний день лексикографический труд, посвященный творчеству И. Григорьева, – трёхтомный

«Словарь эпитетов Игоря Григорьева», автором которого является белорусский лексикограф А. П. Бесперстых.

Текст поэмы И. Григорьева представляет собой органичный симбиоз литературного языка, элементов народных говоров, фольклорных включений, в основе которых нередко также лежит диалектное слово. В ходе анализа фактического материала мы придерживаемся традиционной точки зрения на диалектизм, представленной в работах Н. А. Мещерского, В. В. Колесова, О. И. Блиновой, Е. И. Дибровой, Н. А. Николиной и др. исследователей, и классифицируем диалектные единицы по их собственно языковым отличительным особенностям.

Соответственно, исследуемые языковые единицы группируются нами в ряд лексических кластеров.

1. Первую группу составили **лексико-фонетические диалектные единицы**. Заметим, что далеко не всегда и не во всех произведениях, даже ориентированных на живую народную речь, авторам удаётся передать фонетические особенности звучащего народного слова (сказывается влияние письменного языка). Ограничения, связанные с необходимостью следования орфографическим нормам, детерминируют тот факт, что фонетические «приметы» народных говоров, обнаруженные в тексте поэмы, немногочисленны, но весьма информативны.

В области согласных в тексте поэмы запечатлены *комбинаторные процессы*, обусловившие изменения произношения звуков в народном говоре:

– метатеза: *ведьмедь* (*Боюсь волков и ведьмедей!*), ср. медведь. Если рассматривать данный диалектный вариант в диахронии, то его следует признать исходным: «**Ведмѣдь**, я, м. Медведь. Медын. Калуж., 1849. *Не слыхали ль волков, бирюков, ведмедей?* Калуж. Тул., Моск. <...>. *Ведмедь силен, а все же кольцо в носу носит.* <...> **Пск.**, Олон., Казан., Оренб. *Смотрю – ведмедь лезет.* Урал. Сиб. <...>» [15, т. 4, с. 92];

– диереза: – *безвѣсно* (*Зима безвѣсно замела*, данное слово А. П. Бесперстых полагает окказионализмом [1, т. 3]) – ‘безвестно’, при этом отметим как диалектное явление, свойственное северным и некоторым среднерусским говорам, немотивированный переход бывшего ъ (ВѢСТЬ) – ныне *Е* в положении после мягкого согласного, перед твёрдым, под ударением – в *О* (немотивированная III-я лабиализация).

Отмечены факты *чередований*, обусловленных наличием или отсутствием палатализации: *припужать*, ср. *припугнуть* ([г]/[ж], здесь же наблюдаются различия в области словообразовательно структуры слов (отсутствие суффикса –*ну*-); *земь*, ср. *земля* (*И земь – под громовым навесом...; И земь, любовью повита...; Ты трижды земь облобызала...*), причём речь не идёт о семантическом диалектном варианте *земь* ‘земляной пол’.

Автор отражает на письме *позиционную редукцию* звуков, свойственную устной речи: *мово* (*Мово Сидорку и Тимошу ...*), ср. *моего*; *нейти* (*Нейти ж на снег без тех пожиток...*) – *не идти* (в этом можно усмотреть языковую традицию: подобным образом сформировалось литературное слово *нет* из «*не есть*»). Диалектный статус таких образований неоднозначен, поскольку они имеют широкий характер распространения и сближаются с просторечием, однако более характерны всё же речи сельских жителей и народно-песенной культуре, ср. в народной донской казачьей песне: *По колечку друга я узнала, / чья у ворона рука. / Это-то рука, рука мово милого, / Знать, убит он на войне* («Чёрный ворон»).

В тексте поэмы И. Григорьева присутствуют **фонетические диалектизмы**, отличающиеся от литературных эквивалентов местом ударения (акцентные диалектизмы) и / или фонемным составом.

Акцентные диалектные варианты отмечены в ряду имён прилагательных: *зѣмный* (*Тем стражам зѣмный мой поклон!*), ср. *земно́й*; *ро́дный* (*Что ро́дной*

тетке был бы рад), ср. *родно́й*; в то же время наблюдается и перетяжка ударения на окончание: *псковско́й* (*Не гоготун залетный гусь – / Псковской, Николин сын и Манин...*), ср. *пско́вский*; *шелко́вых* (*Они, как две шелко́вых шали*), ср. *ше́лковых*. В последнем примере фонетический облик прилагательного *шелко́вый* маркирует его принадлежность к русской фольклорно-языковой картине мира. Можно трактовать данный факт как народно-поэтический вариант слова и усматривать намеренную стилизацию текста поэмы под фольклорное произведение.

Диалектизмы, отличающиеся **звуковым составом**, также нередко отсылают читателя к фольклору: *власы* (*Посыпать пеплом бы власы*), ср. полногласный литературный вариант *волосы* (старославянизм с неполногласием нередко присутствует в фольклорных текстах: *И видя чуть одни власы, / Кидается с берегов* («Пастушеская» [13, с. 494])).

В то же время автор использует древнерусский полногласный вариант **ворог**: *ворог* («Бездушен *ворог* и безбожен»), ср. *враг*.

В целом можно говорить об отражении на уровне фонетики текста авторской установки на стилизацию, фольклоризацию поэтического изложения, на следование за народно-песенной традицией, что определенно высвечивает одну из особенностей идиостиля И. Григорьева.

Отклонение от литературной нормы и стремление к архаизации текста поэмы репрезентирует возвратный постфикс *-ся*: *садися* (повел. накл. ед. ч.): *Ну что ж, садися, удружу...* (садись); *Побелки заждалася печка...* (прош. вр., ед. ч., ж.р.; ср. *заждалась*); *И, не ломяся наперед...* (дееприч. наст. вр., ср. *не ломясь*).

Неправильное произношение заимствованных лексем можно лишь условно отнести к диалектным особенностям. В частности, Н. А. Мещерский выносил такие языковые факты, как *антобус*, *гроном* и т. п. за границы диалектной лексики, но тем не менее они являются проявлением народно-разговорной стихии и примыкают к диалектам по признаку территориальной и социальной ограниченности распространения. Между тем, мы не можем оставить их без внимания, поскольку они также репрезентируют установку автора на передачу живой речи сельских жителей: *трахтур* (*Вчерась чуть трахтур не утон*), ср. *трактор* – в данном случае наблюдаем диссимиляцию согласных по способу образования (*кт > хт*), свойственную диалектной речи.

Общий вывод, который здесь можно сделать, заключается в том, что И. Григорьев намеренно включает в свою поэму элементы народно-бытовой и фольклорной языковой картины мира, нередко следуя стилистике народной лирической песни.

2. Словообразовательные диалектизмы в поэме И. Григорьева.

В морфемной структуре слов в тексте поэмы обнаружены следующие изменения:

1) **утрата аффиксов**: *винных* (*С похмелья – все, да нету винных...*) – *виновных*, *виноватых*, *повинных*; *загили* (*Хоть знать бы, где они загили...*) – *загинули* (само слово *загинули* уже несет на себе печать народности (ср. лит. *сгинули*), но здесь поэт идёт дальше, отбирая яркий диалектный произносительный вариант, в котором отсутствует суффикс одномоментности действия *-ну-* и задействована приставка *за-*); *пожалте* (*В божницы лезла: – В дом пожалте!*) – *пожалуйте* (редукция произношения приводит к утрате суффиксального элемента, что репрезентирует факт разговорного произношения и находит отражение в авторском тексте);

2) **прибавление аффиксов**: *вчерась* (*Вчерась чуть трахтур не утон*), ср. лит. *вчера* (отметим для сравнения такие известные в северных и среднерусских говорах диалектные формы наречий с постфиксом *-сь*, как *лонись*, *надьсь* и подоб.); *дивь[j]ë* (*Теперь в деревне жить дивьë...*) – *диво*, *дивно* (наречие *дивьë* активно упо-

требляется в значении 'хорошо, очень хорошо' в говорах Русского Севера и в средне-русских окающих говорах); **оченно** – с двумя суффиксами: -н- и -о- (*Впряглись уж оченно железно...*) – **очень**; **повстречань[ъ]е** (*Благословенно повстречанье...*) – существительное от глагола *повстречать*. И. А. Осовецкий писал об этой особенности диалектного словообразования: «Словообразовательная модель как бы наращивает строевые элементы, в результате чего образуются слова с большим количеством аффиксов, чем соответствующие слова литературного языка. Такие слова в значительной степени участвуют в формировании специфики лексического фонда говора» [12, с. 112].

3) **Замена аффиксов: восплачешь** (*Ишас не скрутит – не восплачешь...*) – **заплачешь** (народно-песенный префикс *вос-* с начинательным значением вновь отсылает нас к фольклорной картине мира: *восхотеть* и подоб.); **детва** (собират.) (*К тому ж, когда детвы шесть ртов...*) – **детвора**; **неминучий** (*Прекрасный, страшный, неминучий?*) – перед нами вновь яркий фольклоризм, ср. использование того же прилагательного в стилизованной под народную песню на стихи М. Исаковского «До свиданья, города и хаты!»: *И врагу от серти неминучей / От своей могилы не уйти!*; ср. лит. *неминуемый*; **перегоди** (*Повремени денёк-другой, /<...> Перегоди уж, дорогой*) – **погоди**; **порушит** (*Порушат всласть и пожалеют...*) – префикс *по-* в значении завершения какого-л. действия характерен разговорной речи: **поделать** и даже **поподелать** (с удвоением – в белгородских говорах) и т.п., ср. лит. **разрушить**; **пригас** (*И зрак пригас, и ноздри сухи...*) – поэт употребляет приставку *при-* со значением неполноты действия, в чём снова просматривается его стремление создать максимально приближенный к народно-поэтической традиции текст, ср. лит. **угас**; **роблив** (*робливый*) (*Роблив, что вяхирь-воркунец...*) – А. П. Бесперстых трактует данное слово как областное [1, т. 1, с. 111], ср. лит. **робок** (*робкий*); **сронил** (*Сронили косточку спроста...*) – то же встречаем в народной песне: *сронила колечко*, ср. лит. **уронил**.

4) **Присоединение характерных живой разговорной и фольклорно-языковой стихии аффиксов: раскаким** (*Зовись хоть раскаким учёным...*) – **каким**; **распойму** (*Не распойму чегой-то вдруг...*) – **пойму**. Известно, что приставка *раз-/рас-* вносит в семантику глагола значение движения в разные стороны: *разойтись*, *разбежаться* и т.д.; разделения чего-л., кого-л.: *разделить*, *разбить*; *рассорить*; однако в фольклорных текстах эта приставка имеет особое значение: здесь «приставка *рас-* в совокупности с постфиксом *-ся* создает значение интенсивного начала процесса» [4, с. 120], кроме того, данная приставка вносит в значение именных частей речи значение усилительности, ср.: *распрекрасный*, что мы наблюдаем в словоупотреблениях, внесенных И. Григорьевым в текст поэмы.

Используются **характерные фольклору и говорам глагольные приставки: внадолге** (*Внадолге: суток через семь*); **вызнать** (*Не вызнать цену той цены!*) – **узнать**; **наспоришь** (*Не много с совестью наспоришь...*) – **поспоришь**; **погаснули** (*Погаснули, как хмель привычный...*) – **погасли**; **размочь** (*Да развязалась, размогла...*) – **смочь** и др.

В тексте поэмы имеет место традиционное для фольклора употребление суффиксов уменьшительности (ср: *письмецо*, *колечко* и т.п.): **гармонька** (*Пять душ гудели да гармонька*) – **гармонь**; **дворок** (*А ведь какой стоял дворок*) – **двор**; **костки** (*Да ванна костки просквозила*) – **кости**; **парнятки** (*Парняткам-восьмилеткам малым...*) – с уменьшит.-ласкат. суффиксами *-ят-к-* (ср. *ребятки*, *котятки* и т.п.) – **парни**; **пивцо** (*И забавляется пивцом...*) – **пиво**; **чашишко** (*Смекай: чашиком не проймешь*) – **чай** и др. Введение в морфемную структуру суффиксов уменьшительности вновь создает иллюзию народности текста, репрезентируя уже обозначенную установку автора на фольклорность.

В поэме также присутствуют лексемы с суффиксом увеличительности, характерные фольклору и народно-разговорной стихии в целом: *вьюжище* (*Пурги, буранов, вьюжищ, хвилей*) – ‘сильная вьюга’; *рожище* (*Рожщици – в снеги: надорвался*) – груб. ‘рожа’; *ямна* (*Бездушье – ямина без дна*) – ‘большая, глубокая яма’.

Отметим, что суффикс *-ин-* в системах говоров является многозначным: 1) значение увеличительности; 2) значение единичности объекта, последнее также наблюдается в тексте поэмы: *елина* (*И не сломал циклоп елину*) – ‘ель’ (ср.: *берёзина, штакетина*).

Усложнение морфемной структуры может приводить к изменению в грамматике слова (в результате возникает синонимия литературного и диалектного слова – морфологический диалектизм): *холодень* (ж.р.) (*Ничуть не чуя холодени*) – *холод* (м.р.), в силу этого не все отмеченные языковые факты могут быть классифицированы однозначно, так как проявляют отличия на разных языковых уровнях.

Помимо прочего, в тексте отмечены результаты неморфологического словообразования, также создающие в поэме флёр устной традиции.

Субстантивация – «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность *транспозиции*, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [11, с. 234–235]: *жаль* – *сущ.*, ж.р. (*И нрав, и жаль, и власть являют...*), ср. известное в русских говорах *жаль* – ‘сострадание, сочувствие, жалость; горе, печаль, скорбь, грусть’ [15, т. 9, с. 68] – при лит. *жаль* (*безл.*, в значении *сказ.*, *кого*; ‘чувство жалости, сострадания; грусти, горечи’ [16, т. 1, с. 471]; *прямо* – омонимичное наречию *сущ.*, ср.р. (*А вбок от пряма – буераки...*).

Апеллятивизация – процесс, суть которого заключается «в замене нарицательного имени собственным (или наоборот)» [5, с. 227] и который выступает в качестве одного из источников экспрессивности [17, с. 66]: *Что страшно: много михеёв; Как им, михеям, сходит с рук / Свое? И наше? И державно?.* Первоначально антропоним употребляется в поэме как имя собственное: *К ним кум Михей, уполкомзаг, / Стучался в двери оготело»; – Михеюшка, не погуби! <...> Ведь человек же ты – не зверствуй!; Михей стоял – без малахая, / Зато с наганом па боку.* Переход имени собственного в нарицательное с развитием формы множественного числа передаёт авторскую оценку персонажа как бесчеловечного бюрократа.

В целом кластер **словообразовательных диалектизмов** в поэме И. Григорьева весьма обширен и включает: 1) слова с меньшим количеством морфем по сравнению с литературным вариантом; 2) слова с большим количеством морфем, чем в литературном языке.

3. Грамматические диалектизмы в поэме «Обитель». В ряду грамматических (морфологических) диалектизмов нами обнаружены следующие языковые факты.

В области имён существительных.

1) Изменение родовой принадлежности имён существительных: *побируха* (*А может, добрый побируха...*) – общего рода, ср. лит. *побируха* – жен. р.; уже упомянутая *холодень* – ж.р. (*Ничуть не чуя холодени*) – *холод* (м.р.); *фрукта* – ж.р. (*Как фрукту, обложил налогом*) – лит. *фрукт* (м.р.).

Текст поэмы обнаруживает такое явление диалектной речи, как частичное разрушение категории среднего рода: ед. п., д. п., **ж. р.** *паникадилье* (...той бесовой *паникадилье!*) – в литературном языке существительного *паникадило* – среднего рода – в ед. п. дат. п. имеет форму *паникадилу*. «Существительные среднего рода – группа, слабо маркированная в формальном отношении, так как в большинстве кос-

венных падежей их словоизменительная парадигма совпадает с мужским родом» [10, с. 36]. Кроме того, мы полагаем, что «неустойчивость» среднего рода в русских говорах имеет и лингвокультурологическое объяснение: «средний род, по-видимому, мыслился как менее “определенный”, возможно даже, менее значимый, нежели мужской и женский (в отличие от мужского и женского, средний род, по сути, оказывается непротивопоставленным), как бы нижестоящий» [9, с. 67].

2) Разговорные числовые варианты лексем: *деньга* (К **деньге** сбежал от трудодня...), ср. лит. рл. *деньги; други* («Примите, дорогие **други**...») – *друзья; крылий* – мн. ч. род. п. (*Пурги, буранов, вьюжиц, хвилей, / Да все не то: ветрюга с **крылий**...*) – *крыльев*. Заметим, что в данных случаях мы зачастую наблюдаем стремление автора к архаизации языка: существительное *деньга* в древнерусском языке могло употребляться и в единственном числе; форма множественного числа *други* хронологически предшествует собирательному существительному *друзья* (по происхождению – бывшее собирательное имя существительного ед. ч. жен. р.). Форма *други* может употребляться в русском языке в высоком стиле, в поэтических текстах: *Но не хочу, о **други**, умирать* (А. С. Пушкин «Элегия»).

В области имён прилагательных также отмечены явления, характерные народно-разговорной, включая фольклорный дискурс, стихии.

1) В поэме употребляются характерные фольклорным текстам (в частности, народной песне) стяженные формы имён прилагательных: *Не ждать с верхов **небесну** манну...; Мужи снесли **нещадну** ношу...; На **полну** совесть рвали жили...; Не **светлу** радость – черен страх...; И так **сиреневы** деньки; А по садам **красны** дары*. Такие формы образуются посредством выпадения интервокального <j> с последующим стяжением гласных звуков (иногда после уподобления оказавшихся рядом гласных): [небеснују] → [небеснуу] → [небеснū] → [небесну]; [сирене-выје] → [сиреневыи] → [сиреневы] и т. п.

В то же время отмечено обратное явление: автор употребляет архаичные формы без стяжения: *перво-цм* (*Как в сорок **перво-им!** Свят, свят!*) – в первом. Однако подобная форма употреблена в поэме лишь один раз.

2) Зафиксировано архаичное явление, связанное с образованием сравнительной степени у прилагательных, отсутствующей в литературном языке: *Лишее не бывает лиха* (от прилагательного *лихой* в значении ‘плохой’).

В области глагольного формообразования обнаружены следующие авторские включения.

3) Отмечены употребление разговорных форм повелительного наклонения, связанное со стремлением к упрощению произношения конца слова (редукция безударного гласного, в том числе после перетяжки ударения на основу): *Сходь к Медведихе за побелкой...* (сходи); *А туркам **гонь** корье дубильно* (*гони*) и подоб.; использование отсутствующих в литературном языке форм повелительного наклонения: *Да в каждом месяце двукратно / Получку с премией **ими**...* (лит. *имей*).

4) В ткань поэмы введены диалектные глагольные формы прошедшего времени *сбёг, побёг, сбегла* и подоб. (*Вот и попёр, вот и **побёг**...; Топтыгин **сбёг** в конце концов...; А я чуть в землю не **сбегла**...*).

5) Наблюдается характерное народным говорам смешение видовых суффиксов деепричастий: деепричастия, образованные от глаголов совершенного вида (*разлюбить, побелить*, диал. *пребыть* – ‘пробывать’), приобретают суффикс несовершенного вида –я, например: *И, спесь-гордыню **разлюбя**...; Так, значит, печку **побеля**...; Пребудя с «ломками» в ладу...* и подоб.

6) Также следует отметить употребительный в северных, уральских, средне-русских (включая псковские) народных говорах деепричастный суффикс –ши (фор-

ма таких деепричастий восходит к древнерусскому краткому причастию прош. вр. муж. р. ед. ч.): *Досель не евши неужели?*; в том числе с возвратным суффиксом: *И побрела, впрягшись в дроги...*

4. Собственно лексические диалектизмы и этнографизмы в поэме «Обитель» немногочисленны (что можно объяснить ориентацией на читателя, которому местная лексика может быть непонятна), но репрезентируют живые особенности псковской речи: *гусак* – ‘гусь’; *кочет, певень* – ‘петух’; *жнитво* – ‘жатва’; *захмычка* – ‘привычка’ и др. Эта намеренная стилизация, имитация речи земляков высвечивает в поэте подлинно народного автора, любившего свою малую родину.

Заключение. Поэма И. Григорьева «Обитель» обнаруживает идиостилевую специфику, «детерминированную активным включением в авторский текст языковых элементов народно-разговорного характера. При этом народно-разговорная стихия выступает здесь как особая страта художественной языковой индивидуально-авторской картины мира в её взаимодействии с этнокультурной языковой картиной мира» [6]. Это лингвокультурное – и одновременно – индивидуально-авторское образование вбирает лексику ограниченного по территориальному признаку и функциональной специфике употребления: диалектизмы, этнографизмы, фольклоризмы, которые в совокупности создают художественный идиостиль автора и выступают его доминантами.

Примечания

1. Полный текст поэмы И. Григорьева «Обитель» составляет 56 машинописных страниц в текстовом редакторе Microsoft Word, размер кегля – 14, шрифт – Times New Roman, междустрочный интервал – 1 пт (одинарный).

Список источников и литературы

1. *Бесперстных А. П.* Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. 1: А-М. СПб.: Политехника-сервис, 2014. 322 с. ; Т. 3: Наречия и наречные выражения. СПб., 2015. 377 с.
2. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
3. *Голубева А. Е.* Лира его опалена порохом // Псковская правда : электрон. версия газеты. URL: <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174>. Дата публикации: 25.05.2015.
4. *Гриднева (Трофимова) О. А.* Средства и способы реализации семантической оппозиции «много – мало» в региональном фольклоре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 118–121.
5. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
6. *Кириченко Ю. С.* О функциональных и семантических особенностях диалектизмов в текстах художественных произведений (на материале поэмы И. Григорьева «Обитель») // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Т. 2. № 4 (7). С. 27–29.
8. *Кошарная С. А.* Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кошарная Светлана Алексеевна. Белгород, 2003. 452 с.
9. *Кошарная С. А.* Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во БГУ, 2002. 287 с.
10. *Кудряшова Р. И.* Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа: на материале донских казачьих говоров Волгоградской области : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кудряшова Римма Ивановна. Волгоград, 1998. 64 с.
11. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
12. *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 200 с.

13. *Поэт и Воин: воспоминания об Игоре Григорьеве*. СПб.: Политехника-сервис, 2013. 463 с.
14. *Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох* : [монография] / [сост., подгот. текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 650 с.
15. *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–47. М.; Л.: Наука, 1965–2014.
16. *Словарь русского языка* : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
17. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 333 с.
18. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 190 с.
19. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 167 с.

References

1. Besperstyh, AP 2014–2015, *Slovar epitetov Igorya Grigoryeva* (Dictionary of epithets by Igor Grigoriev), vols. 1, 3, Politekhnikha-servis publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Vinogradov, VV 1963, *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* (Stylistics. The theory of poetic words. Poetics), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
3. Golubeva, AE 2015, 'Lira yego opalena porokhom' (His lyre is singed with gunpowder), *Pskovskaya pravda*, no. 5 (25), viewed 11 September 2023, <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174> (In Russ.)
4. Gridneva (Trofimova), OA 2014, 'Sredstva i sposoby realizatsii semanticheskoy oppozitsii «mnogo – malo» v regional'nom folklore' (Means and ways of realization of the semantic opposition "many – little" in the regional folklore), *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, Volgograd, pp.118–121. (In Russ.)
5. Kvyatkovskiy, AP 1966, *Poeticheskii slovar* (Dictionary of Poetic Terms), Sov. entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
6. Kirichenko, YuS 2018, 'O funktsional'nykh i semanticheskikh osobennostyakh dialektizmov v tekstakh khudozhestvennykh proizvedeniy (na materiale poemy I. Grigor'yeva «Obitel'») (Functional and semantic peculiarities of dialect and etnografizm in fiction (on the material of the poem I. Grigoriev "Resident»), *Kazan Bulletin of Young Scientists*, vol. 2, no. 4 (7), pp. 27–29. (In Russ.)
7. Kosharnaya, SA 2003, *Lingvokul'turologicheskaya rekonstruktsiya mifologicheskogo kompleksa «Chelovek – Priroda» v russkoy yazykovoy kartine mira* (Linguoculturological reconstruction of the mythological complex «Man – Nature» in the Russian language picture of the world), doctoral thesis, Belgorod. (In Russ.)
8. Kosharnaya, SA 2002, *Mif i yazyk: opyt lingvokulturologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira* (Myth and language: experience of linguistic and cultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world), Izd-vo BGU publ, Belgorod. (In Russ.)
9. Kudryashova, RI 1998, *Spetsifika yazykovykh protsessov v dialektakh izolirovannogo tipa: na materiale donskikh kazach'ikh govorov Volgogradskoy oblasti* (The specifics of language processes in dialects of an isolated type), doctoral thesis, Volgograd. (In Russ.)
10. Yartseva, VN (ed.) 1990, *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Linguistic Encyclopedic Dictionary), Sov. entsikl publ, Moscow. (In Russ.)
11. Ossovetskiy, IA 1982, *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* (Vocabulary of modern Russian folk dialects), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. *Poet i Voin: vospominaniya ob Iгоре Grigor'yeve* (Poet and Warrior: memories of Igor Grigoriev) 2013, Politekhnikha-servis publ, St. Petersburg. (In Russ.)
13. Soboleva, LS & Mihajlova, OA (eds.) 2016, *Russkaya pesnya i yevropeyskiy romans v rukopisnom sbornike nachala XIX v.: emotsional'naya kul'tura na perelome epoch* (Russian Songs and the European Romance in a Manuscript from the Early 1800's : Emotional Culture in an Epochal Shift), Izd-vo Ural. un-ta publ, Ekaterinburg. (In Russ.)

14. *Slovar russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian folk dialects) 1965-2014, vols. 1-47, Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
15. Yevgenieva, AP (ed.) 1981–1984, *Slovar russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language), vol.1 – 4, AN SSSR, In-t rus. yaz publ, Moscow. (In Russ.)
16. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt-Press publ, Moscow. (In Russ.)
17. Toporova, TV 1994, *Semanticheskaya struktura drevnegermanskoj modeli mira* (Semantic structure of the ancient Germanic model of the world), Radiks publ, Moscow. (In Russ.)
18. Shmelev, DN 1977, *Russkiy yazyk v yego funktsional'nykh raznovidnostyakh: (k postanovke problemy)* (Russian language in its functional varieties: (to the formulation of the problem), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Кожарная С. А. – идея, выработка структуры статьи, классификация языкового материала, написание итогового варианта статьи, научное редактирование текста.

Кириченко Ю. С. – сбор материала, обработка материала, анализ научной литературы, подготовка рабочего варианта текста.

Contribution of the authors:

Svetlana A. Kosharnaya – idea, the development of the structure of the article, the classification of language material, writing the final version of the article, scientific editing of the text.

Yulia S. Kirichenko – collection of material, processing of material, analysis of scientific literature, preparation of a working version of the text.

Статья поступила в редакцию: 21.09.2023
Одобрена после рецензирования: 08.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 21.09.2023
Approved after reviewing: 08.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-141-150>

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО В ИНОСЛАВЯНСКОМ ОКРУЖЕНИИ

**Нелли Александровна
Красовская**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nelli.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания модели подготовки преподавателя русского как иностранного (с аспектом на Республику Сербскую в составе Боснии и Герцеговины). Автор обосновывает необходимость разработки такой модели и указывает на сложности продвижения русского языка в страны Западных Балкан, связанные с рядом объективных причин. При этом в статье отмечаются определенные факторы, которые следует учитывать при разработке модели подготовки преподавателя русского как иностранного.

В частности, автор указывает на инославянское окружение, на обучение русскому языку не в среде носителей языка, на постоянную изменчивость и многополярность внешнего мира, а также на сложность и динамичность самой системы русского языка. Все это необходимо учитывать при формировании лингвистической базы, которая должна стать основанием для разработки модели непрерывной подготовки преподавателя русского как иностранного. Особенностями такой языковой базы должно, по мнению автора, стать обращение к неологизмам разного типа и разносторонняя работа с ними, а также более основательное изучение лингво-регионоведческого материала, в частности, глубоко ориентированного на особенности конкретного региона Российской Федерации.

Неологизмы необходимо анализировать в широком контексте функционально-стилистических и коммуникативных особенностей. Это важно для реализации коммуникативно-деятельностного подхода при изучении языка.

Лингво-регионоведческий материал входит в широкий контекст страноведческой информации, но, по нашему мнению, обращение к лингвистическому материалу, связанному с одним краем, помогает более глубоко освоить историю, культуру, традиции именно какого-то конкретного региона, что может быть значимо для разных сторон деятельности обучающихся.

Все это позволяет в системе непрерывной подготовки преподавателя русского языка как иностранного решать комплекс проблем, связанных с формированием коммуникативных, культурологических и иных компетенций.

Ключевые слова: русский как иностранный, неологизмы, модель подготовки преподавателя русского как иностранного, непрерывность подготовки, лингво-регионоведение.

Благодарности: статья публикуется в рамках выполнения госзадания Министерства просвещения РФ на тему «Формирование модели подготовки преподавателя РКИ (в рамках сотрудничества с Боснией и Герцеговиной с акцентом на Республику Сербскую)».

Для цитирования: Красовская Н. А. Лингвистическая база модели подготовки преподавателя русского как иностранного в инославянском окружении // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 141–150. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-141-150>

Сведения об авторе: Н. А. Красовская – доцент, доктор филологических наук, директор института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Красовская Н. А., 2023

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-141-150>

LINGUISTIC BASIS OF THE MODEL FOR TRAINING A TEACHER OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A FOREIGN SLAVIC ENVIRONMENT

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, nelli.krasovskaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Abstract. The article discusses the issues of creating a model for training teachers of Russian as a foreign language the Republika Srpska (an entity of Bosnia and Herzegovina). The author substantiates the need to develop such a model and points out the difficulties of promoting the Russian language in the countries of the Western Balkans, associated with a number of objective reasons. At the same time, the article notes certain factors that should be taken into account when developing a model for training a teacher of Russian as a foreign language.

In particular, the author points to the foreign Slavic environment, to teaching the Russian language not among native speakers, to variability and multipolarity of the world, as well as to the complexity and dynamism of the Russian language system. It is necessary to take into account all these factors when forming a linguistic base for the development of a model of continuous training of Russian as a foreign language teacher. In the author's opinion, the features of such a language base should be the use of neologisms and versatile work with them, as well as a more thorough study of linguistic and regional material, in particular, deeply focused on the characteristics of a specific region of the Russian Federation.

It is necessary to analyze neologisms in the broad context of functional, stylistic and communicative features. This is important for the implementation of a communicative-activity approach to language learning.

Linguistic and regional studies material is a part of the broad context of regional geographic information, but, in the author's opinion, turning to linguistic material associated with one region helps to more deeply master the history, culture, and traditions of a particular region, which can be significant for different aspects of students' activities.

All this allows solving a set of problems in the system of continuous training of a teacher of Russian as a foreign language. They are related to the formation of communicative, cultural and other competences.

Keywords: Russian as a foreign language, neologisms, model of training a teacher of Russian as a foreign language, continuity of training, linguistic and regional studies.

Acknowledgements: the article is published as part of the fulfillment of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Formation of a model for the training of an RCT teacher (within the framework of cooperation with Bosnia and Herzegovina with an emphasis on the Republika Srpska)".

For citation: Krasovskaya, NA 2023, 'Linguistic Basis of the Model for Training a Teacher of Russian as a Foreign Language in a Foreign Slavic Environment', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 141–150, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-141-150> (in Russ.)

Information about the Author: *Nelly A. Krasovskaya* – Associate Professor, Doctor of Science (Philology), Director of the Institute of Russian as a Foreign Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Krasovskaya N. A., 2023

Введение

Русский язык весьма привлекателен для изучения в разных странах мира. Большой значение имеет русский язык в странах Балканского полуострова. На этой территории проживает достаточно много этносов, которые имеют разные языки, относящиеся к разным языковым группам. Однако значительное место среди языков Балканского полуострова занимают славянские языки, в частности сербский язык. Может казаться, что, зная сербский язык, очень легко освоить русский язык. Но, несмотря на то что у русского и сербского языков есть много общего в фонетической системе, лексике, грамматическом строе, это разные языки, которые имеют отличия на всех уровнях языковой системы. Именно поэтому научная общественность (лингвисты, методисты, педагоги) не прекращает уделять внимание поиску новых путей в обучении русскому языку в инославянской (в нашем случае в сербоязычной) аудитории.

В настоящее время изучению русского языка в странах Балканского полуострова уделяется значительное внимание. Об истории изучения русского языка в сербоязычной аудитории, проблемах взаимодействия языков, методах и приемах активизации деятельности изучающих русский язык, дидактических материалах, самой системе подготовки в направлении русского как иностранного неоднократно писали многие сербские и российские исследователи, среди которых, например, Айдукович Й. [1], Божович Д. [2], Гинич Е. [4], Лепоевич Е. [9], Маслова А. Ю. [10], Палаверста Н. [12], Плотникова А. А. [13], Якушкина Е. И. [15, 16]. Традиционно многие народы, проживающие на территории Балкан, связаны с Россией тесными политическими, экономическими, культурными отношениями. В истории, например, Сербии можно найти много примеров взаимодействия русского и сербского народов. Общие страницы истории и культуры не могут не быть связанными с вниманием к языкам.

Исследование

Многие известные лингвисты Республики Сербии анализировали и анализируют положение русского языка в самой Республике Сербии, а также в целом на территории Западных Балкан. Так, в 2020 г. вышла глубокая аналитическая статья, авторами которой стали Елена Гинич, Лука Меденица, Наташа Айджанович, известные в Республике Сербии преподаватели русского языка. Анализируя положение с изучением русского языка в высших учебных заведениях Сербии, они делают экскурс в историю: «В Белградском университете русский язык изучается с 1877 г.: в 1877 г. на Историко-филологическом отделении Великой школы (основана в 1808 г.) была открыта кафедра русского языка и литературы» [4, с. 18]. Говоря о современных проблемах изучения русского языка в университетах Республики Сербии, лингвисты отмечают: «В середине двухтысячных в связи с тем, что русский язык в школах изучает с каждым годом меньше учеников (он вытесняется в пользу других иностранных языков)... кафедра столкнулась с тем, что не удавалось заполнить даже бюджетные квоты...» [4, с. 23–24] О тяжелом и нестабильном положении русского языка авторы говорят следующее: «В доуниверситетском образовании нет национальной стратегии по изучению иностранных языков: русский язык был брошен на произвол судьбы; чаще всего его вытесняли в пользу немецкого, реже – итальянского и испанского... Пятнадцать лет назад русский язык на вступительном экзамене в Белграде сдавало 60 – 70 студентов, тогда как в 2017 / 18 году – лишь 22 студента (чтобы поступить на русистику). Такая же ситуация и в Новисадском университете, большинство студентов – нулевики» [4, с. 45].

Неоднократно лингвисты и педагоги писали о большом внимании к русскому языку среди носителей сербского языка. История изучения русского языка в сербоязычной аудитории насчитывает не одно десятилетие. В этом отношении накоплен

значительный опыт как со стороны российских преподавателей, так и со стороны сербских преподавателей русского языка. Так, известный сербский русист Биляна Мариич подчеркивает: «1960 – 1970-е годы стали золотым временем для русского языка в сербской школе, тогда больше половины школьников изучало русский язык» [9, с. 27].

Однако каждая эпоха диктует свои условия, свои особенности в изучении иностранных, пусть даже и родственных, языков. Можно сказать о том, что в наши дни после некоторого периода спада интереса к освоению русского языка вновь усиливается внимание к его изучению. О таком непростом периоде в изучении русского языка на Балканах Биляна Мариич пишет: «В наши дни русский язык в сербских начальных (восьмилетних) и средних (четырёхлетних) школах изучается как второй иностранный язык. Очень редки школы, в которых русский язык изучают как первый иностранный – с первого класса; практически у всех сербских школьников первый язык – английский. В некоторых школах русский язык – единственный второй иностранный язык (то есть у учеников нет выбора)... До сих пор сохраняется ситуация, когда директора школ отказываются от изучения русского языка. Пользуясь чаще всего уходом на пенсию учителя-русиста, директора принимают на работу преподавателя французского или немецкого языка, и таким образом в школе переходят на другой язык» [9, с. 28].

Именно в свете изложенных выше мнений стратегической целью сегодня является обобщение накопленного опыта в преподавании РКИ в сербоязычной аудитории и обеспечение модели подготовки преподавателя РКИ, которая бы выглядела актуальной и современной. Такую модель мы видим в принципе непрерывности, который может улучшать профессиональную подготовку и профессиональное совершенствование преподавателя РКИ, а также во внедрении современных методических приемов и современного языкового материала, которые могут использоваться на занятиях РКИ с обучающимися разного уровня владения языком. О различных принципах, которые важны при изучении русского языка в сербоязычной аудитории в наши дни, пишет М. М. Вереитинова [3, с. 24–25]. Так, она отмечает, что важно следовать принципу связи теории с практикой, принципу системности, принципу преемственности, принципу научности, принципу прочности, принципу индивидуализации и учета специфики аудитории, принципу коммуникативности. В своих изысканиях, она, как и многие преподаватели РКИ, опираются на глубокие работы О. Д. Митрофановой и В. Г. Костомарова, которые в качестве основного принципа овладения иностранным языком видят принцип сознательности [11].

Таким образом, работа по изучению иного языка требует постоянного совершенствования, как теоретического, так и практического (в рамках владения коммуникативными, культурологическими компетенциями и т. д.), поэтому, как мы полагаем, обращение к проблеме подготовки преподавателей РКИ для сербоязычной аудитории (в нашем случае с акцентом на Республику Сербскую) является чрезвычайно актуальным.

При получении профильного образования студенты, желающие изучать русский язык, могут поступать на филологический или на философский факультеты университетов в Баня-Луке, Восточном Сараево. Как мы предположили выше, подготовка преподавателя РКИ должна характеризоваться непрерывностью, то есть студент (особенно «нулевик»), который решил посвятить себя изучению русского языка, должен уже на старших курсах университета готовиться к практической деятельности в школе, в гимназии, и педагог, уже имеющий профильное образование, должен постоянно стараться повышать свой уровень владения языком. Повышение качества преподавания РКИ во многом зависит от постоянного повторения материала русского языка, углубления в систему языка, освоения того нового, что в

нем появляется. Вырванность обучающихся из языковой среды заставляет их обращать внимание на целый ряд процессов и явлений, которые для носителей языка, находящихся в языковой среде и постоянно организующих коммуникацию в различных ситуациях на данном языке, не являются принципиально значимыми.

В последнее время заметно изменяется лексическая система русского языка. В частности, лексическая система пополняется новыми единицами. Так, И. Г. Горвая подчеркивает: «В методике преподавания русского языка как иностранного в особую область развития речи, имеющую свой объект исследования и свои методы обучения, выделяют обогащение словарного запаса, под которым понимается толкование (семантизация) значений новых слов, уточнение семантики и стилистических особенностей известных, а также введение этих слов в активный словарный запас учащегося» [5, с. 2193]. Среди языкового материала, который характеризуется новизной, мы можем выделить тот, который образуется в результате изменения семантики, такие слова обычно относятся к семантическим неологизмам; тот, который связан со словообразовательными возможностями русского языка; тот, который является результатом процесса заимствования слов из других языков.

Остановимся на семантических неологизмах. В данном случае обычно речь идет о расширении семантики слова. Подобные языковые факты привлекают иностранных обучающихся своей новизной и активным включением в коммуникативные ситуации. В этой связи нужно отметить, что развитию и формированию интереса у иностранных обучающихся к семантическим неологизмам способствует общение в социальных сетях, различного рода информация, которая проникает из интернет-ресурсов. Многие слова с расширенной семантикой также активно употребляются в СМИ, функционирующих в интернет-пространстве. Именно поэтому запросов на освоение данной группы лексики от молодежи поступает достаточно много. Среди слов с расширенной семантикой можно назвать, например, слова, которые чаще всего используются в молодежном сленге, в сфере компьютерных технологий, в сфере бьюти-индустрии и некоторых других. Сами лексемы могут быть известны обучающимся, но изменения в семантике и использование этих слов в других коммуникативных ситуациях вызывает у иностранных обучающихся большие сложности.

К словам и выражениям, популярным в молодежной среде, можно отнести, например: *душный* (*Душный ты какой-то!* Производные: *душила, душнить*), *комфортный* (*комфортная девушка*), *тема* (*быть в теме, быть не в теме*), *история* (*Сделайте мне такую историю!*), *ламповый* (*ламповая вечеринка*, Производное: *лампово*), *залпнуть* (*залпнуть перед компом*), *залить* (*залить инфу*), *токсичный* (*токсичный человек*. Производное: *токсик*), *ну такое себе* и др.

Подобный языковой материал не является заимствованным и на определенном уровне знакомства с лексической системой русского языка иностранные обучающиеся уже осваивают такие единицы, как *тема, история, лапочка, ламповый, душный, душно* и др. Но, естественно, что в адаптированных текстах, специальных заданиях и упражнениях, а также в толковых словарях эти слова встречаются в основных значениях. Поэтому для того чтобы дать полную характеристику этим и другим подобным единицам, получившим расширение семантики, необходимо обратиться к основным лексико-семантическим вариантам этих лексем и выяснить, на основании чего произошло расширение семантики, какие механизмы ложатся в основу изменения функционирования слова. Помимо этого, при знакомстве иностранных обучающихся с подобными лексическими единицами важным и актуальным остается вопрос о функционально-стилистической стороне их использования. Нами уже было отмечено, что «...такого типа неологизмы используются в просторечии, молодежном сленге, разговорном стиле» [7, с. 118]. Именно поэтому на занятиях

РКИ, посвященных изучению приведенных выше слов, важно напоминать об особенностях функционально-стилистической стороны использования этих языковых единиц, а также углублять представление о различных коммуникативных ситуациях, которые и связаны с использованием тех или иных единиц языка.

Мы также обращаем внимание и на модели словообразования, которые близки другим славянским языкам. В частности, и в сербском, и в русском языках имеются одинаковые суффиксы. Однако сложности в словообразовании при изучении русского языка связаны с разным значением суффиксов, с использованием разных словообразовательных моделей в процессе деривации. В нашем случае мы обращаем внимание на продуктивную модель образования существительных в процессе усечения с суффиксацией. Слов типа *Варшавка*, *зачетка*, *Ленинградка*, *Пролетарка* (*Пролетарский район*) и под. очень много в разговорной речи и в городском просторечии, в частности. При изучении этих слов и рассмотрении способов словообразования важно учитывать и стилистическую отнесенность созданных по такой модели слов. К словообразовательным неологизмам можно добавить слова, образованные на основании усечения: *комп*, *Пролет* (*Пролетарский район*), *инфа* (*информация*), *док* (*документ*). Определенные сокращения могут часто встречаться в речи современных молодых носителей языка и также быть интересны и непонятны изучающим русский язык: *хз*, *мч*, *спс* и многое другое. Как мы уже отметили, большую роль при рассмотрении подобных единиц играет не только обращение к анализу словообразовательных моделей, но и постоянная работа над формированием навыка их уместного и верного использования в определенных коммуникативных ситуациях.

Неологизмы, образованные путем заимствования (в абсолютном большинстве случаев из английского языка), занимают огромное место среди всех неологизмов современного русского языка. Они входят в разные тематические группы. Это могут быть, например, такие слова, как *онлайн*, *дедлайн*, *хайп*, *гугл*, *гуглить* и мн. др. Однако анализ подобных слов интересен не с точки зрения их семантики (обычно обучающиеся из инославянских групп достаточно хорошо владеют английским языком), а с точки зрения их использования, частотности их появления в тех или иных ситуациях, обслуживания определенных сфер человеческой деятельности.

Вопросы лингвистической базы при создании модели непрерывной подготовки преподавателя РКИ, который не находится в стране изучаемого языка, по нашему мнению, могут быть связаны и с постоянным обращением к языковому материалу, который можно считать лингвострановедческим. В нашем случае мы бы несколько уточнили и конкретизировали понимание лингвострановедческого материала и использовали бы термин «лингворегионоведческий материал». Дело в том, что для обучающихся, которые владеют русским языком на уровне В-1, например, не являются новыми слова, выражения и обороты, которые называют традиционные для русской культуры явления, артефакты. Но могут быть непонятны лексические единицы, которые связаны с историей и культурой конкретных российских регионов. Именно поэтому, как мы полагаем, важно для более детального знакомства с русским языком, русской культурой, русской историей обращение к материалу, который можно считать лингворегионоведческим. Этот материал весьма разнороден, но мы его достаточно условно можем разделить на несколько разновидностей, которые, по нашему мнению, могут сделать освоение русского языка в его региональной интерпретации более глубоким и понятным.

Так, мы выделяем в лингворегионоведческом материале языковые явления, которые можно отнести к диалектным и которые связаны с русской языковой архаикой. Например, мы писали о своем опыте использования песен на уроках РКИ в сербской аудитории и отмечали важность обращения к диалектным лексическим

фактам: «...Мы давали целую серию комментариев: отдельно объясняли значение диалектных слов, рассматривали их особые формы, останавливались на особенностях произношения и ударения. После подобной работы давали возможность студентам еще раз прослушать песни. Таким образом обучающиеся более глубоко знакомились с основами русской традиционной культуры, с диалектной лексикой, с содержательной стороной русской народной песни» [6, с. 9]. Следует напомнить, что в южнорусских говорах и в сербском языке имеется группа сходных лексических единиц, которые отличаются семантикой, особенностями произношения, но будут интересны для работы на занятиях по РКИ, например, *стулица*, *торба*, *колач* и др.

Вторую группу регионального языкового материала мы бы классифицировали как явления лексики общеизвестные и общераспространенные, но имеющие тульскую региональную отнесенность. Сюда можно включить такие известные слова, как *пряник*, *самовар*, *пастила*, *кружево*, *гармоника*. В этой связи возникает возможность еще раз остановиться на культурологическом потенциале лексических единиц русского языка, связав их с особенностями и традиционными брендами региона. Конечно, обучающимся интересно будет остановиться на истории слова *пряник* и его внутренней форме, на анализе слова *самовар* и т. д. Третьей разновидностью лингворегионального материала можно было бы считать тот лексический фонд, который отражает особенности региона в его современном состоянии. В этой части материал можно было бы разделить на несколько тематических блоков, выделив, например, тематический блок современного промышленного потенциала региона, его экономической составляющей; следующим блоком можно считать блок, который отражает туристическую сторону Тульского региона. К первому тематическому блоку относим названия тульских предприятий, отраслей производства и связанной с ними лексики (*металлургия*, *оружейник*, *химическая промышленность* и т. д.). Ко второму блоку относим разнообразные онимы: ойконимы, гидронимы, топонимы, антропонимы. Названия во многом связаны с историей и культурой Тульского края, поэтому обращение к ним всегда познавательно и интересно. Безусловно, в данном случае можно остановиться на фамилиях и именах известных людей, прославивших Тульский край или живших в нем, а также на именах собственных, которые являются названиями улиц, поселков, рек, мест культурного отдыха и т. д. Тут вспоминаются такие, например, онимы, как *Ясная Поляна*, *Поленово*, *Кондуки*, улицы *Тургеневская*, *Пушкинская*, *Оружейная*, *Дульная*, *Ствольная*, реки *Воронка*, *Упа*, *Ока* и мн. др.

Останавливаясь на региональном языковом материале и отмечая его богатство, разнообразие и культурно-историческое наполнение, мы решаем целый комплекс образовательных, просветительских, дидактических и методических задач. Задания, которые предлагаются на основе указанных разновидностей лингвистического материала, отличаются значительным разнообразием. В частности, они рассчитаны на формирование не только языковой, но и культурологической компетенции, а также на формирование коммуникативных навыков. Например, обучающимся следует соотнести на основании прочитанного текста лексические единицы и их толкование, проанализировать названия тульских улиц и сделать выводы о способе образования некоторых из них, найти топонимы и антропонимы в предложенных аутентичных текстах.

Заключение

Можно говорить о том, что для формирования модели подготовки преподавателя РКИ в современных условиях необходим учет целого ряда факторов, среди которых, по нашему мнению, и фактор нахождения обучающихся вне страны изучаемого языка, и постоянно изменяющаяся внешнеполитическая и

внутриполитическая обстановка (в целом динамичность и подвижность внешнего мира), которая требует постоянного совершенствования в профессиональной педагогической деятельности. На наш взгляд, такая модель может быть только непрерывной, потому что именно непрерывное образование, самообразование могут способствовать поддержанию высокого уровня владения языком, а также соответствовать современным методическим требованиям и запросам времени.

Непрерывность в модели подготовки преподавателя РКИ, подчеркнем, видится в стремлении к постижению нового языкового материала, освоение которого связано с комплексным решением ряда вопросов, среди которых можно назвать следующие:

- более глубокое освоение единиц языковой системы;
- знакомство с единицами языка, которые отражают динамику развития самой языковой системы;
- более внимательное рассмотрение функциональных стилей, форм языка, различных коммуникативных ситуаций;
- формирование навыков анализа коммуникативных ситуаций с целью уместного использования языковых единиц;
- глубокое постижение через языковые элементы истории, культуры, традиций определенного региона страны изучаемого языка;
- формирование представления о множественности языковых элементов, отражающих историю, культуру и иное своеобразие конкретного региона;
- анализ разнообразных языковых единиц, составляющих систему сведений о своеобразии региона;
- указание на взаимодействие элементов разных языковых систем.

В целом можно говорить о том, что модель непрерывной подготовки преподавателя РКИ должна опираться на серьезную, постоянно пополняемую лингвистическую базу.

Список источников и литературы

1. *Айдукович Й.* Транссемантизация русской контактолексемы чевапчичи в контактологическом словаре // Русский язык в современном мире : материалы II Международной науч. конференции. М.: Высшая школа перевода МГУ, 2011. С. 18–25.
2. *Божович Д.* Межъязыковая конвергенция в обучении РКИ в Сербии // Наука и школа. 2021. № 2. С. 105–115.
3. *Веретеинова М. М.* Методическая модель представления актуализированной паронимической лексики в сербской аудитории // Университет у Београду: Филолошки факултет : офиц. сайт. URL: http://doi.fil.bg.ac.rs/pdf/eb_book/2018/bogoljub_stankovic/bogoljub_stankovic-2018-ch2.pdf. С. 23–32 (дата обращения: 08.09.2023).
4. *Гинич Е., Айджанович Н., Меденица Л.* Современное положение русского языка в высших учебных заведениях Сербии // Положај словенских језика, књижевности и култура на универзитетима у свету: округли сто Комисије за наставу словенских језика и књижевности Међународног комитета слависта. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2020. С. 18–47. URL: https://doi.org/10.18485/mks_knsjkk_polozaj.2020.ch2 (дата обращения: 09.10.2023).
5. *Горовая И. Г.* Неологизмы как объект изучения в аспекте РКИ (продвинутый этап) // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конференции. Оренбург : Оренбургский гос. ун-т, 2018. С. 2193–2198. URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/6070/1/2193-2198.pdf?ysclid=lpfrowsmsg218590268> (дата обращения: 09.11.2023).
6. *Красовская Н. А.* Использование потенциала текстов русских песен при обучении русскому как иностранному в сербской аудитории // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2023. № 3/2. С. 8–10.

7. Красовская Н. А. Русские неологизмы в развивающих заданиях для инославянской аудитории // Русский язык в межкультурном диалоге стран Центральной Азии : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф, посвящ. Году русского языка в странах СНГ (Душанбе, ТНУ, 2023). Душанбе: Изд-во ТНУ, 2023. С. 117–119.
8. Лепович Е. Русизмы в современном сербском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 4 (103). С. 54–65.
9. Марич Б. Состояние и перспективы изучения русского языка в инославянской среде // ЭТНОДИАЛОГИ. 2015. № 1 (48). С. 26–34.
10. Маслова А. Ю. Семантико-прагматические особенности извинения в русском и сербском языках // Русский язык в современном мире : материалы II Международной науч. конференции. М.: Изд-во Высшей школы перевода МГУ, 2011. С. 454–459.
11. Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Рус. язык, 1990. 268 с.
12. Палаверста Н. Балканская русистика. Необходимы новые методы в пропаганде русского языка в Республике Сербской // Литературная газета. 2015. № 51-52 (6537). Электрон. версия. URL: <https://pub.wikireading.ru/hfKBGdEVSW> (дата обращения: 11.11.2023).
13. Плотникова А. А. Этнолингвистическая география южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.
14. Янченко В. Д., Божович Д. Использование юмористической миниатюры на уроках по русскому языку как иностранному в сербской и черногорской школе // Наука и школа. 2016. № 3. С. 45–50.
15. Якушкина Е. И. Диалектные материалы из западной Боснии // Stephanos. 2019. № 6 (38). С. 44–54.
16. Якушкина Е. И. Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов сербского языка в сопоставительном аспекте // Славянский альманах. 2020. Вып. 3-4. С. 194–210. URL: <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.03> (дата обращения: 13.11.2023).

References

1. Aidukovich, J 2011, 'Transsemantizatsiya russkoy kontaktoleksemy chevapchichi v kontaktologicheskom slovare' (Transsemantization of the Russian contact lexeme 'chevapchichi' in the contactological dictionary), *Russkiy yazyk v sovremennom mire: Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Russian language in the modern world: Materials of the 2nd international scientific conference), Vysshaya shkola perevoda MGU publ, Moscow, pp. 18–25. (In Russ.)
2. Bzhovich, D 2021, 'Mezhyazykovaya konvergentsiya v obuchenii RKI v Serbii' (Language convergence in teaching Russian as a foreign language in Serbia), *Science and School*, vol. 2, pp. 105-115, doi: 10.31862/1819-463X-2021-2-105-115. (In Russ.)
3. Vereteinova, MM 2018, 'Metodicheskaya model' predstavleniya aktualizirovannoy paronimicheskoy leksiki v serbskoy auditorii' (A methodological model for presenting updated paronymic vocabulary in a Serbian audience), *Universitet u Beogradu. Filoloski fakultet*, viewed 8 September 2023, http://doi.fil.bg.ac.rs/pdf/eb_book/2018/bogoljub_stankovic/bogoljub_stankovic-2018-ch2.pdf. pp. 23-32 (In Russ.)
4. Ginich, E, Aidzhanovich, N & Medenitsa, L 2020, 'Sovremennoye polozheniye russkogo yazyka v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Serbii' (The current situation of the Russian language in higher educational establishments of Serbia), *Положај словенских језика, књижевности и култура на универзитетима у свету*, Filoloski fakultet Univerziteta u Beogradu publ, Beograd, viewed 10 October 2023, https://www.researchgate.net/publication/342825778_Sovremennoe_polozhenie_russkogo_azyka_v_vyssih_ucebnyh_zavedeniah_Serbii. pp. 18–47 (In Russ.)
5. Gorovaya, IG 2018, 'Neologizmy kak obyekt izucheniya v aspekte RKI (prodvinutyi etap)' (Neologisms as an object of study in the aspect of RCT (advanced stage)), *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vseros. nauch.-*

- metod. konferentsii*. (University complex as a regional centre of education, science and culture: materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference, viewed 9 November 2023, <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/6070/1/2193-2198.pdf?ysclid=lpfpowmsg218590268> pp. 2193–2198. (In Russ.)
6. Krasovskaya, NA 2023, 'Ispol'zovaniye potentsiala tekstov russkikh pesen pri obuchenii russkomu kak inostrannomu v serbskoy auditorii' (Using the potential of Russian song lyrics in teaching Russian as a foreign language to a Serbian audience), *Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO»*. *Tul'skoye obrazovatel'noye prostranstvo*. (Bulletin of the State Educational Institution of Additional Professional Education "IPK and PPRO TO". Tula educational space), vol.3/2, pp. 8–10. (In Russ.)
 7. Krasovskaya, NA 2023, 'Russkiye neologizmy v razvivayushchikh zadaniyakh dlya inoslavyanskoy auditorii' (Russian neologisms in developmental tasks for foreign Slavic audience), *Russkiy yazyk v mezhkul'turnom dialoge stran Tsentral'noy Azii: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Godu russkogo yazyka v stranakh SNG* (Russian language in intercultural dialogue of Central Asian countries: Collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the Year of the Russian language in the CIS countries), Izd-vo TNU publ, Dushanbe, 2023. pp. 117–119. (In Russ.)
 8. Lepoyevich, Ye 2021, 'Rusizmy v sovremennom serbskom yazyke' (Russisms in the modern Serbian language), *Cherepovets State University Bulletin*, no. 4 (103), pp. 54–65. (In Russ.)
 9. Marich, B 2015, 'Sostoyaniye i perspektivy izucheniya russkogo yazyka v inoslavyanskoy srede' (State and prospects for studying the Russian language in a foreign Slavic environment), *ETNODIALOGI*, no. 1 (48), pp. 26–34. (In Russ.)
 10. Maslova, AYu 2011, 'Semantiko-pragmaticheskiye osobennosti izvineniya v russkom i serbskom yazykakh' (Semantic-pragmatic features of apology in Russian and Serbian languages), *Russkiy yazyk v sovremennom mire: Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Russian language in the modern world: Materials of the 2nd international scientific conference), Izd-vo Vysshey shkoly perevoda MGU publ, Moscow, pp. 454–459. (In Russ.)
 11. Mitrofanova, OD & Kostomarov, VG 1990, 'Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo' (Methods of teaching Russian as a foreign language), Rus. Yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
 12. Palaversta, N 2015, 'Balkanskaya rusistika. Neobkhodimy novyye metody v propagande russkogo yazyka v Respublike Serbskoy' (Balkan Russian Studies. New methods in the promotion of the Russian language in Republika Srpska are needed), *Literaturnaya Gazeta*, no. 51-52 (6537), viewed 11 November 2023, <https://pub.wikireading.ru/hfKBGdEVSW>. (In Russ.)
 13. Plotnikova, AA 2004, *Etnolingvisticheskaya geografiya yuzhnoy Slavii* (Ethnolinguistic geography of South Slavs), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
 14. Yanchenko, VD & Bozhovich, D 2016, 'Ispolzovaniye yumoristicheskoy miniatyury na urokakh po russkomu yazyku kak inostrannomu v serbskoy i chernogorskoj shkole' (The use of comic miniature at the lessons of Russian as a foreign language in Serbian and Montenegrin schools), *Science and school*, no. 3, pp. 45–50. (In Russ.)
 15. Yakushkina, EI 2019, 'Dialektnyye materialy iz zapadnoy Bosnii' (Dialectal materials from Western Bosnia), *Stephanos*, no. 6 (38), pp. 44–54. (In Russ.)
 16. Yakushkina, EI 2020, 'Leksika vostochnogertsegovinskogo i shumadiysko-voyevodinskogo dialektov serbskogo yazyka v sopostavitel'nom aspekte' (the vocabulary of the Eastern Hercegovina and Shumadia-Voyvodina dialects of the Serbian language in a comparative aspect), *Slavic Almanac*, no. 3-4, pp. 194–210, viewed 13 November 2023, doi: doi.org/10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.03. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.11.2023
Одобрена после рецензирования: 11.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 26.11.2023
Approved after reviewing: 11.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023

Научная статья

УДК 81'1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-151-159>

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОБИТНЫХ

**Юлия Юрьевна
Леонова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия
jjleo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы исторической стилистики и лексикологии на материале деловой письменности XVII в. В качестве объекта исследования выбраны челобитные как один из самых распространенных видов деловых документов того времени. Автором рассмотрены структура формуляра и состав реквизитов данного вида документов, лексика и стилистические особенности челобитных. Проанализированы все разновидности челобитных: от собственно челобитных – прошений и жалоб до изветов, исковых, ставочных, повинных, явочных, мировых и отсрочных челобитных. Для характеристики словарного состава челобитных и определения отношения лексики к словарю актовых памятников XVII в., общенародному и литературному языку рассматриваемого периода, автором была произведена полная расписка лексики 800 текстов челобитных. Данный метод позволил выделить весь объем лексико-фразеологических единиц, употребляемых в челобитных, а также определить частотность их использования: выявить лексико-фразеологические единицы, встречающиеся регулярно, и те, которые встречаются в единичных случаях.

Особое внимание в лексическом составе челобитных привлекают существительные с суффиксами субъективной оценки и сложные слова, которые использовались не только как номинативное средство, но и как инструмент воздействия на чувства адресата. Отдельно рассмотрены традиционные и этикетные средства: этикетные обращения, приложения, традиционные и ситуативные определения.

Исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы, с учетом социальной значимости данного документа, особенностей социального положения адресата и адресанта челобитной. Тексты челобитных рассматриваются с позиций исторической лексикологии, стилистики, документоведения и документной лингвистики.

Результаты исследования могут быть использованы в практике составления курсов лекций и семинаров по исторической стилистике и лексикологии, документоведению, документной лингвистике и лингвистическому источниковедению.

Ключевые слова: челобитная, документ, лексика, официально-деловая и частно-деловая переписка, формуляр, реквизит.

Для цитирования: Леонова Ю. Ю. Лексические и стилистические особенности челобитных // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 151–159. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-151-159>

Сведения об авторе: Ю. Ю. Леонова – кандидат филологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81'1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-151-159>

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF PETITIONS

Yulia Yu. Leonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia,
jjleo@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problems of historical stylistics and lexicology based on the material of business writing of the 17th century. The object of the study is a petition — one of the most common business documents of the time. The author considers the structure of the form and the requisites composition of this document type, vocabulary and stylistic features of petitioners. The article presents an analysis of all types of petitions: from complaints to lawsuits, delations, confessions of guilty, pleas of bargain, and postponed petitions. To characterize the vocabulary of petitions and determine the relationship of vocabulary to the dictionary of assembly monuments of the 17th century, the national and literary language of the period under consideration, the author makes a full receipt of the vocabulary of 800 texts of petitions. This method makes it possible to identify the entire volume of lexical and phraseological units used in petitions, as well as to determine the frequency of their use: to identify lexical and phraseological units that occur regularly, and those that occur in isolated cases.

From the point of view of the lexical composition of petitions, nouns with suffixes of subjective evaluation and compound words, which were used not only as a nominative means, but also as a tool to influence the feelings of the addressee, are of particular interest. Traditional and etiquette means are considered separately: etiquette appeals, applications, traditional and situational definitions.

The author conducts the study within the framework of the anthropocentric paradigm, taking into account the social significance of this document, the peculiarities of the social position of the addressant and the addressee of the petition. The texts of petitions are considered from the standpoint of historical lexicology, stylistics, documentary studies and documentary linguistics.

The results of the research can be used in the practice of compiling courses of lectures and seminars on historical stylistics and lexicology, documentary studies, documentary linguistics and linguistic source studies.

Keywords: petition, document, vocabulary, official business and private business correspondence, form, requisite details.

For citation: Leonova, YuYu 2023, 'Lexical and Stylistic Features of Petitions', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 151–159, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-151-159> (in Russ.)

Information about the Author: *Yulia Yu. Leonova* – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Leonova Yu. Yu., 2023

Введение

Исследование памятников деловой письменности имеет важное значение не только для исторической лексикологии, стилистики, но и для теории документоведения. Анализ структуры и лексического состава документов определенного вида позволяет решать целый ряд как лингвистических, так и документоведческих задач: от восстановления процесса формирования лексической системы русского языка до формирования современных формуляров документов. Важную роль играет изучение памятников официально-деловой и частно-деловой письменности, к которой относятся челобитные. Челобитные неоднократно привлекали внимание исследователей деловой письменности. Лексика челобитных рассмотрена в исследованиях Е. Н. Борисовой [8], И. А. Елизаровского [11], Т. В. Жарких [12], А. Н. Качалкина [14], С. И. Коткова [16], С. И. Лобанова [18], Е. Н. Поляковой [22], Н. Е. Садыхлы [23], Н. Г. Самойловой [24], В. И. Хитровой [26]. Однако в данных работах лексика и фразеология челобитных рассматриваются совместно с другими видами деловых документов и зачастую упоминаются лишь фрагментарно. Не выделяются лексические средства, которые носят традиционный характер, употребляются свободно и стилеобразующие средства челобитных. В настоящее время лексический и стилистический состав челобитных не достаточно изучен и представляет большой интерес как для лингвистов, так и для документоведов. Анализ лексики челобитных различных регионов Московского государства 17 в. позволяет определить, какова была степень влияния общерусской (московской) нормы на письменную речь официально-деловых и частно-деловых актов.

Источниковая база

Основой исследования послужили тексты 800 челобитных, опубликованные в сборниках актовых материалов. Основными источниками для нас являлись сборники деловых документов XVII в.: «Акты исторические» [1] и «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства» [5], собранные и изданные Археографической комиссией; «Акты Московского государства» под редакцией Н. А. Попова, Д. Я. Самоквасова [2], «Акты писцового дела (1644 – 1661)» [4], «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века» [13], «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» [6], «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия» [21], «Грамотки XVII – начала XVIII века» [9], «Акты о быте помещиков и крестьян в XVII в. Крестьянские челобитные» [3].

Результаты

Каждый вид документов обладает своей специфической структурой – формуляром, состоящим из только ему присущего набора реквизитов, расположенных в определенной последовательности. Текст официально-деловых документов, как правило, состоит из устойчивых формул – клише, либо начинается с устойчивого словосочетания. Челобитные – не исключение из этого правила. Однако, в отличие от других видов деловых документов того времени, челобитные не только сообщали адресату определенную информацию, но и ставили своей целью воздействовать на чувства того лица, от которого зависело положительное решение вопроса (просьбы). Эмоциональная установка оказывала влияние на отбор лексических средств и построение текста документа. Формуляр челобитных состоит из трех частей.

1. Заголовочная часть, состоящая из реквизитов:

- адресат;
- челобитье;
- данные об адресанте.

2. Текст, содержащий причины обращения с просьбой и описание самой просьбы.

3. Концовка, имеющая унифицированную форму и состоящая из обращения (титула адресата) и глагола *смиловаться* (*пожаловаться*) в повелительной форме.

Для характеристики словарного состава челобитных и определения отношения лексики к словарю актовых памятников XVII в., общенародному и литературному языку рассматриваемого периода, нами была произведена полная расписка лексики 800 текстов челобитных. Данный метод позволил выделить весь объем лексико-фразеологических единиц, употребляемых в челобитных, а также определить частотность их использования: выявить лексико-фразеологические единицы, встречающиеся регулярно, и те, которые выявлены в единичных случаях.

Челобитные отражают различные стороны жизни (социальные, торговые, производственные, деловые, юридические и т. п.), а также быт русских людей, поэтому лексическая система данных актов является открытой.

В ходе анализа словарного состава челобитных были выявлены следующие основные лексико-тематических группы.

1. Наименования природных явлений, временных и пространственных представлений, свойств живой и неживой природы.
2. Наименования человека по полу и возрасту.
3. Наименования человеческих чувств и различных форм их проявления.
4. Наименования частей тела человека и животных.
5. Наименования жилых и хозяйственных строений.
6. Наименования предметов одежды и украшений.
7. Наименования домашней утвари и других предметов, связанных с бытом.
8. Наименования лиц по принадлежности к определенному сословию или социальной группе.
9. Наименования, относящиеся к государственному устройству.
10. Наименования денежных единиц и мер веса, длины, объема.
11. Наименования терминов сферы судопроизводства и делопроизводства.
12. Наименования сферы торговых отношений.
13. Глаголы движения и перемещения.
14. Глаголы конкретных физических действий.
15. Глаголы бытия и состояния.
16. Церковная лексика.
17. Производственная лексика.
18. Сельскохозяйственная лексика.

Анализ словарного состава челобитных показал, что в нем отчетливо проявляются системные связи, которые характерны для документов данного вида. Лексика челобитных является отражением лексико-фразеологической системы деловой письменности и письменного литературного языка XVII в.

Челобитным, как и другим официально-деловым документам XVII в., присуще использование традиционных этикетных элементов. В деловых документах этикет отражается не только в использовании соответствующих клише, но и в строении формуляра документа. Для челобитных, относящихся к деловой переписке, прежде всего характерно использование этикетных обращений к адресату. Исследование показало, что обращения в челобитных выполняют не только функцию наименования адресата, но и его характеристику, выражая почтенное отношение к нему, играют эмоционально-экспрессивную роль. Принося себя, челобитчик пытался воздействовать на чувства адресата с целью удовлетворения просьбы. Еще одним из способов воздействия на адресата является использование собственных и нарицательных имен существительных с суффиксами субъективной оценки, передающими смирение, униженность, зависимость, реже – с уменьшительно-ласкательными оттенками значения. Исследование показало, что использование существительных с суффикса-

ми субъективной оценки является экспрессивно-эмоциональным средством, используемым автором челобитной для принижения себя, подчеркивания своего зависимого положения, своей бедности или сложного имущественного положения и уменьшения значения просимого.

Одной из особенностей челобитных, отличающих их от других деловых документов 17 века, является использование этикетных определений (как традиционных, так и ситуативных). При этом было выявлено, что большое количество определений выступает не столько в своей основной функции (обозначение признаков предмета), сколько используется как эмоционально-экспрессивное средство воздействия на адресата. Эти определения можно разделить на 4 большие группы.

1. Устойчивые сочетания согласованного определения – притяжательного местоимения «твой», «ваш», «свой» с согласованным определением – прилагательным «государев», «государский», «царский».

2. Группа постоянных эпитетов к наименованиям феодалов и членов их семей: *благородный, благочестивый, благоверный, благодатный, блаженный, милостивый, милосердный, праведный.*

3. Традиционные эпитеты, употреблявшиеся при назывании предметов, связанных с религией: *всемогущий, всесильный, всемилостивый, божий, живоначальная, святой, православный, пречистая* и др.

4. Определения, характеризующие челобитчика, его имущественное положение, сложную жизненную ситуацию, в которой он находится и т. п. Они в свою очередь делятся на две категории:

1) традиционные, употребление которых было постоянным и строго обусловленным; они являлись обобщенным средством, с помощью которого челобитчик старался вызвать к себе сочувствие и добиться удовлетворения просьбы;

2) ситуативные, которые появляются только при описании челобитчиком определенных жизненных ситуаций; в большинстве случаев данные определения не употреблялись самостоятельно, а использовались лишь в сочетании с определениями первой категории.

В глагольной лексике выделяется группа многократных глаголов с суффиксами *-ива, -ыва.*

1. Глаголы движения.

2. Глаголы, обозначающие действия хозяйственной и бытовой сферы.

3. Глаголы, отражающие действия в торговой и финансовой сфере.

4. Глаголы выполнения служебных и воинских обязанностей.

5. Глаголы, отражающие преступную деятельность.

6. Глаголы волеизъявления.

Анализ челобитных позволяет говорить об использовании данных глаголов в многократном или неограниченно кратном значении. Основная масса данных глаголов используется как обычные глаголы несовершенного вида, следовательно, образования с *-ива, -ыва* не являются стилевым средством челобитных.

В лексическом составе челобитных особо выделяются сложные слова. Сложные слова, занимая всего 3,8 % от общего объема полных слов, отражают специфику лексики и стилевых приемов, используемых в челобитных. С точки зрения семантики сложные слова челобитных можно разделить на 4 больших класса, в рамках которых выделяются подклассы.

I. Социально-экономические и деловые термины.

1. Наименования лиц:

- по должности или общественному положению;

- по национальности;

- по месту жительства;

- по имущественному положению;
- по родству;
- по действиям.
- 2. Наименования административно-территориальных единиц.
- 3. Наименования денежных единиц.
- 4. Термины сферы делопроизводства.
- 5. Наименования преступных действий.

II. Обиходно-бытовая и производственная лексика.

- 1. Названия лиц по профессии.
- 2. Производственная лексика.
- 3. Сельскохозяйственная лексика.
- 4. Названия животных.
- 5. Названия предметов одежды.
- 6. Наименования единиц измерения.

III. Лексика духовной сферы (церковная, религиозная).

- 1. Наименование лиц церковной сферы.
- 2. Наименования церковных строений.
- 3. Наименования церковных праздников и обрядов.
- 4. Религиозная лексика.

IV. Единичные сложные слова, не объединяющиеся в общие группы.

Лишь треть сложных слов используется в челобитных с экспрессивно-эмоциональной окраской и выступает в качестве стилеобразующих элементов анализируемых документов.

Заключение

Анализ челобитных всех разновидностей, относящихся к одному временному периоду, написанных авторами с разным социальным положением из различных регионов государства, показал, что челобитные представляли собой вполне сложившуюся к 17 веку разновидность деловых документов, обладали устойчивой структурой, формуляром с устоявшимся набором реквизитов и правилами их оформления, традиционным отбором и использованием стилистических и лексических средств. Среди последних особое внимание привлекают существительные с суффиксами субъективной оценки и сложные слова, которые использовались не только как номинативное средство, но и как инструмент воздействия на чувства адресата, традиционные и этикетные средства: этикетные обращения, приложения, традиционные и ситуативные определения.

Список источников и литературы

- 1. *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией*. Т. 1–3. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841.
- 2. *Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук*. Т. 1–3 / под ред. Н. А. Попова, Д. Я. Самоквасова. СПб.: тип. Имп. Акад наук, 1890–1901.
- 3. *Акты о быте помещиков и крестьян в XVII в.* А) Крестьянские челобитные, Б) Письма помещиков, В) Челобитные помещиков / В. Борисов. М., 1859. 33–46 с.
- 4. *Акты писцового дела (1644 – 1661)* : сб. / сост. акад. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1977. 287 с.
- 5. *Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства*. СПб.: Археограф. комиссия, 1838. 511 с.
- 6. *Акты, относящиеся до юридического быта древней России*. Т. 1–3 / изд. Археограф. комиссией ; под ред. Н. Калачова. СПб.: в тип. Имп. Акад. наук, 1857–1884.

7. *Борисова Е. Н.* Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI – XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Борисова Евгения Николаевна. Рязань, 1956. 479 с.
8. *Борисова Е. Н.* К вопросу о региональной деловой письменности XVII – XVIII вв. как источнике изучения истории лексики русского литературного языка // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М.: Наука, 1987. С. 37–42.
9. *Грамотки XVII – начала XVIII века* / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969. 415 с.
10. *Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией.* Т. 1–12. СПб.: в тип. II Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1846–1875.
11. *Елизаровский И. А.* Лексика Беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.
12. *Жарких Т. В.* Язык воронежских грамот XVII века : дис. канд. филол. наук : 10.00.00 / Жарких Тамара Владимировна. Воронеж, 1953. 483 с.
13. *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1964. 312 с.
14. *Качалкин А. Н.* Из наблюдений над словарным составом русского языка XVII в. (на материале памятников донской казачьей письменности) : дис. ... канд. филол. наук. : 10.00.00 / Качалкин Анатолий Николаевич. М., 1968. 363 с.
15. *Качалкин А. Н.* Памятники местной деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 104–113.
16. *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVII в. М.: Наука, 1970. 180 с.
17. *Кунгурские акты XVII века (1668 – 1699 гг.)* / ред. А. А. Титов. СПб.: Кузнецов, 1888. 338 с.
18. *Лобанов С. И.* Из истории имен существительных с агентивным суффиксом -щик (XIV – XVII) : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Лобанов С. И. М., 1950. 471 с.
19. *Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные В. Н. Сторожевым.* Вып. 1–2. СПб.: тип. Акад. наук, 1906–1918.
20. *Московская деловая и бытовая письменность XVII века* / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
21. *Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия* : (Из фонда А. И. Безобразова) / изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М.: Наука, 1965. 162 с.
22. *Полякова Е. Н.* Лексика местных деловых памятников XVII начала XVIII вв. и принципы ее изучения : учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. Гос. ун-т, 1979. 101 с.
23. *Садыхлы Н. Е.* Лексика московских челобитных XVII века (лексико-семантические процессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Садыхлы Наталья Евгеньевна. Баку, 1972. 200 с.
24. *Самойлова Н. Г.* Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII–XVIII веков: к вопросу о формировании устойчивых словосочетаний : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Самойлова Нина Григорьевна. М., 1968. 355 с.
25. *Сборник Московского архива Министерства юстиции.* Т. 6. М., 1914. 555 с.
26. *Хитрова В. И.* Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII – первой четверти XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Хитрова Валентина Ивановна. Воронеж, 1972. 440 с.

References

1. *Akty istoricheskije, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu* (Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission) 1841, vol. 1–3, tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. Bumag publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imp. Akademiyey nauk* (Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences) 1890 – 1901, vol. 1–3, ed. N. A. Popov, D. Ya. Samokvasov, tip. Imp. Akad. nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Borisov, V 1859, *Akty o byte pomeshchikov i krest'yan v XVII v. A) Krest'yanskiye chelobitnyye, B) Pis'ma pomeshchikov, V) Chelobitnyye pomeshchikov* (Acts on the life of landlords

- and peasants in the 17th century. A) Peasant petitions, B) Letters from landlords, C) Landlords' petitions), Moscow, pp.33–46. (In Russ.)
4. Veselovskiy, SB 1977, *Akty pistsovogo dela (1644-1661)*, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 5. *Akty yuridicheskiye ili Sobraniye form starinnogo deloproizvodstva* (Legal Acts, or Collection of the Forms of Ancient Case Management) 1838, Arkheograf. Komissiya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 6. *Akty, odnosyashchiyesya do yuridicheskogo byta drevney Rossii* (Acts relating to the legal life of ancient Russia) 1857 – 1884, vol. 1–3, ed. N. Kalachov, v tip. Imp. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 7. Borisova, EN 1956, *Iz istorii bytovoy leksiki ryazanskikh pamyatnikov XVI – XVII vv.* (From the history of everyday vocabulary of Ryazan monuments of the XVI – XVII centuries), PhD thesis, Ryazan. (In Russ.)
 8. Borisova, EN, 1987. 'K voprosu o regional'noy delovoy pis'mennosti XVII – XVIII vv. kak istochnike izucheniya istorii leksiki russkogo literaturnogo yazyka' (To the question of regional business writing of the XVII – XVIII cc. as a source for studying the history of the lexicon of the Russian literary language), *Istoriya russkogo yazyka i lingvisticheskoye istochnikovedeniye* (History of the Russian language and linguistic source study), Nauka publ, Moscow, pp. 37–42. (In Russ.)
 9. Kotkov, SI (ed.) 1969, *Gramotki XVII – nachala XVIII veka* (Letters of 17th – early 18th centuries), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 10. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiyey* (Additions to the Historical Acts collected and published by the Archaeographic Commission) 1846 – 1875, vol. 1–12, v tip. II Otdeleniya Sobstv. Ye.I.V. Kantselyarii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 11. Yelizarovskiy, IA 1958, *Leksika Belomorskikh aktov XVI – XVII vv.* (Lexicon of the White Sea Acts of the XVI – XVII cc.), Arkhangel'sk. (In Russ.)
 12. Zharkikh, TV 1953, *Yazyk voronezhskikh gramot XVII veka* (Language of Voronezh letter missives of the 17th century), PhD thesis, Voronezh. (In Russ.)
 13. Kotkov, SI & Pankratova, NP 1964, *Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII – nachala XVIII veka* (Sources on the history of the Russian colloquial language of the 17th - early 18th centuries), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 14. Kachalkin, AN 1968, *Iz nablyudeniy nad slovarnym sostavom russkogo yazyka XVII v. (na materiale pamyatnikov donskoy kazach'yey pis'mennosti)* (From observations on the vocabulary of the Russian language of the XVII century (on the material of monuments of the Don Cossack writing)), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
 15. Kachalkin, AN 1972, *Pamyatniki mestnoy delovoy pis'mennosti XVII v. kak istochnik istoricheskoy leksikologii* (Monuments of local business writing of the 17th century as a source of historical lexicology), *Voprosy yazykoznaneya* (Topics in the study of language), no. 1, pp. 104–113. (In Russ.)
 16. Kotkov, SI 1970, *Ocherki po leksike yuzhnovelikorusskoy pis'mennosti XVI – XVII v.* (Essays on the lexicon of South Velikorussian writing of the 16th – 17th centuries), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 17. Titov, AA (ed.) 1888, *Kungurskiye akty XVII veka (1668 – 1699 gg.)* (Kungur Acts of the XVII century (1668 – 1699)), Kuznetsov publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 18. Lobanov, SI 1950, *Iz istorii imen sushchestvitel'nykh s agentivnym suffiksom -shchik* (XIV – XVII), PhD thesis. (In Russ.)
 19. *Materialy dlya istorii deloproizvodstva Pomestnogo prikaza po Vologodskomu uyezdu v XVII veke, sobrannyye V. N. Storozhevym* (Materials for the history of the office work of the Pomestniy Prikaz in the Vologda uyezd in the 17th century, collected by V. N. Storozhev) 1906 – 1918, no. 1–2, tip. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 20. Kotkov, SI, Oreshnikov, AS & Filippova, IS 1968, *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka* (Moscow business and everyday writing of the 17th century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 21. Kotkov, SI & Tarabasova, NI 1965, *Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya : (Iz fonda A. I. Bezobrazova)* (Monuments of the Russian vernacular lan-

- guage of the 17th century : (From the fund of A. I. Bezobrazov)), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
22. Polyakova, YeN 1979, *Leksika mestnykh delovykh pamyatnikov XVII nachala XVIII vv. i printsipy yeye izucheniya* (The lexicon of local business monuments of the 17th - early 18th cc. and the principles of its study), Perm. Gos. un-t publ, Perm. (In Russ.)
 23. Sadykhly, NYe 1972, *Leksika moskovskikh chelobitnykh XVII veka (leksiko-semanticheskiye protsessy)* (The lexicon of Moscow chelobitnye 17th century (lexico-semantic processes)), PhD thesis, Baku. (In Russ.)
 24. Samoylova, NG 1968, *Ustoychivyye slovosochetaniya v chastnoy perepiske XVII – XVIII vekov: k voprosu o formirovanii ustoychivyykh slovosochetaniy* (Sustainable word combinations in private correspondence of the 17th – 18th centuries: to the question of the formation of sustainable word combinations), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
 25. *Sbornik Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii* (Collection of the Moscow Archive of the Ministry of Justice) 1914, vol. 6, Moscow. (In Russ.)
 26. Khitrova, VI 1972, *Mestnaya leksika v yazyke voronezhskikh rukopisnykh pamyatnikov XVII – pervoy chetverti XVIII vv.* (Local vocabulary in the language of Voronezh manuscript monuments of the 17th – first quarter of the 18th centuries), PhD thesis Voronezh. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.11.2023
Одобрена после рецензирования: 05.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 26.11.2023
Approved after reviewing: 05.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 160–169.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 160–169.

Научная статья

УДК 811.111

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-160-169>

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕРИВАТИВНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

*Илья Геннадьевич
Никитичев*

Курский государственный университет
Курс, Россия, ignikitichev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8042-3470>

Аннотация. В статье рассматриваются дискурсивные маркеры в контексте академической коммуникации на английском языке. Понятие академического дискурса в работе соотносится с использованием языка научно-образовательной среды, включающего в себя как языковые нормы академического обмена, так и вариативные дискурсивные средства. Отмечена недостаточная изученность словообразовательных лексем как средства речевого воздействия в академической речи. Исследование направлено на изучение деривативных единиц, представленных автором лексемами, образованными посредством таких морфологических способов словообразования, как аффиксация, конверсия, сложение основ и аббревиация. Приведены примеры использования дериваций в академической практике, и на основе концептуального и семантического анализа описаны функции дериваций, образованных по каждому из указанных способов словообразования. Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что функции деривативных единиц отчетливо демонстрируются в тактиках информирования, доказательного аргументирования, оценочных суждений, избегания абсолютизации утверждений, где лексема, приобретая новое семантическое значение, усиливает речевое намерение продуцента, тем самым способствует оптимально понятному восприятию речи. Делается прогноз о продуктивной роли дериваций в академическом дискурсе, выявляемых посредством словообразования в изменении семантики лексем. Зафиксировано, что речевое воздействие, инициируемое деривативными дискурсивными маркерами, направлено на достижение эпистемологических целей академического дискурса посредством инициирования, организации, регулирования дискурса, что открывает перспективу исследований функциональных возможностей естественного языка.

Ключевые слова: академический дискурс, речевое воздействие, дискурсивные маркеры, конверсия, аффиксация, реверсия, сложение основ.

Для цитирования: Никитичев И. Г. Воздействующий потенциал деривативных дискурсивных маркеров в академическом дискурсе (на примере английского языка) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 160–169. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-160-169>

Сведения об авторе: *И. Г. Никитичев* – обучающийся, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 33.

© Никитичев И. Г., 2023

Scientific Article
UDC 811.111
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-160-169>

WORD FORMATION POTENTIAL OF DISCOURSE MARKERS IN BILINGUAL ACADEMIC DISCOURSE: THE CASE OF ENGLISH

Ilya G. Nikitichev

Kursk State University
Kursk, Russia, ignikitichev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8042-3470>

Abstract. The article considers discourse markers in the context of academic communication in English. The concept of academic discourse in the study correlates with the use of the scientific and educational environment language, which includes both linguistic norms of academic exchange and variant discourse devices. The author notes the insufficient theoretical development of derivative lexemes as a means of speech influence in academic communication. The aim of the research is to study derivative units represented in lexemes formed by means of such morphological ways of word formation as affixation, conversion, addition of bases and abbreviation. The article gives examples of the use of derivations in academic practice, and on the basis of conceptual and semantic analysis describes the functions of derivations formed by each of the mentioned ways of word formation. The results of the study suggest that the functions of derivative units operate in the tactics of informing, evidentiary argumentation, evaluative judgments, avoiding absolutization of statements where the lexeme, acquiring a new semantic meaning, strengthens the speech intention of the speaker, thus contributing to an effective speech comprehension. The author makes a prediction about the productive role of derivations in academic discourse, revealed by means of word formation in semantic change. It is worth noting that the speech impact initiated by derivative discourse markers aims at achieving the epistemological goals of academic discourse through the initiation, organization, and regulation of discourse, which opens the prospect of research into the functional capabilities of natural language.

Keywords: academic discourse, linguistic manipulation, discourse markers, conversion, affixation, reversion, compounding.

For citation: Nikitichev, IG 2023, 'Word Formation Potential of Discourse Markers in Bilingual Academic Discourse: The Case of English', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 160–169, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-160-169> (in Russ.)

Information about the Author: *Ilya G. Nikitichev* – Postgraduate Student, Kursk State University, 33, Radishchev Str., Kursk, 305000, Russia.

Введение

Современная парадигма теоретической лингвистики ориентирована на интерактивные способы речевого воздействия, учет субъектности и интенциональности коммуникантов, на выявление функциональных возможностей речевых единиц на основе синхронического и диахронического изменения языка [8]. Рассматривая динамику функционирования естественного языка, можно констатировать, что употребление языковых единиц в речи претерпевает изменения [17]. Проблематика исследования дериваций в рамках словообразовательных механизмов имеет, на наш взгляд, широкую перспективу изучения функционирования естественного языка и языковых знаков. В частности, перспективным для нашего исследования является тезис о знаке, который «не обладает одним единственным смыслом и закрепленным за ним значением, но представляет собой совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень высказывания / дискурса» [2, с. 23]. В фокусе настоящего исследования рассматриваются образованные посредством различных словообразовательных способов дискурсивные маркеры как новые лексемы (дериваты), обладающие в дискурсе воздействующим функционалом. В этой связи нами отмечается, что понятие дискурса как единицы «операционального анализа языкового материала» [4, с. 84] актуализируется применительно к включению дериватов в речевую деятельность. На сегодняшний день персуазивный потенциал вербальной составляющей дискурсивных практик в аспекте воздействия на реципиента изучен не в полной мере. Актуальность обозначенной проблемы определяет цель исследования – изучение функциональных возможностей деривативных языковых единиц, релевантных академическому дискурсу как наиболее востребованному сегодня институциональному формату дискурсивных практик.

В результате критического анализа интерпретаций понятия дискурса [11; 12; 21] определено, что дискурс можно понимать как особый язык или систему представления, социально разработанную с целью создавать и обмениваться мыслями на определенную тему, происходящую в рамках коммуникативного события или социального взаимодействия и включающую в себя совокупность специализированных знаний, специфический язык, используемый определенной социальной группой. Одной из наиболее актуальных форм дискурсивной практики в настоящий момент является академическое общение. Отмечается [16], что академическая коммуникация относится к институциональному типу дискурса, в котором содержание речи участников дискурса приводится в соответствие с коммуникативной целью, выполняет функции создания и распространения знаний, критического мышления и анализа, убеждения реципиентов в точке зрения продуцента, выражения отношения к научным фактам, а также репрезентации культурных и институциональных ценностей, норм и практик. В исследованиях [9; 13; 15], посвященных данной области речевого общения, академический дискурс представляется как способ мышления и использования языка, который функционирует в академическом сообществе и подразумевает необходимость универсального набора навыков и стратегий, специальных синтаксических конструкций, общенаучного лексикона, типичных риторических функций, характерных для академического языка в целом. Современное развитие академического дискурса акцентирует внимание на способность эффективно взаимодействовать в межкультурной коммуникации на английском языке в сфере высшего образования, что предполагает изучение функциональных возможностей естественного языка в устной и письменной речи. Можно отметить значимость прескриптивного подхода, предполагающего понимание структурных, риторических и стилистических норм академической коммуникации в плане использования лексических и грамматических средств языка, которые можно «отнести к коммуникативным ресурсам, которые облегчают понимание» [1, с. 135]. Одновременно с этим

формирование профессионального академического языка, по нашему мнению, невозможно без использования в речи продуцента вариативных дискурсивных единиц, влияющих на его речевое поведение в разнообразных стратегиях речевого воздействия [5] и наблюдающий явления в реальной речи коммуникантов [20]. Из чего можно заключить, что язык академического дискурса проявляется не столько в нормативности, сколько в интенсификации речевого воздействия посредством функциональных возможностей естественного языка в речи коммуникантов.

В рамках данного исследования изучаются деривации как особо значимые единицы языка в контексте структурно-семантических и коммуникативных особенностей академического дискурса. Как нам видится, понимание форм и функций таких вариаций необходимо для продуктивного порождения и распространения научных знаний, оказания положительного речевого воздействия, что улучшает ясность высказывания продуцента, решает проблему адекватного восприятия.

В этой связи необходимо обратиться к рассмотрению понятия дискурсивных маркеров. В зарубежной литературе [7; 14; 18] отмечается, что в академическом дискурсе приобретают значимость дискурсивные маркеры как прагмалингвистическое средство языка, которое характеризуется отсутствием пропозиционального значения и высокой степенью рекуррентности, выполняет дейктическую, интерактивную, экспрессивную и логико-смысловую функции в соответствующих академическому дискурсу стратегиях и тактиках речевого воздействия. Отметим, что типология дискурсивных маркеров в лингвистике до сих пор четко не определена, эти единицы речи могут быть представлены всеми частями речи и их морфологическими модификациями (деривациями) на основе различных словообразовательных механизмов. Деривации как «особая форма функционирования слова (функционирования с модификацией)» [6], на наш взгляд, способствует образованию таких дискурсивных маркеров, которые позволяют структурировать наиболее существенные мысли в излагаемом материале, формировать основные пропозиции и переходные моменты в изложении. Как мы предполагаем, деривативные дискурсивные маркеры, находящиеся в фокусе настоящего исследования, не только выполняют в дискурсе прагматическую функцию и организуют логико-смысловое изложение материала, но и реализуют семантическую функцию – объективируют смысл концепта в определенном контексте.

Материалы и методы

Материалом исследования стали лексико-грамматические формы существительных, прилагательных и глаголов, выполняющие роль дискурсивных маркеров. Процесс исследования проводился в несколько этапов. Вначале методом сплошной выборки отобраны 50 наиболее частотных словообразовательных основ, представленных в источнике [10] и 37 лексем из словаря [19], релевантных академическому взаимодействию. Далее были сформированы дискурсивные маркеры с использованием словообразовательных средств грамматики английского языка. Затем на базе полученных дериваций методом интроспекции представлены примеры употребления образованных лексем в академической коммуникации. Методы контекстного и семантического анализа позволили выявить и описать функции деривативных дискурсивных маркеров как инструментов языка, формирующих воздействующий потенциал речи.

Результаты исследования и обсуждение

Объектом нашего научного рассмотрения в данной статье является изменение языковой единицы, ориентированное на переход в категорию дискурсивного маркера, через обращение к таким способам словообразования английской грамматики, как аффиксация (префиксация и суффиксация), конверсия, сложение основ, аббревиация, позволяющих модифицировать семантику языковой единицы и объективи-

ровать ее функцию в стратегиях и тактиках академической коммуникации. Предполагается, что деривации могут объективироваться в таких тактиках стратегии убеждения, как информирование, доказательное аргументирование, оценочные суждения и избегание абсолютизации утверждений, оценочные суждения.

Проиллюстрируем и опишем функции деривативных дискурсивных маркеров как средств речевого воздействия в соответствии с перечисленными способами словообразования с помощью специально сконструированных нами языковых выражений научной-популярной тематики, релевантных академическому взаимодействию.

Аффиксация

Демонстрация функций дискурсивных маркеров, образованных способом префиксации и суффиксации, произведена с использованием отобранных словообразовательных основ исследования [9].

(1) *accessibility* – ***inaccessibility***

*The **inaccessibility** of certain areas in the ocean makes it difficult for scientists to study deep-sea creatures* – существительное ***inaccessibility*** с абстрактным значением указывает на состояние (недоступность) места действия.

(2) *achieve* – ***overachieve***

*The student's desire **to overachieve** resulted in burnout and decreased performance* – смысловой глагол ***to overachieve*** указывает на оценку действия субъекта, чрезмерную степень труда.

(3) *acquire* – ***reacquire***

*The lab **reacquired** new equipment after their old devices malfunctioned* – смысловой глагол ***reacquired*** с акцентом на вынужденный характер действия выражает иллюкативное смягчение пропозиции.

(4) *adapt* – ***maladapt***

*Climate change has caused many species **to maladapt** to their changing environments* – смысловой глагол ***to maladapt*** указывает на утверждение негативности результата действия в доказательном аргументировании.

(5) *category* – ***subcategory***

*When conducting experiments, it is important to break down your data into specific **subcategories** in order to identify any significant patterns or trends* – существительное ***subcategories*** уточняет при информировании необходимость дискретного систематического подхода.

(6) *definite* – ***definiteness***

*The **definiteness** of mathematical concepts is what makes them so powerful and useful* – существительное ***definiteness*** с функцией абстракции в тактике информирования служит для обозначения качества или состояния определенности, указывает на точность математических понятий.

(7) *depress* – ***depression***

*Don't let the **depression** of a challenging problem deter you from discovering its solution* – отглагольное существительное ***depression*** указывает реципиенту на продолжение поиска решения проблемы.

(8) *transform* – ***transformation***

*The **transformation** of a function can reveal important insights about its behavior* – деривативная форма абстрактного существительного ***transformation*** используется для убеждения, позволяя подчеркнуть потенциал преобразования.

(9) *detect* – ***detector***

*The **detector** is a crucial tool in experimental physics, allowing us to measure and analyze data* – существительное ***detector*** с функцией актора, реализующего действие, акцентирует внимание реципиента на предмете пропозиции, обозначая

устройство, применяемое для обнаружения или измерения определенных типов данных в экспериментальной физике.

(10) *discipline – disciplinarian*

*Understanding various perspectives and theories allows us to critically analyze societal issues without being confined by a rigid **disciplinarian** approach* – прилагательное **disciplinarian** выражает оценочное суждение о рисках ограниченного подхода к изучению общественных проблем.

Из проведенной нами интерпретации представленных примеров можно предварительно заключить, что приставки и суффиксы с разными грамматическими значениями модифицируют смысл словообразовательной основы, образуя с ней семантическое единство. Таким образом, образованные с помощью аффиксации дискурсивные маркеры приобретают новую семантику и выступают средствами речевого воздействия в персуазивных стратегиях академического дискурса.

Примеры функционирования неконвенциональных дискурсивных маркеров, а также лексем, образованных с помощью конверсии и сложения основ, приведем на основе словаря [19]. Отметим, что неконвенциональные словоформы с коннотативным значением, образованные, например, добавлением к лексеме суффикса *-ate* с экспрессивным языковым значением повышения интенсивности действия, обладают более значительным воздействующим потенциалом, чем прототип.

(11) *delimit – delimitate*

*Linguistic analysis can help **delimitate** the boundaries between different dialects or languages* – глагол **delimitate** акцентирует внимание на точном определении границ между различными диалектами и языками.

(12) *interpret – interpretate*

*Psychologists **interpretate** the results of cognitive tests to diagnose and remediate learning disorders* – глагол **interpretate** подчеркивает необходимость действия психологов по проведению оценки когнитивных тестов для анализа и вынесения оценочных суждений на основе полученных результатов.

(13) *register – registrate*

*Socio-linguistic researchers **registrate** the use of slang and jargon in specific sub-cultures* – глагол **registrate** фокусирует внимание на последовательности действий социолингвистов.

Конверсия

В представленных ниже примерах отметим, что использование словоформы-существительного интерпретируется для указания на явление или предмет в речи, а словоформа-глагол является маркером, фокусирующим внимание на действии.

(14) *light (n) – to light (v)*

*The growth of plants requires the use of **light** to photosynthesize, therefore it is crucial **to light** them adequately.*

(15) *pattern (n) – pattern (v)*

*We **pattern** the hydraulic system after the ocean currents which move in a cyclical **pattern**, creating a cycle of progression.*

(16) *study (n) – study (v)*

*A natural philosopher working in his **study** could not know that in the future those who **study** genetics would reveal traits passing down from one generation to the next.*

(17) *model (n) – to model (v)*

*The scientist used a **model** to demonstrate the effects of climate change and **model** the dynamic of rising temperature.*

(18) *cradle (n) – to cradle (v)*

*Ancient Greece was the **cradle** of Western intellectual tradition, and we realize nowadays that Greek city-states **cradled** such giants as Socrates, Plato, Aristotle, and a plethora of others.*

Поясним, что конверсия как способ словообразования, подразумевающий изменение частеречной принадлежности без изменения формы, позволяет слову при переходе от одной части речи к другой приобретать дополнительное коннотативное значение и, как нам видится, развивать персуазивный потенциал лексемы.

Сложение основ

Определено, что сложение основ как тип словообразования, при котором две или более основы объединяются для создания новой лексемы, имеющей составное значение, обладает экспрессией, поскольку может создавать слова с более конкретным или обобщенным значением, чем прототипы, что позволяет добиться большей точности в общении.

(19) *brain (n) + storm (n) = brainstorm (n)*

*Before we begin the project, let's take a few minutes to have a **brainstorm** ideas together* – составное существительное, объединяющее семантику словообразовательных основ, лаконично указывает на процесс деятельности.

(20) *back (adj)+ground (n) = background (n)*

*Let me provide some **background** on the history of astrospce exploration*– существительное метафорично маркирует абстрактное явление.

(21) *head (n)+ first (adv) = headfirst (adv)*

*I encourage you to dive **headfirst** into your research and experiments* – сложное наречие образно указывает на степень выраженности действия.

(22) *under (prep)+ tone (n) = undertone (n)*

*There is an **undertone** of excitement in the scientific community about the potential of this new discovery* – существительное с оценочным коннотативным значением выражает субъективное мнение о вспомогательных смыслах слова.

(23) *long (adj)+lasting (adj) = long-lasting (adj)*

*The technology used in astrospce missions has a **long-lasting** impact on our understanding of the universe* – прилагательное сигнализирует об экспликации долгосрочного влияния новых технологий на астрономические исследования.

Аббревиация

По нашему мнению, речевое воздействие аббревиатур обусловлено их способностью оптимально обозначать объемные понятия, что делает коммуникацию более эффективной. При этом заметим, что точное употребление аббревиатуры и обеспечение понимания подразумевает отражение в дискурсивном маркере известных реципиенту понятий из его концептуальной базы.

(24) *English as a Foreign Language – IBE, International Bureau of Education – NABE, National Association for Bilingual Education – LEP, Limited English Proficient – EFL.*

*For our **EFL** students, I encourage you to practice **STEM** vocabulary and terminology to improve your language proficiency. Through partnerships with organizations such as **IBE** and **NABE**, we can ensure that **STEM** education is accessible to **LEP** students.*

Представленные выше языковые элементы, как нам видится, формируют «<...> целостную картину пространства профессиональной коммуникации путем создания конструкций, “овеществляемых” определённой системой символов и выражаемых посредством языковых единиц» [3, с. 16]. По представленным примерам можно заключить, что в дискурсе исходные лексемы, являющиеся основой для деривации, не всегда позволяют оптимизировать сообщение мысли. В этом случае, на наш взгляд, следует прибегать к деривациям, уточняющим смысл высказывания за

счет привнесения новых семем в концептуальное поле реципиента и обеспечивающим эффективность процесса коммуникации, объективируя и выявляя скрытые смыслы, тем самым эффективно выполняя эпистемологическую роль в соответствии с прагматической спецификой ситуации академического общения.

Заключение

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам. Различные способы словообразования (на примере английского языка) обуславливают активность применения деривативных дискурсивных маркеров в академической коммуникации, целью которой обозначена эпистемологическая функция образования. Переход языковой единицы в категорию дискурсивного маркера посредством деривации позволяет изменить ее функционирование в речи, активизировать воздействующий потенциал благодаря корректной интерпретации пропозиционального содержания сообщений с целью достижения взаимопонимания. В работе нами обозначены некоторые функции деривативных дискурсивных маркеров в академическом дискурсе, образованные в соответствии с указанными способами словообразования.

- *Аффиксация*: маркер привносит дополнительный смысл в высказывание (отрицание, абстрагирование, уточнение), неконвенциональные деривации обладают потенциалом для развития иллокутивной силы образованной леммы.
- *Сложение основ*: составные слова обладают комплексной семантикой, что служит фактором коммуникативной точности в дискурсе.
- *Конверсия*: персуазивный потенциал деривативных лексем, активизируется дополнительным коннотативным значением, развивающим основное значение пропозиции.
- *Аббревиация*: аббревиатуры выполняют в речи функцию емкого выражения сложносоставных концептов и опоры на понятийную базу реципиента.

Следует заметить, что в настоящем исследовании мы не претендуем на выявление полного списка деривативных дискурсивных маркеров в академическом взаимодействии, так как в рамках статьи описание полного числа производных языковых единиц не представляется возможным. Однако зафиксированные и описанные в практическом применении деривации позволяют репрезентировать их результирующий функциональный потенциал как вербальное средство речевого воздействия.

Выводы, полученные в результате исследования, позволяют расширить представление о функциональных возможностях дериваций в дискурсе, вносят вклад в теорию речевого воздействия, прогнозируют дальнейшее развитие исследований естественного языка.

Список источников и литературы

1. *Зубкова О. С.* Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2008. Т. 1, № 5 (19). С. 127–135.
2. *Зубкова О. С.* Диалектика амбивалентного языкового знака с позиции лингвосемиотической деривации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 22–26. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-004.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).
3. *Зубкова О. С.* Метафорическое моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков с использованием тропеической лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 1 (20). С. 16–21. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

4. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, № 4. С. 83–93.
5. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 342 с.
6. *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: русский язык* / ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. М.: Флинта: Наука. 2014. Т. 1. 842 с.
7. Ali A. I., Salih S. M. A Taxonomy of Mitigation Devices in English Language // *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 3, № 1. P. 31–40.
8. Anderson S. R. Synchronic versus diachronic explanation and the nature of the language faculty // *Annual Review of Linguistics*. 2016. Vol. 2. P. 11–31.
9. Biber D. *University Language: A Corpus-Based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam: Benjamins. 2006. 261 p.
10. Coxhead A. A New Academic Word List // *TESOL Quarterly*. 2000. № 34 (2). P. 213–238.
11. Fiske J. *Television Culture: Popular Pleasures and Policies*. London ; New York: Routledge, Taylor & Francis e-Library. 2001. 353 p.
12. Flowerdew J. *Discourse in English Language Education*. London ; New York: Routledge. 2013. 230 p.
13. Flowerdew L. Language for Specific Purposes: English for Academic Purposes. *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 1–7.
14. Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of pragmatics*. 1999. Vol. 31. № 7. P. 931–952.
15. Herrmann J. B. *Metaphor in Academic Discourse: Linguistic Forms, Conceptual Structures, Communicative Functions and Cognitive Representations: Dissertation, Doctor of Philosophy in Linguistics*. Vrije University of Amsterdam. 2013. 361 p.
16. Hyland K. *Academic discourse: English in a global context*. A&C Black, 2009. 226 p.
17. Laws J., Ryder C., Jaworska S. A diachronic corpus-based study into the effects of age and gender on the usage patterns of verb-forming suffixation in spoken British English // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2017. Vol. 22, № 3. P. 375–402.
18. Matei M. Discourse markers as functional elements // *Bulletin of the Transylvanian University of Brasov*, 2010. Vol. 3, № 52. P. 119–126.
19. *Oxford Learner's Dictionary [OLD]*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> .
20. Pinker S. *The sense of style: The thinking person's guide to writing in the 21st century*. Penguin Publishing Group, 2015. 368 p.
21. Van Dijk T. A. Discourse, context and cognition // *Discourse studies*. 2006. Vol. 8, № 1. P. 159–177.

References

1. Zubkova, OS 2008, 'Medicinskaya metafora kak rezul'tat kul'turnoy fiksatsii v meditsinskoy terminologii' (Medical Metaphor as a Result of Cultural Fixing in Medical Terminology), *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol.1, no.5 (19), pp. 127–135. (In Russ.)
2. Zubkova, OS 2012, 'Dialektika ambivalentnogo yazykovogo znaka s pozitsii lingvosemioticheskoy derivatsii' (Dialectics of an ambivalent linguistic sign from the position of lingvosemiotic derivation), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2 (12), pp. 22–26, viewed 12 July 2023, <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-004.pdf> (In Russ.)
3. Zubkova, OS 2016, 'Metaforicheskoye modelirovaniye sovremennogo kommunikativnogo prostranstva professional'nykh yazykov s ispol'zovaniyem tropeicheskoy leksiki' (Metaphorical modelling of modern communicative space of professional languages using tropeic lexicon), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no.1 (20), pp. 16–21, viewed 12 July 2023, <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (In Russ.)
4. Chernyavskaya, VE 2017, 'Operatsionalizatsiya konteksta v diskursivnom analize' (Operationalization of Context in Discourse Analysis), *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 9, no. 4, pp. 83–93, doi: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93 (In Russ.)

5. Shelestyuk, EV 2014, *Rechevoye vozdeystviye: ontologiya i metodologiya issledovaniya* (Speech influence: an ontology and research methodology), FLINTA publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Tikhonov, AN & Hashimov, RI (eds.) 2014, *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvistskikh terminov i ponyatij: russkiy yazyk* (Encyclopedic Dictionary of Linguistic Terms and Concepts: Russian Language), vol.1, FLINTA publ, Nauka publ, Moscow, (In Russ.)
7. Ali, AI & Salih, SM 2020, 'A Taxonomy of Mitigation Devices in English Language', *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*, vol. 3, no. 1, pp. 31–40.
8. Anderson, SR 2016, 'Synchronic versus diachronic explanation and the nature of the language faculty', *Annual Review of Linguistics*, vol. 2, pp. 11–31.
9. Biber, D 2006, *University Language: A Corpus-Based Study of Spoken and Written Registers*, Benjamins publ, Amsterdam.
10. Coxhead, A 2000, 'A New Academic Word List', *TESOL Quarterly*, no. 34 (2), pp. 213–238.
11. Fiske, J 2001, *Television Culture: Popular Pleasures and Policies*, Routledge, Taylor & Francis e-Library publ, London, New York.
12. Flowerdew, J 2013, *Discourse in English Language Education*, Routledge publ, London, New York.
13. Flowerdew, L 2012, 'Language for Specific Purposes: English for Academic Purposes', *The Encyclopedia of Applied Linguistics*, Wiley-Blackwell publ, Oxford, pp. 1–7.
14. Fraser, B 1999, 'What are discourse markers?', *Journal of pragmatics*, vol. 31, no.7, pp. 931–952.
15. Herrmann, JB 2013, *Metaphor in Academic Discourse: Linguistic Forms, Conceptual Structures, Communicative Functions and Cognitive Representations*, PhD thesis, VU, University of Amsterdam publ, Amsterdam.
16. Hyland, K 2009, *Academic discourse: English in a global context*, A&C Black publ, London.
17. Laws, J, Ryder, C & Jaworska, S 2017, 'A diachronic corpus-based study into the effects of age and gender on the usage patterns of verb-forming suffixation in spoken British English', *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 22, no. 3, pp. 375–402.
18. Matei, M 2010, 'Discourse markers as functional elements', *Bulletin of the Transylvanian University of Brasov*, vol. 3, no. 52, pp. 119–126.
19. *Oxford Learner's Dictionary*, viewed 4 July 2023, <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
20. Pinker, S 2015, *The sense of style: The thinking person's guide to writing in the 21st century*, Penguin Books publ, London.
21. Van Dijk, TA 2006, 'Discourse, context and cognition', *Discourse studies*, vol. 8, no. 1, pp. 159–177.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 19.09.2023

The article was submitted: 22.07.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 19.09.2023

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189>

СТРУКТУРНО-КОМПАРАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Екатерина Васильевна
Огольцева**

Московский государственный
педагогический университет
Москва, Россия
tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – анализ особых вариантов устойчивых сравнений (УС) – конструкций, эквивалентных инвариантным, но характеризующихся иными способами выражения компаративных отношений. Такие варианты автор вслед за В. М. Огольцевым именует «структурно-компаративными». Данное явление отличается как от традиционного варьирования, присущего фразеологическим единицам вообще (лексического, грамматического, словообразовательного видоизменения их компонентов), так и от грамматических модификаций устойчивых сравнений, связанных с изменением формы слова (словосочетания), образующего сравнительную часть. Объектом анализа являются два типа структурно-компаративных вариантов – «творительный сравнения» и конструкции с формами сравнительной степени прилагательных (наречий). Автор приходит к выводу, что обе сопоставляемые компаративные структуры отличаются от соответствующих инвариантных конструкций по целому ряду показателей: преобладанию качественного или количественного аспекта компаративной семантики; степени зависимости их речевого функционирования от исходной модели устойчивого сравнения и от слов-сопроводителей, с которыми оно употребляется; степени структурной гибкости, проявляющейся в возможностях авторской трансформации; степени фразеологичности. Структурно-компаративные варианты проявляются главным образом у тех УС, которые образованы по наиболее распространённой модели *mB*, где *m* – показатель компаративных отношений, а *B* – образ сравнения (единицы типа как волк, как туча, как молния). Они невозможны у тех компаративных фразеологизмов, которые в структуре сравнительной части содержат глаголы, субстантивированные прилагательные и причастия. Системное исследование всех проявлений варьирования в системе УС имеет не только теоретическую, но и практическую значимость; последняя связана с необходимостью уточнения понятия «норма» применительно к сфере компаративной фразеологии, с решением актуальной задачи обогащения лексикографической практики регулярным отражением структурно-компаративных вариантов, которые реально присутствуют в живой речи, подтверждая тезис о единстве и борьбе «стабильности» и «динамичности» как необходимого условия устойчивости фразеологической единицы.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративный фразеологизм, структурно-компаративный вариант, творительные сравнения, сравнительная степень, слово-сопроводитель, образ сравнения, основание сравнения.

Для цитирования: Огольцева Е. В. Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений в русском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 170–189. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189>

Сведения об авторе: *Е. В. Огольцева* – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, стр. 1.

© Огольцева Е. В., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189>

STRUCTURAL-COMPARATIVE VARIANTS OF FIXED SIMILES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Ekaterina V. Ogoltseva

Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
tertiumcomp@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze special variants of fixed similes - constructions equivalent to invariant ones, but characterized by other ways of expressing comparative relations. The author, following V. M. Ogoltsev, calls such variants "structural-comparative". This phenomenon differs both from the traditional variation inherent in phraseological units in general (lexical, grammatical, word-formative modification of their components), and from grammatical modifications of fixed similes associated with a change in the form of a word (phrase) that forms a comparative part. Two types of structure-comparative variants are the object of analysis: ablative similes and constructions with forms of the comparative degree of adjective (adverb). The author comes to the conclusion that both comparative structures differ from corresponding invariant structures in a number of indicators: the prevalence of the qualitative or quantitative aspect of comparative semantics; the degree of dependence of their speech functioning on the initial model of fixed simile and on the adjuncts with which it is used; the degree of structural flexibility, manifested in the possibilities of the author's transformation; degree of idiomaticity. Structural-comparative variants are manifested mainly in those similes that are formed according to the most common **mB** model where **m** is the comparative relationship index, **B** is the comparison image (units *kak volk* (like a wolf), *kak tucha* (like a cloud), *kak molniya* (like lightning)). They are impossible for those comparative phraseological units that contain verbs, nominalized adjectives and participles in the structure of the comparative part. A systematic study of all manifestations of variation in the fixed similes system has not only theoretical, but also practical significance; the latter is connected with the need to clarify the concept of "norm" in relation to the field of comparative phraseology, with the solution of the actual task of enriching lexicographic practice by regularly reflecting structural and comparative options that are actually present in live speech, confirming the thesis about the unity and struggle of stability and dynamicity as necessary condition for the stability of a phraseological unit.

Keywords: fixed simile, comparative phraseological unit, structural-comparative variant, creative comparison, ablative similes, adjunct, image of comparison, base of comparison.

For citation: Ogoltseva, EV 2023, 'Structural-comparative Variants of Fixed Similes in the Russian Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 170–189, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina V. Ogoltseva* – Associate Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia

Введение

В системе устойчивых сравнений¹ широко распространены разные виды варьирования, затрагивающего все компоненты воспроизводимой компаративной структуры: А (предмет сравнения, или объект образной характеристики); В (образ сравнения), С (признак-основание) и m – показатель компаративных отношений. Особенно значимым для анализа проявлений системности в сфере УС является варьирование компонента В, которое может быть 1) лексическим: как *львиная* [*лошадиная, конская*] *грива*, как *затравленный* [*загнанный*] *волк*, как *в парилке* [*парной*]; 2) грамматическим: как *под венец* (*к венцу*), как *из* (*после*) *бани*, как *именинник* (*именинница*); 3) словообразовательным: как *ангел* (*ангелочек*), как *заря* (*зорька*); как *пуговица* (*пуговка*)². Особым проявлением варьирования структуры устойчивого сравнения являются факультативные компоненты: как <*железным*> *обручем*, как *иголка* <*в стогу*>, как *в* <*бездонную*> *пропасть*, как <*цыганский*> *табор*, как *дважды два* <*четыре*>.

Исследование варьирования в сфере фразеологии имеет давнюю историю и ознаменовано многими глубокими идеями и открытиями прошлого. Важность научного анализа пределов варьирования во фразеологии подчеркивал Н. М. Шанский: «Различия фразеологических вариантов могут быть большими или меньшими, однако это всегда будут различия, не нарушающие тождества фразеологического оборота как такового» [18, с. 67]. (*Подчёркнуто нами.* – Е.О.). Вариативность – как бы пробный камень устойчивости, проверка фразеологизма на «прочность», о чём писал в частности А. В. Кунин [5, с. 145]. Большое значение для развития фразеологии и фразеографии имеют глубокие лингвофилософские по своей сути идеи В. Л. Архангельского о том, что 1) устойчивость фразеологической единицы определяется «совокупностью закономерных ограничений в выборе переменных» [1, с. 115–116]; 2) инвариант и варианты устойчивой фразы – яркое проявление диалектического взаимодействия «сущности» и «явления» [там же, с. 127]. Концепция В. Л. Архангельского получила блестящее продолжение в работах его последователей, в частности В.Т. Бондаренко, который неоднократно отмечал, что устойчивость как важнейший признак фразеологической единицы не исключает, более того, «предполагает вариабельность и частичную творимость УФ (*устойчивой фразы* – Е.О.) в живой речи. <...> УФ только потому и можно видоизменять, что каждый носитель языка знает их значение и структуру» [2, с. 7–8].

Особая широта и многообразие варьирования компонентов в сфере компаративной фразеологии связаны прежде всего со спецификой внутренней формы УС: она, как правило, «обнажена», то есть вполне очевидна. Хотя многие устойчивые сравнения и нуждаются в лингвокультурологических комментариях, мотивировка образного выражения, как правило, вполне ясна. Эта особенность отличает устойчивые сравнения от основной массы фразеологизмов – так называемых фразеологических сращения и фразеологических единств.

Проблема видоизменений отдельных компонентов в составе УС затрагивалась нами ранее (см. в частности: [11, с. 14–21]). В рамках настоящей статьи мы рассмотрим иной аспект структурно-семантической «динамичности»: варьирование компаративной «прототипической» модели в целом – так называемые структурно-компаративные варианты (далее СКВ): «Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений представляют собой конструкции, семантически эквивалентные инвариантным. Компаративные же отношения в них выражены не сравнительными союзами, а иными средствами (падежной, предложно-падежной формой существительного, сравнительной формой качественного имени прилагательного или относительным прилагательным» [9, с. 20]. По сравнению с варьированием отдельных компонентов, подобные варианты языкового выражения одного и того же ком-

паративного значения разными структурными моделями УС к настоящему моменту исследованы лишь фрагментарно.

Детальное изучение всех проявлений варьирования формы и семантики в системе компаративной фразеологии представляется нам чрезвычайно актуальным, прежде всего в связи с неутраченными дискуссиями по таким сложным вопросам, как фразеологическая норма, разграничение устойчивых сравнений и индивидуально-авторских, баланс устойчивости и динамичности как неотъемлемый признак высокой коммуникативной значимости того или иного класса языковых единиц.

Языковой материал и методы

В качестве основного источника языкового материала мы используем Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) [9]. Выбор этого лексикографического источника связан с целым рядом факторов.

1. Последовательно нормативный характер словаря (в словнике представлены только воспроизводимые единицы литературного языка: авторские сравнения, их трансформы, а также диалектный материал остаются за пределами лексикографического описания).

2. Алфавитно-гнездовой принцип расположения материала, что дает возможность отделить структурно-компаративные варианты от грамматических модификаций устойчивых сравнений.

3. Отражение парадигматических особенностей каждого УС, прежде всего многозначности и синонимии – семантических проявлений, тесно связанных с проблемой «вариантности».

В данном словаре мы обнаружили около 150 единиц, располагающих теми или иными структурно-компаративными вариантами УС. Отметим основные модели СКВ, получивших лексикографическое описание.

1) Компаративно-производные слова – прилагательные с семантикой образного сравнения (*сила как у быка – бычья сила; глаза как васильки – васильковые глаза*).

2) Конструкции с образом **В** в форме творительного падежа с предлогами «с» или «в» (*с коломенскую версту; с воробьиный нос; с булавочную головку*).

3) Конструкции с «творительным сравнения» (*смотреть волком, извиваться ужом*).

4) Конструкции с формой простой сравнительной степени прилагательного или наречия (*мрачнее тучи; страшнее чёрта*).

Следует отметить, что структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений так или иначе отражены в целом ряде других авторитетных лексикографических источников, в частности, в Словаре сравнений русского языка В. М. Мокиенко [7], что подтверждает правомерность их рассмотрения как вариантов выражения семантики образного сравнения, активно употребляющихся в русской речи наряду с основной «прототипической структурой».

От структурно-компаративных вариантов УС следует отличать грамматическое варьирование модели, связанное с морфологическими модификациями компонентов словосочетания, образующего сравнительную часть, например, как *магнит (магнитом) (тянуть, притягивать) – как (словно, точно) к магниту (тянуться, притягиваться); как пьяный (качается) – как пьяного (качает)*. Подробнее о грамматических модификациях образного ядра УС см. в нашей статье [10, с. 217–225].

Грамматические модификации компаративной структуры иногда приводят к существенному изменению основания сравнения, а следовательно, и синтагматических связей устойчивой единицы в целом: как *курёнка (задушить) – как курёнку (свернуть голову кому-л.)*; как *собака на цепи (сидеть где-л.) – как собаку на цепи*

(*держат* кого-л.); как *школьник* (*школьница*) (*вести себя*) – как *со школьником* (*школьницей*) (*обращаться, говорить*); как *родного* (*встретить, принять кого-л.*) – как *родному* (*обрадоваться*) – как *к родному* (*привязаться, привыкнуть к кому-л.*). Рассмотрим специфику подобного варьирования на примере.

УС как (словно, точно) ушат холодной [ледяной] воды употребляется в основном с глаголом-сопроводителем «подействовать» – ‘охлаждающе, умиряюще на кого-л. – сразу, мгновенно. О каких-л. предупредительных мерах воздействия на человека’ [9, с. 716]: *Угрозы подействовали, как ушат холодной воды... мамка приутихла и обещала под клятвою не говорить об этом боярину* (И. И. Лажечников «Басурман»). Однако в текстах нередко встречается и конструкция с творительным падежом (преимущественно в безличных конструкциях, с глаголами-сопроводителями «окатить», «обдать»): *Нет, – отрывисто сказал он [Пушкин] мне, – с тех пор как я женат, я в такие дела не езжу». Меня точно ушатом холодной воды обдало, я сконфузился, пробормотал что-то очень неловкое и стушевался за спиной моего отца <...>* (В. А. Соллогуб. Из «Воспоминаний»). Рассматривая подобные случаи на материале фразеологии в целом, В. Л. Архангельский относит их к морфологическим вариантам ФЕ; совокупность же таких модификаций учёный именуется «морфологической вариацией» [1, с. 128–129]. Отметим, кстати, что структура данного УС оказывается чрезвычайно гибкой: она подвержена и разнообразным авторским трансформациям. Ср.: «точно ушат холодной воды на голову» (М. Н. Полевой); «как будто на нас опрокинут ушат с водой» (Т. А. Сухотина-Толстая); «как из ушата холодной водой / окатил» (Г. Н. Троепольский); «на него как будто вылили ушат холодной воды» (И. А. Гончаров); «словно вылила на голову ушат холодной воды» (И. И. Бережной). Такие индивидуально-авторские трансформы также не являются объектом нашего анализа, поскольку в данном случае мы имеем дело с варьированием, выходящим за пределы языковой нормы.

Встречаются случаи, когда в семантической структуре одного устойчивого сравнения наблюдается несколько СКВ. К примеру, УС как (словно, точно) *гармошка* (*гармонь* – прост., *гармоника, гармония* – устар.) (значение ‘Складывать(ся), свертывать(ся), развёртывать(ся), растягивать(ся), собирать(ся) в равномерные крутые складки. О предмете, коже (преим. на лбу человека), о ткани, бумаге’ [9, с. 118–119]) может употребляться в двух вариантах: *складываться, собираться / гармошкой и собираться, складываться / в гармошку*. Разные СКВ могут быть связаны с разными значениями компаративного фразеологизма. В составе одного синонимического ряда могут быть устойчивые сравнения, располагающие структурно-компаративными вариантами и лишённые таковых.

В связи с этим представляется правомерным выбор анализа словарных дефиниций в качестве одного из ключевых методов анализа СКВ. Чтобы адекватно оценить варианты того или иного языкового феномена, необходимо обратиться к узаконенной традицией употребления постоянству связи между образом сравнения, объектом характеристики и признаком-основанием компаративной конструкции, иными словами, к анализу *инварианта*.

Другой метод, используемый нами в данной работе, – **контекстологический анализ**. Поскольку варианты УС реализуются в условиях конкретных речевых актов, необходимо установить возможности употребления того или иного СКВ в речи и те потенциальные семантические изменения, с которыми неизбежно сопряжено любое изменение формы. Источником текстовых фрагментов послужила картотека вышеназванного словаря.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим лишь две разновидности подобных вариантов УС: 1) так называемый творительный сравнения (*борода лопатой*) – в

словаре зафиксировано около 130 подобных единиц и 2) конструкции с компаративом в роли основания сравнения и формой родительного падежа существительного в функции образа сравнения (*мрачнее тучи*) – 15 единиц. Эти конструкции объединяет следующая общая особенность: в состав воспроизводимой части входит не один обязательный компонент (В), а два: это либо образ сравнения (В) и предмет образной характеристики (А), либо основание сравнения (С) и образ (В). Иными словами, подобные конструкции являются двухэлементными: *легче птички, стоять ферттом* (СВм), *борода лопатой, волосы ёжиком* (АВм).

Выбранные нами модели УС неравноценны в плане возможностей варьирования. Структурно-компаративные варианты с компаративом (типа *ласковее кошки*) характерны преимущественно для устойчивых сравнений с нераспространенным компонентом В-существительным, то есть для УС, построенным по простейшей модели тВ, где образ сравнения – форма именительного падежа имени существительного: *как волк, как птица, как туча* и проч. Творительный сравнения – более подвижная структура: он может выступать в качестве структурно-компаративного варианта модели тВВ, где в – компонент, синтаксически связанный с элементом, выражающим образ сравнения В, по типу управления или согласования (ср. *как бельмо на (в) глазу – бельмом на глазу; как затравленный волк – затравленным волком (глядеть)*).

Вообще стоит отметить, что синтаксическое распространение сравнительной части (то есть воспроизводимой конструкции тВ) – существенное препятствие для варьирования компаративной модели. Так, УС отмеченной выше модели тВВ менее располагает к структурно-компаративному варьированию, нежели модель тВ, независимо от того, выступают ли в качестве «распространителей» в согласованные определения или формы косвенных падежей существительных: *как смертный грех; как водовозная [старая, загнанная, измученная, разбитая] кляча; как дерьмо в проруби, как с гуся вода*.

Не имеют структурно-компаративных вариантов УС, построенные по следующим моделям.

- **тв, где в** – существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога: в предложном – *как в гостях, как на вокзале, как на вулкане*; в родительном – *как у волка (волчицы)*; в дательном – *как по волшебству*; в винительном – *как гадину, как на врага*; в творительном – *как под гипнозом*.

- **тВ, где В** – прилагательное или причастие в им. п. (иногда – с зависимыми компонентами): *как деревянный, как каменный, как вкопанный; как в воду опущенный, как врытый <в землю>*.

- **УС с компонентом В – безличным глаголом** (при котором иногда есть зависимое существительное: *как водой смыло; как ветром сдуло*).

- **УС с компонентом В – спрягаемой формой глагола** (при которой иногда есть зависимые именные компоненты): *как пишет, как воскрес <из мертвых>, как в рот воды набрал, как в воду канул; как воз везёт, как в котле кипеть, как метлой мести (выметать)* и проч.

Ход и результаты анализа **а) «Творительный сравнения»**

«Творительный сравнения» давно привлекает внимание как грамматистов, так и фразеологов (разные аспекты этого феномена интересовали А. А. Потемню, А. В. Исаченко, М. И. Черемисину, Е. В. Скворецкую, Р. Мразека, А. А. Зализняк, Е. В. Рахилину и мн. др.). Его семантическим и синтаксическим особенностям посвящена фундаментальная работа чешского лингвиста Р. Мразека [8]. Исследователи, занимающиеся проблематикой сравнения, рассматривают творительный падеж как полноценную часть системы компаративных конструкций русского языка – их

«деривационной парадигмы» [18]. Ю. Ю. Ушакова в своей докторской диссертации наряду с прочими «компаративными тропами» рассматривает падежные формы существительных с компаративной семантикой, в том числе творительный сравнения. Вслед за своими предшественниками (см. в частности [17]) она особо подчеркивает генетическую связь творительного сравнения типа *обвиться змеей* с «творительным превращения (метаморфозы)». [12, с. 28] Учёные уделяют внимание семантике глаголов, при которых обычно употребляется «творительный сравнения» [6, с. 10], и многим другим частным проблемам. Наименее исследованными аспектами, на наш взгляд, являются специфика этой компаративной модели в сопоставлении с другими СКВ и её анализ на фоне основной, «прототипической структуры» (УС с союзами *как, словно, точно*).

Иногда конструкция с творительным падежом употребляется при существительном, выражая не образ действия, а качественную характеристику конкретного предмета по форме, местоположению, конфигурации и проч. (в том числе части тела человека или животного: *борода венником, борода лопатой, нос крючком, губы бантиком, нос картошкой, нос кнопкой (кнопочкой), уши лопухами*. Подобные структуры, как правило, не требуют экспликации основания сравнения в силу его очевидности. Однако в абсолютном большинстве случаев «творительный сравнения» встречается с проводителями-глаголами: *торчат / бельмом на (в) глазу; сидеть, жить / бирюком; сидеть, смотреть / букой; вертеться, крутиться / волчком; мчаться, нестись / вихрем; смотреть / волком* и мн. др.

Если сравнения, реализующие структурно-компаративный вариант модели АВm (*брови домиком, нос крючком, хвост трубой*), используются в основном для выражения эталонов формы, а также расположения объекта образной характеристики в пространстве, характеризуя внешний вид человека или животного, то сравнения модели СВm выражают, как правило, движение человека или животного, поведение, образ жизни или состояние человека, реже свойства и состояние конкретных предметов и веществ: *молнией (мчаться), мелким бесом (витья, рассыпаться, увиваться), отшельником (жить), волком (выть; смотреть), золотом (блестеть, сверкать)*.

Творительный сравнения обычно проявляет себя как вариант прототипической модели с образом сравнения в форме именительного падежа. Отметим относительно редкие случаи нарушения этой тенденции: **как на карусели** ‘Кружиться, крутиться, вертеться. О ком-то или чем-л., перемещающемся по кругу. **Каруселью** – кружиться, вертеться’ [9, с. 243]; **как кость в горле [поперек горла]** ‘Быть для кого-л., встать, становиться кому-л. досадной помехой, трудно преодолимым препятствием. **Костью в горле (поперек горла)** – быть, стоять’ [там же, с. 281]; **как мокрая курица** ‘Находиться в удрученном, подавленном состоянии; быть неэнергичным, вялым, безынициативно-беспомощным (презр.). **Мокрой курицей** – держаться, выглядеть’ [там же, с. 308–309].

Если основание устойчивого сравнения выражено только именами прилагательными (то есть среди слов-проводителей нет глаголов), то структурно-компаративный вариант «творительного сравнения» в принципе невозможен: **как (словно, точно) гранит** ‘1. Твердый, крепкий, прочный. О веществе, предмете. <...> 2. Перен. Твёрдый, крепкий, непоколебимый, стойкий. О моральных силах, воле, убеждениях человека’ [там же, с. 135]. Ср. также: *как (словно, точно) грач (черный); как дерево (твердый, жесткий)* и т. п.

Чаще всего и УС основной модели, и его СКВ в форме творительного падежа употребляются с одними и теми же проводителями. Так, устойчивое сравнение *как вихрь* употребляется с проводителем-прилагательным «быстрый», с глаголами «лететь / летать», «перелететь / перелетать», «полететь», «влететь / влетать»,

«вылететь / вылетать», «нести / понести», «уносить», «носиться», «взвиться / взвиваться», «мчаться / промчаться», «умчаться», «ворваться / врываться», «метаться», «крутиться». Согласно словарю это сравнение может употребляться в форме творительного падежа в двух значениях: **Как (словно, точно) вихрь** '1. *Нестись, лететь, мчаться; влетать, врываться* куда-либо. Двигаться, передвигаться с очень большой скоростью. О человеке, животном, средстве передвижения. **Вихрем – мчаться, нести, лететь; влетать, врываться**; 2. **Налетать** на кого-л. – с руганью, угрозами, агрессивными действиями. **Вихрем – налетать** [9, с. 93–94.]. Как видим, конструкция с творительным падежом встречается в текстах примерно с тем же набором слов-сопроводителей. Однако отличие от УС как *вихрь*, которое допускает и употребление с прилагательным «быстрый», «творительный сравнения» – застывшая адвербиализованная форма имени, употребляющаяся исключительно с глаголами.

Стоит отметить, что цельноформленная структура выражает более высокую степень интенсивности признака: <...> *В соседних комнатах раздавались взрывы неудержимого молодого веселья или звуки балалаек, и по временам через гостиную мчалась, как вихрь, толпа юнцов и юниц* (А. Ф. Кони «Воспоминания о писателях»); *Показывали гравюры их приятельницы, художницы Кэте Кольвиц. «Крестьянская война», – испуганная толпа с косами, топорами, вилами мчится вихрем, сзади горят здания* <...> (В. В. Вересаев «Невыдуманные рассказы о прошлом»).

Структурно-компаративный вариант с творительным падежом по сравнению с прототипической структурой характеризуется и более высокой степенью уподобления. Это связано с тем, что образ и показатель сравнения выражены «синтетически», в одной словоформе: в «творительном сравнения» показателем компаративных отношений является бывшая флексия адвербиализованного существительного -ом/-ем; -ой/-ей.

Иными словами, для «творительного сравнения» характерна более высокая степень фразеологизации, чем для структуры с союзом «как». Она представляет собой форму более «окостенелую» именно в связи с цельноформленностью структуры. Раздельноформленная конструкция более гибка, подвержена варьированию, что способствует оживлению образа, его предметной, вещной наглядности в сознании читателя (слушателя). Так, самостоятельное выражение показателя компаративных отношений (союза) влечет за собой возможность выражения разных модальных оттенков: *Тревожно-мучительные думы овладели Зинаидой Павловной и, точно вихрь, закружились в её голове* (А. И. Куприн «Впотьмах»); *Я пустился домой; в моей душе был восторг. Всё мелькало в уме, как вихрь, а сердце было полно* (Ф. М. Достоевский «Подросток»). Союз «точно» дает возможность «сблизить» предмет и образ сравнения и несколько ослабить автоматизм восприятия устойчивого сравнения. Такому оживлению образа способствует и авторские трансформы, связанные с распространением существительного, выражающего компонент В, причем эту задачу выполняют не только полнозначные определения (прилагательные или причастия), но и указательные местоимения: *Мгновенно, как тот вихрь, налетела на него любовь*. (И. С. Тургенев «Вешние воды»). «Тот вихрь» – это, во-первых, намек на некое личное, очень субъективное воспоминание персонажа или рассказчика, а во-вторых, «тот» – значит, настоящий вихрь, явление природной стихии, который читателю предлагают представить для выражения силы и внезапности чувства, нахлынувшего на героя. Примерно ту же функцию может выполнять и неопределенное местоимение (с опущенным «постфиксом неопределённости»): – *Неприветливый, никогда не улыбнёшься, доброго слова не скажешь, немилостивый, словно зверь какой... Ишь какое лицо! А что народ про тебя*

рассказывает, горе ты моё! (А. П. Чехов «На мельнице»). Всех этих возможностей «творительный сравнения» не имеет, точнее, он в них не нуждается – данная конструкция «специализируется» на выражении высокой степени проявления признака и предельной степени уподобления: Мысли **вихрем кружились** у меня в голове (П. А. Кропоткин «Записки революционера»). «Вихрем» кружились – прежде всего «быстро, стремительно» (а также «беспорядочно», «хаотично», однако это уже второстепенные признаки).

Важно отметить, что выбор того или иного структурно-компаративного варианта во многих случаях сопряжён с выбором той или иной синтаксической конструкции. Так, модель **как огонь** (*жжет*) не может употребляться в безличной конструкции, а для «творительного сравнения» такое употребление вполне возможно: **огнём** (*жгло*) кого-либо.

При многозначности УС структурно-компаративные варианты проявляются очень избирательно и прихотливо. Так, компаративный фразеологизм **как (словно, точно) волк** имеет шесть значений, однако варианты с творительным падежом отмечены только в четвертом значении ('4. **Смотреть, глядеть на кого-л.** – недоверчиво, злобно; коситься') и в шестом ('6. ~ <голодный> ~ – **Быть.** Горько выражать свои жалобы, страдания, переживания' [9, с. 103–104]: *Муж её, человек порядочный, хороший семьянин и любящий супруг, как принято выражаться, смотрит на нас волком* (Ю. Герман «Дело, которому ты служишь»); – *А вот погодите, батенька, узнаете нашу публику, так волком вззоете! Мы давеча вот с вами обедали с предводителем, а это такой гусь... Впрочем, увидите сами...* (М. П. Чехов «Судьба»). Любопытно, что в обоих случаях более употребительным вариантом оказывается именно конструкция с творительным падежом.

Текстовый материал подтверждает уже отмеченную нами закономерность: в отличие от «творительного сравнения», УС со значением «смотреть, глядеть» часто встречается в преобразованном виде: «оглядывался, как волк» (М. А. Булгаков), «озирается, как волк» (Л. Н. Толстой), «глядел исподлобья, как волк» (Д. Н. Мамин-Сибиряк), «косится исподлобья, как волк» (Л. Н. Толстой). Очевидно, что раздельно оформленная структура дает больше возможностей в плане варьирования основания сравнения и конкретизации его образной основы. Зато структура с творительным падежом четко, недвусмысленно и вместе с тем предельно экспрессивно выражает вполне конкретные признаки взгляда: «злобно и недоверчиво».

Другой яркий пример, когда вариант с творительным падежом встречается гораздо чаще, – УС **как (словно, точно) волчок** (1.1. **Вертеться, кружиться, крутиться** на одном месте. О человеке, животном, предмете; <...> 1.3. **Вертеться, крутиться, кружиться.** Быть в постоянных хлопотах, заботах, работе' [9, с. 105–106] (соотношение примерно 1:2). «Творительный сравнения» употребляется в тех же двух функциях: *Пушкин, как всегда бывало, когда её не было, несколько раз вертелся волчком и произвольно оглядывался, искал её* (Ю. Н. Тынянов «Пушкин»); *Сам на полный износ работаешь и других толкаешь на износ. Волчком вертись круглые сутки, того же требуешь и от своих подчиненных* (А. О. Авдеенко «Это твой свет»).

При этом УС **как волчок** чаще характеризует человека, а СКВ с творительным падежом может употребляться в описаниях каких-либо транспортных средств, механизмов, приборов и как характеристика поведения животного: «*ледокол вертелся в порту волчком*» (Б. С. Житков «Ледоколы»); «*волчком крутилась матово блестящая шестерня*» (К. Седых «Даурия»); «*горячий конь вертелся волчком*» (Д. Фурманов «Чапаев»); «*лошади <...> вертелись волчком*» (Ю. К. Олеша «Три толстяка»). Адвербиализованная форма «волчком» встречается и как характеристика

пыльной бури, танка, самолёта, челнока, гранаты. Творительный сравнения употребляется также в значении «юлить, изворачиваться, менять свои ответы, мнения».

Пожалуй, одно из наиболее богатых структурно-компаративных вариантов многозначных сравнений – УС как змея. «Творительный сравнения» может выступать в данном случае и как образная характеристика человека (изгибающегося, извивающегося или ползущего, изворачивающегося, вывертывающегося, злобно шипящего как змея), и как признак животного (ползущего или изворачивающегося при движении), движущегося протяженного предмета (поезда, колонны, процессии) или части пространства (речки, тропы, улицы). Ещё больше вариантов образного употребления дают авторские сравнения. Ср., к примеру, употребление этой компаративной структуры как характеристики отвлеченных явлений: *Он [Ванька] идёт дальше... и в душу ему змеёй вползает скука, губительница людей...* (А. М. Горький «Хороший Ванькин день»); *Зло, змеёй извиваясь, проникает в мир!* (А. М. Ремизов «Плачужная канава»).

Вообще творительный сравнения – продуктивнейшая модель индивидуально-авторского фразообразования. В художественных и публицистических текстах эта модель наполняется новым лексическим материалом – в качестве образов сравнений выступают существительные, не отмеченные в общезыковых конструкциях. *[Нелькин]: О женщины! Что вам, женщины, нужно? Жёлтые нужны перчатки, лаковые сапоги, бакенбарды чтоб **войлоком стояли** и побольше трескотни!* (А. В. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского»); *Теперь он [молоденький солдат] лежал белый, как эта бумага; из разбитого плеча **волною текла кровь*** (В. Гаршин «Аяларское дело»).

Анализ подобных авторских употреблений позволяет выявить ещё одно важное отличие «творительного сравнения» от конструкции с союзом. Последняя выступает одновременно и как образная характеристика предмета А, и как признак признака С: *Лицо Кутузова, стоявшего в дверях кабинета, несколько мгновений оставалось совершенно неподвижно. Потом, **как волна, пробежала по его лицу морщина**, лоб разгладился; он почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь* (Л. Н. Толстой «Война и мир»); ср.: «морщина как волна»; «как волна, пробежала по лицу». «Творительный сравнения» связан в первую очередь с сопроводителем-глаголом, выражая способ действия или признак процессуального состояния через образное сравнение: *Дырявая парусина на его [балагана] крыше ходит волнами от степного рвущего ветра, который, на ужас уездных старушек, разносит уханье барабана, звон медных тарелок, песни и хохот по всем закоулкам и лачужкам городка...* (Г. Успенский «Из биографии искателя тёплых мест»). Особенно явственно отмеченное различие проявляется в контекстах, где присутствуют обе модели с одним и тем же образом сравнения: *Верхушки камыша у реки кольшутся, как волны. Река, широкая и вольная, тоже бросается розовой волной* (О. И. Маркова «Над рекой береза»).

То же можно сказать и о воспроизводимых структурно-компаративных вариантах: *Павел Мохов взглянул орлом на Таню <...> и в каком-то телячьем восторге, захлебываясь, начал речь* (В. Я. Шишков «Спектакль в селе Огрызове»). *Это был уже не тот Целин, с замедленными движениями, с грустно-задумчивым взглядом. Он быстро двигался, браво разговаривал и смотрел орлом* (В. Попов «Разорванный круг»). Форма творительного падежа используется в текстах именно как характеристика действия – взгляда как одного из проявлений поведения человека.

Несколько особняком стоят тавтологические конструкции с творительным падежом: *баба бабой, мужик мужиком, волк волком, чёрт чёртом, орёл орлом*. Ср.: *Долго бежал он [становой]. Не раз спотыкался и падал, то на сук, то в болото.*

Испачкался да исцарапался так, что стал чёрт чёртом (С. М. Степняк-Кравчинский «Сказка о котейке»); *Ехал он [Роман], привстав на стремянах, лихо заломив на ухо папаху и поглядывая по сторонам, орёл орлом* (К. Седых «Даурия»). В подобных случаях говорящий как бы подчеркивает предельное приближение к эталону, полноту и неоспоримость сходства (*чёрт чёртом* – «настоящий чёрт», *орёл орлом* – «подлинный орел»). Тавтологические конструкции с творительным падежом всегда занимают позицию предиката при объекте образной характеристики (как правило, человеку). Как нам кажется, эта модель также может быть квалифицирована как структурно-компаративный вариант УС.

Важно различать конструкции с творительным сравнения и прототипические УС с союзом *как*, в составе которых компонент В выражен формой творительного падежа, к примеру, **как (словно, точно) бритвой** (*Отрезать, отсека́ть, разрезать, рассекать что-л., чем-л. – с большой силой, легко, ровным срезом* [9, с. 73]; **как (словно, точно) иголками (иглами)** (*Колоть* (лицо, руки, тело). О мелких острых предметах: о холоде, морозе; о болезненных ощущениях, не связанных с внешним воздействием [там же, с. 218]; **как (словно, точно) помелом** (*Болтать; трепать языком* (груб.-прост). Много, впустую говорить, наговаривать на кого-л., сплетничать [там же, с. 488]. В этом случае слова-сопроводители («отрезать», «отсекать» и проч.) в воспроизводимую структуру устойчивой единицы не входят, в отличие от конструкции *жить бирюком*, где «жить» – неотъемлемый компонент устойчивой компаративной единицы.

б) Конструкция «сравнительная степень прилагательного (наречия) + форма родительного падежа существительного»

М. И. Конюшкевич, определяя место категории сравнения в системе языковых единиц, отмечает: «Надо заметить, что в грамматических описаниях сравнения больше всего повезло именно морфологическим компаративным формам – проблемам выделения степеней сравнения, грамматическому статусу компаративных форм прилагательных, наречий и предикативов <...>» [4, с. 83]. Это замечание совершенно справедливо, если не учитывать особую функцию синтетической формы сравнительной степени – её употребление в качестве основания сравнения, образное ядро которого выражено родительным падежом существительного. Структурно-компаративные варианты УС, построенные по этой модели, практически не затронуты специальными исследованиями, хотя и упоминаются в ряду прочих форм выражения семантики образного сравнения, особенно в учебниках по стилистике и риторике. Исключение составляет, пожалуй, статья Л. Л. Фёдоровой, в которой высказана интересная идея об особом статусе этой формы как своего рода «экспрессивного элятива»: «В устойчивом сравнении используется эталонный образ Y, в котором признак сравнения проявляется в наивысшей степени. Если же признак сравнения передаётся формой сравнительной степени, то объект X предполагается как бы превышающим эталон: *быстрее ветра*, <...>, *слаще мёда*» [14, с. 147].

Возможно, низкая степень научной разработанности этого участка системы сравнений связана с тем, что модель с формой сравнительной степени («компаративом») редко проявляет себя как воспроизводимая (языковая!) единица; ср. немногочисленные случаи **бояться / как огня** – *пуще (хуже, больше) огня*; **беречь / как свой глаз** – *пуще глаза*; **жестокый, злой, лютый** / *как зверь* – *пуще зверя, хуже зверя*; **жить (бедно)** / *как нищий* – *хуже нищего*; **мрачный** / *как <темная> ночь* – *мрачнее ночи*; **чёрный, грязный** / *как сажка* – *чернее сажки*; **бледный, побелеть** / *как стена* – *белее стены*; **чёрный, чумазый** / *как трубочист* – *чернее / грязнее трубочиста*; **мрачный, хмурый** / *как туча* – *темнее (мрачнее) тучи*. Особенностью модели является то, что форма сравнительной степени выполняет в её структуре двойную функцию: выражает основание сравнения и одновре-

менно является показателем компаративных отношений (компонент *m* – суффиксы *-ей/-ее/-е*).

Будучи слабо представленной в системе зафиксированных словарями воспроизводимых компаративных единиц (особенно на фоне «творительного сравнения»), модель с формой сравнительной степени исключительно активна в разговорной речи и в художественных текстах. Так, словарь не отмечает никаких вариантов выражения *злой, лютый / как волк*, однако в картотеке зафиксированы случаи типа: [Авдотья:] *Сам-то лютей волка стал! День-деньской ходит, не знает – на ком зло сорвать* (И. Ф. Горбунов «Самодур»). Представляется, что столь же естественны варианты УС *голодный как волк – голоднее волка*. Главное условие наличия подобных вариантов – выражение слова-сопроводителя именем прилагательным, а при его выражении посредством глагола – сосредоточение актуального звена компаративной цепи в семантике наречия, от которого возможно образование простой формы степени сравнения.

Подобные СКВ так же, как «творительный сравнения», чаще всего встречаются у компаративных фразеологизмов модели *mB*, где *B* – субстантив в именительном падеже. Однако они оказываются возможными также в случаях, когда УС построено по модели *mβ*, где *β* – форма родительного падежа: *бояться / как огня – бояться / пуще (хуже) огня: Кого невзлюбит этот колдун, тому не даст житья. Все боялись того колдуна хуже огня* (В. М. Шукшин «Любавины»); *Наступившее лето показало, что только постоянное присутствие Глеба, которого боялся Гриша пуще огня, заставляло его прикидываться таким смирячком* (Д. В. Григорович «Рыбаки»). Конструкция с формой сравнительной степени несколько «оживляет» образ, разрушает его стереотипность, усиливая присущую ему экспрессию. Прибегая к подобным моделям, авторы стремятся довести интенсификацию признака до предела. Интересно, что конструкция с творительным сравнения употребляется как вариант другого УС того же образно-компаративного гнезда: *как огонь – огнём / гореть, сверкать (о предмете); как огонь – огнём – гореть, пылать (о лице, щеках)*.

В текстах можно заметить повторяющийся прием авторской трансформации данной модели: вместо «утвердительного компаратива» используется компаратив антонимичного прилагательного (наречия) с отрицанием: ср. *грязнее трубочиста – не чище трубочиста, хуже (беднее) нищего – не богаче нищего, хуже горькой редьки – не слаще горькой редьки, короче воробьиного носа – не длинней воробьиного носа*. В подобных трансформах нередко заметна ироническая экспрессия; кажущееся смягчение признака благодаря отрицанию осознается, напротив, как усугубление негативной оценки: – *Не пойдёт наше дело, уважаемая барышня, – повторил он, продолжая стучать пальцами. – Короче, – сказала я сухо. – Не длинней воробьиного носа, товарищ командир производства, – сказал Волков и опять надолго замолчал* (В. Катаев «Жена»).

Обратим внимание на высокую частотность просторечной формы «пуще» как показателя компаративных отношений и выразителя основания сравнения: *пуще смерти (сильно бояться), пуще зверя (лютый)*. Это слово (наряду со стилистически нейтральным «больше»), пожалуй, лучше других актуализирует количественный аспект семантики устойчивого сравнения. По сведениям Этимологического словаря русского языка, это слово имеет значение «больше» и представляет собой устаревшую форму сравнительной степени от *пусть* («пустой») [13; с. 416]. Прилагательное «пуций», вероятно, прошло сложный путь метонимического переосмысления (от «пустой, порожний, свободный, незанятый» – к «большой, обширный»). Форма «пуще» широко употребляется и в индивидуально-авторских сравнениях: *Я, осторожно подкрадываясь, поцеловал Любу в шейку её нежную, после чего и до губ*

добрался, до тех невероятных, редкостных губ, что манили к себе **пуще спелой малины** (В. Астафьев «Обертон»).

Другой, не менее частотный, «усилитель» степени проявления признака – компаратив «хуже». Так, структурно-компаративный вариант УС **как нищий** ('1. **Беден; жить** – в крайней бедности') – не «беднее нищего», как можно было бы ожидать, а «хуже нищего», из чего можно заключить, что данная конструкция специализируется на выражении запредельно высокой степени проявления признака и эмоциональной оценки (как правило, негативной), в то время как более конкретная качественная характеристика находит выражение в других элементах контекста: – *Машенька-то писала, что и красавец-то вы у неё, и умница. – Какой уж там красавец! – усмехнулся Александр. – Страшно смотреть. Да и оборвался весь, хуже нищего. Если бы хоть какую одежду достать* (Н. Волков «День будет ясным»).

Интересно сопоставить прототипическую структуру и её СКВ с формой сравнительной степени. Различие между этими конструкциями оказывается особенно явственным в случаях, когда мы имеем дело со сходным контекстным окружением. 1. *Стараясь, выбиваясь из сил, а должнаешь всё больше, живёшь, как нищая, совестно пройти мимо мелочной лавки, питаться приходится одною картошкой* (В. Вересаев «Два конца»). В этом контексте УС **как нищая** выражает значение «очень бедно», и эта характеристика расценивается как вполне объективная. 2. – *Да, удивления достойно, – вздохнул Самойленко. – Так с утра до вечера сидит, всё сидит и работает. Долги хочет выплатить. А живет **хуже нищего!*** (А. П. Чехов «Дуэль»). Во втором случае говорящий не просто объективно оценивает степень материального благосостояния героя как предельно низкую, – он ещё и выражает свою субъективную оценку благодаря приёму преувеличения: «нищий» – уже предельно экспрессивное выражение бедности, так что, казалось бы, «хуже некуда». Именно это свойство рассматриваемой модели имеет в виду Л. Л. Федорова, именуя её «экспрессивным суперлативом». От обычного суперлатива (*сладчайший, слаще всего*) экспрессивный отличается тем, что он основан не на сопоставлении, а на уподоблении (*слаще мёда*) [14, с. 147].

В случаях, когда слова-сопроводители устойчивого сравнения-прототипа выражены прилагательными, в структуре рассматриваемого нами варианта проявляются формы сравнительной степени того самого прилагательного, выражающего основание сравнения. Здесь компаративы – уже не просто «усилители», средства повышения экспрессии, – они выразители качественного признака: **чёрный как сажа** – **чернее сажки, как трубочист** – **чернее трубочиста**. К примеру, УС **Как (словно, точно) <темная> ночь 'Мрачный;** ходить, сидеть, будучи мрачным' [9, с. 407] используется в структурно-компаративных вариантах *мрачнее ночи, темнее ночи, чернее ночи*. Эти варианты употребляются как характеристика предмета или явления, выраженных существительными, при этом, как правило, слова-сопроводители отсутствуют: *Трудно вспоминаются эти месяцы – конец весны, начало зимы сорок первого года. Сводки **мрачнее ночи**. Враг всё ближе к Москве* (Л. В. Успенский «Записки старого петербуржца»). Отсутствие слов-сопроводителей связано с тем, что в самой структуре УС признак выражен достаточно исчерпывающе.

Если варианты с формой сравнительной степени употребляются с глаголами, то это, как правило, не полнозначные глаголы, а глаголы-связки (*быть, стать, становиться*), реже – глаголы положения или перемещения в пространстве (*сидеть, стоять, ходить*) или психологического состояния (*бояться*): *Вскинулась она и убежала, заперлась в комнате. А он весь вечер проходил черней ночи. И не ужинал* (Е. Н. Пермитин «Ручьи весенние»); *Стал **чернее ночи** хозяин, нахмурился, опустил голову и не сказал ни слова. Молчали гости и рабы...* (Л. Н. Толстой

«Вражье лепко, а божье крепко»); Он [Фома Миронович]) только что пообедал, елось ему не в охоту, за столом он сидел темнее ночи и кричал на дочерей, довел их до слёз, а когда за них мать вступилась, он зверем и на неё рывкнул (А. М. Горький «Наваждение»). Как видим, контекст лишь уточняет причины состояния персонажа либо раскрывает нюансы поведения, являющиеся его следствием.

Конструкции с компаративом, как правило, выполняют синтаксическую функцию именной части составного именного сказуемого. Для некоторых из них возможно и употребление в безличном предложении, в частности для УС чернее (мрачнее, темнее) ночи: *А на душе у меня тоже черно, просто сказать – **чернее ночи*** (В. Г. Короленко «Убийвец»).

Весьма интересно в плане анализа СКВ с формой сравнительной степени устойчивое сравнение **как (словно, точно) чёрт**, имеющее около восьми значений: *злой, злиться / как чёрт; черный, грязный, чумазый, вымазаться, / как черт; хитрый, умный / как чёрт, носиться, скакать / как чёрт, страшный / как чёрт, драться, сражаться / как чёрт; работать (напряженно) / как чёрт; устать, умяться / как черт* [9, с. 754–757]. Гипотетически можно представить структуры *злее черта, грязнее черта, хитрее (умнее) черта, страшнее черта*. Однако в нашей картотеке явно преобладают фрагменты с конструкциями «злее чёрта» и «хуже чёрта»: *С зари уж был у машины Степан Ильич; Даша понесла ему туда кофе в термосе, но он только отмахнулся от неё. Что-то не ладилось у него. Он был **злее чёрта*** (Б. Горбатов «Даша»); *Ещё вытили, а Васька отчаянный, ежели и трезвый, а пьяный **хуже чёрта*** (Д. Н. Мамин-Сибиряк «В камнях»). Сравнение «хуже чёрта» употребляется не только в синтаксической позиции предиката при компоненте А – субстантиве, но и как обстоятельство при глаголе-сопроводителе «бояться»: – *И пуще всего войны опасаются. Этого, я тебе скажу, **хуже чёрта боятся**. Все натерпелись* (Л. А. Кассиль «Чаша гладиатора»). В этом случае мы имеем дело со структурным вариантом другого УС того же гнезда – УС **как (словно, будто) чёрта** (бояться) – человека или чего-либо.

Вообще в данном случае особенно показательно непреодолимое стремление носителей русского языка интенсифицировать признак, переходя за все мыслимые границы нормального его проявления, несмотря на то, что образ *чёрт* сам по себе служит «суперэталоном» интенсивности любого признака. Способов подобного усиления множество: это и основание сравнения в форме субъективной оценки (*злющий как чёрт, хитрющий как чёрт*), и употребление количественно-именного словосочетания в качестве образа сравнения (*злой как тысяча чертей, умён как сто чертей, как миллион чертей*), и использование каскада однофункциональных сравнений (*хитрый как черт, как дьявол*). В этом же ряду – использование конструкций с формой сравнительной степени: <...> *Каждый раз вылезает из смолокурни весь **чёрный как чёрт, чернее трубочиста**; очень трудно потом отмыть руки и лицо* (А. И. Куприн «Ночь в лесу»).

В ряде случаев имеет место идиоматизация СКВ рассматриваемой модели: *тише воды, ниже травы; хуже горькой редьки; проще пареной репы; короче воробьиного носа*. Внутренняя форма таких устойчивых выражений затемнена и требует этимологического анализа, направленного либо на поиск мотивировки всей компаративной конструкции, либо на истолкование архаичного компонента (как правило, образа сравнения). Подобные структуры, как правило, входят в состав словариков фразеологических словарей и не находят отражения в специализированных словарях устойчивых сравнений: **ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ** 'Разг. Неизм. 1. Скромный, незаметный, робкий или старающийся выглядеть таким в силу обстоятельств. 2. Робко, скромно, незаметно' [3, с. 230]: – Возвращайся немедленно в Киев, – продолжал Азazelло. – *Сиди там **тише воды, ниже травы** и ни о каких*

квартирах в Москве не мечтай. Ясно? (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»); *С тех пор как бабушку свергли, она стала тише воды, ниже травы. Ходит по комнате – еле тапками шуришит <...>* (А. Лиханов «Лабиринт»). Иногда этот фразеологизм подается в словарях в «редуцированном» виде: **ТИШЕ ВОДЫ** кто. Разг. Экспресс. Робкий, скромный, незаметный (человек) [17, с. 204].

Интересно рассмотреть две анализируемые нами конструкции в случае, когда они генетически связаны с одним и тем же устойчивым сравнением и характеризуются общим компаративным значением: 1) *Весь январь я работаю над степью, ничего больше не пишу, а потому разорился в пух и прах. Если «Степь» будет напечатана позже марта, то я **взвою волком*** (В. П. Чехов – А. Н. Плещееву, 19 января 1888 г.); 2) *С одной стороны, это хорошо... Милое существо около, любовь, романсы; с другой же стороны, как пойдут дети, так **пуще волка** взвоешь! Одному сапоги, другому штанишки, за третьего в гимназию платить надо... и не приведи бог!* (А. П. Чехов «Оба лучше»). Сопоставление двух компаративных конструкций демонстрирует очевидное структурное различие между ними: первая включает в качестве компонентов признак и образ сравнения (В) в творительном падеже, а вторая – интенсификатор-компаратив «пуще» и образ (В) в родительном падеже. Первая является экспрессивной качественной характеристикой физического и (или) психологического состояния, а вторая выражает высокую степень интенсивности действия, состояния, а также их эмоциональную субъективную оценку.

Выше мы отметили более высокую степень идиоматичности сочетаний с «творительным сравнения» (по отношению с конструкциями с союзом *как* (словно, точно, будто). Что касается модели «сравнительная степень прилагательного (наречия) + компонент В – сущ. в род. п. без предлога», то эта конструкция явно более свободная и, следовательно, менее идиоматичная. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи авторских трансформаций, которые, как правило, осуществляются путем вставки согласованного определения между компаративом и именной формой: – *И что это мужчины стали такие болтливые? – сказала вдруг Валя. <...> И вот языком болтают, вот болтают! **Хуже базарных баб...*** (В. И. Белов «Всё впереди»); *Костомаров виноват тем, что глуп и наболтал **хуже старой бабы*** (М. Л. Михайлов «Письма»)³. Кроме прилагательного в этой функции могут выступать определительные местоимения «всякий, любой, иной», подчеркивающие типичность выражаемого признака именно для этого образа сравнения. В данном случае имеются в виду несамостоятельность, слабость, выражающаяся в частности в бурном выражении горя, плаксивость и прочие «бабьи признаки»: – *Сто лет не плакал. Розу, жену, без слёз похоронил. А тут... Как чумной часа два на кровати валялся, зубами скрипел. **Хуже всякой бабы** ревел* (В. Кузнецов «Золотое дно»); *С первым [мужем] развелась из-за пьянки. Второй хоть и не пьёт, зато какой-то овиденной, а не самостоятельный. Сам **хуже любой бабы*** (В. И. Белов «Свидания по утрам»); «Не парень ты! **Хуже иной бабы**. Языком, что помелом! Вот расскажу девочкам, что ты про них несёшь: никто с тобой гулять не будет... (С. А. Кружилин «Липяги»). Оба способа распространения имени в форме родительного падежа (и прилагательным, и местоимением) достигают одной и той же цели: делают образ «вещно-конкретным», представимым, оживляют его, убеждая читателя в точности выбранного эталона. В целом ряде случаев мы имеем дело не с трансформами, а с факультативными компонентами прототипической структуры, которые лишь воспроизводятся в структурно-компаративном варианте с «творительным сравнения». Ср.: **как баба** ‘<...> 2. ~ <базарная, старая> ~. Болтливый; болтать; трепаться (груб.-прост.), судачить, сплетничать. О мужчине (презр.)’ [9, с. 39].

Как уже отмечалось нами, потенциальных структурно-компаративных вариантов УС намного больше, чем зафиксировано в словарях. Можно прогнозировать

появление в текстах таких вариантов, как: *бледнее полотна (стены, скатерти, мертвеца)*, *краснее кирпича (мака, кумача – о лице)*; *чернее агатов (антрацита, угольков – о глазах)*; *смирнее агнца (вести себя)*; *милее ангелочка (амурчика, херувимчика – о внешности ребенка)*; *красивее Аполлона*; *чернее ворона (жука, цыгана, араба – о волосах, коже человека)*; *мягче, нежнее атласа – о коже человека*; *пуще зеницы ока (беречь)*. Потенциальные СКВ не фиксируются словарями, но встречаются в текстах (более или менее регулярно): *Вот идёт диетврач Голявкин, лицо краснее кирпича, шагает аккуратненько – как бы не поскользнуться, – несёт впереди себя живот, как беременная женщина. <...>* (А. С. Ткаченко «Тридцать семь и три»).

То же можно сказать и о потенциальных конструкциях «творительного сравнения»: *ходить, вышагивать / аистом, цаплей*; *метаться / затравленным зверем*; *прыгать, скакать / зайцем*; *болтаться, мотаться / дерьмом в проруби*; *лежать / байбаком*; *лазать / акробатом, кошкой, обезьяной* и т. п.

Богатые сведения о потенциальных СКВ даёт рассмотрение синонимических рядов тех УС, которые располагают реальными, зафиксированными в словарях вариантами. Например, УС как (словно, точно) *гвоздь* (засесть, сидеть, торчать) может употребляться в другом варианте – *гвоздём / засесть*. Это УС имеет синоним как *заноза*, которое, соответственно, имеет СКВ *занозой / засесть*. То же можно сказать и об УС как (словно, точно) *затворник (затворница)*, которое имеет целый ряд синонимов: *жить, сидеть как бирюк, как медведь <в берлоге>*, *как монах (монахиня, как отшельник (отшельница), как узник* [9, с. 196], и едва ли не все они, как и исходная структура, могут употребляться в форме «творительного сравнения»: *жить, сидеть / затворником, бирюком, монахом, отшельником* и т. д. Ср. также синонимический ряд как *гиря (тонуть, идти на дно) – как камень, как топор, как утюг*. УС как *гиря* в этом значении употребляется в структурно-компаративном варианте *гирей / идти на дно, тонуть*. Логично предположить возможность структурно-компаративных вариантов и у остальных членов синонимического ряда: *идти на дно / топором, утюгом, камнем*⁴.

Анализ контекстов НКРЯ в целом подтверждает наше предположение. Однако важно отметить, что в одном синонимическом ряду УС могут оказаться сравнения, построенные по разным моделям. Извлечение потенциальных возможностей структурно-компаративного варьирования из анализа синонимических рядов должно строиться с учетом отмеченных нами выше «запретов»: есть модели, которые в силу особенностей грамматической связи входящих в их состав компонентов не могут иметь СКВ рассматриваемых нами типов. К примеру, УС как <свой> *глаз* (беречь, оберегать кого, что-л.) имеет синонимы как *драгоценность, как святыню, как зеницу ока*; оно может употребляться в ином варианте: *пуще глаза / беречь*. Для двух первых синонимов проявление СКВ этого типа вполне реально (*беречь / пуще святыни, пуще драгоценности*), но для УС *беречь / как зеницу ока* подобный вариант оказывается невозможным.

Если в семантической структуре УС два или более значений, причем одни из них выражаются посредством сопроводителей-прилагательных, а другие – сопроводителями-глаголами, то структурно-компаративный вариант «компаратив + образ В – сущ. в род. п.» скорее появится в первом случае, а «творительный сравнения» проявит себя во втором. Например, УС как (словно, точно) *жеребец <стоялый>* в значении «здоровый, сильный» (о человеке) потенциально может употребляться в словосочетаниях типа *здоровее жеребца <стоялого>* (ср. также синонимические выражения *сильнее (здоровее) борова, буйвола, бугая, быка; крепче дуба, сильнее медведя*), а в значении «ржать, гоготать, хохотать» (о человеке) имеет зафиксированный словарем СКВ «жеребцом – ржать, гоготать» [9, с. 178]. УС как (словно, точ-

но) журавль в значении «длинноногий, длинный» не может иметь СКВ «творительный сравнения», зато в значении «ходить, шагать, широко переступая длинными ногами» вариант «**журавлем** – ходить, шагать, вышагивать» вполне возможен [там же, с. 183].

В семантике некоторых компаративных фразеологизмов представлены оба рассматриваемых нами СКВ. Так, УС **как (словно, точно) зверь** в первом значении ('1. Злой (ая), лютый(ая), жестокий(ая), безжалостный(ая))' имеет вариант *лютее зверя*, а во втором и четвертом ('2. ~<лютый>~ *Смотреть, глядеть* на кого-л. (человека) – со злобой, ненавистью. <...> 4. ~ <лютый [дикий]> ~ *Кидаться, бросаться, набрасываться* на кого-л. (человека) с целью физической расправы или с бранью, угрозами, будучи в крайне озлобленном состоянии' – варианты *смотреть / зверем* и *набрасываться, кидаться / зверем* [там же, с. 201–202].

В художественных текстах использование разных компаративных моделей помогает преодолеть автоматизм восприятия; при этом посредством разных моделей авторы, как правило, характеризуют разные сопоставляемые (или противопоставляемые) объекты: *Поп сидит, распустив на обе стороны бороду, как бог Саваоф, попадья богородицей, а дочки – ну чисто ангелы! Все в белых кипенных кружевах, по щекам золотые локоны, губки бантиками, глазки вприщур, только что крылышек нет* (Н. В. Богданов «Вечера на укомовских столах»). В этом фрагменте используются и прототипическая модель с сравнительным союзом (как **Саваоф**), и творительный сравнения (*попадья богородицей*), и метафора с усилительной частицей (*чисто ангелы*). Последняя структура является авторским СКВ устойчивого сравнения как (словно, точно) ангел.

Особо отметим немногочисленные случаи, когда прототипическая компаративная модель в речи фактически не употребляется (или встречается очень редко), зато налицо другие модели – «короче воробьиного носа», «с воробьиный нос»: *После маленького рассказика, с воробьиный нос, напишите повестушку, а там глядь и романище о восьми частях <...>* (А. И. Куприн «Юнкера»); *Ночь теперь короче воробьиного носа... Придём в деревню к свету* (А. М. Горький «Дружки»). Конструкция с винительным падежом выражает качественную характеристику в смягчённом виде благодаря семантике приблизительного сходства размера (величины) с тем или иным эталоном; структура с компаративом гораздо более прямо и резко выражает не только само качество (предельно короткое – что-либо, имеющее временное измерение – *рассказ, разговор, ночь, счастье, бабья красота*), но и его эмоциональную оценку (сожаление, досаду или осуждение). В обоих случаях замена инвариантом «как воробьиный нос» в принципе невозможна.

Представляется, что отсутствие «прототипической структуры» сопряжено с феноменом идиоматизации отдельных СКВ – проблемой, заслуживающей специального анализа.

Заключение (выводы и перспективы)

Итак, проведенный нами анализ структуры, семантики и особенностей употребления двух типов структурно-компаративных вариантов устойчивых сравнений позволяет сделать ряд выводов.

1. Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений представляют собой особый тип варьирования, при котором модификации подвергаются не отдельные его компоненты, а вся модель в целом. Анализ подобных СКВ имеет важное значение для системного описания устойчивых компаративных конструкций русского языка.

2. «Творительный сравнения» и конструкции с формой сравнительной степени прилагательного или наречия являются двухкомпонентными, поскольку в состав воспроизводимой части входят два из трех обязательных компонентов компа-

ративной структуры (АВ или ВС). Проявление СКВ обоих типов обнаруживает зависимость от таких факторов, как 1) модель, по которой образовано исходное («прототипическое») устойчивое сравнение; 2) система слов-сопроводителей, с которыми оно может употребляться; 3) многозначность УС; 4) наличие у него синонимов; 5) возможный круг объектов образной характеристики. Обе модели исключительно продуктивны в сфере индивидуально-авторского фразообразования.

3. «Творительный сравнения» характеризуется высокой степенью подвижности структуры (по сравнению с СКВ второго типа); жёсткой зависимостью от лексико-грамматической характеристики слова-сопроводителя; «специализацией» на качественном аспекте образной характеристики. На фоне прототипической структуры эти СКВ выражают более высокую степень интенсивности признака; характеризуются более высокой степенью идиоматичности и более выраженным «эффектом уподобления», но меньшей структурной мобильностью.

4. Конструкция с формой сравнительной степени отличается менее строгой зависимостью от слов – сопроводителей исходного УС; способностью выражать «запредельную» степень интенсивности признака; наиболее высокой степенью экспрессии; преобладанием количественного аспекта компаративной семантики над качественным.

Перспективы намеченной нами проблематики видятся прежде всего в анализе образного потенциала анализируемых СКВ – тех возможностей реализации двух моделей, которые пока остаются за пределами лексикографического отражения. Представляет интерес также дальнейшее исследование нюансов семантики и функционирования каждого из типов СКВ (не только проанализированных нами в настоящей статье), анализ условий идиоматизации соответствующих вариантов, более чёткое определение соотношения между понятиями «инвариантная структура» и «прототипическая структура» применительно к русской компаративной фразеологии. Детальный анализ всех структурно-компаративных вариантов может способствовать решению таких дискуссионных проблем фразеологии, как вопрос об эталонах в системе УС, разграничение нормативных и авторских вариантов, проблема взаимодействия грамматической и фразеологической семантики.

Примечания

1. В рамках настоящей статьи для обозначения воспроизводимых фразеологических единиц с семантикой образного сравнения мы используем также термин «компаративный фразеологизм».
2. Здесь и далее при воспроизведении УС мы не отражаем наиболее типичное, регулярно фиксируемое словарями варьирование показателя компаративных отношений: *как (словно, точно)*.
3. Отмеченный способ авторской трансформации является очень частотным и в системе классических моделей с союзом *как*: – *Передай прапорщику Каменеву, что я прошу его заниматься с ротой! – крикнул ему навстречу Абрамов и добавил злобно, – бежишь, как брюхатая баба!.. Пошёл!* (С. Н. Сергеев-Ценский «Пристав Дерябин»).
4. Разумеется, подобное сопоставление синонимов далеко не всегда дает ожидаемые результаты. Например, в синонимическом ряду *вспыхивать, гореть, алеть /как (словно, точно) зарево* – *как вишня, как заря (зорька), как кумач, как мак, как пион, как маков цвет* только первое сравнение имеет структурно-компаративный вариант – творительный сравнения *ЗАРЕВОМ*.

Список источников и литературы

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 153 с.

3. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Краткий фразеологический словарь русского языка. СПб.: Просвещение, 1994. 271 с.
4. Конюшкевич М. И. Категория сравнения и её место в системе языка // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / под ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГРГУ, 2001. Вып. 4. С. 82–94.
5. Кунин А. В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках (опыт сопоставительного анализа) // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 80–86.
6. Луценко Н. А. О происхождении и внутриязыковых реакциях семантики сравнения // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1998. С. 8–15.
7. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
8. Мразек Р. Синтаксис русского творительного: (структурно-сравнительное исследование). Praha: Státní pedagogické nakl., 1964. 285 с.
9. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М.: Рус. словари, 2001. 800 с.
10. Огольцева Е. В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. Вып. 3. С. 217–225.
11. Огольцева Е. В. Устойчивые сравнения русского языка: стабильность и динамичность // Русский язык в школе. 2015. № 5. С. 14–21.
12. Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ушакова Юлия Юрьевна. М., 2005. 44 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
14. Фёдорова Л. Л. Тише воды, ниже травы – экспрессивный суперлатив? // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016. С. 147–151.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: около 7000 слов. ст. : в 2 т. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 2. 271 с.
16. Хлебникова М. В. Творительный падеж в составе деривационной парадигмы сравнительных конструкций // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 166–167.
17. Ходова К. М. Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Б. Берштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 181–192.
18. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1969. 321 с.

References

1. Arkhangelskiy, VL 1964, *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* (Set expressions in modern Russian. Fundamentals of the theory of set expression and problems of general phraseology), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
2. Bondarenko, VT 2011, *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi* (Set expressions in Russian speech), Izd-vo Tul. gos. ped. in-ta im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)
3. Bystrova, EA, Okuneva, AP & Shanskiy, NM 1994, *Kratkiy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Shorter phraseological dictionary of the Russian language), Prosveshcheniye publ, St.-Petersburg. (In Russ.)
4. Konyushkevich, MI 2001, 'Kategoriya sravneniya i eyo mesto v sisteme yazyka' (Comparison category and its place in the language system), *Voprosy funktsional'noy grammatiki* (Issues in functional grammar), ed. M.I. Konyushkevich, no.4, GRGU publ, Grodno, pp. 82–94. (In Russ.)

5. Kunin, AV 1969, 'Ustoychivyye adyektivnyye sravneniya v russkom i angliyskom yazykakh (opyt sopostavitel'nogo analiza)' (Sustained adjective comparisons in Russian and English (comparative experience)), *Russian Language Abroad*, no.3, pp. 80–86. (In Russ.)
6. Lutsenko, NA 1998, 'O proiskhozhdenii i vnutyazykovykh reaktsiyakh semantiki sravneniya' (On the origin and intralingual reactions of comparison semantics), *Teoreticheskaya i prikladnaya semantika. Paradigmatika i sintagmatika yazykovykh yedinit* (Theoretical and applied semantics. Paradigmatics and syntagmatics of linguistic units), Kubanskiy gos. un-t publ, Krasnodar, pp. 8–15. (In Russ.)
7. Mokiyeenko, VM 2003, *Slovar' sravneniy russkogo yazyka: 11000 yedinit* (Dictionary of comparisons of the Russian language: 11000 units), Norint publ, St. Peterburg. (In Russ.)
8. Mrazek, R 1964, *Sintaksis russkogo tvoritel'nogo: (Strukturno-sravnitel'noye issledovaniye)* (Syntax of the Russian ablative case: (Structural-comparative study), Státní pedagogické nakl publ, Praha. (In Russ.)
9. Ogoltsev, VM 2001, *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiiy)* (Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic), Rus. Slovare publ, Moscow. (In Russ.)
10. Ogoltseva, EV 2019, 'Komparativnoye gnezdo kak sistema grammaticheskikh modifikatsiy obraza sravneniya' (Comparative nest as a system of grammatical modifications of the comparison image), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no.3. pp. 217–225. (In Russ.)
11. Ogoltseva, EV 2015, 'Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: stabilnost i dinamichnost' (Fixed similes of the Russian language: stability and dynamism), *Russian Language at School*, no.5, pp. 14-21. (In Russ.)
12. Ushakova, YuYu 2005, *Leksicheskaya napolnyayemost' i strukturno-semanticheskiye osobennosti komparativnykh tropov v russkom yazyke* (Lexical content and structural-semantic features of comparative tropes in Russian), doctoral thesis, MPGU, Moscow. (In Russ.)
13. Vasmer, M 1987, *Etimologicheskiiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* (Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols), vol. 3, Progress publ, Moscow. (In Russ.)
14. Fyodorova, LL 2016, 'Tishe vody, nizhe travy – ekspressivnyy superlativ?' (Is "Quieter than water, lower than grass" an expressive superlative?), *Ustoychivyye sravneniya v sisteme frazeologii: kollektivnaya monografiya* (Fixed similes in the system of phraseology), ed. V.M. Mokiyeenko, Sankt-Peterburgskiy gos. un-t publ, St. Petersburg, pp. 147–151. (In Russ.)
15. Fyodorov, AI (ed.) 1991, *Frazeologicheskiiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII-XX vv.* (Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late 18th – 20th centuries), vol. 2, Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
16. Khlebnikova, MV 2011, 'Tvoritel'nyy padezh v sostave derivatsionnoy paradigmy sravnitel'nykh konstruktsiy' (Ablative within the derivational paradigm of comparative constructions), *Almanac of Modern Science and Education*, no. 7, Gramota publ, Tambov, pp. 166–167. (In Russ.)
17. Khodova, KM 1958, *Tvoritel'nyy padezh v slavyanskikh yazykakh* (Ablative transformations and comparisons), ed. S. B. Bershteyn, Izd-vo AN SSSR publ, Moscow, pp. 181–192. (In Russ.)
18. Shanskiy, NM 1969, *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* (Phraseology of the modern Russian language), Vyssh. Shk. publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.11.2023
 Одобрена после рецензирования: 11.12.2023
 Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 29.11.2023
 Approved after reviewing: 11.12.2023
 Accepted for publication: 18.12.2023

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 190–199.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 190–199.

Научная статья

УДК 81'44

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199>

СИСТЕМА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Татьяна Владимировна
Сафонова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Аннотация. Цель статьи заключается в лингвопоэтическом анализе лексических средств выразительности, представленных в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Методика анализа строится на интеграции приемов лингвистического и литературоведческого осмысления художественного текста и предполагает использование семантического, метасемиотического и метаметасемиотического приемов изучения текста. Данный анализ позволяет выдвинуть и подтвердить в ходе исследования гипотезу об особой роли системы тропов в идейно-смысловой и структурной организации романа, а также определить наиболее значимые для выражения авторской интенции выразительные единицы с учетом как их частотности, так и смысловой нагрузки. В ходе анализа были выявлены следующие характерные для авторского стиля средства образности: оксюморон, метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы и метонимии. Установлена их роль в тексте. Оксюморон в заголовке романа определяет общий ход повествования, построенного на противоречии и противопоставлении образов, героев, пейзажных зарисовок и пр. Ключевая задача в романе отводится метафорическому переносу: зооморфные, антропоморфные и мортальные метафоры позволяют автору раскрыть ведущие мотивы произведения – гибель мира, противопоставление живого и мертвого в прямом и переносном значении этих понятий. И. С. Шмелев часто использует развернутые метафоры, объединенные общими символическими образами, что позволяет говорить об участии метафоры в организации композиции произведения. Сравнения и олицетворения дополняют метафорические смыслы. В употреблении эпитетов также отмечается противопоставление прилагательных-колоративов и единиц с семей 'мертвый' – таким образом автор структурирует хронотоп произведения.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ, метафора, сравнение, оксюморон, эпитет.

Для цитирования: Сафонова Т. В. Система образных средств в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых»: лингвопоэтический анализ // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 190–199. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199>

Сведения об авторе: Т. В. Сафонова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Сафонова Т. В., 2023

Scientific Article
UDC 81'44
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199>

EXPRESSIVE MEANS SYSTEM IN THE “THE SUN OF THE DEAD” BY I. S. SHMELEV: LINGUOPOETIC ANALYSIS

Tatiana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Abstract. The purpose of the article is a linguopoetic analysis of the lexical means of expression presented in the novel "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. The method of analysis is an integration of techniques of linguistic and literary criticism of a fiction text and implies the use of semantic, metasemiotic and metametasemiotic methods of studying the text. This analysis allows us to put forward and confirm in the course of the study the hypothesis about the special role of the tropes system in the ideological, semantic and structural organization of the novel, as well as to determine the most significant expressive units for the expression of the author's intention, taking into account both their frequency and meaning. The analysis reveals the following means of imagery characteristic of the author's style: oxymoron, metaphors, comparisons, epithets, hyperbole and metonymy. The author also points out their role in the text. The oxymoron in the novel title determines the general course of the narrative, built on the contradiction and opposition of images, heroes, landscape sketches, etc. Metaphorical transference in the novel is of key importance: zoomorphic, anthropomorphic and mortal metaphors allow the author to reveal the leading motives of the work – the destruction of the world, the opposition of the living and the dead in the direct and figurative meaning of these concepts. I. S. Shmelev often uses detailed metaphors united by common symbolic images, which allows us to talk about the role of metaphor in the organization of the work composition. Comparisons and personifications complement metaphorical meanings. In the use of epithets the author also notes the juxtaposition of adjectives-coloratives and units with the sema 'dead' – this is how I. S. Shmelev structures the chronotopos of the work.

Keywords: linguopoetic analysis, metaphor, comparison, oxymoron, epithet.

For citation: Safonova, TV 2023, 'Expressive Means System in the “The Sun of the Dead” by I. S. Shmelev: Linguopoetic Analysis', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 190–199, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana V. Safonova* – Associate Professor, PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Художественная значимость творчества И. С. Шмелева, многогранного и самобытного писателя, бесспорно, велика, вместе с тем в силу идеологических причин его произведения были на долгие годы преданы забвению. В последние десятилетия ситуация коренным образом изменилась: творческое наследие И. С. Шмелева подвергается тщательному изучению литературоведами, лингвистами, философами (см.: Е. В. Параскева, Е. Ю. Шестакова, Н. Б. Подвигина, С. В. Полторацкая, Г. В. Мосалева, Т. В. Мальцева, А. М. Любомудров и др.).

Не остается без внимания исследователей и роман И. С. Шмелева «Солнце мертвых». В основе произведения – события Гражданской войны, непосредственным участником которых стал сам автор, оказавшийся в этот период в Крыму. Данный факт определил и манеру письма: повествование ведется от первого лица с соблюдением буквально документальной точности и в то же время эмоциональности в описании происходящего. По сути, роман воспринимается как хроника года жизни автора-повествователя, стремящегося зафиксировать и реальные события, и мнение очевидцев переломного времени в истории страны. На данную особенность нарратива указал уже А. Амфитеатров: «Шмелев не пугает, а только рассказывает день за днем, шаг за шагом “эпопею” своего крымского, обывательского существования в голодный год под большевистским гнетом, – и... страшно» [1, с. 2]. Многие исследователи творчества И. С. Шмелева единодушны во мнении о том, что «Солнце мертвых» – одна из самых трагичных и даже больше – «страшных» книг в истории человечества. Например, по мнению Ю. Айхенвальда, писателем «рассказана и осуществлена как раз самая страшная из человеческих сказок, такая страшная, что уже оледенела сама способность пугаться, и мы вышли за грани своего существа, своего разума и чувства» [6, с. 7]. Такой же точки зрения придерживается и Н. В. Норина: «И. С. Шмелев пытается осмыслить страшную катастрофу, которая произошла с Россией. Трагическое становится ключевым понятием для раскрытия специфики данного произведения, всеобъемлющей характеристикой его художественного целого» [7, с. 109].

Именно в обыденности ежечасного, ежеминутного присутствия в жизни человека смерти, когда утрачена сама мысль о ценности человека и всего живого на этой земле, и кроется трагический пафос романа. Выражению авторской интенции во многом способствует система образных средств языка. Цель данной статьи заключается в лингвопоэтическом анализе изобразительных единиц, наиболее ярко представленных на страницах произведения.

Под лингвопоэтическим анализом в свою очередь понимается исследование единиц языка с точки зрения особенностей их включения автором в словесно-художественное пространство произведения и их способности выражать нужный эстетический эффект [4, с. 5–38]. Данный подход, совмещающий приемы лингвистической и литературоведческой интерпретации художественных текстов, через связь языка и поэтики позволяет рассмотреть сложное взаимодействие «словесно-речевой структуры и художественно-композиционной организации произведения» [3, с. 471]. Для достижения поставленной цели был использован трехуровневый метод исследования текста: на первом уровне – семантическом – проводилось уточнение содержания анализируемых единиц, на втором – метасемиотическом – выделенные элементы рассматривались во взаимодействии с другими единицами произведения, что позволяло определить их коннотативное, метафорическое и образное значения, на третьем уровне – метаметасемиотическом – выявлялась роль образных средств в реализации идейно-художественного замысла произведения.

В ходе проведенного исследования выдвинутая гипотеза об особой значимости образных ресурсов языка в достижении авторской интенции была подтверждена. Установлено, что И. С. Шмелев использует все богатство изобразительных средств

лексической системы: метафорический и метонимический переносы, различные способы персонификации, сравнения, перифрастические выражения и оксюморон, гипербола становятся для автора основой смысловой и композиционной структуры романа. Частотность использования отмеченных единиц, конечно, различна и определяется как внутренней спецификой элементов, их языковой природой, так и индивидуальным стилем автора.

Уже в самом названии произведения заложено противоречие. Помимо научного определения лексемы «солнце» – ‘раскаленное небесное тело шарообразной формы’, в толковых словарях даются следующие ее дефиниции: ‘Свет, тепло, излучаемые этим светилом. Греться на солнце’; ‘То, что является источником, средоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого. Солнце правды’ [8, с. 1098]. В словарях символов лексема трактуется как архетип, связанный с божественным началом, вечностью, силой, дарующей жизнь всему миру. Это и источник высших нравственных ценностей, неслучайно солнце – символ Христа. Утрата солнечного света, тепла, напротив, ассоциируется со смертью как физической, так и духовной [9, с. 401–403]. В противопоставлении лексеме «солнце» слово «мертвый» объясняется как ‘Умерший, лишенный жизни. Мертвое тело’ и ‘Лишенный жизненности, оживления. У него совсем мертвое лицо’ [8, с. 528].

Следует отметить, что глубинный, символический смысл названия «Солнце мертвых» отмечается во многих исследованиях, посвященных данному произведению. И. А. Ильин, например, утверждает следующее: «Заглавие “Солнца мертвых”, по виду бытовое, крымское, историческое, таит в себе религиозную глубину: ибо указывает на Господа, живого в небесах, посылающего и жизнь, и смерть, – и на людей, утративших Его и омертвевших во всем мире» [5, с. 45]. Действительно, И. С. Шмелев, будучи глубоко религиозным человеком, объяснял все происходящее в стране в апокалипсическом ключе, что и находит свое отражение в первую очередь в заголовке романа. С одной стороны, солнце здесь не дарует жизнь, а скорее – отнимает ее, палящими лучами уничтожая все живое, и это не что иное, как божественное наказание, с другой стороны – страшнее физической смерти смерть духовная, ведь для праведников есть еще и свет Божий, солнце Бога, грешникам же уготован только «круг адский».

В заголовке романа сфокусирована одна из его основных идей – противоречивое сосуществование двух миров в одном времени и пространстве – мира еще живых в понимании прямом, физическом, но над которыми уже нависла тень смерти, и мира духовно мертвых. Эта мысль раскрывается посредством контекстуальной конкретизации как собственно сочетания «солнце мертвых», так и отдельных лексем, составляющих данное выражение. Рассмотрим ряд примеров.

Вы, сидящие в креслах мягких, может быть, улыбнетесь. Какая сентиментальность! Меня это нисколько не огорчает. Курите свои сигары, швыряйте свои слова, гремучую воду жизни. Стекут они, как отброс, в клоаку. <...> Вижу в ваших глазах оловянное солнце, солнце мертвых. Никогда не вспыхнет оно, живое, как вспыхивало даже в моей Торпедке, совсем незнайке. [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

В данном фрагменте оксюморон, лежащий в основе сочетания «солнце мертвых», объясняется посредством противопоставления: убитая, мертвая Торпедка и живое солнце в ее глазах – мертвое солнце в глазах живых.

Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. <...> Ну, покажи свои глазки. Солнце! И в них солнце!.. только совсем другое – холодное и пустое. Это – солнце смерти. Как оловянная пленка – твои глаза, и солнце в них оловянное, пустое солнце. <...> Счастливая ты, Торпедка, – на добрых руках уходишь! Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце мое живое, прощай! А

сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит во тьме [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Фрагмент также построен на противопоставлении живого солнца солнцу смерти. А в метафорическом сопоставлении умирающей курочки Торпедки с живым солнцем вновь раскрывается заложенное в названии противоречие и актуализируются два временных плана – прошлое с живым солнцем и настоящее, солнце которого холодное, пустое, убивающее.

Одним из самых распространенных средств образности в романе И. С. Шмелева является метафора, что объясняется общим принципом построения художественных текстов – стремлением писателей к метафоричности. Мастерам слова свойственно «отталкиваться от обыденного видения мира», они «не мыслят в терминах широких классов», в метафоре же и «заключено имплицитное противопоставление обыденного мира <...> необычному, вскрывающему сущность предмета. Метафора – это вызов природе. Она отражает противоречивость впечатлений, ощущений и чувств» [2, с. 18]. Таким образом, частотность использования метафорического переноса на страницах романа в полной мере объясняется желанием автора раскрыть идею парадоксальности происходящего.

В первую очередь отметим особую значимость зооморфной метафоры: герои произведения нередко сравниваются с различными представителями фауны. При этом можно выделить две основные группы подобного сопоставления – это люди-хищники и люди-жертвы: жертвы – *букашки, мошки, лягушечки*, хищники – *ястреба, стервятники, собаки, волки, пауки* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Усиленные другими средствами образности, неоднократно повторяющиеся в тексте, данные единицы становятся центром развернутых метафор и выполняют сюжетобразующую функцию. Например: *А, налетает ястреб! К осени ястребы лютуют. <...> Ястреба ее хорошо знают..., боятся и ненавидят. Подстерегают ее в дубовых чащах, впиваются хищными зрачками: так бы и разорвали! Ее понимают все куры, все птицы... Сама она похожа на белую голубку. Закричит тревожно, и всюду по горкам поднимаются крики и хлоп ладошей. <...> Сколько над ними дрожали, укрывали, когда ходили отбирать «излишки»... Укрыли. А теперь ястребов боятся, стервятников крылатых* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

На первый взгляд, в основе эпизода – совершенно бытовая ситуация: ястреба охотятся на домашнюю птицу. Однако сравнение девочки Ляли с белой голубкой и ястребов с человеком, о чем свидетельствуют глаголы, приписывающие хищной птице антропоморфные качества (*боятся и ненавидят*), с одной стороны, становятся важной основой для композиционной антитезы и тем самым участвуют в раскрытии мысли автора о полной противоположности людей-хищников, жаждущих крови, и мирных людей, с другой – прогнозируют верное прочтение следующих далее эпизодов, где отмеченная идея представлена развернутой метафорой.

Кто-то верховой едет... кто такой? Подымается из-за бугра к нам, на горку... А, мелкозубый этот!.. Музыкант Шура. Как он себя именует – «Шура-Сокол». Какая фамилия-то лихая! А я знаю, что мелкий стервятник это. Кто сотворил стервятника? В который день, Господи, сотворил Ты стервятника, если Ты сотворил его? <...> Я отворачиваюсь, за кипарис кроюсь. <...> – Бог труда любит! Порой и стервятники говорят о Боге! Вот почему я кроюсь: я слышу, как от стервятника пахнет кровью [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

И вот, когда все, как трава, прибито, раскатывает Шура-Сокол на лошадке. Недаром он поигрывал на рояле, поглядывал с самой высокой дачи – стервятники приглядывают с верхушек! [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]

Так, уподобляя мир человека миру природы, писатель доносит до читателя мысль о хищной сущности представителей новой власти, требующей все новых и новых жертв и крови.

Лишенные всяких человеческих прав, люди продолжают свое существование подобно мошкам, букашкам: *как люди людей боятся, – людей ли? – как тычутся головами в щели; прижались, зажалась в щели и затаились букашки-люди, живут – не дышат* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Символом прошлого России становятся кони, оставленные отступившей Белой армией. В эпизоде явно прослеживается противопоставление погибающих в неравной борьбе коней людям-«стервятникам» и «мошкам». Например:

Лошади по холмам стояли – покинутые кони. Стояли – ждали. И падали. А по одиноким дачкам ходил и ходил хромым архитектор и отбирал книги... А люди совалились в щели. Фу, сон кошмарный; Чаще кружились стервятники и орлы над ними, рвали живьем собаки. Дальше всех держался вороной конь, огромный, – должно быть, артиллерийский. <...> Стоял у края. Дни и ночи стоял, лечь боялся. Крепился, расставив ноги. В тот день дул крепкий норд-ост. Конь не мог повернуться задом, встречал головой норд-ост. И на моих глазах рухнул на все четыре ноги – сломался [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

В данном эпизоде автор использует, по сути, тот же прием, что и в случае с ястребом-стервятником. Можно говорить о двойственности смысла: по-настоящему героическая борьба коня за жизнь становится символом такой же негибимой воли людей. Не случайно аллегорическое звучание фрагмента поддерживается рассказом о судьбе белых офицеров: *Их было семеро, с поручиком-командиром. Долгие месяцы держались они в лесах и камнях, на перевале, в снегах и ливнях. Грозил и не сдавались. <...> Ловят перепелов на дудочку, селезней на утиный крик. Их поймали заманкой: объявили – прощение. Они спустились с оружием – почерневшие и худые, с тревожно-сверкающими глазами застигнутой горной птицы* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. Яркий образ свободной горной птицы, обманом пойманной птицеловом, вновь становится центром развернутой метафоры. Таким образом, мир живой природы, его законы становятся для И. С. Шмелева продуктивным источником образности.

Следует отметить, что частотен в романе и противоположный зооморфному прием антропоморфизма, когда природе Крыма, нередко неодушевленной, приписываются человеческие качества. Среди частных, но в то же время самых распространенных способов такого одушевления вновь отметим метафору: *Правее еще – мохнатая шапка лесного Бабугана. Видны на нем щетины лесов сосновых; Зимние ливни роют на нем дороги, прокладывают морщины; Старая татарская груша, дулистая и кривая, годы цветет и сохнет, годы кидает вокруг медовую желтую «бурздухан», все дожидается смены. Не приходит смена; Все, что у него было в кармане и в голове, отдал земле сухой, и вот, к концу его жизни, она подарила ему свою улыбку – Тихую Пристань* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

Широко используется с этой целью и олицетворение: *века гора глядела в человеческое стойло; солнце пишет полотна; спят тысячелетние пни дубов; донимают ветры; нахмурился Бабуган, глядит сурово и др.* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Антропоморфные метафоры и олицетворения позволяют писателю противопоставить свободный и глубоко духовный мир природы человеку-зверю (*Храбрых укроют камни. Простая правда у них – своя*), подчеркнуть равнодушие природы к страданиям человека (*Я вижу тайную их улыбку – улыбку камня; Это же солнце смеется, только солнце*), усилить идею гибели всего сущего (*каменистый клочок земли, недавно собиравшийся жить, теперь убитый*).

Используются автором и мортальные метафоры. Их задача – актуализировать семантику неживого, неодушевленного предмета, явления, однако в тексте произведения они нередко получают совершенно иную интерпретацию. Например: *И плетущийся старик-нищий, кусок глины и солнца, осколок человеческий...* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. В уподоблении старика осколку, куску глины и солнца прослеживается мысль о тесном единении человека и родной земли.

Выделенный метафорический образ является частью более сложной метафоры, организующей композицию эпизода, связанного с воспоминаниями автора о прошлом России: *«Ах, какой был чудесный оркестр – жизнь наша! Какую играл симфонию! А капельмейстером была мудрая Жизнь-Хозяйка. Пели свое, чудесное, эти камни, камни домов, дворцов, – как орут теперь дырявыми глотками по дорогам! Железо пело – бежало в морях, в горах <...>, звонило по подойникам, на фермах, славной молочной песенкой... Пели сады, вызванные из дикости, смеялись мириадами сладких глаз...И звоны ветра...»* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Переосмысленная музыкальная терминология составляет основу метафорического образа оркестра, исполняющего симфонию самой жизни: *капельмейстер, октавы, литавры, барабаны и пр.* Метонимический перенос – *железо пело*, повторяющееся олицетворение – *пели камни, пели сады, пела пшеница* – обобщает гиперболу *вселенский оркестр*. Так И. С. Шмелев создает гимн прошлому России.

Как отмечается многими исследователями, антиномия является основным композиционным приемом романа, поэтому и в данном эпизоде в гармоничную мелодию утраченного рая, великолепную симфонию прошлого врываются раздражающие звуки нового времени (*орут теперь дырявыми глотками, шумы-ревы развалившегося оркестра*).

Данный принцип становится основополагающим и в пейзажных зарисовках. С одной стороны, природа в произведении наполнена жизнью, и в этом ее очарование: *По горам жаровая дымка, начинают синеть и мерцать горы. Двигаются, ожидают. Смотрят; Там стены – глубокой чашей, небо там – сине-сине. <...> Спят тысячулетние пни дубов, заваленные камнями. <...> Дремлет на солнцепеке каменная змея; Цикады трясутся и трясутся над ухом ржавой, немолчной гремью – жаркое сердце балки* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»]. С другой – грозит человеку гибели: *Всю ночь дьяволы громыхали крышей, стучали в стены, ломались в мою мазанку, свистали, выли... – Чатыр- даг ударил! <...> Сегодня он бурно «дышит». Последняя позолота слетела с гор – почернели они зимней смертью. <...> Вышли из лесов камни – смотрят. Теперь будут лежать – смотреть. Открыли горы каменные глаза свои, недвижные и пустые... Когда Чатырдаг дышит, все горы кричат – готовься!* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Главными репрезентантами авторского восприятия действительности здесь вновь становятся выразительные средства языка: отметим противопоставление олицетворяющих глаголов (*двигаются, ожидают, смотрят, спят, дремлет – громыхали, стучали, ломались, свистали, выли*), метафорических сочетаний (*жаркое сердце балки – почернели зимней смертью*). Один и тот же эпитет каменный в разных контекстах получает противоположное семантическое наполнение: *каменная змея* – ‘по форме и цвету напоминающая камень’, *каменные глаза* – ‘равнодушные, бесчувственные’.

К миру природы человек обращается в поисках последней надежды: *У мира свои забавы... Весна... Золотыми ключами, дождями теплыми, в грозах, не отомкнет ли она земные недра, не воскресит ли Мертвых? Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. Ключевая метафора фрагмента строится на архетипичных представлениях человека о весне как пробуждении всего сущего и христианских верованиях, пред-

полагающих возможность возрождения человека. Таким образом утверждается победа жизни над смертью.

Противопоставление живого и мертвого является основным приемом и при характеристике двух основополагающих пространств романа – сада и дома. Для И. С. Шмелева это не просто реальное место событий – границы реальности в романе весьма относительны. Рассказчик их непрерывно и намеренно разрушает, поэтому и дом, сад часто обретают «символично-инфернальный характер» [10, с. 102]. С одной стороны, дом и сад по-прежнему остаются для погибающего человека единственным пристанищем, связующей нитью с прошлым, что объясняется широким употреблением эпитетов *тихий, ласковый, кроткий: низенький, скромный, тихий – домик под красной крышей; ласковы-кротки белые домики – житие мирное; на предел участка, на тихий угол; вот и наш тихий домик; причал последний, наш кроткий домик* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»]. При описании сада автор использует яркие эпитеты-колоративы: *розово-красный, золотисто-малиновый, золотой, светлый, рыжий, красный* и др.

Этому родному, обжитому пространству противопоставлено брошенное и разрушенное новыми «хозяевами», что подтверждается частотностью эпитета *мертвый* и ряда прилагательных семантически близких ему: *уголок давно мертвый; Стонет на ржавых петлях болтающаяся дверца сарайчика, бухает ветром в калекедачке... Унылы, жутки мертвые крики жизни опустошенной; Плакала внучка в пустой дачке; Лежал Одарюк на полу, в пустой комнате бывшего пансиона; на умирающих дачках* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Общее пространство родной земли, брошенной, опустошенной получает у И. С. Шмелева осмысление в метафорическом образе кладбища, погоста: *Хорош городок отсюда... Хорош обманчиво. Стекльшками смеется! <...> Я знаю эту усмешку dalej... Это же солнце смеется, только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется. Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Под каждой кровлей одна и та же дума – хлеба!* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Для выражения данной идеи, на наш взгляд, очень важным является совмещение двух семантических планов – буквального и переносного – в лексеме «подвал»: *И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке... И на штыке солнышко играет; Теперь, замученные, попали они в подвалы. Из подвалов их брали и убивали; В зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, в подвалы Крыма свалены были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались своего убийства* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. Используя в последнем примере метонимию и гиперболу, автор добивается предельного обобщения в выражении мысли о вакханалии смерти.

В этом случае легко устанавливается смысловая связь с отмеченным выше метафорическим образом кладбища, что, в свою очередь, позволяет говорить о различных семантических реализациях центральной метафоры родного пространства, в которой воплощается автором бытие Крыма, – метафоре жизни Мертвых:

Я сидел на бугре, смотрел через городок на кладбище. Всматривался в жизнь Мертвых. <...> Смотрел и решал загадку – о жизни-смерти. Может случиться чудо? Небо – откроется? И есть ли где это Небо? И другое решал – свое. У меня еще крест на шее, а на руке – кольцо. Отнесу греку, татарину, кому нужно ходячее золото, – бери и кольцо, и крест! Я останусь свидетелем жизни Мертвых. Полную чашу выпью [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

Показательно, что автор нередко использует гиперболу для характеристики масштабов революционных репрессий: *куда ни взгляни – никуда не уйдешь от крови; не будет никакой точки, вовек не будет* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»]. В то

же время мысль о полном обесценивании человеческой жизни, когда человек и не человек вовсе, реализуется посредством метонимических переносов: ... *за какие-нибудь три месяца! – человеческого мяса, расстрелянного без суда, без суда! – восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! <...> Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Че-ло-ве-ческих!* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

Таким образом, анализ текста романа И. С. Шмелева в единстве его языковой реализации и авторской интенции позволил прийти к следующим основным выводам: 1) оксюморон, представленный в названии романа, определяет весь ход повествования, построенного на противоречии и противопоставлении; 2) среди наиболее частотных изобразительных средств главенствующее место отводится метафоре; метафора часто имеет сложную структуру, отдельные метафорические образы характеризуются тесной семантической связью, что позволяет говорить об участии данного средства выразительности в организации композиции романа; автор использует различные смысловые способы переноса по сходству, но наибольшее значение для выражения идеи произведения имеют зооморфные, антропоморфные и смертные метафоры; 2) сравнения и олицетворения используются в качестве дополнительного средства, усиливающего и развивающего метафорические смыслы; 3) в пейзажных зарисовках автор опирается на яркие эпитеты, что позволяет создать проникновенный образ родной земли; апокалипсические мотивы реализуются в числе прочего системой повторяющихся эпитетов с семей 'мертвый'; 4) антитеза живого и мертвого раскрывается в ряде языковых и контекстуальных антонимов; 5) гипербола – основной прием, позволяющий автору охарактеризовать масштабы происходящей трагедии.

Список источников и литературы

1. Амфитеатров А. Страшная книга // Возрождение. 1926. 17 ноября, № 533. С. 2.
2. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 513 с.
3. Борисова Е. Б. Лингвопоэтический анализ Художественного текста: история, методология и методика исследования : электрон. копия печ. ст. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiy-analiz-xudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya> (дата обращения: 03.09.2023).
4. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 5-38.
5. Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. 216 с.
6. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] Литературные заметки // Руль. 1923. 8 июля (25 июня), № 791. С. 7.
7. Норина Н. В. Трагическое состояние мира в «Солнце мёртвых» И. С. Шмелева : электрон. копия печ. ст. // Вестник ЧелГУ. 2011. № 25(240). С. 119-125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragicheskoe-sostoyanie-mira-v-solntse-myortvyh-i-s-shmeleva> (дата обращения: 03.09.2023).
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ : Мир и Образование, 2018. 1360 с.
9. Роголевич Н. Н. Словарь символов и знаков. Мн.: Харвест, 2004. 512 с.
10. Шестакова Е. Ю. Образ природы в эпосе И. С. Шмелева «Солнце мертвых» : электрон. копия печ. ст. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-prirody-v-epoee-i-s-shmeleva-solntse-mertvyh> (дата обращения: 14.11.2023).
11. Шмелев И. С. Солнце мертвых. М.: Мартин, 2018. 384 с.

References

1. Amfiteatrov, A 1926, 'Strashnaya kniga' (The Terrible Book), *Vozrojdénie*, no.533, p.2. (In Russ.)
2. Arutyunova, ND 1990, *Teoriya metafory* (Theory of metaphor), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
3. Borisova, EV 2008, 'Lingvopoeticheskiy analiz Xudozhestvennogo teksta: istoriya, metodologiya i metodika issledovaniya' (Linguopoetics of verbal art: history, methodology and methods), *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 22, viewed 3 September 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiy-analiz-xudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya> (In Russ.)
4. Vinogradov, VV 1954, 'Yazyk khudozhestvennogo proizvedeniya' (The language of the artwork), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 5, pp.5-38. (In Russ.)
5. Ilyin, IA 1991, *O t'me i prosvetlenii: Kniga khudozhestvennoy kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev* (About darkness and enlightenment: a Book of art critic. Bunin. Remizov. Shmelev), Skify publ, Moscow. (In Russ.)
6. Kamenetskiy, B. (Aykhenva'd YuI) 1923, 'Literaturnyye zametki' (Literary notes), *Roul*, no. 791, pp. 7. (In Russ.)
7. Norina, NV 2011, 'Tragicheskoye sostoyaniye mira v «Solntse mertvykh» I. S. Shmeleva' (The tragic state of the world in "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev" , *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 25 (240), viewed 3 September 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/tragicheskoe-sostoyanie-mira-v-solntse-myortvyh-i-s-shmelev> (In Russ.)
8. Ozhegov, SI 2018, *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), AST publ, Mir i Obrazovaniye publ, Moscow. (In Russ.)
9. Rogalevich, NN 2004, *Slovar' simvolov i znakov* (Dictionary of symbols and signs), Kharvest publ, Minsk. (In Russ.)
10. Shestakova, EYu 2022, 'Obraz prirody v epopeye I. S. Shmeleva «Solntse mertvykh»' (The Image of nature in I.S. Shmelev's epic "The Sun of the Dead"), *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciencesvol*, no. 1, viewed 14 November 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-prirody-v-epopee-i-s-shmeleva-solntse-mertvyh> (In Russ.)
11. Shmelev, IS 2018, *Solntse mertvykh* (The Sun of the Dead), Martin publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 08.09.2023
Approved after reviewing: 17.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

Научная статья

УДК 81'374

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-200-208>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ КАК МАРКЕР «АГРЕССИВНОСТИ» НОМИНАЦИЙ ЧЕЛОВЕКА

**Мария Анатольевна
Фирсова**

Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева

Астрахань, Россия, firsovamariaa@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Аннотация. Статья посвящена негативным номинациям человека, представленным в Малом академическом словаре. Обоснована актуальность исследования, заключающаяся в недостаточной изученности номинаций человека в аспекте выражения вербальной агрессии – многоаспектного феномена, имеющего различные способы репрезентации. Анализ лексико-семантического содержания негативных номинаций дает основание полагать, что они являются носителями агрессивных коннотаций, так как имеют однонаправленное негативизирующее воздействие, способное влиять на аксиологическую сферу. С целью выявления корпуса агрессивно заряженных лексем, номинирующих человека, применен метод сплошной выборки. В результате сформирован корпус лексических единиц – языковых маркеров «агрессивности», произведена оценка их количественного и процентного соотношения. Предпринята попытка описать сегмент лексико-семантического поля, представляющий совокупность «агрессивных» номинаций человека. В выделенных номинациях наблюдается расширение лексико-семантической структуры в аспекте их представленности в современной речевой практике, что подтверждается проанализированными контекстами. Вычленение круга слов, входящих в лексико-семантическое поле характеристик человека с пометами пренебр., презр., бран., груб. прост., неодобр., позволило выделить тематические группы: 1) внешность, 2) характер, 3) умственные способности, 4) моральные качества человека. Сделан вывод о том, что большинство номинаций человека относятся к тематической группе «моральные качества». В статье дан анализ контекстуальной репрезентации тематической группы «внешность человека» из подкорпуса «Газетный» Национального корпуса русского языка, проанализирована частотность их употребления. Обозначены перспективы дальнейшего исследования, заключающиеся в изучении функциональных особенностей выявленных тематических групп номинаций человека.

Ключевые слова: номинация, стилистическая помета, вербальная агрессия, оценочный компонент, коннотация, негативная номинация.

Для цитирования: Фирсова М. А. Стилистические пометы как маркер «агрессивности» номинаций человека // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 200–208. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-200-208>

Сведения об авторе: М. А. Фирсова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

© Фирсова М. А., 2023

Scientific Article
UDC 81'374
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-200-208>

STATUS LABEL AS A MARKER OF THE PERSON NOMINATIONS «AGGRESSIVENESS»

Mariya A. Firsova

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia, firsovamariaa@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Abstract. The article is devoted to the negative nominations of a person presented in a Small Academic dictionary. The relevance of the study lies in the lack of knowledge about person nominations in the aspect of expressing verbal aggression - a multiaspectual phenomenon with different ways of representation. The analysis of the lexical and semantic content of negative nominations gives reason to believe that they are carriers of aggressive connotations, because they have a unidirectional negativizing effect that can influence the axiological sphere. In order to identify the corpus of aggressively charged tokens nominating a person, the author applies continuous sampling method. The result is a corpus of lexical units - linguistic markers of "aggressiveness". The article also presents an assessment of their quantitative and percentage ratio. An attempt is made to describe a segment of the lexico-semantic field representing a set of "aggressive" person nominations. In the selected nominations, there is an expansion of the lexico-semantic structure in terms of their representation in modern speech practice. The analyzed contexts confirm this fact. Identification of the range of words included in the lexico-semantic field of human characteristics with such labels as disparaging, disapproving, taboo, informal, allowed to identify the following thematic groups: 1) appearance 2) character 3) mental abilities 4) moral qualities of a person. The author concludes that the majority of person nominations belong to the "moral qualities" thematic group. The article analyzes the contextual representation of the "human appearance" thematic group from the "Gazetny" subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, analyzes the frequency of their use. The prospects for further research lie in studying the functional features of the identified thematic groups of person nominations.

Keywords: nomination, status label, verbal aggression, evaluation component, connotation, negative nomination.

For citation: Firsova, MA 2023, 'Status Label as a Marker of the Person Nominations «Aggressiveness»', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 200–208, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-200-208> (in Russ.)

Information about the Author: *Mariya A. Firsova* – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Astrakhan Tatishchev State University, 20a, Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russia.

Введение

Современное состояние русского языка как динамично развивающейся системы свидетельствует о разнообразных сдвигах в лексической системе, а также семантических преобразованиях в оценочной лексике, относящейся к номинированию человека. Д. Н. Ильин рассматривает смену оценочного компонента лексем русского языка как один из типов семантических сдвигов вместе с расширением или сужением значения [8, с. 93]. Изучение данного процесса должно вестись с учетом влияния экстралингвистических факторов, среди которых, например, могут быть детабуизация жаргонного слова, стилистическое перемещение лексических единиц, пренебрежение языковой нормой и др. [9, с. 45]. Немаловажно и то, что «носителями негативной оценки являются разнородные слова: нейтральные, экспрессивно окрашенные, стилистически сниженные, откровенно грубые», которые в контекстах могут приобретать сниженную коннотацию или изначально содержат ее [13, с. 34]. Эти и другие обстоятельства обуславливают размытость границ лексико-семантического пространства русского языка, в том числе единиц, номинирующих человека.

На наш взгляд, к агрессивным номинациям человека относятся те, что содержат негативную оценочность в структуре лексического значения. Эмоционально-оценочный компонент значения слова является ключевым при определении не только его стилевой принадлежности, но и в процессе расширения и уточнения существующих представлений о природе и семантике номинаций человека в русском языке. По определению Е. М. Вольф, языковая оценка – это социально устоявшееся и закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное отношение субъекта (лиц, лица, коллектива) к объектам действительности [3, с. 99]. В отличие от нейтральной номинативной единицы оценочная единица обладает набором осложненной структуры – наличием коннотативной семы – «дополнительным по отношению к предметно-логическому и грамматическому значению языковой единицы ее экспрессивно-эмоционально-оценочным и функциональным свойством» [15, с. 432]. Оценочная лексика, по замечанию С. Н. Волковой, является одним из самых распространенных средств речевой агрессии наряду со словами с неодобрительной оценкой и экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией [4, с. 9]. А. А. Биюмена указывает, что негативная оценочность служит основой агрессивных номинаций, так как при экспликации речевой агрессии обязательными семантическими параметрами выступает наличие инвектума, инвективного намерения и результата [2, с. 172].

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что до настоящего времени не выявлен полный корпус лексических единиц – языковых маркеров «агрессивности». В рамках данной статьи предпринята попытка описать сегмент лексико-семантического поля, представляющий совокупность «агрессивных» номинаций человека.

В языке агрессивными лексемами, по нашему мнению, являются те, что содержат в прагматическом блоке лексического значения компоненты: ‘пренебрежительное’, ‘презрительное’, ‘неодобрительное’, ‘грубо просторечное’, ‘бранное’. Такие единицы имеют соответствующие стилистические пометы в лексикографических источниках. Однако, по мнению исследователей, проблема системности и однородности стилистических помет остается нерешенной в стилистике и лексикографии [10, с. 20; 18, с. 105].

В Малом академическом словаре (далее – МАС) лексемы с пометами ‘пренебр.’, ‘презр.’, ‘бран.’, ‘груб.прост.’, ‘неодобр.’ приводятся как собственно такие слова или слова с данными значениями (например, номинации *гаер* (пренебр.), *крючкотвор* (презр.), *бюрократ* (неодобр.) без стилистических помет. Ср.: *прихлебатель* (разг. презр.), *потаскун* (прост. презр.), *подпевала* (разг. презр.) имеют стилистиче-

скую помету одновременно с экспрессивно-оценочной. Кроме того отмечается, «в случае соединения с нормативно-стилистическими пометами экспрессивные ставятся на второе место», что свидетельствует о вторичности экспрессивной характеристики по отношению к собственно стилистической, о ее подчиненности [11, с. 233].

Исследовательский интерес к негативному смысловому содержанию анализируемых номинаций человека связан, с одной стороны, общей тенденцией развития антропоцентрической лингвистики, а с другой – возможным расширением/сужением лексико-семантической структуры данных номинаций в аспекте их представленности в современной речевой практике.

Номинации человека с пометами ‘пренебр.’, ‘презр.’, ‘бран.’, ‘груб. прост.’, ‘неодобр.’ являются способом актуализации вербальной агрессии, а стилистические пометы позволяют признать факт негативной / отрицательной коннотации в структуре лексического значения слова, а следовательно, говорить об их агрессивном потенциале.

Если отталкиваться от определения вербальной агрессии, то ‘преднамеренность’, т. е. нанесение преднамеренного вреда реципиенту на речевом уровне (посредством форм эксплицитной и имплицитной речевой агрессии), становится отправной точкой для установления негативизирующего фактора в структуре лексического значения.

Стоит отметить, что упомянутое негативизирующее воздействие может вызывать затруднения при его идентификации, начиная с интонационной оформленности высказывания и заканчивая его синтаксическим строением. Однако лексемы, входящие в состав высказывания или фразы и имеющие закрепленную за ними соответствующую стилистическую помету, поддаются семантизации, так как «словарь является основным легитимным источником» в данном виде работы со словом [5, с. 146].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из МАСа общим объемом 275 единиц. Картотеку составили лексемы – 114 единиц (41 %) – с пометами ‘пренебр.’, ‘презр.’, ‘бран.’, ‘груб. прост.’, ‘неодобр.’, относящихся к номинациям человека.

Результаты

Номинации человека, вошедшие в картотеку, были распределены по группам в зависимости от принадлежности к пометам ‘пренебр.’, ‘презр.’, ‘бран.’, ‘груб. прост.’, ‘неодобр.’. Количественное соотношение представлено на рисунке 1.

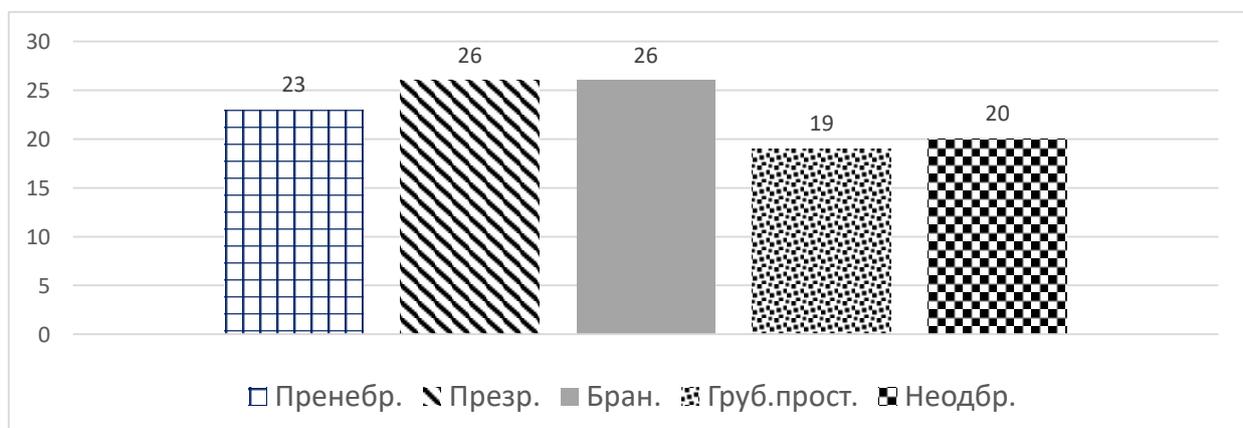

Рис. 1. Соотношение количества номинаций человека с пометами ‘пренебр.’, ‘презр.’, ‘бран.’, ‘груб. прост.’, ‘неодобр.’

Как видно из рисунка 1, больше всего в номинациях человека помет 'бран.' и 'презр.': в целом количественное соотношение равномерное. Экспрессивная оценка данных номинаций дополняет лексическое значение слова, репрезентируя отрицательные качества человека, его внешность, умственные способности или в целом моральные качества. В соответствии с данными значениями негативные номинации человека были распределены на тематические группы.

1. Характер

1.1. Несерьезный человек: *верхогляд, верхоглядка, бюрократ, бюрократка, гаер, головотяп, губошлёп, звонарь, пачкун, пачкунья, трепло, трепач, трепачка, фитюлька, фифа, краснобай* и др.

1.2. Скандальный человек: *бузотёр, бузотёрка, критикан, критиканка, крючоктвор.*

1.3. Грубый человек: *бурбон, деревенщина, пехтура, сапожник, солдафон, твердокожий, ублюдок, брандахлыст.*

2. Умственные способности человека: *балбес, балда, бестолочь, болван, дубина, дубьё, дурёха, дурица, ишак, истукан, пень, невичка, путаник, охламон* и др.

3. Моральные качества человека: *бесовка, ворюга, паскудник, раззява, размазня, сволочь, скотина, слякоть, стерва, стервец, стилига* и др.

3.1. Услужливость: *припешник, припешница, прихвостень, прихлебала, прихлебатель, прихлебательница, прихвостка, прихвост, потатчик, потатчица, субчик, подпевала.*

3.2. Низкая социальная ответственность: *потаскун, потаскунья, потаскуха, потаскушка, шлёнда, шлюха, шпана.*

4. Внешность: *орясина, глиста.*

Отметим, что выделенные номинации даже без контекстов воспринимаются как отрицательно заряженные, не требуя индивидуально-личного напряжения воли при декодировании. При этом широта репертуара негативных лексем в номинировании человека прямо пропорциональна коннотациям, заложенным в его диапазоне. В данном случае стоит упомянуть такое структурно-семантическое свойство слова, как «интенсивность», которое определяется исследователями в качестве «субъективной качественно-количественной интерпретации объекта реальной действительности с точки зрения его несоответствия нормативной степени своего проявления» [1, с. 6]. В негативных номинациях человека степень интенсивности может быть разной, например, номинация *потаскуха* – прост. презр. 'женщина, ведущая себя развратно, беспутно' обладает высокой степенью интенсивности, обозначает женщину с отклоняющимся от нормы поведением; номинация *припешник* – неодобр. 'делец, ловкий организатор выгодных предприятий' – низкой степенью интенсивности.

Обсуждение результатов

Выделенные тематические группы свидетельствуют о том, что негативные номинации человека в большей степени репрезентируют моральные качества человека и его характер, в то время как внешность представлена всего двумя номинациями (*орясина, глиста*). Не ставя перед собой задачи описать все возможные иллокутивные цели употребления номинаций человека по выделенным тематическим группам, обратимся к анализу контекстов номинаций человека из тематической группы «внешность».

Лексема *орясина* – прост. 'большая палка, дубина, жердь' – во втором значении в МАСе приводится с пометой бран. и характеризует человека 'очень высокого роста, обычно глупого' [16, с. 641]. Нами было зафиксировано три употребления данной лексемы в подкорпусе «Газетный» Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Примечательно, что *орясина* встречается в данных контекстах толь-

ко в первом значении безотносительно к человеку: в первом говорится о картине большого размера: «Кому понадобилась эта *орясина*, составленная из академических штампов, непонятно. Тем не менее "Кирилл и Мефодий" в шесть раз превысили предварительную оценку и отправились украшать чью-то гостиную» (Коммерсант, 2002); во втором тексте автор статьи описывает скульптуру: «Таким образом, в самом центре города возникла почти пятисотметровая *орясина*, непокорной главой вознесенная куда выше Ивана Великого, который как раз в одну только статую Ленина высотой» (Комсомольская правда, 2001). Таким образом, можно заключить, что в современных публицистических текстах НКРЯ лексема *орясина* не является номинацией человека, а фигурирует только в своем первом значении – в качестве характеристики предмета большого размера.

Следующая грубо-просторечная лексема из тематической группы внешности человека – *глиста* – во втором значении называет ‘очень худого человека’. Нами зафиксировано шесть контекстов из НКРЯ, в которых данная лексема относится к внешности человека. Приведем некоторые: «Еще бы, ведь во время того, как все застарелые рокеры всеми возможными способами открещивались от наркоты, пьянства и дебоширства, эта *глиста в скафандре* и гульфике на всех углах орал, что он – черный плащ и антихрист во плоти» (Аргументы и факты, 2001). «Зато погоняло, которое он на своей горбатой жизни носит, – Молчун. Причем ему по-морковке: Молчун он, Дима ли, “*глиста в панаме*”» (Аргументы и факты, 2000). Как видно из примеров, лексема *глиста* при номинировании человека имеет выраженную негативную коннотацию, объясняющуюся первым значением данной единицы (*глиста* – ‘червь, паразитирующий во внутренностях человека и животных’) и ассоциирующуюся с неприятным и вредным существом. Следовательно, номинация *глиста* по отношению к человеку вербализует негативную экспрессию, репрезентирует агрессивный потенциал посредством выражения отрицательной оценки человека по внешности. Отметим также, что *глиста* в данных примерах выступает как компонент фразеологической единицы *глиста в корсете* (разг. пренебр.) – ‘о худощавой девушке’; *глиста в скафандре* (жарг. шутл.-ирон. или пренебр.) – ‘высокая, худая, некрасивая девушка’ [12, с. 129]. Фразеологическая единица *глиста в панаме* представляет собой трансформированную, образованную по модели, приведенной выше. Негативная коннотация фразеологических единиц, характеризующих человека с качественной стороны (по внешности), нацелена на передачу эмоционально-оценочного отношения к предмету речи, что иллюстрируют примеры из НКРЯ.

Заключение

Итак, в данной работе выявлен корпус лексических единиц – языковых маркеров «агрессивности», описан сегмент лексико-семантического поля, представляющий совокупность «агрессивных» номинаций человека.

Приведена классификация единиц с негативными коннотациями, номинирующих человека, иллюстрирующая тематические группы: 1) внешность, 2) характер, 3) умственные способности, 4) моральные качества человека.

Установлено, что негативные номинации, которые выражают отрицательную оценку, закрепленную соответствующими стилистическими пометами, являются агрессивными, так как обладают однонаправленным негативизирующим воздействием. Языковая оценочность, представленная приведенной выборкой негативных номинаций человека и примерами их контекстуального употребления, служит источником имплицитного компонента негативного смысла.

Проанализированы примеры контекстуального употребления номинаций, относящихся к тематической группе «внешность человека», которые свидетельствуют о том, что у номинации *орясина* наблюдается снижение прагматического потенциала в аспекте вербальной агрессии. Однако номинация *глиста* приобретает новые от-

тенки и значения в качестве средств выражения вербальной агрессии, в том числе и за счет трансформированной фразеологической единицы.

Перспективы исследования видятся нам в изучении функциональных особенностей выявленных тематических групп, содержащих негативные номинации человека, в контекстах разных типов, а также расширения классификации посредством анализа их лексико-семантической структуры.

Список источников и литературы

1. *Бельская Е. В.* Лексикографическое описание интенсивной лексики диалекта // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 5–13.
2. *Биюмена А. А.* Лексические средства экспликации речевой агрессии в русскоязычных печатных изданиях советского периода // Русистика. 2020. Т. 18, № 2. С. 164–180.
3. *Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–108.
4. *Волкова С. Н.* Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 6–21.
5. *Голев Н. Д., Матвеева О. Н.* Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 146–157.
6. *Емельянова О. Н.* Стилистическая помета // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Наука : Флинта, 2006. С. 444–447.
7. *Иваненко Г. С.* Лексикография и лингвистическая экспертиза: перспективы взаимоотношений // Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 98–118.
8. *Ильин Д. Н.* Развитие лексической семантики: процессы позитивизации / негативизации значения слова в русском языке. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2018. 150 с.
9. *Ильина О. К.* Экстралингвистическое влияние на процесс номинации в австралийском сленге // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 2 (58). С. 45–54.
10. *Кочергина К. С.* Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 154–173.
11. *Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка* / под общ. ред. В. М. Круглова. СПб.: Нестор-История, 2015. 441 с.
12. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
13. *Петрова Н. Е., Рацбургская Л. В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2011. 155 с.
14. *Потапова Р. К., Комалова Л. Р.* Лингвокогнитивное исследование состояния «Агрессия» в межъязыковой и межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2013. № 15 (675). С. 164–175.
15. *Салимовский В. А.* Стилистическая коннотация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 432.
16. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
17. *Склярёвская Г. Н.* К вопросу о стилистических пометах как средстве экспликации языковой оценки // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (15–17 октября 2019 г.). Екатеринбург : Ажур, 2019. С. 56–58.
18. *Тихонова М. А., Маркелова Т. В.* Стилистические и эмоционально-экспрессивные пометы в толковых словарях русского языка // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2014. № 2. С. 102–111.
19. *Файзуллина А. Г.* Метафорика инвективных композитов концепта «Человек» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 90–97.

References

1. Belskaya, EV 2012, 'Leksikograficheskoye opisaniye intensivnoy leksiki dialekta' (Lexicographic description of intensive vocabulary of dialect), *Tomsk State University Journal*, no. 3 (19), pp. 5–13. (In Russ.)
2. Biyumena, AA 2020, 'Leksicheskiye sredstva eksplikatsii rechevoy agressii v russkoyazychnykh pechatnykh izdaniyakh sovetskogo perioda' (Lexical means of speech aggression in Soviet Russian-language print media), *Russian Language Studies*, vol. 18, no.2, pp. 164–180. (In Russ.)
3. Volf, EM 1986, 'Otsenochnoye znachenie i sootnosheniye priznakov «khorosho/plokho»' (Attitudinal meaning and 'good/bad' attributes ratio), *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 98–108. (In Russ.)
4. Volkova, SN 2021, 'Leksiko-semanticheskiye sredstva rechevoy agressii v televizionnom diskurse' (Lexico-semantic means of speech aggression in television discourse), *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no. 2, pp. 6–21. (In Russ.)
5. Golev, ND & Matveeva, ON 2003, 'Yurisingvisticheskaya ekspertiza: na styke yazyka i prava' (Jurislinguistic expertise: at the intersection of language and law), *Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 146–157. (In Russ.)
6. Emelyanova, ON 2006, 'Stilisticheskaya pometa' (Status Label), *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language), ed. M.N. Kozhina, Nauka publ, Flinta publ, Moscow, pp. 444–447. (In Russ.)
7. Ivanenko, GS 2018, 'Leksikografiya i lingvisticheskaya ekspertiza: perspektivy vzaimootnosheniy' (Lexicography and linguistic expertise: prospects of mutual relations), *Yurilingvistika*, no. 7–8, pp. 98–118. (In Russ.)
8. Ilyin, DN 2018, *Razvitiye leksicheskoy semantiki: protsessy pozitivizatsii/negativizatsii znacheniya slova v russkom yazyke* (Development of lexical semantics: processes of positivisation/negativisation of word meaning in the Russian language), Izd-vo Yuzhnogo feder. unta publ, Rostov-na-Donu, Taganrog. (In Russ.)
9. Ilyina, OK 2023, 'Ekstralingvisticheskoye vliyaniye na protsess nominatsii v avstraliyskom slenge' (Extralinguistic influences on the nomination process in Australian slang), *Modern Linguistic & Methodical-and-didactic Researches*, no. 2 (58), pp. 45–54. (In Russ.)
10. Kochergina, KS 2019, 'Stilisticheskiye pomety v tolkovykh slovaryakh sovremennogo russkogo yazyka: sopostavitel'nyy analiz' (Stylistic labels in dictionaries of the modern Russian language: a comparative analysis), *Russian Journal of Lexicography*, no. 15, pp. 154–173. (In Russ.)
11. Kruglov, VM (ed.) 2015, *Normativno-stilisticheskiye pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka*, Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Mokiyeenko, VM & Nikitina, TG 2007, *Bolshoy slovar' russkikh pogovorok* (The Big Dictionary of Russian Proverbs), OLMA Media Grupp publ, Moscow. (In Russ.)
13. Petrova, NE & Ratsiburskaya, LV 2011, *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii* (Language of modern mass media: means of speech aggression), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. Potapova, RK 2013, 'Lingvokognitivnoye issledovaniye sostoyaniya «Agressiya» v mezh"yazykovoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii' (Linguocognitive study of "Aggression" in interlingual and intercultural communication), *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 15 (675), pp. 164–175. (In Russ.)
15. Salimovskiy, VA 2006, 'Stilisticheskaya konnotatsiya', *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language), ed. M.N. Kozhina, Moscow. (In Russ.)
16. Yevgenyeva, AP (ed.) 1999, *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* (Dictionary of the Russian language. In 4 vols), Rus. yaz.: Poligrafresursy publ, Moscow.
17. Sklyarevskaya, GN 2019, 'K voprosu o stilisticheskikh pometakh kak sredstve eksplikatsii yazykovoy otsenki' (On the question of status labels as a means of expressing linguistic evaluation), *Aksiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy*, 15–17 October 2019, Azhur publ, Ekaterinburg, pp. 56–58. (In Russ.)

18. Tikhonova, MA & Markelova, TV 2014, 'Stilisticheskiye i emotsional'no-ekspressivnyye pomety v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka' (Stylistic and emotional-expressive marks in explanatory dictionaries of the Russian language), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela*, no. 2, pp. 102–111. (In Russ.)
19. Fayzullina, AG 2008, 'Metaforika invektivnykh kompozitov kontsepta «Chelovek»', *University proceedings. Volga region. Humanities*, no.4, pp. 90-97. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.08.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 19.09.2023

The article was submitted: 19.08.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 19.09.2023

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-209-215>

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТА 'САД' В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

**Екатерина Сергеевна
Хомякова**

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия
1589559@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается национально-специфический (культурный) концепт 'Сад', позволяющий раскрыть ценностные приоритеты культуры и отразить национальный характер. Цель исследования – выявить особенности формирования индивидуально-авторского концепта на основе трансформации культурного концепта. Обращение к творчеству Б. А. Ахмадулиной сознательно: поэтессе нельзя считать активным носителем фольклорной традиции. Т. А. Бек, ее современница, отмечала: «... Фольклор в моем поколении – это была прерогатива мерзких “советских патриотов”, мы же чурались этих, скомпрометированных спекуляциями, фольклорных начал» [4]. Принимая во внимание это высказывание, мы считаем, что устойчивое совпадение семантики образа сада в произведениях устного народного творчества и в поэтических текстах Б. Ахмадулиной крайне значимым. Древнейшее происхождение лексемы *сад*, ее активное функционирование во всех славянских языках позволяет считать эту единицу номинацией культурного концепта, олицетворяющего несколько пространственных доминант: пространство природы, дома, человека и любви. Сравнение поэтических текстов Б. А. Ахмадулиной и произведений устного народного творчества позволило выявить ряд сходных черт: употребление лексемы *сад* в сильных позициях (начальные и заключительные строки, рифмуемые позиции, повторы), стремление к персонификации образа сада, использование традиционных для русской культуры фитонимов и традиционных образов (например, *калина, малина, виноградье, соловей*). Наше исследование позволяет сделать вывод, что лексическое значение анализируемой единицы всегда включает исключительно положительную коннотацию. Кроме того, топос сада как в фольклорных текстах, так и в поэтическом идиостиле Б. А. Ахмадулиной связан с любовным сюжетом: отношения героев часто развиваются на фоне сада, а сами возлюбленные сравниваются с произрастающими там растениями. Таким образом, проведенное исследование помогло убедиться, что концепт 'Сад' является этнокультурным в силу значимости смысла, частоты употребления в фольклорных и индивидуально-авторских текстах, эксплицитно выраженной соотношенности с миром человека.

Ключевые слова: концепт 'Сад', образ, художественный концепт, идиостиль, фольклор, персонификация, художественное пространство.

Для цитирования: Хомякова Е. С. Этнокультурные составляющие концепта 'Сад' в индивидуально-авторском преломлении // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 209–215. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-209-215>.

Сведения об авторе: Е. С. Хомякова – аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Scientific Article

UDC 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-209-215>

ETHNOCULTURAL COMPONENTS OF THE 'GARDEN' CONCEPT IN THE AUTHOR-INDIVIDUAL INTERPRETATION

Ekaterina S. Khomyakova

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

1589559@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the national-specific (cultural) concept 'Garden', which allows revealing the value priorities of culture and reflecting the national character. The purpose of the study is to identify formation features of an author-individual concept based on the transformation of a cultural concept. Appeal to the work of B. A. Akhmadulina is a conscious decision: the poet cannot be considered an active bearer of the folklore tradition. T. A. Beck, her contemporary, noted: "... folklore in my generation was the prerogative of vile "Soviet patriots", but we shied away from these folklore principles compromised by speculation" [4]. Taking into account this statement, we believe that the stable coincidence of the semantics of the garden image in the oral folk art works and in the poetic texts by Akhmadulina to be extremely significant. The ancient origin of the lexeme 'garden', its active functioning in all Slavic languages allows us to consider this unit as a nomination of a cultural concept that embodies several spatial dominants: the space of nature, home, man and love. Comparison of poetic texts by B. A. Akhmadulina and works of oral folk art made it possible to identify a number of similarities: the use of the lexeme 'garden' in strong positions (initial and final lines, rhyming positions, repetitions), the striving to personify the image of garden, using phytonyms and images traditional to Russian culture (for example, viburnum, raspberries, grapes, nightingale). The study allows us to conclude that the lexical meaning of the analyzed unit always includes an exclusively positive connotation. In addition, the topos of the garden, both in folklore texts and in Akhmadulina's poetic idiostyle is associated with a romantic plot: the relationship of the characters often develops against the backdrop of a garden, and loving couple is compared with the plants growing there. Thus, the conducted research helped to make sure that the concept 'Garden' is ethno-cultural due to the significance of the meaning, frequency of use in folklore and individual author's texts, explicitly expressed correlation with the human world.

Keywords: 'Garden' concept, literary concept, idiostyle, folklore, personification, artistic image, artistic space.

For citation: Khomyakova, ES 2023, 'Ethnocultural Components of the 'Garden' Concept in the Author-individual Interpretation', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 209–215, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-209-215> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina S. Khomyakova* – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia.

© Khomyakova E. S., 2023

Введение

Художественный концепт по-разному может быть представлен в тексте, в том числе поэтическом. В этом неоднозначном даже с позиций современного «концептуализированного» языкознания понятии ученые выделяют различные доминантные признаки. В. А. Маслова, отделяя познавательный концепт от художественного, отмечает, что последний содержит в себе, помимо потенции к раскрытию образов, эмотивные смыслы и сами образы [7, с. 34]. Согласно точке зрения Л. В. Миллера, художественный концепт представляет собой «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и <...> психоментальной сфере определённого этнокультурного сообщества» [9, с. 42]. Итак, художественный концепт можно определить как «ментальное образование сознания писателя, значение которого реализуется в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения. Художественный концепт находит выражение в художественном образе, символе, является единицей картины мира писателя, пронизывает всю структуру произведения, выходит за его пределы, связывая определённый художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, с культурными константами нации» [2, с. 29]. Таким образом, концепт связан с культурным контекстом «по вертикали и по горизонтали».

Сад – один из ключевых образов многих национальных культур. Так, лексема *сад* зафиксирована в словаре М. Фасмера, где четко определено индоевропейское происхождение этой языковой единицы: *сад* — род. п. -а, укр., блр. *сад*, др.-русск. *садъ* ‘дерево, растение, роца, сад’, ст.-слав. *садъ* *φυτόν* (Супр.), болг. *сад* ‘насаждение’, сербохорв. *сâд*, род. п. *сâда* ‘новое насаждение’, словен. *sâd*, род. п. *sađa* ‘плод, плантация’, чеш., словц. *sad* ‘сад, насаждение, парк’, польск. *sad* ‘сад, парк’, в.-луж., н.-луж. *sad* ‘фрукты, сад’. Праслав. *sadъ* ‘посадка’ — стар. основа на -и (Мейе, *ét.* 243; *MSL* 20, 99; *RS* 6, 131), от *сади́ть*, *сиде́ть*, *сесть* (Траутман, *BSW* 259 и сл.) Ср. др.-инд. *sādás* ‘езда верхом, сиденье’, др.-исл. *sót* ‘сажа» (т. е. то, что садится); см. Уленбек, *Aind. Wb.* 332 и сл. см. также *са́жа* [14, с. 543-544].

Несомненно, в каждой культуре концепт ‘Сад’ получает различную трактовку и наполнение. В силу своей этнокультурной специфичности он является значимым для понимания характерных особенностей русского менталитета.

Представим концепт ‘Сад’ в семиотическом преломлении – как знак национальной культуры, который экстраполирован в индивидуально-авторском воплощении.

Понятийная составляющая любого концепта представлена в словарном толковании. Соотнесем толкование единицы в современном словаре (словарь Д. Н. Ушакова) и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

«Сад» – 1. Участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустами, цветами), обычно с проложенными дорожками [13, с. 609].

Лексема *сад* в словаре В. И. Даля представлена в части статьи *сажать*.

«Сад» – участок земли, засаженный старанием человека деревьями, кустами, цветами, с убитыми дорожками и разного рода и вида затеями, украшениями. Сад бывает плодовый, или потешный, для прогулок; огород же, овощник, для разводки полезных, более съедомых растений» [5, с. 129].

При сравнении уже двух указанных словарных статей становится очевидно, что с лексемой *сад* изначально связано указание на влияние человека, декоративность этой территории, направленной на удовлетворение эстетических потребностей.

Древнейшее происхождение языковой единицы, активное функционирование во всех славянских языках в единой форме дают предпосылки считать лексическую единицу *сад* номинацией культурного концепта – одного из концептов, прочно свя-

занных с сознанием и мировосприятием русского человека, передающих устойчивые представления о его нравственных ценностях, внутреннем мире, вечных вопросах, трепетным отношением к которым отличается русский народ. Несомненно, восходя к константам русской национальной культуры, он свидетельствует о нераздельности чувств русского человека с окружающим миром природы, олицетворяет для него несколько пространственных доминант. Это одновременно и пространство природы, и пространство человека, и пространство дома, и пространство любви.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужил ряд фольклорных текстов из «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова и лирика Б. А. Ахмадулиной, где функционирует лексема *сад*. Контекстуальный анализ проводился при помощи сплошной выборки исследуемых единиц с целью выявления их функций и взаимосвязей в составе художественных и фольклорных текстов. В ходе исследования использовалась методика сопоставительного анализа общенародных и индивидуально-авторских концептов. Также применялись методы традиционного лингвистического описания, этимологический анализ, контекстуальный анализ, компонентный анализ лексики, сопоставительный анализ.

Результаты

Слияние душевного мира героя фольклора с миром природы порождает основной принцип поэтического олицетворения. Одушевленные природные образы создают неповторимую нравственную и эстетическую атмосферу, которая вбирает наиболее устойчивые черты национального характера, тем самым насыщая «внутреннюю форму» мифологемы и, соответственно, концепта, способствует появлению поэтических образов. Стоит отметить, что фольклор, и в частности народные песни, часто содержат обращения к явлениям этого мира, становящиеся исходной точкой эмоционального переживания: *Ах ты, птушка, птушка вольная! / Ты лети, лети в мою сторонушку..., Не шуми, мати зеленая дубровушка* и др.

Очень ярко эти концептуальные составляющие представлены в текстах русской народной песенной поэзии, где лексема *сад*, олицетворяясь, занимает сильные текстовые позиции (это первый и заключительный стих, рифмующиеся слова, повторы, заглавие).

Наглядным примером является поэтический текст XVIII в.:

*Ах ты сад ли, ты мой садочик,
Сад да зеленое виноградье,
К чему ты рано, сад, расцветаешь,
Расцветавши, сад, засыхаешь,
Землю листьем, сад, устилаешь?
Не пришло еще поры-времени,
Я сама тебя, сад, садила,
Я сама тебя поливала,
Живот, сердце надрывала,
Я не для ково инова,
Для своего ли друга милова.
Что в тебе ли, да во садочке,
Соловей песни воспевает,
Что и тот ли вон вылетает,
А тебя, садик, пусть оставляет*
[11, с. 145].

Многочисленный повтор различных – словообразовательных и словоизменительных – вариантов лексемы *сад* создает динамический образ, который определяет душевное движение героини.

Сопоставление приведенного выше поэтического текста и поэзии Б. А. Ахмадулиной позволило выявить целый ряд сходных черт.

Так, Б. А. Ахмадулина, следуя традициям устного народного творчества, олицетворяет понятие, выражаемое лексемой *сад* (сравним: дружественное обращение «*сад, ты мой садочик*» – обилие глаголов, позволяющих персонифицировать образ сада: *Сад вишнёвый не лелеет вишню, оберегает тайну, глядит* («Вишневый сад»), *Сад сам себя творит и пишет* («Поездка в город»); *оглянулся сад, пугались дом и сад, оранжевый цветок ей сад преподносил, сад знал, сад начинал грустить / и делал вид, что он печется о семействе / и надобно ему идти плодоносить* («Палец на губах»); *бездействует сад* («Бьют часы, возвестившие осень...»).

При сопоставлении вариантов употреблений лексемы *сад* выяснилось, что фольклорный текст отличается большим разнообразием: *сад* (6 употреблений в тексте), *садочик* (2 употребления), *садик*. В поэтическом творчестве Б. А. Ахмадулиной зафиксирован лишь один диминутив *садочек*, который, однако, осложняется контекстом: *раскосый башмак / в садочке, в калине-малине* («Москва ночью при снегопаде»). «Калина» и «малина» – традиционные образы русской культуры. Эти фитонимы представлены в корпусе многих обрядовых и лирических песен и представляют собой антагонистическую пару «горькое» – «сладкое» (*Да каково горька калинка, да таково житье со малым. <...> Да каково сладка малинка, да хорошо житье за ровней...* («По улице было по шведской»). Таким образом, *садочек* как исключительно положительно коннотированная речевая единица вызывает прямые ассоциации с фольклором, что подчеркивается контекстом стихотворения.

Следующим аспектом для сопоставления фольклорного текста и поэзии Б. А. Ахмадулиной служит «усиление» описания традиционными символами, связанными с садом (*зеленое винограды, соловей*). Чтобы подчеркнуть связь с устным народным творчеством, Ахмадулина использует устаревшую лексему *вертоград* – ‘сад, виноградник’ [13, с. 256]: *Ты в мой сад-вертоград / приходи, вертопрах* («Ночь под Рождество»). Как уже указывалось выше, дополнительные смыслы рождает контекст:

*Я другой не знаю доли,
всё мне мило, всё мало,
винограды молодое,
красно-зелено моё.*

Образ зеленого винограда традиционно символизирует «круговорот жизненных сил и потенций (созревание винограда – приготовление конечного продукта (изюма, сока, вина и т. д.))» [6].

Сад – это мир, в котором традиционно для народно-поэтического творчества представлен параллельный континуум: жизнь сада, жизнь девушки, жизнь любви, причем континуум разворачивается в обратной последовательности. Вопрос девушки к саду (*К чему ты рано, сад, расцветаешь?*) сменяется историей об усилиях героини по уходу за садом, который (сад) неожиданно отождествляется с возлюбленным. Похожая сюжетная ситуация изображена в стихотворении Б. А. Ахмадулиной «Помысел о Прусте». Лирическая героиня прощается с возлюбленным (*Прощай! Прощай! Со лба сотру / воспоминанье...*), который ассоциируется с образом сада. Их отношения описываются через образы растений, произрастающих в саду:

*Всё минет: сад и дом,
двух душ таинственные распри
и медленный любовный вздох
той жимолости у террасы.*

Заключение

Таким образом, концепт ‘Сад’ представлен одним из доминантных художественных образов русской литературы, роль которых в концептуализации поэтической картины мира сложно переоценить. Это уникальный концепт, который объединяет пространственно-временные характеристики. Олицетворение сада нередко встречается в русской литературе уже дописьменного периода: сад – это природа, приближенная самим человеком к своему жилищу, культивируемая им. Значимость анализируемой единицы, частота ее употребления, соотнесенность с миром человека позволяют считать концепт ‘Сад’ этнокультурным. Мы можем говорить о соответствии и соотнесенности семантики образа сада в произведениях фольклора и в творчестве Б. А. Ахмадулиной. Истоки этого соответствия сложны, как и его природа. Д. Н. Медриш отрицал прямое влияние или заимствование, полагая, что «словесное творчество народа, устное и письменное, существует как единая метасистема». Б. А. Ахмадулина является наследницей классической традиции. В ее поэтическом идиостиле образ сада вполне традиционен: он одушевлен, это воплощение «первичной», нерукотворной природы, и поэтому он выше человека. Помимо этого, топос сада связан с темой любви, выступает как символ весеннего пробуждения и обновления жизни.

Однако мы выявили и трансформацию этнокультурного концепта: отсутствие диминутивов (в лирике поэтессы зафиксировано лишь одно употребление), осложнение фольклорного образа сада и его символики, поскольку они являются отражением противоречивого внутреннего мира поэта XX в. и ее лирической героини, а не цельного сознания героя народных песен.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2002. № 7. С. 18–19.
2. *Антология художественных концептов русской литературы XX века* / [ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан и др.]. М.: Флинта, 2013. 356 с.
3. *Ахмадулина Б. А.* Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2017. 856 с.
4. *Автобиография Татьяны Бек. Портрет* / Елена Пикунова // Наталья Лайднен : сайт. URL: <https://laidinen.ru/avtobiografija-tatjany-bek-portret/> (дата обращения: 07.07.2023).
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.
6. *Копытов Н. Ю.* К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : сайт. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm> (дата обращения: 01.12.2022).
7. *Маслова В. А.* Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой : учеб. пособие. М.: Флинта, 2004. 255 с.
8. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 296 с.
9. *Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
10. *Национальный корпус русского языка* : электрон. собрание текстов. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.11.2022).
11. *Чулков М. Д.* Собрание разных песен : ч. 1-4. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1770. [18], 227 с.
12. *Тропкина Н. Е., Рябцева Н. Е.* Образ сада в русской поэзии второй половины XX века и в русском фольклоре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 144–150.

13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачёва. М.: Астрель : АСТ, 2004. Т. 4. 860 с.
15. Чумак-Жунь И. И. Эмоционально-эстетическое восприятие и информативность поэтического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 143–146.

References

1. Alefirenko, NF 2002, 'Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury' (Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture), *Russian Journal of Linguistics*, no. 7. pp. 18–19. (In Russ.)
2. Vasilyeva, TI, Karpicheva, NL & Tsurkan, VV (eds.) 2013, *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX veka* (Anthology of artistic concepts of Russian literature of the 20th century), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
3. Akhmadulina, BA 2017, *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* (Complete works in one volume), Alfa-kniga publ, Moscow. (In Russ.)
4. Pikunova, E 2023, *Avtobiografiya Tatyany Bek. Portret* (Autobiography of Tatiana Beck. Portrait), *Natalia Laidinen website*, viewed 1 July 2023, <http://www.laidinen.ru/women.php?part=271&letter=%C1&code=272>. (In Russ.)
5. Dal, VI 2009, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: izbrannyye statyi* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), OLMA Media Grupp publ, Moscow. (In Russ.)
6. Kopytov, NYu 2005, 'K semantike fitonimicheskikh simvolov v folklornykh tekstakh (na materiale pesennoi traditsii Karagaiskogo raiona Permskoi oblasti)' (On the semantics of phytonymic symbols in folklore texts (on the material of the song tradition of the Karagay district of the Perm region)), *Fol'klor i postfol'lor: struktura, tipologiya, semiotika* (Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics), viewed 12 January 2022, <https://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.html> (In Russ.)
7. Maslova, VA 2004, *Poet i kultura: Kontseptosfera Mariny Tsvetaevoi* (Poet and culture: Conceptosphere of Marina Tsvetaeva: textbook), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
8. Medrish, DN 1980, *Literatura i folklornaya traditsiya. Voprosy poetiki* (Literature and folklore tradition. Questions of poetics), Izd-vo Sarat. un-ta publ, Saratov. (In Russ.)
9. Miller, LV 2000 'Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya' (Artistic concept as a semantic and aesthetic category), *The World of Russian Word*, no. 4, p. 39–45. (In Russ.)
10. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (National corpus of the Russian language) 2003–2023, viewed 11 October 2022, <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.)
11. Chulkov, MD 1770, *Sobraniye raznykh pesen* (Collection of different songs), part 1, Tip. Imp. Akademii nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Tropkina, NE & Ryabtseva, NE 2010, 'Obraz sada v russkoy poezii vtoroy poloviny XX veka i v russkom folklоре' (The image of garden in Russian folklore and poetry of the second half of the 20th C), *Problems of History, Philology and Culture*, no. 4 (30), viewed 15 May 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sada-v-russkoy-poezii-vtoroy-poloviny-hh-veka-i-v-russkom-folklоре>, pp. 144–150. (In Russ.)
13. Ushakov, DN 2014, *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the modern Russian language), Adelant publ, Moscow. (In Russ.)
14. Vasmer, M 2004, *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* (Etymological dictionary of the Russian language), trans. O. N. Trubachov, vol. 4, Astrel publ, AST publ, Moscow. (In Russ.)
15. Chumak-Zhun, II 2012, 'Emotsionalno-esteticheskoe vospriiatiye i informativnost poeticheskogo teksta' (Emotional-aesthetic perception and the poetic text informativity), *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 143–146. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.08.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 11.08.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 17.11.2023

РЕЦЕНЗИИ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 216–225.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 216–225.

Научная статья
УДК 929.522 + 94(47)06-073
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-216-225>

НА СТОРОНЕ ДОСТОВЕРНОСТИ. О КНИГЕ С. П. ГОРЮШКИНА «ЛЮДИ ЗЕМЛИ АЛЕКСИНСКОЙ. ИМЕННОЙ АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА АЛЕКСИНА И АЛЕКСИНСКОГО УЕЗДА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX В.»

**Елена Игоревна
Самарцева^{1,2}**

¹Тульский государственный музей оружия
²Тульский государственный университет
Тула, Россия
samartse@yandex.ru

Аннотация. В статье-рецензии рассказывается о многолетней исследовательской работе тульского историка Сергея Павловича Горюшкина, одним из результатов которой стало издание книги «Люди земли алексинской...». Рецензия акцентирует внимание на информационной значимости книги, её научно-справочном характере, достоверности изложенного материала, базирующегося на признанных архивных источниках, включая писцовые книги, экономические примечания к плану Генерального межевания, памятные книжки и т. д. В результате С. П. Горюшкину удалось собрать персональные сведения почти о трёх тысячах жителях Алексинского уезда (конец XVIII – начало XX в.), составить тематически ценные списки-приложения и дополнения. Исследование, изначально задуманное как краеведческое, обрело научную значимость, далеко выходящую за географические границы своего региона.

Ключевые слова: Алексин, Алексинский уезд, С. П. Горюшкин, именной алфавитный список, Тульская губерния.

Для цитирования: Самарцева Е. И. На стороне достоверности. О книге С. П. Горюшкина «Люди земли Алексинской. Именной алфавитный список жителей города Алексина и Алексинского уезда конца XVIII – начала XX в.» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 216–225. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-216-225>

Сведения об авторе: Е. И. Самарцева – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, Тульский государственный университет, 300012, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 92; учёный секретарь, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, улица Октябрьская, д. 2.

© Самарцева Е. И., 2023

Scientific Article
UDC 929.522 + 94(47)06-073
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-216-225>

**ON THE SIDE OF VERACITY.
ABOUT "PEOPLE OF THE ALEKSIN LAND. ALPHABETIC LIST
OF ALEKSIN AND ALEKSINSKIY DISTRICT RESIDENTS' NAMES
OF THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES" BY S. P. GORYUSHKIN**

Elena I. Samartseva^{1, 2}

Tula State Arms Museum
Tula State University
Tula, Russia
samartse@yandex.ru

Abstract. The review article tells about the long-term research work of the Tula historian Sergey Pavlovich Goryushkin. One of the results of this work is the publication of the book "People of the Aleksin land...". The review focuses on the informational significance of the book, its scientific and reference nature, the reliability of the material presented, based on recognized archival sources, including cadastres, economic notes to the ordnance survey plan, remembrance books, etc. As a result, S. P. Goryushkin managed to collect personal information about almost three thousand residents of the Aleksinskiy district (late 18th – early 20th centuries), to compile thematically valuable appendix lists and amendment. The study, originally conceived as local history, has acquired a scientific significance far beyond the geographical boundaries of its region.

Keywords: Aleksin, Aleksin district, S. P. Goryushkin, alphabetic list of names, Tula province.

For citation: Samartseva, EI 2023, 'On the Side of Veracity. About "People of the Aleksin Land. Alphabetic List of Aleksin and Aleksinskiy District Residents' Names of the late 18th – early 20th Centuries" by S. P. Goryushkin', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 216–225, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-216-225> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena I. Samartseva* – Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of History of State and Law, Tula State University, 92, Lenin Pr-t, Tula, 300012, Russia; Scientific Secretary of the Tula State Arms Museum, 2, Oktyabrskaya Str., Tula, 300002, Russia.

Введение

Исторические работы Сергея Павловича Горюшкина известны далеко за пределами города Алексина, которому краевед-исследователь посвятил около 40 книг и статей. Целесообразно отметить некоторые достижения автора: 2004 г. – призёр Всероссийского конкурса на тему «Краеведение и гражданское общество» Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева; 2006 г. – победитель (1-я премия) Всероссийского конкурса по созданию материалов для официального интернет-представительства Федерального агентства по культуре и кинематографии Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ за цикл статей «Время собирать камни»; 2015 г. – звание «Автор года» по итогам Года литературы за создание историко-краеведческого сборника научно-популярных статей «Алексин. Времена. Земля. Люди».

Небезынтересно дополнить, что жизненный путь (1957 г. р.) С. П. Горюшкина начался на тульской земле, любовь к которой Сергей во многом унаследовал от родителей. Его отец Горюшкин Павел Михайлович был военным врачом: орденоседец, ветеран Великой Отечественной войны; мать Горюшкина (Украинцева) Серафима Гавриловна – кавалер медалей и ордена материнской славы (семь детей).

После окончания исторического факультета Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого и Высшей школы КГБ (г. Ленинград) С. П. Горюшкин служил на должностях оперативного состава в органах государственной безопасности; трудился на педагогических и руководящих должностях в муниципальных образовательных учреждениях г. Алексина и Алексинского района Тульской области; работал заместителем директора по научной работе Алексинского художественно-краеведческого музея; был пресс-секретарём администрации муниципального образования город Алексин Алексинского района Тульской области, главным редактором еженедельника «Алексинская городская газета». Термин «пенсионер» – не для Сергея Павловича. Его историко-исследовательская деятельность только активизировалась. Доказательством является его новая книга *«Люди земли алексинской. Именной алфавитный список жителей города Алексина и Алексинского уезда конца XVIII – начала XX века» (составитель С. П. Горюшкин: научно-справочное издание. Тула: 2023. 352 с., 7 табл., 60 илл.)*.

Книга, изначально задуманная С. П. Горюшкиным как популярное краеведческое издание, за годы работы над ней обрела научно-информационную ценность, конечно, выходящую за пределы Алексина. Не претендуя на академическую научность, эта книга стала напоминанием современникам о «приказных и служилых», о предводителях алексинского уездного дворянства, о погибших в годы Первой мировой войны...

Результаты

Исследование, посвященное людям земли алексинской конца XVIII – начала XX в., проводилось С. П. Горюшкиным в течение длительного времени. Отдельные разделы издания корректировались около 20 лет. По мнению читателей, успевших подружиться с масштабным трудом, затраченные автором усилия оправданы. В чём же привлекательность новой книги?

История Алексина, уходящая легендарными истоками к князю Даниилу – младшему сыну Александра Невского, насыщена значимыми для России и этого края событиями и именами. Для расширения списка этих имён автор обратился отнюдь не к вымышленным, а к достоверным документальным источникам: писцовым книгам, экономическим примечаниям к плану Генерального межевания, памятным книжкам и т. д. Привлекающие внимание С. П. Горюшкина времена конца XVIII – начала XX в. благодарно откликнулись на авторский запрос и раскрыли «...персональные сведения о почти трёх тысячах жителях города Алексина и Алек-

синского уезда – землевладельцах, священно- и церковнослужителях, депутатах уездного дворянского и земского собраний, деятелях органов городского самоуправления, председателях и заседателях судов, членах различных присутствий и общественных организаций, чиновниках разных министерств и ведомств, владельцах промышленных предприятий и торговых заведений, служащих почтовых отделений и железнодорожных станций, волостных старшинах, учителях, врачах, нотариусах, адвокатах, страховых агентах и т. п.» [1, с. 6–7].

Список преимущественно включает в себя тех, чья жизнь была прожита в Алексине и его уезде. Однако и другие лица, пребывавшие в алексинских землях краткий период, но сыгравшие существенную роль в истории местного сообщества, не оставлены без внимания. Не будем забывать, что отдельные волости уезда подчинялись в разные периоды то Москве, то Калуге, то Туле.

Поставив перед собой задачу составления именного алфавитного списка, автор разработал структуру изложения материала: 1 – фамилия, имя, отчество; 2 – словесная принадлежность, имущественное и семейное положение; 3 – воинский, морской, гражданский или придворный чин; 4 – занимаемая должность по службе или выборный общественный пост; 5 – общественная нагрузка; 6 – иные сведения.

Вся излагаемая информация имеет чёткие ссылки на источники. Однако, чтобы правильно понять любую «именную справку», нужно обратиться к предложенным в конце книги справочным и вспомогательным материалам. Как минимум, обширный список сокращений и аббревиатуры необходимо принять к сведению даже самому подготовленному читателю. Не просто догадаться, что «л / с» – это лесопильный, «нч» – не имеющий чина, а «ВР» – это «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации» (1902 г.). Сказанное – не упрёк автору, а трансляция уважения к кропотливости его труда. Итак, обратимся к одному из имён.

Азимов Василий Ильич – куп. сын 2-й гильд., глас. гор. думы (АКТГ: 1868. С. 53; ПКТГ: 1876. С. 75; 1879. С. 19; 1882. С. 48; чл. гор. сирот. суда – АКТГ: 1868. С. 55); чл. уезд. училищ. сов. – ПКТГ: 1872. С. 81, 89; 1888. С. 61). [1, с. 13].

Получив предварительный «ликбез» из завершающих страниц книги, понимаем, что информация о В. И. Азимове как сыне купца 2-й гильдии и гласном Алексинской городской думы, содержится в адрес-календаре Тульской губернии (АКТГ) за 1868 г. на странице 53 и в «Памятной книжке Тульской губернии (ПКТГ) за 1876 год» на странице 75, за 1879 г. – на странице 19, за 1882 г. – на странице 48. О том, что В. И. Азимов – член Алексинского городского сиротского суда, сообщает «Адрес-календарь Тульской губернии (АКТГ) за 1868 год» на странице 55. О В. И. Азимове – члене Алексинского уездного училищного совета – рассказывают ПКТГ за 1872 и 1888 г. соответственно на страницах 81, 89 и 61.

Не будем забывать, что только для записи этих нескольких строк с сокращениями автор в течение многих лет изучал сотни страниц непростого текста.

С. П. Горюшкин указывает конкретные страницы источников, которые рассказывают, к примеру, об Александре Владимире Ивановиче – в разные годы действительном статском советнике, уездном предводителе дворянства, почётном мировом судье, председателе уездной земской управы, садовом и библиофиле [1, с. 14]. Другой пример – Успенский Константин Александрович, личный почётный гражданин, начальник станции Свинская Московско-Курской железной дороги [1, с. 150].

В той части книги, которая, собственно, и является разделом «Именной алфавитный список» [1, с. 9–176], содержится несколько фотографий. Например, фотография из фондов Алексинского художественно-краеведческого музея «Группа алексинцев, участников Первой мировой войны в день получения наград» [1, с. 50]. Автору стало известно, что во втором ряду в центре сидит ефрейтор Василий Нико-

лаевич Ефремов, но более о нём информации нет. Имя в списке не отражено. Более подробные сведения сохранились о персонажах фотографии из архива А. И. и В. В. Золотарёвых. На снимке – городской голова Алексина Г. М. Золотарёв с матерью Александрой Георгиевной, супругой Анастасией Ивановной и их детьми: Ниной, Иваном, Василием, Надеждой, Петром, Сергеем, Владимиром, Михаилом [1, с. 60].

Собственно фотоматериалу автор уделяет внимание в небольшом разделе «Галерея портретов алексинцев» [1, с. 177–190]. Не исключаю, что высказываю весьма субъективную точку зрения, но большее внимание привлекают фотографии из личных архивов Е. Ю. Львовой, Л. Д. Абакумова, Н. Г. Соколовой, А. С. Горбачёвой.

Весьма информативен следующий раздел книги «Дополнения к именованному алфавитному списку» [1, с. 191–256], который в свою очередь подразделяется на 11 параграфов. Первый – это «Список землевладельцев Алексинского уезда 1628 – 1630 гг. [1, с. 193–206], изложенный на основе писцовых книг Тульского края (см. «Писцовые книги Тульского края. Ч. 1. Алексинский уезд. Тула, 1914». С. 240–262). Из «Списка» можно узнать ФИО землевладельца, размер землевладения, площадь пашни (в га), форму (собственности), наименование стана; уточнить на каких страницах писцовых книг содержится данная информация. В «Списке» 214 номеров. Чаще упоминается 1 человек, но встречаются и члены семьи под одним номером. Скажем: № 72. Ивашкина Дарья жена Максима с сыном Никитою. Узнаём, что их поместье – это 1/2 деревни Занино, пашни – четверик (0,06 га), а стан называется Извольский. Первоисточником являются опубликованные в 1914 г. сведения писцовых книг на с. 261.

Значимо, что в конце обширной таблицы-списка дано небольшое примечание, расшифровывающее для современного читателя понятия «четверик», «владельческая десятина», «полосмина» и т. п. [1, с. 206].

Приводимый далее «Список землевладельцев Алексинского уезда 1678 г.» [1, с. 207–227] также базируется на писцовых книгах, содержит схожую информацию, но в ряде случаев дополняется указанием на титул (чин, должность) землевладельца, на количество дворов.

Немаловажен основанный на писцовых книгах «Список стрельцов, пушкарей и казённых кузнецов города Алексина 1684 – 1685 гг.» [1, с. 228–230]: «Ворогушин Дёмка Петров сын – рядовой стрелец, у него дети Галактионка, Федотка, Васко, Дёмка, Петрушка» [1, с. 228]. Как видим, документальные данные закономерно совмещаются с научно-справочными особенностями книги.

«Список приказных и служилых людей Алексина 1722 и 1738 гг.» [1, с. 231–232], по словам автора, основан на городовых описях Алексина 1722 г. и 1738 г. [1, с. 232]. Читатель, успевший привыкнуть к более детальному указанию источника, может быть в некотором недоумении. Специалисты догадаются о первоисточнике, а как быть другим? Впрочем, мелкие неточности неизбежны в масштабном издании. С. П. Горюшкин сам отмечает, что такой «долгий, кропотливый и обстоятельный труд» не мог избежать досадных недочётов, за которые автор смиренно приносит свои извинения [1, с. 8].

Информационную ценность имеет «Список дворян Алексинского уезда, участвовавших в выборах уездного предводителя дворянства и депутатов комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767 год(а)» [1, с. 233–234]. Для составления этого списка С. П. Горюшкин обратился к фондам Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 2376. Л. 71–71 об. [Л. 1096–1096 об.]) и четырёхтомному изданию «Культура и быт дворянства в провинциальной России XVIII века» под редакцией О. Глаголевой и И. Ширле (М., 2021–2022) [3].

В качестве пояснения отмечу, что одним из результатов многолетнего международного исследовательского проекта, посвящённого углублению знаний в области

истории культуры и быта дворянского сословия в русской провинции, стал выход в свет указанной выше коллективной монографии. 14 исследователей из 5 стран, включая автора этих строк, акцентировали внимание на вопросах участия провинциального дворянства в кампании по созыву Комиссии для сочинения нового Уложения 1767 – 1774 гг. (на материалах Орловской, Тульской, частично Московской губерний). Были разысканы в столичных и областных архивах, подготовлены к печати значимые исторические документы, составлен терминологический словарь, написаны 1200 биографических статей и объёмные аналитические статьи. В I и II томах содержится Словарь биографий (статей-биографий) дворян Орловской и Тульской губерний, принявших участие в выборах на местах, а также о выбранных ими предводителях и депутатах; о дворянах, подписавших указы от данных регионов; о приславших письменные извещения о невозможности личного участия в выборах и подписании наказов.

С. П. Горюшкин в своей книге приводит именно «Список дворян Алексинского уезда, участвовавших в выборах уездного предводителя дворянства и депутатов комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767 год(а)». Возле каждого имени корректно указаны страницы I или II томов «Культуры и быта...», где можно получить подробную информацию об указанных персонах. К примеру: **Арсеньев Василий Васильевич** – капитан. О нём можно почитать в Т. 1. «Культуры и быта...» на С. 379–380 [1, с. 232]. Биографическая статья в четырёхтомнике, как и все другие статьи, основана на материалах коллективно собранной архивной базы данных, включающей в себя около 20-ти первоначально определённых параметров (имя, возраст, ранг, семейное положение, досуг, имение и т. д.).

Следующим в книге С. П. Горюшкина предложен раздел «Список крупных землевладельцев Алексинского уезда с указанием принадлежащих селений и числа крестьянских дворов 1860 г.» [1, с. 235–236]. Автор отмечает, что основой изложения стали сведения о помещичьих имениях из документа «Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», изданные в С.-Петербурге в 1860 г. [1, с. 236]. В таблице, размещённой в книге «Люди земли алексинской...» указаны 42 землевладения, практически всегда связанные с именем одного землевладельца. В таблице также указано название селения или селений, количество дворов, принадлежащих помещику, общее количество дворов. Типичный пример. Из списка (таблицы) становится ясно, что № 22 – Коробкин Сергей Дмитриевич – владел в селе Шульгино 102 дворами из 164, а в селе Турино – 62 дворами. Не совсем ясно, были ли ещё дворы в Турино? Но в какой-то мере это вопрос к источнику. Детализация имущественных прав не входила в число задач автора [1, с. 236].

Более обширный список землевладельцев применительно к другому времени С. П. Горюшкину удаётся разместить в книге, обратившись к многотомнику В. И. Чернопятова «Дворянское сословие Тульской губернии». Автор указывает источник в несколько сокращённой, но полностью сохраняющей смысл вариации: *Дворянское сословие Тульской губернии*. Т. 4 (13): Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии 1903 – 1910 гг. / сост. В. И. Чернопятов. М., 1910. С. 1–16. Составив «Список землевладельцев Алексинского уезда с указанием местоположения и площади земельных владений 1903–1910 гг.», С. П. Горюшкин в каждой строке указывает страницу первоисточника «от» В. И. Чернопятова.

Читаем: № 2. Аверина Варвара Петровна. Далее в графе «Сословие, титул, чин» стоит сокращение – кскр. Уже известный нам авторский список сокращений расшифровывает это как «коллежский секретарь». И снова вопросы: Аверина – жена коллежского секретаря, вдова, дочь? В любом случае за ней числилось сельцо Ящев-

ка площадью 331 дес., или 1700 саж. [1, с. 237]. В списке В. И. Чернопятова – это 1-я страница.

С. П. Горюшкин справедливо считает, что для публикации в подобной книге важен раздел «Список убитых, раненых и без вести пропавших жителей Алексина и Алексинского уезда в ПМВ по состоянию на 1.03.1915 г.» [1, с. 250–251]. Информация взята из памятной книжки г. Алексина и Алексинского уезда (Калуга, 1915). Пример. Ранение: Артамонов Степан Фёдорович – рядовой, г. Алексин. На отдельной странице автор называет трёх алексинцев – полных георгиевских кавалеров. Есть две фотографии – Дергачёва Георгия Ивановича (1890–1971) и Алексеева Корнея Ивановича (1886–1938) [1, с. 252]. Значимо, что сведения о героях С. П. Горюшкин берёт из нескольких источников: Тульского биографического словаря (1996 г.), сборника статей «Алексин. Времена. Земля. Люди» (2015 г.), Алексинской городской газеты (2014 г.) и газеты «Тульская молва» (1917 г.).

Важно уточнение, сделанное автором после изучения газеты «Алексинский Вестник» (АВ. 1918. 26 сент. (№ 39–40)): «Согласно документу “Раздаточные ведомости на выдачу продовольственного пайка членам семей участников ПМВ” всего за годы войны погибло и стало инвалидами 485, находилось в плену – 1162, пропало без вести – 328 жителей Алексина и Алексинского уезда» [1, с. 252].

Закономерна хронологическая предопределённость следующего раздела «Список жителей Алексина и Алексинского уезда, убитых и умерших от болезней в рядах РККА в годы Гражданской войны 1918–1922 гг.» [1, с. 253–255]. Автор отмечает, что подготовил материалы, опираясь на издание «Тульская губерния. Алексинский уезд» (М., 1926–27). Записи сделаны по единому образцу: **Фёдоров Пётр Михайлович** – помвк., г. Алексин, убит в бою 28.04.1921 г. [1, с. 255]. Удобно, что примечание, расшифровывающее сокращения данного списка, приведено после его окончания, то есть сразу можно понять, что «помвк» – это помощник взводного командира.

Завершающий из одиннадцати списков «Дополнений к именованному алфавитному списку» перечисляет жителей Алексина и Алексинского уезда (района), расстрелянных в Тесницком лесу 08 и 25.01.1938 г.: «...**Фищенко Сергей Иванович** – урож. г. Алексина, 71 год» [1, с. 256]. Автор поясняет, что список составлен по материалам УФСБ по Тульской области.

Списки из «Дополнений...», конечно, важны для более полной реконструкции алексинского былого, но, пожалуй, ещё больший исследовательский интерес представляют «Приложения к именованному алфавитному списку». Далее автор настоящей статьи постарается ограничить себя в текстовом пересказе, поскольку находит много увлекательных с исторической точки зрения деталей, существенных именно для непосредственного восприятия читателем. Всё же наименования параграфов в «Приложениях» допустимо назвать: «Наместники, генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы Тульской губернии 1778 – 1917 гг.»; «Предводители алексинского уездного дворянства и другие выборные дворянские должности 1767 – 1917 гг.»; «Алексинские осадные головы, воеводы, комиссары, коменданты, городничие и исправники 1472 – 1917 гг.»; «Алексинские городские головы, бургомистры, старосты и председатели уездной земской управы 1792 – 1917 гг.»; «Медицинские и педагогические работники г. Алексина и Алексинского уезда 1848 – 1918 гг.»; «Списки населённых пунктов Алексинского уезда и района 1630, 1678, 1761, 1857, 1862, 1894, 1914, 1926, 1926, 1966, 2004 гг.» [1, с. 257–318].

О кропотливой работе С. П. Горюшкина, его методологических приёмах можно говорить в ракурсе некой отдельной темы. В данном случае только отмечу, что и на уровне любительского постижения истории, и на краеведческих занятиях в учебных заведениях целесообразно с карандашом в руках изучать эти тексты. В перспек-

тиве расспросить самого автора об особенностях источниковедческой деятельности, её «алексинской специфике».

Замечу, что выделенные С. П. Горюшкиным наименования параграфов в ряде случаев имеют десятки внутренних подзаголовков и к тому же снабжены примечаниями. Скажем, перечисляются земские исправники Алексинского уезда – 13 человек. С помощью примечания выясняем, что с 1864 г. уездные исправники стали назначаться вышестоящим полицейским начальством. Последние семь персон добавлены составителем по данным из памятных книжек Тульской губернии (1844 – 1917 гг.) [1, с. 268].

Один из подзаголовков именуется «Осадные головы, воеводы, комиссары и коменданты». Для составления этого небольшого списка автор обращается к самым разным источникам: документу «Разрядные книги 1598 – 1638 гг.» (М., 1974); изысканию «Историко-статистическое описание г. Алексина с его уездом», опубликованному П. М. Мартыновым в «Тульских губернских ведомостях» за 1871 г.; к исследованию Н. К. Фомина об алексинских воеводах XVI – XVII вв.; к подготовленным И. Ю. Соснером материалам следственной комиссии по делу алексинского воеводы Селивёрстова и др. [1, с. 271].

«Справочные и вспомогательные материалы» – последний из разделов книги [1, с. 319–345]. Создавая не самое простое для чтения произведение, С. П. Горюшкин уважительно относится к современному читателю, предлагая полезные информационные подсказки. Он без излишней смысловой детализации составляет (в рамках справочных материалов) своеобразный словарь «Думные, придворные чины и категории служилых людей в России XVI–начала XVIII в.» [1, с. 320–321]. Например: **Вожжи** – проводники-следопыты в войсках, хорошо знавшие особенности подконтрольной местности – пути, овраги, броды, мосты, колодцы и т. п.» [1, с. 322]. Специалисты «узкого» профиля, возможно, не согласятся с некоторым упрощением дефиниций, отсутствием терминологической эволюции от XVI к XVIII в. Однако в рассматриваемом случае словарь со своей ознакомительной ролью справляется. Тем более что в последующих мелким шрифтом примечаниях есть дополнительные пояснения насчёт Боярской думы, Приказов, служилых по отечеству, служилых по прибору и земельных (поместных) окладов.

Нововведение Петра I – Табель о рангах – приводится по довольно распространённому с 90-х гг. XX века документу «Краткий справочник по отечественной истории» Л. Б. Яковера (М., 1994). Есть и примечания насчёт потомственного и личного дворянства.

В отдельном параграфе, поясняя смысл терминов, вышедших из употребления, С. П. Горюшкин использует некоторую «географическую специфику»: **Богадельня** – благотворительное заведение в РИ (Российской империи – *Е.С.*) для содержания нетрудоспособных лиц (престарелых, немощных, инвалидов, калек). К кон. XIX – нач. XX в. в г. Алексине было две богадельни: с 1878 г. – женская и с 1893 г. – мужская; в уезде тоже две: с 1868 г. – в с. Серебрянь и с 1905 г. – в с. Богучарово, учреждённые и содержащиеся на проценты от пожертвованных на эти цели капиталы частных лиц. В общей сложности в них призревало 32 человека» [1, с. 326]. Если вернуться на с. 277, то можно подробнее прочитать об алексинских богадельнях на основе материалов из памятной книжки Тульской губернии на 1912 год (Отд. III. С. 47, 49).

Об имеющихся разделах «Список сокращений» и «Аббревиатуры» уже упоминалось. Можно дополнить, что включает книгу список «Источники и литература», а также любезно предусмотренные издательством 5 страничек «Для заметок».

Заключение

Итак, предположим, что мы коллективно, быть может, вслух прочитали книгу С. П. Горюшкина, которая в библиографической записи обозначается как *Люди земли алексинской. Именной алфавитный список жителей города Алексина и Алексинского уезда конца XVIII – начала XX века / Составитель С. П. Горюшкин: Научно-справочное издание. Тула: 2023. 352 с., 7 табл., 60 илл.* В нашем круге читателей / слушателей, похоже, преобладали выходцы из Тульского края, но явно не только Алексина. Заинтересованность москвичей и петербуржцев – налицо. Стремление приобрести книгу есть в Калуге, Рязани, Тамбове, Воронеже, Орле, Курске, Ельце и т. д. Вопросы генеалогического характера появились у представителей русского зарубежья: скажем, о княжеских династиях Львовых и Гагариных. Допустимо дополнить, что С. П. Горюшкин провел успешные презентации своей книги в Алексинском художественно-краеведческом музее, в Тульском государственном музее оружия.

Несколько лет назад в предисловии к коллективной монографии «Историки в поисках новых перспектив» З. А. Чеканцева отмечала: «В социальных и гуманитарных науках активно идёт поиск гибких и динамичных исследовательских подходов, способных объединить эмпирические и рефлексивные аспекты в исследовательской деятельности. В русле таких подходов теоретические поиски невозможно вести отдельно от практического исследования» [2, с. 7]. Конкретно историческое изыскание С. П. Горюшкина, по отношению к которому он чаще именуется «составитель», явно открывает новые исследовательские горизонты, обобщая масштабный пласт ранее разрозненных и недостаточно известных исторических сведений, приглашая к информационному и историко-методологическому развитию темы. Создаётся впечатление, что автор, поставив перед собой не самую амбициозную задачу возвращения современным алексинцам имён их предков, в результате намного расширил программу исследований. Например, ввёл в расширенный научный оборот сюжеты из истории земельного права, истории повседневности. Задуманная в качестве познавательного справочника, книга в итоге превратилась в научное исследование высокой степени значимости и достоверности. Отсюда и некоторые сложности восприятия для любого специалиста, который вынужденно обращает внимание на отсутствие научных рецензентов у книги, на некоторую «вольность» при указании архивных источников. Но столь ли это существенно в данном случае? Преобладает желание поздравить С. П. Горюшкина с выходом в свет новой книги. Пожелать аргументированного обсуждения изданных материалов. Подумать о перспективах развития темы, например, в аспекте моделирования исторических процессов: имеющаяся база данных, включая ещё неопубликованные авторские тексты, позволяет говорить не только о реконструкции сюжетов былого, но и об анализе их альтернатив.

Таким образом, книга «Люди земли алексинской. Именной алфавитный список жителей города Алексина и Алексинского уезда конца XVIII – начала XX века» с полным правом входит в историко-литературную жизнь Тульского края, перешагивает его географические границы, надеется на заинтересованные отзывы читателей, начинает ждать своего второго издания: расширенного, уточненного и, конечно, принизанного ответственным принципом достоверности, которому всегда привержен автор.

Список источников и литературы

1. Люди земли алексинской: именной алфавитный список жителей города Алексина и Алексинского уезда конца XVIII – начала XX веков : научно-справочное издание / сост. С. П. Горюшкин. Алексин, 2023. 352 с.

2. Историки в поисках новых перспектив : коллективная монография / под общ. ред. З. А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.
3. Культура и быт дворянства в провинциальной России XVIII век : в 4 т. / под ред. О. Глаголевой, И. Ширле. М.: Полит. энцикл., 2021–2022.

References

1. Goryushkin, SP 2023, *Lyudi zemli aleksinskoy. Imennoy alfavitnyy spisok zhiteley goroda Aleksina I Aleksinskogo uyezda kontsa XVIII – nachala XX vekov* (People of the Aleksin land. Alphabetic list of Aleksin and Aleksinskiy district residents' names of the late 18th – early 20th centuries), Aleksin. (In Russ.)
2. Chekantseva, ZA (ed.) 2019, *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv* (Historians in search of new perspective), Akvilon publ, Moscow. (In Russ.)
3. Glagoleva, O & Shirle, I (eds.) 2021 – 2022, *Kultura I byt dvoryanstva v provintsialnoy Rossii XVIII veka* (Culture and life of the nobility in provincial Russia of the 18th century), Polit. entsi. publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.11.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 18.09.2023
Approved after reviewing: 17.11.2023
Accepted for publication: 18.12.2023